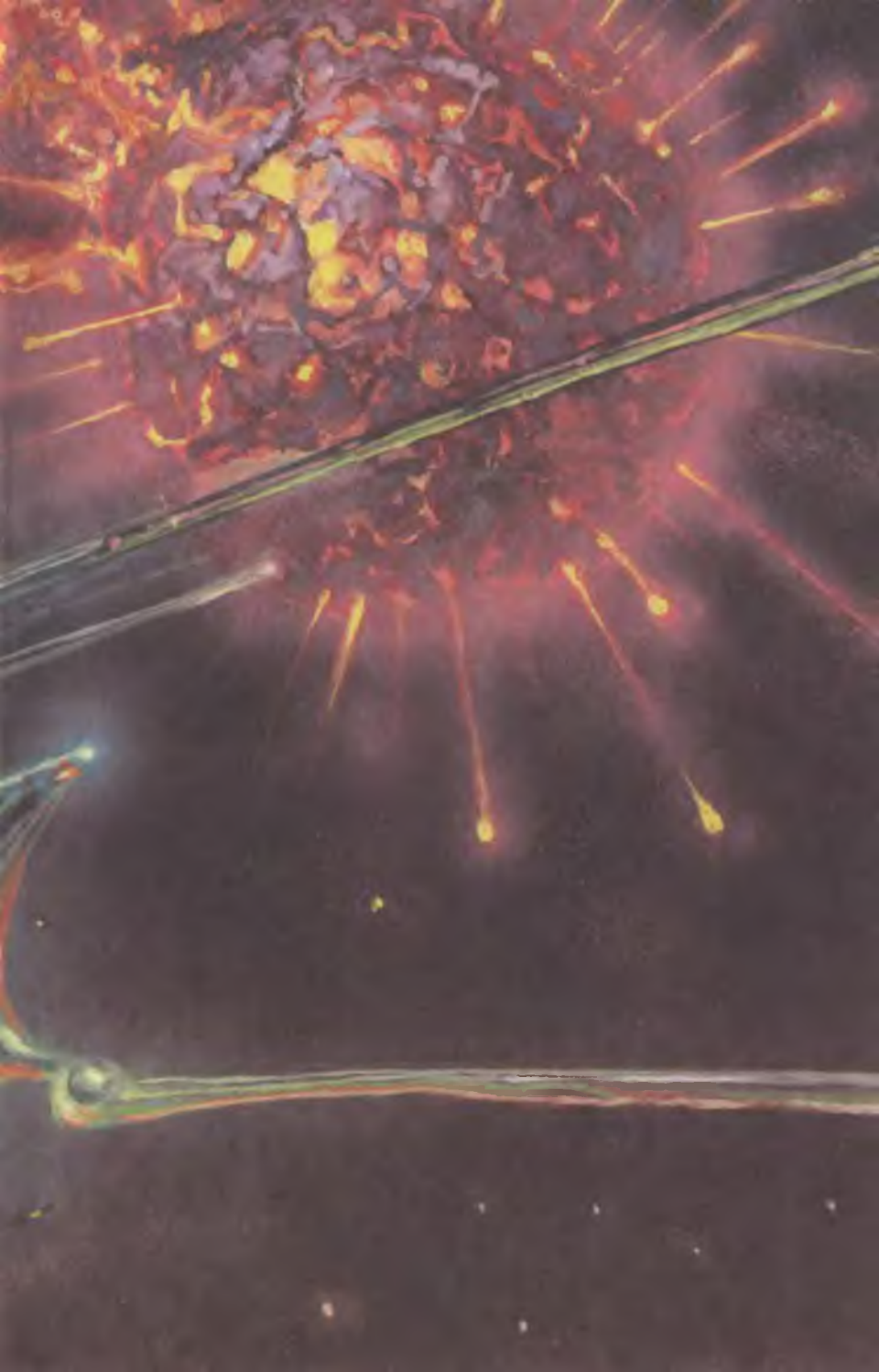

МИРЫ
ДЖОНА
УИНДЕМА

ДЖОН УИНДЕМ

WORLDS OF JOHN WYNDHAM

Volume five

JIZZLE

CONSIDER HER WAYS

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Том пятый

ЖИЗЕЛЬ

СТУПАЙ К МУРАВЬЮ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Джона Уиндема. Т. 5 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 367 с.

В пятый том собрания сочинений Джона Уиндема вошли рассказы из сборников «Жизель» и «Ступай к муравью...». Эти произведения дают возможность в полной мере оценить талант, литературное мастерство и богатство фантазии писателя, способного даже самые обыденные вещи показать под необычным углом, а также замечательный английский юмор Уиндема, мягкую иронию и ядовитую сатиру.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Jizzle

Copyright © 1954 by John Wyndham

Consider Her Ways and Others

Copyright © 1956, 1961

by the Estate of John Wyndham

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1995

ISBN 5-88132-127-8

ЖИЗЕЛЬ

ЖИЗЕЛЬ

Первое, что увидел Тэд Торби, когда его веки неохотно напряглись, чтобы подняться, была обезьяна, сидевшая на шкафу и смотревшая на него. Он рывком сел на кровати, что разбудило Рози и тряхнуло весь трейлер.

— О Боже, — сказал он. Это был тон, в котором звучало скорее тягостное осознание, чем удивление.

Он закрыл глаза, затем пристально посмотрел еще раз. Обезьяна все еще была там, глядя круглыми, темными глазами.

— В чем дело? — спросила сонно Рози. Затем она проследила его взгляд. — Ах, это. Так тебе и надо.

— Она настоящая? — спросил Тэд.

— Конечно, настоящая. И ложись. Ты стянул с меня все одеяло.

Тэд лег на спину, держа обезьяну своим озабоченным взглядом. Постепенно, несмотря на болезненное биение в голове, воспоминания о прошедшем вечере нахлынули на него.

— Я забыл, — сказал он.

— И не удивительно, судя по тому, каким ты пришел домой, — сказала Рози хладнокровно. — Я думаю, у тебя голова трещит, — добавила она с оттенком садизма.

Тэд не отвечал. Он вспоминал об обезьяне.

— Сколько ты за нее отдал? — спросила Рози, кивнув в ее сторону.

— Пару фунтов, — сказал Тэд.

— Два фунта за такое, — сказала она с отвращением.

Тэд не ответил. На самом деле он заплатил не два фунта, а десять, но сейчас был неспособен противостоять той буре, которая поднялась бы, если бы он признался

А ведь ему удалось сбить цену с пятнадцати, значит, сделка была выгодной. Крупный негр, говоривший на морском английском жаргоне с примесью французского, неожиданно вошел в жизнь Тэда, когда тот сидел в «Козле и капусте», успокаивая свою натруженную глотку после вечерней работы. Тэд не проявил особого интереса. В свое время он зарекся покупать в барах что бы то ни было — от шнурков до хორьков. Но негр тихо настаивал. Ему каким-то образом удалось оплатить выпивку Тэда, и после этого у него было преимущество. Никакие протесты Тэда, никакие заверения, что он не имеет никакого отношения к цирку и совершенно безразличен к его обитателям, если не считать крыс, временами забежавших в трейлер, не оказали воздействия. Его невозможно было переубедить в том, что любой человек, связанный с ареной, должен иметь энциклопедические знания о происхождении зверей: любые возражения были просто формой сопротивления торговцу. Он так живо продолжал говорить, пока они выпили несколько рюмок, о достоинствах и очаровательных качествах той, кого он называл «моя маленькая Жизель», что Тэд был вынужден напоминать себе время от времени, что тема разговора у них не изменилась — они по-прежнему обсуждали обезьянку.

В некотором смысле негру не повезло, что он выбрал Тэда для своего захода, так как Тэд сам в начале этого вечера уговаривал людей обменять монеты достоинством в полкроны на бутылочки с весьма сомнительным содержанием. Но Тэд не был мелочным. Он наблюдал за работой негра со вниманием ценителя и уже был готов признать, что для любителя у того неплохо получалось. Однако трудно было ожидать, что даже при старании можно было получить больше, чем его беспристрастное и бесприбыльное профессиональное одобрение. Замечание Розы о простофилиях было сделано скорее в злобе, чем по существу. Дело должно было закончиться тем, что негр наткнулся на непреодолимое препятствие. В самом деле, оно на этом бы и закончилось, если бы негр не добавил еще одно достоинство к списку удивительных качеств Жизель.

Тэд улыбнулся. Рано или поздно дилетант всегда выйдет за пределы разумного. Вполне безопасно можно было утверждать, что существо было чистым, привлекательным, умным. Можно было говорить, что оно обучено — ведь нет никаких критериев определения уровня образования обезьяны. Но делая определенную заявку, которую можно

было проверить, негр демонстрировал свою неопытность, что делало его беззащитным перед любыми неприятностями. На этом этапе Тэд согласился пойти и взглянуть на феномен. Уступка была почти благотворительностью: он не верил ни одному слову, но в то же время не обещал неприятностей. Он был человеком опытным, демонстрирующим новичку, какие неприятности его бы ожидали, если бы спорное стало опровержимым.

Поэтому для Тэда оказалось ударом полное соответствие обезьянки приведенным негром характеристикам.

Тэд наблюдал это сначала со снисхождением, затем с изумлением и, наконец, с волнением, которое пришлось скрывать всеми силами. Он предложил небрежно пять фунтов. Негр запросил смехотворную сумму в пятнадцать. Тэд мог отдать пятьдесят, если бы это потребовалось. В конце концов они сошлись на десяти и бутылке виски, которую Тэд собирался отнести домой. Они выпили по паре рюмок из этой бутылки, чтобы отметить сделку. После этого все было в тумане, но, очевидно, он как-то добрался, да еще с обезьянкой.

— У него блохи, — сказала Рози, наморщив нос.

— Она женского пола, — сказал Тэд. — И у обезьян не бывает блох. Просто у них такая привычка.

— Ну, если она не ищет блох, то что она делает?

— Я читал, что это как-то связано с выделением пота. В любом случае они все это делают.

— Я не уверена, что это намного лучше, — сказала Рози.

Обезьянка на мгновение оторвалась от своих занятий и серьезно посмотрела на них. Затем она фыркнула.

— Что бы это значило? — спросила Рози.

— Откуда я знаю. Просто они это делают.

Тэд лежал и некоторое время разглядывал обезьянку. В основном она была светло-коричневая, местами с серебряным оттенком. Конечности и хвост казались удивительно длинными для ее тела. На морщинистом темном лице с низким лбом — большие глаза, как черные блестящие шарики. Они глядят столь прямо, что так и ждешь — чего же она скажет. Однако обезьяна просто вернулась к своим делам с безразличием, которое само по себе было несколько оскорбительно.

Рози продолжала рассматривать ее довольно враждебно.

— Где ты собираешься держать ее? Я не разрешу ей здесь находиться.

— Почему бы и нет? — спросил Тэд. — Она совершенно чистая.

— Откуда ты знаешь? Ты был пьян, когда покупал это животное. Оно чешется.

— Я напился после того, как купил ее, и перестань называть ее «оно». Тебе не нравится, когда так называют младенца, а для обезьян это может быть гораздо важнее, чем для младенцев. Ее зовут Жизель.

— Жизель? — повторила Роза.

— Французское имя, — объяснил Тэд.

Роза безразлично пожала плечами:

— Все равно я не согласна держать ее здесь. Это неприлично.

В этот момент Жизель приняла сложную и неприглядную позу. Она закинула правую ногу за шею и была поглощена изучением внутренней стороны коленного сустава.

— Это не простая обезьянка — она образованная, — сказал Тэд.

— Может быть, она и образованная, но не воспитанная. Посмотри на нее.

— Что? Ну, ведь обезьяны... ты же знаешь... — сказал Тэд уклончиво. — Я тебе покажу, какая она образованная. Стоит целого состояния. Вот увидишь.

Не стоило и сомневаться: одного выступления хватило, чтобы убедить самого предубежденного: Жизель — просто клад.

— Я не могу понять, почему он ее продал? — говорила Роза. — Он ведь мог разбогатеть.

— Наверное, он не был ни артистом, ни бизнесменом, — ответил Тэд.

После завтрака он вышел из трейлера и посмотрел на свой стенд. В центре красовалась надпись:

Психологический Стимулятор доктора Стивена

Вокруг висели плакаты, вопрошавшие:

МЕШАЕТ ЛИ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ ВАШЕЙ КАРЬЕРЕ?

СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ?

Или утверждавшие:

МЕТОДИЧНОСТЬ — ВАЖНЕЙШЕЕ КАЧЕСТВО УМА

**СПОСОБНОСТЬ ПЛАНИРОВАТЬ ВЕДЕТ К УСПЕХУ
ЕСЛИ ЕСТЬ ХВАТКА — ВСЕ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ!**

Или советующие:

**ОПРЕДЕЛИТЕ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ
МОБИЛИЗУЙТЕ УМ И ДЕЛАЙТЕ ДЕНЬГИ
ПЛАНИРУЙТЕ СВОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ**

Впервые этот набор фраз ему не понравился. Впервые же он испытал потрясение, представив, сколько монет в полкроны ему удалось получить в обмен на Всесильный Знаменитый Единственный в Мире Ментальный Тонизатор.

— Можно спокойно выкинуть все это, — сказал он. — Нужен шатер со сценой и скамейками.

Затем он вернулся в трейлер и вывел из него Розы.

— Мне нужно подумать, — объяснил он. — Нужно придумать тексты объявлений и рекламы. И купить тебе новое платье для выступлений.

Пробное выступление состоялось через несколько дней перед требовательной аудиторией, собранной из представителей актерского ремесла. Она включала Джо Диндела, широко известного под именем Эла Манифико из Манифико, и его двадцать львов-людоедов; Долли Брэг, или цыганку Клару; Джорджа Хэйторпа, владельца тира «Парень Не Промах»; Перл Верити (в девичестве — Джэдд), Единственную в Мире Истинную Трехногую Женщину, а также многих других.

Шатер был не так велик, как хотелось бы Тэду, — всего на шестьдесят сидячих мест, но он надеялся, что это временное неудобство. Тэд появился перед занавесом и заговорил так, будто обращался к огромной аудитории. Речь его была выдержана в испытанном стиле преувеличения. Прозвучала завершающая фраза: «А теперь, дамы и господа, я представляю величайшее, невероятнейшее чудо животного мира — ЖИЗЕЛЬ!» — и шатер взорвался аплодисментами.

Окончив речь, Тэд ушел налево. Теперь, когда занавес раздвигался, он обернулся, протягивая левую руку к центру сцены. Розы, торопливо закрепив занавес, вышла с другой стороны, остановилась, согнув колени в подобии реверанса и к центру сцены правую руку.

Между ними стоял мольберт с большой стопкой белой бумаги. Рядом с ним, на квадратном столике с красной скатеркой, сидела Жизель. Она была одета в платье ярко-желтого цвета и маленькую женскую шляпку с завитком красного пера. На мгновение она откинула подол в сторону и с усердием почесалась.

Улыбки Рози и Тэда были заученными и никого не могли ввести в заблуждение. Всего несколькими минутами раньше Рози решительно отказалась надеть новое платье, которое он для нее придумал.

— Мне все равно, — сказала она. — Я говорила тебе, что не надену — и не надену. Можешь одевать свою грязную обезьяну как хочешь, но меня ты не заставишь одеваться, как она. Как ты можешь просить об этом! Слыхано ли, чтобы муж одевал свою жену, как обезьяну?

Напрасно Тэд убеждал ее, что она не так его поняла. Рози уже решила. Она выйдет в костюме, в котором обычно раздавала бутылочки с Психологическим Стимулятором, или совсем не выйдет. Тэду это уничтожало весь тщательно продуманный эффект. К сожалению, ее коричневая кожа была почти такого же оттенка, как мех Жизели, — ну просто совпадение.

Тэд, еще несколько раз похвалив свою протезе, перешел к мольберту и встал около него, лицом к публике. Подошла Рози, подвинула столик с сидящей на нем Жизелью к мольберту и что-то дала обезьянке. Почти одновременно с ее поклоном и улыбкой и прежде чем она успела вернуться на место, Жизель вскочила на ноги, левой рукой взялась за мольберт сбоку, а правой начала быстро рисовать. Среди зрителей раздалось удивленное бормотание. Ее манеру не одобрили бы в художественной школе, в работе был определенный обезьяний оттенок, ранее не встречавшийся в этой теме у других, но окончательное сходство с Тэдом было бесспорным. Из-за крайнего удивления аплодисменты раздались не сразу, но прозвучали они совершенно искренне.

Тэд оторвал лист и отошел в сторону, грациозно помахивая, чтобы Рози заняла его место. Она встала на его место с решительно застывшей улыбкой. Тэд прикалывал рисунок со своим изображением к заднику сцены, а Жизель снова рисовала. И на этот раз сходство было поразительным, хотя в большей степени проявилось сходство с обезьяной. Тэд чувствовал, что Рози не зря отказалась надевать это платье. Несмотря на это, смех публики подей-

ствовал на Рози, едва не испортив ее профессиональную гримасу.

— А теперь я приглашаю кого-нибудь из зала, — провозгласил Тэд.

Первым откликнулся Джо Диндел. Массивный и сильный, он поднялся на сцену и принял у мольберта одну из своих великолепных поз в стиле Эла Манифико. Тэд продолжал болтать, пока Жизель рисовала. Она не нуждалась в уговорах. Как только один лист отрывали, она начинала следующий, как будто чистая бумага была призывом рисовать в промежутках между клиентами. Раз или два Тэд давал ей закончить, демонстрируя, что она могла рисовать не только то, что видела, но и повторять по памяти. К концу представления сцена была украшена портретами всех присутствующих, которые собрались вокруг Тэда, пожимая ему руку, предсказывая потрясающий успех и разглядывая Жизель так, как будто они еще сомневались в увиденном. Единственная, кто держалась немного в стороне во время последовавшего торжества, была Рози. Она сидела, отпивая из своего бокала, и говорила очень мало. Время от времени она хмуро и испытующе поглядывала на поглощенную собой Жизель.

Рози не могла понять, потому ли ей не нравится Жизель, что она была неестественна, или потому, что она была слишком естественна. И то и другое, по ее мнению, было достаточной причиной для неприязни. Жизель была аномальной, странной, и было естественно так относиться к чему-то странному, исключая таких, как Перл, которых хорошо все знали. С другой стороны, некоторые откровенности, которые обычны скажем, у собак, вызывают замешательство, если они касаются созданий, особенно созданий женского пола, которых провидение удостоило участи быть пародией на божественную форму. К тому же еще и поведение Жизель. Это правда, что обезьяны часто хихикают, и верно, что, по закону вероятности, эти смешки могут быть не ко времени, но все же...

И все равно Жизель стала третьим обитателем трейлера.

— Она принесет нам тысячи фунтов, а это значит, что она и для других стоит таких денег, — говорил Тэд. —

Мы не можем допустить, чтобы ее у нас увели. И не можем допустить, чтобы она заболела. Обезьянам нужно жить в тепле.

Это было бесспорным, и Жизель осталась.

Начиная с первого представления у Тэда ни разу не возникло сомнений в успехе. Он поднял цену билетов с одного шиллинга до полутора, а затем и до двух, а стоимость рисунка Жизели — от полукроны до пяти шиллингов, причем число зрителей не уменьшалось. Он начал переговоры относительно шатра большего размера.

Рози терпела свое положение служанки всего одну неделю, а затем забастовала. Публика смеялась каждому из рисунков Жизель, но чувствительный слух Рози отмечал разницу, когда они видели ее портрет. Это ее мучило.

— Она каждый раз рисует меня все более похожей на обезьяну. Она это делает намеренно, — говорила Рози. — Я не буду там стоять, если обезьяна ставит меня в глупое положение.

— Дорогая, это просто игра воображения. Все ее рисунки сделаны по-обезьяньи — в конце концов, это ведь естественно, — уговаривал жену Тэд.

— Но больше всего похожи на обезьяну мои портреты.

— Ну не упрямясь, дорогая. Какое вообще это может иметь значение?

— Значит, тебе все равно, если над твоей женой потешается обезьяна?

— Но это же смешно, Рози. Ты к этому привыкнешь. Она в самом деле такая дружелюбная милашка.

— Только не для меня. Она все время наблюдает и шпионит за мной.

— Ну, дорогая, будет тебе...

— Что бы ты ни говорил, она точно шпионит за мной. Сидит и смотрит. И хихикает. Пусть живет в трейлере, я должна с этим смириться, но участвовать в представлении я не буду. Ты можешь это делать и без меня. Если тебе кто-то нужен, возьми Айрин из группы «Оп-ля».

Тэд был искренне расстроен — больше ухудшением отношений, чем неудачей номера. Было ясно — что-то произошло между ними с тех пор, как появилась Жизель. Они с Рози всегда так хорошо ладили вдвоем. Он хотел, чтобы у нее было больше удовольствий и благ, чем мог обеспечить доход от Стимулятора доктора Стивена, а теперь,

когда появилась такая хорошая возможность, вместе с ней пришел и разлад. Получив такую ценность, как Жизель, было просто необходимо использовать ее должным образом. Роза прекрасно знала об этом, но ведь у женщин бывают такие странные идеи...

И тут ему тоже в голову пришла идея. Он осторожно проверил, не шьет ли Роза детскую одежду. Оказалось — нет.

Дело процветало. Представление Тэда пользовалось популярностью и хорошо рекламировалось. Жизель также преуспевала и хорошо устроилась на новом месте. Она предпочитала левое плечо Тэда в качестве любимого места для сидения, что было, конечно, довольно лестно и имело большое значение для рекламы. Но домашние дела развивались в другом направлении. В течение дня Роза совсем не было видно. Казалось, что она все время помогала по хозяйству или пила чай в каком-то другом фургоне. Если Тэду нужно было уехать по делу, приходилось запира́ть Жизель в трейлере одну, тогда как и ее безопасность, и ее здоровье требовали, чтобы за ней кто-нибудь присматривал. Но его единственная просьба об этом вызвала у Розы такой решительный отпор, что он не хотел ее повторять. Ночью Роза делала все возможное, чтобы полностью игнорировать Жизель. Обезьяна отвечала плохим настроением, которое время от времени переходило в хихиканье. В такие моменты Роза отбрасывала безразличие и гневно смотрела на Жизель. Она говорила, что, по ее мнению, львы куда более приветливы. Но сама Роза стала гораздо менее приветливой, чем была до этого. Тэд видел ее равнодушие и ревность, которых раньше не замечал, и был озадачен: деньги, которые они теперь получали, не снимали проблемы...

Не будь он разумным, здравомыслящим человеком, он мог бы и сам почувствовать некоторую обиду на Жизель.

Головоломка в значительной степени разрешилась в ночь, когда исполнилось шесть недель со дня триумфа Жизель. Тэд вернулся в трейлер позже обычного. Он выпил несколько рюмок, но не был пьян. Войдя в трейлер со свернутым листом бумаги в руке, Тэд глядел на Розу, которая была уже в постели.

— Ах ты!.. — сказал он, нагнулся и сильно ударил ее по лицу.

Рози спросонья была ошеломлена и обижена. Тэд смотрел на нее свирепо.

— Теперь я понял. Ты говорила, Жизель за тобой шпионит. Боже мой, каким же простофилей я был! Не удивительно, что ты не хотела, чтобы она была рядом.

— О чем ты? — спросила Рози со слезами на глазах.

— Ты знаешь, о чем. Все об этом знают, кроме меня.

— Но Тэд...

— Лучше молчи. Посмотри на это!

Он развернул перед ней лист бумаги. Рози посмотрела на него. Удивительно, как много неприличных намеков можно передать несколькими линиями!

— Я говорил со сцены, а они все чуть не лопались со смеху, пока я не понял, что происходит. Чертовски смешно, правда? — Он посмотрел на рисунок с презрением. Не было ни малейшего сомнения, что на нем были изображены Рози и Эл Манифико...

Рози покраснела до корней волос. Она вскочила с постели и злобно кинулась к шкафу, на котором сидела обезьяна. Жизель умело увернулась от нее. Тэд схватил Рози за руку и потянул назад.

— Теперь уже поздно, — сказал он.

Румянец пропал, ее лицо побледнело.

— Тэд, — сказала она, — ты не поверишь...

— Шпионила за тобой! — повторял он.

— Но, Тэд, я не хотела...

Он снова отвесил ей оплеуху.

Рози затаила дыхание, ее глаза сузились.

— Будь ты проклят! Будь ты проклят! — закричала она и набросилась на него в бешенстве.

Тэд протянул руку назад и открыл защелку на двери. Он повернулся вместе с Рози и выкинул ее на улицу. Пролетев по трем ступенькам, она наступила на край своей ночной рубашки и упала на землю.

Тэд закрыл дверь и задвинул защелку.

На шкафу хихикнула Жизель. Тэд бросил в нее сковородку. Она увернулась и снова хихикнула.

На следующее утро вся контора была озабочена. Управляющий и инспектор манежа обсуждали вопрос о срочном поиске человека с внушительной и бесстрашной наружностью для участия в номере со львами. Прошло пол-

дня, прежде чем остальным стало известно, что Рози тоже отсутствует.

Следующие несколько дней Тэд провел в раскаянии. Он не понимал, что могло означать для него отсутствие Рози. По его мнению, он сделал единственное, что мог сделать мужчина в таких обстоятельствах. Теперь к нему пришло малодушное желание: уж лучше бы ему не знать об этих обстоятельствах.

Пристрастие Жизель сидеть у него на плече стало раздражать его. Он начал нетерпеливо сбрасывать ее. Если бы не проклятая обезьяна, он никогда не узнал бы о делах Рози. Он не хотел больше видеть Жизель...

В течение недели он автоматически продолжал давать представления, но со все возрастающим отвращением, а потом подошел к Джорджу Хейторпу. Джордж считал, что сможет заменить Тэда. Его жена Мюриел вместе с помощницей вполне управится с тиром, а он сам возьмет Жизель и будет вести номер, оставляя Тэду двадцать процентов с общего дохода.

— Если, конечно, обезьяна согласится. Она ведь к тебе так привязана, — сказал Джордж.

Два дня казалось, что это самый главный момент во всем деле. Жизель ждала указаний от Тэда, а не от Джорджа. Но постепенно ей стала понятна перемена, происшедшая с хозяином, причем она два дня дулась, прежде чем смирилась с этим.

Освобождение от Жизели принесло облегчение, но не вернуло Рози. Трейлер казался пустым как никогда... Через несколько дней ужасного безделья Тэд взял себя в руки. Он открыл свои запасы, повесил некоторые старые плакаты Психологического Стимулятора и написал несколько новых:

МОДЕРНИЗИРУЙТЕ МЫШЛЕНИЕ!

ДЕЙСТВИЕ ДАЕТ ДЕНЬГИ!

БЬЮЩАЯ КЛЮЧОМ ЭНЕРГИЯ — КЛЮЧ К УСПЕХУ!

Вскоре он вернулся к старому стенду, где простаки охотно расставались с деньгами, но все это было не то — без Рози, выдающей бутылочки...

Жизель хорошо устроилась с Джорджем. Аттракцион опять был на ходу и давал полные сборы, но Тэд не испытывал ревности, глядя, как туда валят толпы. Даже доля дохода мало его радовала: она все еще связывала Тэда с Жизелью. Он охотно отказался бы от денег, лишь бы Рози

была рядом с ним, когда он будет рекламировать свой эликсир. Он пытался разыскать ее, но безуспешно.

Прошел месяц, и однажды ночью Тэда разбудил стук в дверь трейлера. Его сердце забилося. Даже в этот момент он мечтал о Розе. Тэд вскочил с кровати и открыл дверь.

Но это была не Роза. Это был Джордж с Жизелью на плече и винтовкой из тира в руке.

— Что случилось? — начал Тэд сонно.

— Я тебе покажу, ублюдок, — сказал Джордж. — Ты только посмотри на это!

Он вытянул вперед руку с листом бумаги. Тэд посмотрел. Назвать нескромным рисунок, на котором жена Джорджа Мюриел была изображена с Тэдом, было бы чудовищным преуменьшением.

В ужасе Тэд взглянул на Джорджа. Тот поднимал винтовку. Жизель на его плече хихикнула.

НЕДОГЛЯДЕЛИ

— Прендергаст, — деловито сказал директор департамента, — сегодня истекает срок контракта ХВ 2823. Займитесь-ка им, пожалуйста.

Роберт Финнерсон умирал. Раза два или три в прошлом у него бывало впечатление, что он умирает, — он пугался и неистово протестовал в душе против этой мысли, но на этот раз все было иначе: он даже не пытался протестовать, так как знал, что это всерьез. Однако как глупо умирать в шестьдесят лет и еще глупее в восемьдесят... Тогда кому-то другому придется постигать все, чему его научила жизнь, а его собственный жизненный опыт будет выброшен на свалку. Неудивительно, что вследствие такого нерасторопного использования накопленных знаний человеческий род еле-еле плетется по пути прогресса — шаг вперед, два шага назад... Ученые мужи могли бы уделить больше внимания этой проблеме, но они всегда заняты чем-то другим, а когда вспоминают об этом, то уже поздно что-либо сделать, и все повторяется сначала.

Так рассуждал Роберт Финнерсон, лежа на высоко взбитых подушках в полутемной комнате и терпеливо ожидая своего конца, когда вдруг каким-то образом почувствовал, что больше не находится в комнате один, что появился кто-то посторонний. Роберт с трудом повернул голову и увидел худощавого человека, похожего на клерка. Роберт никогда раньше его не видел, но это внезапное появление несколько не удивило его.

— Вы кто? — спросил он незнакомца.

Technical Slip

— Пожалуйста не пугайтесь, мистер Финнерсон, — произнес тот.

— А я и не думаю пугаться, — ответил Роберт несколько раздраженно, — я просто хочу знать, кто вы такой.

— Меня зовут Прендергаст, если это что-нибудь вам говорит...

— Ничего не говорит. И что, собственно, вам от меня нужно?

Скромно потупив глаза, Прендергаст объяснил, что руководители фирмы, на которую он работает, хотели бы сделать мистеру Финнерсону деловое предложение.

— Поздновато спохватились, — коротко ответил Роберт.

— Конечно, конечно, в любом другом случае, однако это предложение особого рода и оно может все-таки вас заинтересовать.

— Не вижу как. Но в чем там дело?

— Знаете ли, мистер Финнерсон, мой босс считает, что ваша... э-э... кончина, так сказать, должна состояться 20 апреля 1963 года, то есть завтра.

— Я и сам это подозревал, — сказал Роберт спокойно, с удивлением замечая, что ему следовало бы проявить некоторое волнение.

— Очень хорошо, сэр. Однако у нас имеются сведения, что вы внутренние протестуете против этого естественного хода вещей.

— Как тонко подмечено, мистер Пендельбус!

— Прендергаст, сэр, хотя это не имеет значения. Важно то, что вы владеете неплохим состоянием. А как гласит народная мудрость, с собой ведь его не унесешь, не так ли?

Роберт Финнерсон посмотрел на своего визитера более пристально:

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

— Все очень просто, мистер Финнерсон. Наша фирма готова пересмотреть указанную дату — за приличное вознаграждение, разумеется.

Роберт был уже так далек от нормального человеческого существования и восприятия, что не увидел в этом предложении ничего сверхъестественного.

— Насколько пересмотреть и за какое вознаграждение? — деловито спросил он.

— Ну, у нас существует несколько вариантов. Мы склонны предложить один из последних — очень выгодный, основанный на желании, высказываемом многими людьми,

находящимися в положении, аналогичном вашему. А именно: «О, если б я только мог прожить свою жизнь заново!»

— Понятно, — сказал Роберт, смутно вспоминая легендарные сделки, о которых где-то читал. — А в чем здесь подвох?

Прендергаст слегка поморщился:

— Да никакого подвоха. Просто вы сразу же передаете нам семьдесят пять процентов своего теперешнего капитала.

— Семьдесят пять процентов? Ну и ну! Что ж это за фирма такая?

— Это очень древнее учреждение. У нас было много почтенных клиентов. В старые времена мы больше торговали на основе, так сказать, бартера. Но с развитием коммерции мы несколько изменили свои методы. Иметь денежные вклады гораздо выгоднее, чем приобретать души — особенно учитывая их теперешнюю низкую рыночную стоимость. Это обычно устраивает обе стороны: мы получаем капитал, который, как я уже говорил, нельзя унести с собой, а вы можете распоряжаться своей душой как угодно — если, конечно, законы страны обитания не протестуют против этого. Единственно, кто обычно остается недоволен такой сделкой, — это наследники.

Последнеенисколько не смутило Роберта.

— Мои наследники в настоящий момент бродят по дому, как хищники, — неплохо бы им получить небольшой шок. Так давайте займемся непосредственным делом, мистер Снодграсс.

— Прендергаст, — терпеливо поправил его собеседник. — Ну, обычная процедура оплаты состоит в том...

Какая-то непонятная прихоть или что-то, принимаемое за прихоть, заставила мистера Финнерсона посетить Сэндзсквер. Роберт не бывал там уже много лет, и хотя мысль побывать в местах своего детства и посещала его время от времени, свободной минуты так и не находилось. Теперь же, в период поправки после своего чудесного выздоровления, которое так огорчило его милых родственников, он впервые за много лет обнаружил, что у него масса свободного времени.

Роберт отпустил такси на углу сквера и простоял несколько минут в задумчивости, обозревая садик. Он оказался гораздо меньших размеров и хуже ухоженным, чем

сохранился в его памяти. Однако, хотя большинство предметов и растений как бы съезжились от времени, платаны с их свежей, только распустившейся листвой значительно выросли и почти заслонили небо своими могучими ветвями. Новшеством были и аккуратные клумбы с недавно высаженными тюльпанами, но самым значительным признаком перемен было отсутствие железной ограды, которая пошла в переплавку вместе со всяким металлоломом в годы второй мировой войны и которую потом так и не восстановили.

Вспоминая с некоторой грустью былое, Роберт Финнерсон перешел дорогу и побрел по хорошо знакомым тропинкам. Он замечал одно, вспоминал другое и даже немного жалел, что предпринял эту прогулку, — слишком уж много признаков давно минувшего окружало его...

Внезапно Роберт наткнулся на хорошо знакомый холмик, на вершине которого в окружении каких-то кустов стояло старое садовое кресло. Ему пришло в голову спрятаться за этими кустами, как он, бывало, делал полвека назад, когда был мальчишкой. Роберт носовым платком стряхнул пыль с кресла и облегченно опустился на него, подумав, что, вероятно, переоценил свои силы после недавней болезни, так как чувствовал себя очень утомленным. Он задремал...

Блаженную тишину нарушил резкий, требовательный девичий голос:

— Бобби! Мистер Бобби, где вы?

Мистер Финнерсон почувствовал раздражение — голос явно действовал ему на нервы. Когда голос раздался снова, он постарался не обращать на него никакого внимания.

Но вот из-за кустов показалась голова в синем капоре с пышным голубым бантом, а под ним — миловидное, розовощекое личико молоденькой девушки, которая в эту минуту старалась казаться профессионально строгой.

— Так вот вы где, негодный мальчишка! Почему вы не отвечали, когда я звала вас?

Мистер Финнерсон обернулся, ожидая увидеть за своей спиной прячущегося ребенка. Но там никого не оказалось. Когда же он вернулся в прежнее положение, кресло исчезло, а он сидел прямо на земле, и окружавшие его кусты казались теперь гораздо выше.

— Пошли, пошли, мы и так уже опаздываем к чаю, — проговорила девушка, глядя на него в упор.

Роберт опустил глаза и ужаснулся, увидев перед своим взором не аккуратно выглаженные respectable брюки в узкую полоску, а синие короткие штанишки, круглые колени, белые носки и туфли явно детского фасона. Он пошевелил ногой, и нога в детском ботинке тоже шевельнулась. Позабыв обо всем, он осмотрел себя спереди и обнаружил, что одет в бежевую курточку с большими медными пуговицами и что все это он обозревает из-под полей желтой соломенной панамки, надвинутой на лоб.

Девушка проявляла нетерпение. Она раздвинула кусты, пригнулась и, схватив Роберта за руку, рывком подняла его на ноги.

— Пошли же, наконец! Не знаю, что на вас нашло сегодня.

Выйдя из-за кустов и все еще держа Роберта, девушка крикнула:

— Барбара, идем домой!

Роберт старался не поднимать глаз, так как его сердце всегда невольно сжималось, когда он глядел на свою младшую сестренку. Несмотря на это, он все-таки повернул голову и увидел, как маленькая девочка в белом платьице стремглав бежит им навстречу. Он вытаращил глаза, так как уже почти забыл, что она когда-то могла бегать, как любой здоровый ребенок, и к тому же так счастливо улыбаться. Неужели это сон? Но если так, то это удивительно яркий сон — ничто в нем не было искажено или неправдоподобно. Даже звуки, раздававшиеся вокруг, были такими, какими он их слышал в детстве: скрип колес от проезжающих телег и экипажей, цокот лошадиных копыт и знакомая незатейливая песенка, которую наигрывал шарманщик, стоящий на углу улицы.

— Ну что вы сегодня еле тянетесь? — ворчала нянька. — Кухарка будет ужасно недовольна, если ей придется все разогревать.

Роберта несколько разочаровало, что они вошли в дом не через парадный подъезд, свежевыкрашенный зеленой краской, а спустившись сначала в полуподвал, где была кухня. Однако в детской все было на своих местах. Роберт огляделся, узнавая знакомые предметы: лошадь-качалку с оторванной нижней губой, процессию игрушечных коров и овец на каминной полке, газовый светильник, уютно шипящий над столом, календарь на стене с изображением

трех пушистых котят и числом, напечатанным крупным шрифтом: 15 мая 1910 года. 1910-й год — значит, ему только исполнилось семь лет...

После чая Барбара спросила:

— А мамочка к нам придет сейчас?

— Нет, — ответила няня, — ее нет дома, они с папой уехали куда-то, но она заглянет к вам перед сном, если, конечно, вы будете себя хорошо вести.

Все, до мельчайших подробностей, было, как в далекие годы детства: купание перед сном, укладывание в постель...

Накрывая его одеялом, нянька удивленно заметила:

— Уж слишком вы тихий сегодня, мистер Бобби, надеюсь, вы не собираетесь разболеться?

Роберт лежал в постели с открытыми глазами — все предметы в спальне были отчетливо видны даже при тусклом свете ночника. Что-то слишком долг этот сон — а может, это особый, предсмертный сон, про который говорят: «Вся его жизнь промелькнула перед ним в эту минуту». В конце концов, ведь он не совсем поправился после болезни...

В этой связи Роберт вдруг вспомнил того странного человека — Прендергаст, кажется, его фамилия, который посетил его, когда он был совсем плох. От неожиданности этого воспоминания Роберт даже приподнял голову с подушки и сильно ущипнул себя за руку — люди почему-то всегда щипали себя за руку, когда хотели убедиться, что все происходящее не сон. Те люди, которые, как упомянул этот Прендергаст, говорили: «О, если б я только мог прожить свою жизнь заново!»

Но это совершенно нелепо, абсолютный нонсенс, и к тому же человеческая жизнь не начинается в семилетнем возрасте — это противоречит всем законам природы... И все же вдруг... вдруг в этом была одна мультимиллионная доля вероятности, и то, о чем говорил странный человек, действительно произошло...

Бобби Финнерсон лежал в своей кровати не шевелясь и тихонько обдумывал открывающиеся перед ним возможности. Он достаточно преуспел в прошлой жизни благодаря своему незаурядному интеллекту, но теперь, вооруженный знанием того, что произойдет в будущем, было даже трудно представить, чего только он мог бы добиться! А технические и научные открытия, предвидение первой и второй мировых войн и используемого в них оружия — все это предоставляло невиданные возможности. Конечно, нару-

шать ход истории предосудительно, но вместе с тем что мешало ему, например, предупредить американцев о готовящемся нападении на Пирл-Харбор или французов о планах, вынашиваемых Гитлером? Нет, где-то здесь должна была быть какая-то загвоздка, мешающая ему сделать нечто подобное, но в чем она состояла?

Все было слишком неправдоподобно и скорее всего все-таки сном. Впрочем, сном ли?

Пару часов позднее дверь спальни скрипнула и слегка приоткрылась, пропуская тонкий луч света из коридора. Роберт притворился спящим. Послышались легкие шаги. Он открыл глаза и увидел свою мать, нежно склонившуюся над ним. Несколько секунд он глядел на нее в полном изумлении. Она была прекрасна. Хотя и одетая в роскошное вечернее платье, она выглядела совсем еще девочкой. С сияющими глазами она ласково улыбнулась ему. Роберт протянул руку, чтобы погладить ее по щеке, когда вдруг с пронзительной остротой вспомнил, что ее ожидало в будущем, и всхлипнул.

Мама обняла его за плечи и тихонько, чтобы не разбудить Барбару, попыталась успокоить.

— Ну-ну, Бобби, не плачь. О чем ты плачешь? Ведь все хорошо. Наверно, я тебя внезапно разбудила, когда тебе снился плохой сон.

Роберт шмыгнул носом, но ничего не ответил.

— Успокойся, дорогой, от снов не бывает ничего дурного. Забудь все, закрой глазки и постарайся уснуть.

Она накрыла его одеялом, поцеловала в лоб, затем подошла к кровати Барбары, убедилась, что та крепко спит, и вышла на цыпочках из комнаты.

Бобби Финнерсон продолжал лежать с открытыми глазами и строить планы на будущее.

Так как следующий день был субботний, состоялся привычный ритуал встречи с отцом и получения карманных денег на предстоящую неделю. Вид отца несколько ошарашил его — не только потому, что тот был одет в глупейшего вида белую рубашку с высоким крахмальным воротничком, подпирившим подбородок, и пиджак, тесно облегающий фигуру и застегнутый до самого горла на все пуговицы, но и потому, что отец выглядел весьма заурядным молодым человеком, а не тем героем, каким он оставался в его памяти. Дядя Джордж тоже присутствовал при встрече.

— Здорово, юноша, — произнес он, — а ты изрядно вырос с тех пор, как я тебя видел в последний раз! Глядишь, скоро станешь нашим компаньоном в бизнесе. Какие у тебя соображения на этот счет?

Бобби промолчал — не мог же он сказать, что это никогда не произойдет, так как его отец будет убит на войне, а дядя Джордж в силу собственной глупости пустит все их состояние по ветру. Поэтому он только вежливо улыбнулся в ответ.

Получив свои субботние шесть пенсов, Бобби вышел из столовой с ощущением, что все будет не так просто, как он предполагал.

Из чувства самосохранения он решил не раскрывать своих пророческих способностей до того момента, пока не выяснит для себя, имеет ли он представление о вещах, которые неизбежно должны случиться или только могут произойти. Если первое, то ему отводилась лишь незавидная роль Кассандры, но если второе — то возможности его были поистине безграничны...

После обеда детям надлежало пойти гулять в сквер. Они вышли через полуподвальную дверь кухни и, пока нянька остановилась сказать что-то кухарке, Бобби помог маленькой Барбаре преодолеть высокие ступеньки, ведущие наверх. Затем они пересекли тротуар и остановились на обочине. Улица была пустынна, только вдаль по направлению к ним быстро катилась повозка мясника на высоких колесах. Бобби посмотрел на нее, и внезапно в его памяти возникла ужасающая картина, четкость которой можно было сравнить только с хорошей фотографией. Не раздумывая ни минуты, Бобби схватил сестренку за руку выше локтя и поволок ее к перилам лестницы. В это же мгновение лошадь испугалась и понесла. Барбара споткнулась, упала и покатилась под лошадиные копыта. Не отпуская ее руки, Бобби изо всех сил подтянул ее обратно к лестнице и оба они кубарем свалились вниз по ступенькам. Секундой позже над их головами прогрохотала тележка, из колес посыпались спицы, а возница с диким криком упал с высокого сиденья. Лошадь же понеслась дальше, разбрасывая из полуразвалившейся повозки воскресные бифштексы.

Конечно, детей отругали, так как все были сильно напуганы происшедшим, но Бобби воспринял это философски, как и шишки, полученные им и Барбарой в результате падения, потому что знал, в отличие от других, что именно должно было случиться на самом деле. Он-то знал, что

Барбара должна была лежать, распростертая, на мостовой с окровавленной, растоптанной лошадиными копытами ногой, и что эта изуродованная нога впоследствии искалечила бы всю ее жизнь. А так она лишь вопила, как любой здоровый ребенок, который ударился и оцарапался.

Вот Роберт и получил ответ на волновавший его вопрос. Тут было над чем подумать.

Его задумчивость приписали полученному шоку и старались всячески его отвлечь и развлечь. Но, несмотря на все старания окружающих, это настроение продержалось у Роберта до ночи, так как чем больше он думал о случившемся, тем больше запутывался в возможных последствиях своего вмешательства в судьбу Барбары. Одно он понял совершенно отчетливо: жизнь человека можно изменить только один раз. Ведь теперь, не будучи калекой, Барбара пойдет по жизни совершенно иным, непредсказуемым путем и повлиять на ее будущее вторично уже невозможно, так как оно было неизвестно.

Эта мысль заставила Роберта задуматься и о судьбе отца. Ведь если бы можно было устроить так, чтобы он не погиб во Франции от осколка снаряда и остался жив, то мать бы не вышла второй раз замуж так неудачно, дядя Джордж не промотал бы их состояние, Роберта бы послали учиться в более дорогое и престижное учебное заведение и вся его дальнейшая жизнь сложилась бы совершенно иначе, и так далее, и так далее...

Бобби беспокойно вертелся в постели. Да, все это не так-то просто. Если бы его отец остался жив, это затронуло бы судьбы многих людей — все пошло бы, как круги по воде, и даже могло повлиять на исход первой мировой войны. А если бы сделать вовремя предупреждение о выстреле в Сараево? Нет, лучше держаться подальше от исторических событий. И все же...

— Прендергаст, к нам поступила жалоба. Очень серьезная жалоба касательно контракта ХВ 2823, — заявил директор департамента.

— Виноват, сэр, но, может быть, я...

— Вы здесь совершенно ни при чем. Это все психологи, будь они неладны. Сделайте одолжение, сходите к ним и всыпьте им как следует за то, что они не произвели тщательную чистку памяти, а то этот субъект уже и так натворил дел — запутал целый клубок человеческих судеб.

Пока, к счастью, это все незначительные личности, но, кто знает, что он может сделать завтра. Пусть они не откладывают и поскорее исправят свою оплошность.

— Слушаюсь, сэр. Я немелленно займусь этим вопросом.

Бобби Финнерсон проснулся, зевнул и сел на кровати. У него было какое-то праздничное настроение, будто сегодня Рождество или день рождения, хотя это было всего лишь очередное воскресенье. Но он точно помнил, что сегодня он собирался сделать что-то очень важное. Вот только что?

Он огляделся по сторонам — солнечный свет заливал комнату и ничто не напоминало ему о его намерении. Бобби махнул рукой и посмотрел на Барбару, которая продолжала сладко спать в своей кроватке. Он слез с постели, подкрался к ней на цыпочках и дернул ее за свисавшую с подушки косичку.

Пожалуй, это было неплохое начало нового дня.

ПОДАРОК ИЗ БРАНСУИКА

Дом Партлендов — это большое здание слева, ярдах в ста от указателя, надпись на котором гласит:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПЛЕЗЕНТГРОВ.
НАСЕЛЕНИЕ 3226 ЧЕЛ.

А чуть ниже, на отдельной доске — добавление:

САМЫЙ ЖИВОЙ ГОРОДОК
НАШЕГО ШТАТА — И ВСЕХ ДРУГИХ.

СМОТРИТЕ, КАК ОН РАСТЕТ!

В большой гостиной Партлендов миссис Клейберт объясняла:

— Дорогие мои, я должна извиниться. Еще сегодня утром я сказала себе: Этель, на этот раз нужно быть точной. Именно так я и сказала. А теперь я опять задерживаю вас. Мне так неловко! Вечно что-нибудь случается. Когда я выходила, пришел почтальон. У него был пакет от моего сына, Джема. Вы знаете, мой мальчик в Европе, в оккупационных войсках. Я, конечно, не могла сразу уйти. Мне просто нужно было взглянуть. А увидев, что в пакете, я так разволновалась. Вот, смотрите, разве это не чудный подарок?

С лицом фокусника миссис Клейберт сняла бумагу с предмета, который держала в руках, и подняла его повыше. Вокруг нее собрались дамы из музыкального общества Культурного клуба города Плезентгров, секции продольных флейт. Среди скромных инструментов, на которых они бы уже играли в этот момент, не опоздай миссис Клейберт, этот

выделялся особым благородством. Его темная поверхность по всей длине была покрыта резьбой — переплетением виноградных лоз и листьев. Казалось, что рельеф был слегка стерт за долгие годы прикосновениями пальцев. Полированное дерево самого темного каштанового оттенка мерцало, как атлас.

— О, Этель, это старинная вещь. Ей лет сто, а может быть, и больше, — сказала миссис Мюллер. — Тебе повезло! Я и не знала, что у вас сын — миллионер. Наверное, эта флейта стоила ему кучу денег.

— Да, мой Джем славный мальчик. Он не будет скряжничать, если его маме что-то нужно, — сказала миссис Клейберт немного самоуверенно.

Каким-то образом миссис Партленд оказалась в центре группы, когда все думали, что она в стороне. С миссис Партленд всегда так. Она взяла инструмент у миссис Клейберт и осмотрела его.

— Работа просто элегантна, — сказала она с выражением, предполагающим, что другими качествами флейте обладать не дано. Она провела пальцами по гладким полированным выступам. — Да, конечно, она сделана старым мастером. Однако, — добавила она строго, — верна ли настройка?

— Я не знаю, — призналась миссис Клейберт. — У меня не было времени попробовать. Я просто сказала себе: Этель, ты должна показать это своим друзьям, — и сразу принесла ее сюда.

Миссис Партленд возвратила инструмент.

— Прежде чем мы начнем, надо бы проверить. Барбара, подай ре для миссис Клейберт, — попросила она. Миссис Купер подняла свою флейту и извлекла требуемый звук. Это была грустная нота.

Миссис Клейберт нашла клапаны и подняла мундштук из слоновой кости своего великолепного инструмента к губам. Затем тихо дунула.

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

— Да, я думаю, это — ре, — признала миссис Мюллер. — Но тон очень необычный, не правда ли? Больше похож на... Даже не знаю точно, на что. Но звук и в самом деле замечательный.

Миссис Партленд, удовлетворенная состоянием инструмента, поднялась на скамеечку для ног, служившую ей

трибуной. Миссис Клейберт все еще смотрела на свою флейту с удивлением и восхищением.

— Трудно было ожидать, что она зазвучит, как современная флейта, — сказала она. — Ведь сейчас их делают иначе — есть всякие механизмы, приспособления. Они все, наверное, так звучали в старину.

Миссис Партленд постучала своей дирижерской палочкой.

— Девочки! — сказала она решительно, но ее никто не слышал.

— Вы знаете, — продолжала миссис Клейберт, как бы погружаясь в мечтательный транс, — я так и представляю себе какого-нибудь старинного странствующего музыканта, играющего на этой самой флейте в средневековом зале. С огромными дубовыми балками, с тростником на полу, с...

— Дамы! — скомандовала миссис Партленд. Ее суровый тон оборвал миссис Клейберт и заставил всех повернуться лицом к дирижеру. Она продолжала: — Начнем с той вещицы Пурселла, которую мы играли в прошлый раз. Для разогрева пальцев. Ноты есть у всех?

Дамы приготовились, возложили пальцы на свои флейты и сосредоточились на нотах. Миссис Партленд стояла на возвышении с поднятой палочкой.

— Так, все готовы? Миссис Люббок, боюсь, что вам придется смотреть поверх листа миссис Шульц. Итак — раз, два, три...

С первого звука стало ясно — что-то не так. Одна за другой они сбились и прекратили играть, оставив удивленную миссис Клейберт с долгой, мягкой нотой, исходившей из ее инструмента. Миссис Партленд вздохнула укоризненно, но не успела ничего сказать, а белые пальцы миссис Клейберт начали изящно двигаться по темному дереву.

Мелодия — легкая, ритмичная и милая, словно майское утро, — кружилась по комнате. Миссис Клейберт начала раскачиваться, играя. Она выставила вперед ногу. Легко, как балерина, она прошла по комнате и скрылась за дверью. За ней, величаво качаясь, поплыли дамы из Культурного клуба города Плезентгров, грациозные, как нимфы на лугу...

Когда они подошли к перекрестку, горел красный сигнал. Они остановились и ждали там, будто в оцепенении.

Полицейский, который славился своей невозмутимостью, вытарашил глаза. Он подошел к миссис Клейберт с выражением, в котором сострадание сочеталось с подозрением. Во взгляде же, брошенном им на инструмент, подозрение не смешивалось ни с чем — как будто это была какая-то дубинка, хотя и разукрашенная.

— Что это? Что здесь происходит? — спросил он.

Миссис Клейберт не ответила. Она смотрела на полицейского блуждающим взором, как будто не пришла в себя после сна. Некоторое время все молчали. Миссис Партленд почувствовала, что ей следует как-то уладить это дело.

— Все в порядке, не обращайтесь внимания. Это так, знаете ли... что-то вроде языческого танца в честь богини Кибелы, — выпалила она неожиданно для самой себя.

Полицейский оглядел всю компанию. Его веки медленно опустились и снова поднялись.

— Я об этом ничего не знаю, — признался он. — Но, леди, я бы посоветовал вам исполнить этот танец где-нибудь в другом месте.

— Хорошо, — сказала миссис Партленд необычайно кротко. — Девочки, — начала она. И тут краем глаза увидела, что руки миссис Клейберт опять поднимают инструмент. Она быстро перехватила флейту: — О нет, только не это!

Мистер Клейберт осматривал флейту. Он смотрел на нее под лампой и так, и этак. Он мог бы попытаться подуть в нее, если бы мундштук не был убран от беды подальше в сумочку миссис Клейберт.

— Да, — сказал он, — вещь старая. Но достаточно ли она стара, чтобы...

— Сколько же лет ей должно быть? — спросила миссис Клейберт.

— Я не могу быть совершенно уверен, но думаю — лет семьсот—восемьсот.

— Что ж, может быть, так оно и есть.

— Да, пожалуй. Я вряд ли могу представить себе такой возраст.

— Если это... — начала миссис Клейберт. Но оборвала свое замечание и задумалась.

— Ты можешь узнать, — заметил ее муж многозначительно.

Она не ответила. Осторожно положила флейту на стол. Последовавшее молчание прерывалось только ритмом, который он отбивал пальцами на подлокотнике кресла. Его жена раздраженно шевельнулась.

Мистер Клейберт послушно остановился, но, хотя пальцы оставались неподвижными, ритм продолжал звучать у него в голове. Там-та! Там-та! Та-та-та, та-тат, та-тат, та-та-та! Он почувствовал, что его нога начинает стучать по полу. Там! Там! Та-та-та, та-тат, та-тат, та-та-та! Он взял под контроль и ноги, но ритм не оставлял его, проникая внутрь. Вскоре голова стала кивать в этом ритме, а его губы складывали слова, очень тихо:

— Крысы! Крысы! Мы должны выгнать тварей из страны! Дорогая, может быть, в Плезентгрове найдется достаточно крыс для проверки, — предложил он наконец.

Миссис Клейберт вздрогнула.

— Если ты думаешь, что я буду возиться со стаей крыс, Гарольд...

— Но мы получили бы подтверждение, дорогая.

— Может быть. Но крысы мне отвратительны.

Мистер Клейберт вздохнул:

— Беда женщин в том, что у них есть воображение, но они им не пользуются. Взгляни на это по-другому. Если это действует на крыс и действует на твоих друзей, значит, тут что-то кроется. Что-то очень значительное. Может быть, мы сможем сделать ее по-настоящему избирательной. Может быть, мы сможем сделать так, что все, кто курит «кэмел», или все, кто пользуется лосьоном после бритья, будут танцевать на улице. Какую можно дать рекламу! Ого-го! Я думаю, есть возможности и в сфере политики. Представь, что ты играешь это по радио по всем станциям...

— Гарольд! Если тебе нужен покой в этом доме, спрячь свое воображение назад в клетку и дай мне подумать, — объявила миссис Клейберт.

— Но Этель, это может быть грандиозно. Подумай о передвижке — типа фургона для...

— Гарольд! Прошу тебя! И прекрати, ради Бога, барабанишь.

На следующее утро завтрак прошел даже спокойней, чем обычно. Чета Клейберт, казалось, занималась самоанализом. Гарольду Клейберту стоило больших усилий не

упоминать больше о флейте. В результате она каким-то образом довлела в комнате. Он обнаружил, что его глаза постоянно к ней возвращаются. Но когда он уже собирался уходить, его решимость дрогнула. У двери он остановился в нерешительности.

— Дорогая, я не слышал, как ты на ней играешь, — сказал он. — Не могла бы ты... Ну хотя бы ноту или две?

Его жена покачала головой:

— Прости, Гарольд, но последнее, о чем я подумала перед тем, как заснуть, было — «Этель, не смей дуть в нее снова, пока она не будет в таком месте, где не сможет причинить никакого вреда». И я собираюсь этого придерживаться.

Когда муж ушел, миссис Клейберт быстро, но рассеянно сделала уборку. Приведя дом в порядок, она взяла флейту и аккуратно протерла ее тряпкой. Какое-то мгновение миссис Клейберт задумчиво смотрела на инструмент, затем взяла из своей сумочки мундштук и вставила его на место. Поднесла флейту ко рту и помедлила. Затем опустила и опять положила на стол. Она поднялась вверх за пальто. Спустившись вниз, она взяла флейту и спрятала ее под пальто, прежде чем открыть парадную дверь. Вместо того чтобы, как обычно, сесть в машину, она прошла по тропинке к дороге. Там повернула налево и пошла прочь от города. Менее чем через милю дорожка поворачивала направо через поле. За полем начинался лес. Там было тихо и спокойно. Среди деревьев она почувствовала себя укрывшейся от мира, а ее внутреннее «я» слегка почистило перышки. От дорожки ответвлялась незаметная тропинка, и, свернув на нее, миссис Клейберт вскоре вышла на небольшую поляну. Там она расстелила пальто на солнышке, положила на него флейту и присела.

Несмотря на солнечный свет ощущалась нежная меланхолия восемнадцатого века. В своем теперешнем настроении миссис Клейберт решила, что в этом нет ничего неприятного.

Некоторое время она сидела в задумчивости, слегка мечтательно, с оттенком ностальгии. Не потому, что она была несчастлива. У нее есть Джем, и Гарольд тоже, конечно, а Гарольд был хорошим мужем, какими должны быть мужья. Но она скучала по Джемму. Казалось, что Германия страшно далеко. Бывает такое тоскливое настроение, которое охватывает вас, когда вы вспоминаете, что

единственный ребенок, которого вам дал Господь, превратился в мужчину и уехал на другой конец света, а вам уже за сорок... Вы не можете не думать об этом, хотя бы изредка. Не протестуя — просто размышляя о том, как все могло бы быть, если бы все было по-другому.

Через некоторое время Этель Клейберт взяла флейту. Она касалась кончиками пальцев гладкой древесины, присланной Джемом. Она смотрела вдаль, слегка улыбаясь. Затем, все еще с улыбкой, она приложила к губам мундштук из слоновой кости и начала играть.

У перекрестка, на крыльце дома мэра Дункана собрались несколько влиятельных граждан Плезентгрова. Собрание было неофициальным, но происходило с определенной целью, хотя и чувствовалось некоторое замешательство. Решительный вид был только у миссис Партленд, но он был привычен и на сей раз ничего не обещал. Выражение надежности, связанное с пребыванием Джима Дункана в должности, напоминало заключительную сцену кинофильма и никого не могло обмануть. Миссис Мюллер, как обычно, в высоком темпе высказывала различные предположения, но они имели характер фона в радиопередаче. Все присутствующие стояли и смотрели в недоумении на Мейн-стрит. Все, конечно, кроме миссис Клейберт, которая сидела в кресле-качалке и тихо плакала.

Перекресток Мейн-стрит и Линкольн-авеню в этот момент выглядел незабываемо. Не только сам перекресток, но и выезды на четыре улицы были забиты детьми. Девочки в основном были с двумя соломенными косичками, спускавшимися из-под белых шапочек, украшенных вышитыми разноцветными цветами. Короткие рукава раздувались у них на плечах над облегающими корсажами, а широкие полосатые юбки прикрывались яркими передниками. Мальчики были в зеленых или коричневых курточках и длинных узких брюках. Их цветные шляпы с высокими тульями украшали перья. Вся обочина была будто покрыта великолепным беспокойным ковром, от которого исходил гул молодых голосов, смешанный с дробью сотен каблучков.

Изумление охватило не только жителей Плезентгрова, оно было и на детских лицах. Большинство из них все еще озадаченно оглядывались, осматривая окружающие предметы и строения с осторожным недоверием. Другие уже

освоились. Одна группа стояла с радостным трепетом у афиши кинотеатра. У других носы расплющились о стекло витрины кондитерской Луизы Паллистер. Через их головы была видна сама Луиза, напряженно суеющая за закрытой дверью, со сложенными в молитве руками. Через улицу, на другом углу, чей-то юношеский инстинкт уже обнаружил, что в аптеке Тони есть фонтанчик с газированной водой. Но это были просто отдельные очаги веселого настроения по краям толпы. Она состояла из детей, глядевших вокруг с изумлением, а совсем маленькие девочки и мальчики в испуге жались к юбкам своих старших сестер.

Ни один из жителей Плезентгрова не выказал какой-либо радости от такой ситуации.

— Я не понимаю, — жаловался Эл Дикин с бензokolонки. — Откуда они все взялись? — вопрошал он. Потом решительно повернулся к миссис Клейберт. — Как они сюда попали? Откуда они пришли?

Миссис Клейберт почувствовала враждебную атмосферу. Не успела она ответить, как миссис Партленд сказала решительно:

— Мы можем отложить выяснение этого. Сейчас я хочу знать другое: раз они здесь, собирается ли кто-нибудь принимать какие-то меры? — она посмотрела многозначительно на мэра Дункана. — Что-то нужно делать, — добавила она выразительно.

Джим Дункан сохранял выражение человека беспристрастного, погруженного в мысли. Он все еще находился в этом состоянии, когда вперед выбежал Элмер Дрю и сразу дернул его за рукав. Элмер был маляром, совмещая это занятие с узкой специальностью по изготовлению вывесок, но обе эти профессии делают добросовестного человека исключительно разборчивым в деталях.

— Как ты думаешь, Джим, сколько их всего? — спросил он.

На это мэр мог, пожалуй, попытаться ответить. Джим немного успокоился.

— Гм, — заметил он, — я думаю, три тысячи, Элмер. Не меньше. А может быть, и больше.

— М-да, — кивнул Элмер и стал выбираться из группы, чтобы взять свои кисти. По его мнению, этого было достаточно, чтобы предварительно изменить цифру 3 в

указании численности населения на цифру 6, пока кто-нибудь не произведет точного подсчета.

— Три тысячи детей, — повторил Эл Дикин. — Три тысячи! Это дает делу совсем другой поворот. Ни одна община размером с нашу этого не потянет.

— И какой такой поворот это дает делу? — спросила миссис Партленд спокойно.

— Ну, это теперь дело штата. Проблема слишком велика, чтобы мы ее разрешили.

— Нет, — сказала миссис Клейберт отчетливо.

Они посмотрели на нее.

— Что значит ваше «нет»? — потребовал Эл. — Что нам делать с тремя тысячами детей? И кроме того, разве мы обязаны? Мне кажется, вам, Этель Клейберт, нужно объяснить нам еще очень многое.

Миссис Клейберт бросила взгляд вокруг.

— Да, это трудно объяснить... — сказала она.

На помощь к ней великодушно пришла миссис Мюллер.

— Я думаю, что иногда появление трех тысяч детей не трудней объяснить, чем появление одного, — заявила она резко.

Это упоминание о забытом эпизоде из прошлого Эла Дикина на мгновение смягчило его.

— Но мы же не можем просто стоять и ничего не делать, — сказала миссис Партленд. — Этих детей скоро надо будет кормить, а также присматривать за ними.

Это было верно. Удивление сменялось раздражением. Некоторые девочки постарше взяли малышек на руки и качали их, размахивая в такт золотистыми косами. Миссис Клейберт сбежала вниз по ступенькам и вернулась, прижимая к себе одну из малышек.

— Это верно. Нам нужно что-то делать, — согласилась миссис Мюллер.

— За городом, у Рейлз-Хилла, есть старый армейский лагерь, — сказала миссис Партленд. — Если бы мы смогли накормить их и привести туда...

— А кто их будет кормить? — настаивал Эл Дикин. — Я думаю, что Этель Клейберт просто не имеет права бросить здесь три тысячи детей в надежде на то, что...

Мэр добавил:

— Я думаю, что жители Плезентгрова смогут накормить их раз-другой, но кроме этого... А вот и Ларри! — прервал

он речь. Как моряк, потерпевший крушение, взывает к спасателям, он позвал через улицу: — Эй, Ларри!

Полицейский поднял глаза и помахал своей большой рукой. Он двинулся через улицу, пробираясь между детьми наподобие человека, идущего по клумбе.

— Кто же это сделал? Кто их сюда привел? — требовал он, поднимаясь по ступенькам.

Все посмотрели на миссис Клейберт. И полицейский тоже. Он спросил:

— Вы несете ответственность за всю эту команду?

— Да, думаю, что я, — признала миссис Клейберт.

— Целых три тысячи, — добавил Эл Дикин. — Полторы тысячи маленьких Гретхен и полторы тысячи маленьких Гансов — и ни одного родного слова по-английски на всю компанию.

Полицейский сдвинул фуражку и почесал голову.

— Из Европы? — спросил он.

— Ну да... — сказала опять миссис Клейберт.

— У вас есть их иммиграционные документы? — спросил полицейский.

— Нет, нет... — сказала миссис Клейберт.

Полицейский оглядел детей. Затем снова обратился к миссис Клейберт:

— Полагаю, что несколько вагонов неприятностей вам обеспечены. И они мчатся в вашу сторону на хорошей скорости. — Он помедлил. — Кто они? Дети перемещенных лиц?

Миссис Клейберт посмотрела в сторону, через улицу.

— Да, — сказала она. — Я думаю, именно так и обстоит дело.

— Они совсем не похожи на перемещенных лиц в журнале «Лайф», — сказала миссис Партленд. — Слишком чистые и опрятные. К тому же они все выглядели вполне счастливыми, пока не проголодались.

— Разве вы не были бы счастливы, попав в такой город, как Плезентгров, после всех этих европейских развалин? — спросила миссис Мюллер.

— У них есть право выглядеть счастливыми, — сказала миссис Клейберт с неожиданной твердостью. — А Плезентгров обязан позаботиться о том, чтобы они и на самом деле почувствовали себя счастливыми.

— Однако... — начал Эл Дикин.

Миссис Клейберт сильнее прижала к груди малышку, которая была у нее на руках.

— Разве это не милые дети? Вы когда-нибудь видели более милых детей? — потребовала она.

— Конечно, это так, но...

— Разве есть что-нибудь более ценное для общества, чем его дети — и счастье его детей? — продолжала она со страстью.

— Да, конечно, но...

— Тогда я думаю, что это делает Плезентгров богатейшей общиной в нашем штате, — заключила миссис Клейберт, торжествуя.

Наступила тяжелая тишина.

— Да, конечно. Это чертовски верно, — согласился мэр Дункан. — Но в настоящий момент мы должны быть практичны. — Он бросил вопрошающий взгляд на полицейского.

От детей быстро уходило восхищение новым. Все больше малышей начинали плакать, немногие ребята постарше продолжали смеяться. Девочка в веселой полосатой юбке и бархатном корсаже с кружевами поднялась на ящик перед магазином тканей. Ее рот открылся, и она начала размахивать руками. Сначала с крыльца ничего не было слышно. Затем голоса вокруг подхватили ее песню. Она прошла по всей толпе, пока не заглушила плач. Дети стали петь и раскачиваться, волнуясь, как поле ячменя на ветру. Миссис Клейберт качала ребенка, которого держала, в такт со всеми. Она слушала незнакомые слова с улыбкой на лице и слезами на глазах.

— Вот что нужно сделать, — сказал полицейский. — Нам необходимо связаться с управлением штата по делам сирот и попросить их срочно прислать машины. После этого мы займемся кормлением детей, пока за ними не приедут.

Миссис Клейберт похолодела.

— Сиротский приют! — воскликнула она.

Миссис Клейберт опустила на землю маленькую девочку и вышла вперед.

— Мы должны быть практичны, — начал полицейский, но она остановила его жестом.

— Первый раз в жизни я стыжусь быть гражданкой Плезентгрова, — заявила она ожесточенно. — И вы

отправите всех этих милых детей, чтобы они стали сиротами?

— Но, миссис Клейберт, они и есть сироты...

Миссис Клейберт отклонила это.

— Они ушли из этой ужасной Европы; они прибыли сюда, на землю свободы и демократии, они просят вашей любви, а вы даете им приют для сирот. Что же, вы думаете, они будут рассказывать об американском образе жизни, когда вырастут?

Мэр Дункан посмотрел на нее беспомощно:

— Но, миссис Клейберт, вы должны быть благоразумны..

— Разве это не христианская община? — возмущалась миссис Клейберт. — Я прожила в Плезентгрове всю свою жизнь. Я думала, что жители этого города великодушны. Теперь, когда пришло испытание, я вижу, что их сердца вовсе не исполнены христианского милосердия.

— Послушайте, — сказал полицейский умиротворяющим тоном. — У нас есть сердца и есть христианское милосердие, но мы не можем творить чудеса.

Миссис Клейберт пристально посмотрела на него, потом на других. Без слов она взяла флейту с пола у кресла-качалки. Глядя прямо на поющих детей, она возложила пальцы на клапаны.

— Вы просто не заслуживаете иметь этих милых детей, — сказала она.

Она подняла инструмент, затем замерла.

— Я думаю, — сказала она с сожалением, — единственное, что у детей не в порядке, — это то, что они вырастают в таких же взрослых, как вы.

И она приложила инструмент к губам.

Как только долгая нежная нота перелетела Мейн-стрит, дети стали оборачиваться и смотреть на крыльцо мэра Дункана. Пение прекратилось. Малыши перестали плакать и улыбались, когда их ставили на ноги. Не было ни единого звука, кроме единственной слегка дрожащей ноты. Миссис Клейберт выстала одну ногу вперед. Ее пальцы пробежали вверх и вниз по инструменту. Пошел воздух, легкий и веселый, искрясь, как солнечные лучи в водяных брызгах. Сотни маленьких каблучков начали стучать клик-лок, следуя за ритмом.

Миссис Клейберт танцуя спустилась вниз по ступенькам, затем двинулась через Мейн-стрит по коридору, открыв-

шемуся среди расступившихся ребят. Они смыкались за ее спиной, а золотые косы и яркие юбки кружились, красные чулки сверкали, ноги притаптывали.

В доме мэра раздался шум, и двое его детей пробежали по террасе, чтобы присоединиться к танцующей толпе.

— Эй, остановите их! — крикнул Джим Дункан, но почему-то ни он, ни кто-либо другой не мог сдвинуться, чтобы сделать это.

Миссис Клейберт повернула на Линкольн-авеню, а за ней катился, подпрыгивая, веселый цветной детский поток. Американские дети высыпали через палисадники, чтобы присоединиться к остальным. Из школы вылился другой скачущий, танцующий поток, чтобы соединиться с проходящей толпой и умчаться с ней вверх по улице.

— Эй! Миссис Клейберт! Вернитесь! — завопил мэр Дункан, но его окрик потерялся среди детских голосов.

Единственным звуком, который мог перекрыть смех, пение и стук каблуков, была тема инструмента миссис Клейберт. И она в танце все шла вперед, через поле, через лес, что за полем, все дальше и дальше...

К тому времени как сознательный гражданин Элмер Дрю окончил переделку цифры 3 в цифру 6, до него дошли последние новости.

И когда мимо него проехали первые машины, набитые репортерами, детективами и агентами ФБР, ворвавшиеся в Плезентгров, он уже совсем закрасил число жителей города, ожидая точной оценки. Покончив с этим, он некоторое время рассматривал надпись на доске снизу. Затем пришел к решению, открутил ее и сунул под мышку. Возвращаясь в город, он встретил миссис Партленд. Ее дети степенно шагали по обе стороны от нее. Элмер остановился и пристально посмотрел на них. Миссис Партленд улыбнулась.

— Американские дети решили вернуться назад к своим родным, — сказала она ему с гордостью.

— Да, — подтвердил Мортимер Партленд-младший, кивая. — У них не было ни мороженого, ни кино, ни жевательной резинки — ничего, кроме танцев! Представляешь?

— А миссис Клейберт? — спросил Элмер.

— Ах да. Я думаю, она просто любит танцевать, — сказал юный Мортимер Партленд.

Элмер повернулся и пошел по дороге. На доске он вновь написал: Население 3226 чел. Затем глубокомысленно поменял последнюю цифру на 5. Ниже, с глубоким чувством гражданского удовлетворения, он вновь прикрепил доску, которая гласила:

СМОТРИТЕ, КАК ОН РАСТЕТ!

КИТАЙСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Первое, что Хвил, вернувшись с работы, заметил, был пакет, вызывающе развалившийся на кухонном столе.

— От Дэя, что ли? — осведомился он у жены.

— Да уж конечно. Марки-то японские, — отозвалась она.

Хвил прошел через кухню и стал рассматривать пакет. Тот был вроде шляпной картонки, только маленькой — дюймов этак по десять в каждую сторону. Адрес: «Мистеру и миссис Хвил Хеджес, Тай Дервен, Ллинллон, Ллангольвкос, Брекнокшир, Ю. Уэльс» — буквы тщательно выведены, чтобы даже иностранцы ничего не перепутали. Еще была надпись, тоже от руки, только красная, и тоже достаточно понятная. Написано было: «ЯЙЦА — хрупкий груз, обращаться с осторожностью».

— Смешно так далеко яйца посылать, — заметил Хвил. — У нас тут их у самих хватает. Эти, случайно, не шоколадные?

— Пей давай свой чай, — отозвалась Бронвен. — Я тут целый день на пакет люблюсь, может и еще малость подождать.

Хвил присел за стол и принялся за еду. Однако время от времени глаза его сами возвращались к посылке.

— Если там и вправду яйца, так ты с ними поосторожнее, что ли, — произнес он. — Случилось мне читать однажды, как они в Китае хранят эти яйца годами. Они их в землю закапывают — для вкуса. Чудной народ. Не то что у нас тут, в Уэльсе.

Бронвен возразила: мол, Япония — это тебе не Китай.

Chinese Puzzle

© 1995 М. Левин, перевод

С едой покончили, со стола убрали и водрузили на него посылку. Хвил распорол тесьму и содрал коричневую бумажную обертку. Внутри была жестянка, которая, когда от нее отклеили липкую ленту, оказалась полна до краев опилками. Миссис Хеджес принесла газету и аккуратно накрыла ею стол. Хвил зарылся в опилки пальцами.

— А тут что-то есть, — объявил он.

— Ты сегодня, похоже, не в себе. Конечно, что-то там есть! — сказала Бронвен, отталкивая с дороги его руку.

Она смела пару пригоршней опилок из коробки на газету и пощупала в коробке сама. Что бы там ни было, но для яйца это было слишком большим. Бронвен выгребла из жестянки еще горсть опилок и пошарила снова. На этот раз ее пальцы наткнулись на лист бумаги. Вытащив этот лист, она развернула его на столе. Это было письмо, написанное почерком Дэйфидда. Она еще раз полезла в жестянку, подсунула пальцы под то, что там было, и мягко вынула это из коробки.

— Вот так так! Смотри-ка, ты что-нибудь подобное видел? — воскликнула Бронвен. — Он говорит — яйца.

Они оба изумленно уставились на этот предмет. Наконец Хвил сказал:

— Такое большое. И чудное такое.

— Интересно, что за птица такие несет?

— Может, страус? — предположил Хвил.

Но Бронвен покачала головой. Она как-то видела в музее яйцо страуса и могла сказать, что эта штука имела с ним мало общего. Яйцо страуса чуть поменьше, и такого унылого, болезненно-желтого цвета, чуть рябоватое. Это же было гладкое, блестящее и выглядело не безжизненным, как яйцо в музее, а сияло какой-то глянцевой, перламутровой красотой.

— А это не жемчужина? — предположила она дрогнувшим голосом.

— А ты не дура? — ответил вопросом ее муж. — Из раковины величиной с городскую ратушу Ллангольвкоса?

Он снова засунул пальцы в опилки, но множественное число «яйца» служило, очевидно, просто стандартным оборотом: там не было больше ни одного такого яйца, да и поместиться ему было бы негде.

Бронвен насыпала опилок на одно из своих лучших блюд и осторожно водрузила сверху яйцо. Потом они стали читать письмо от сына:

Дорогие мама и папа, я думаю вы удивитесь тому что там есть. Я тоже удивился. Очень забавная штука думаю у них там в Китае очень странные птицы водятся. Есть же у них Панды так почему бы и нет. Мы этот сампан увидели в ста милях от Китайского берега, у них мачта сломалась и они даже не пытались и все кроме двух уже умерли, а теперь и все. Но тот один который еще не умер держал эту вроде яйца штуку всю завернутую в стеганое пальто как ребенок. Через два дня я узнал, что это было яйцо, а тогда не знал но я ему хотел помочь и очень старался. Но из нас никто по-китайски не говорил и мне его было жалко, он хороший был парень и очень ему было одиноко потому что он знал что умирает. И когда он увидел что уже пора он мне дал это яйцо и уже очень тихо говорил но я все равно ничего не понял, я мог только взять это яйцо и держать как он его держал осторожно. И я ему обещал за этой штукой смотреть но он тоже не понял. А потом он что-то еще сказал и помер бедняга.

Вот так это было а я знал что это яйцо потому что однажды показал ему вареное яйцо и он мне показал на одно и на другое но на пароходе никто не знал что это за яйцо. Но я пообещал ему что буду его хранить осторожно и посылаю вам потому что на пароходе негде.

Надеюсь это письмо застанет вас в добром здравии в каком я нахожусь чего и вам желаю.

Дэй.

— А оно все равно чудное, — сказала миссис Хеджес, прочитав письмо. — На яйцо похоже — по форме, — заключила она. — Но цвета не такие. Вот смотри, какие они красивые. Как бензиновые пятна на лужах. Такого яйца я никогда в жизни не видела. Они все одноцветные и не сияют.

Хвил все задумчиво смотрел на яйцо.

— И вправду красиво, — наконец согласился он. — А что в нем толку?

— Толку, сказал тоже! — отозвалась его супруга. — Оно, небось, для их религии священо. Тот-то, бедняга, помирал, и наш сын дал ему слово. И мы теперь его сохраним, пока он не придет!

Они вдвоем еще некоторое время созерцали яйцо.

— Далеко это — Китай, — заметила Бронвен, непонятно к чему.

Но прошло несколько дней, пока яйцо убрали со всеобщего обозрения на кухонном шкафу. Слух о нем прошел по всей долине, и если визитерам не удавалось его увидеть, они чувствовали себя обойденными. Бронвен поняла, что без конца доставать яйцо на свет Божий и прятать обратно гораздо опаснее, чем оставить его у всех на виду.

Почти никто из соседей не был разочарован видом яйца. Лишь Идрис Боуэн, живший за три дома от них, разошелся во мнениях с остальными.

— Форма как у яйца, это точно, — признал он. — Но вы поосторожнее, миссис Хеджес. Я так думаю, что это символ плодородия. Да еще и краденый.

— Мистер Боуэн! — возмутилась Бронвен.

— Да нет, это тот, в лодке, миссис Хеджес. Беглецы из Китая, наверное. Предатели своего народа. Бегут из страны и тащат все, что гвоздями не прибито, пока их доблестная рабоче-крестьянская армия не взяла к ногтю. Всегда и всюду одно и то же — вот будет революция у нас в Уэльсе, сами увидите.

— О Господи Боже ты мой! До чего ж вы забавный человек, мистер Боуэн: даже старую калошу и ту сможете использовать для пропаганды, не в обиду вам будь сказано, — засмеялась Бронвен.

Идрис Боуэн скривился.

— Я вам не забавный, миссис Хеджес. А правду обзывать пропагандой не обязательно, — заявил он и удалился, не теряя достоинства.

К концу недели в доме перебивала уже вся деревня. Все оглядели яйцо и узнали: нет, миссис Хеджес не известно, что за тварь его снесла, и пора его уже положить куда-нибудь в безопасное место и подождать, пока вернется Дэйфидд.

В доме было не так уж много мест, которые можно было безоговорочно считать безопасными, и среди них воздушный сушильный шкаф для посуды был признан ничем не хуже других. Бронвен собрала в жестянку оставшиеся

опилки, положила сверху яйцо и засунула это на верхнюю полку шкафа.

Там оно оставалось около месяца, вдали от глаз и почти позабытое до того самого дня, когда Хвил, вернувшись с работы, обнаружил, что его жена сидит за столом с обескураженным видом, а на пальце у нее бинт. На мужа она взглянула с облегчением.

— Этот-то вылупился!

Непонимающее выражение на лице Хвила слегка разозлило Бронвен, все мысли которой были в течение всего дня заняты только одним.

— Ну этот, из яйца, что Дэй прислал, — объяснила она. — Он вылупился, говорю тебе.

— А, теперь понял, — кивнул Хвил. — Ну и как, симпатичный цыпленочек?

— Вовсе и не цыпленок! Какое-то чудище, да еще и меня цапнуло. — Она показала бинт.

Этим утром, рассказывала Бронвен, она подошла к сушильному шкафу взять чистое полотенце, засунула туда руку, и ее что-то ухватило за палец, причем больно. Сначала она подумала, что это крыса со двора как-то пролезла в шкаф, а потом заметила, что с жестянки сорвана крышка, а рядом валяются осколки скорлупы.

— А как оно выглядит? — спросил Хвил.

Бронвен признала, что толком его и не разглядела. Заметила только что-то вроде мелькнувшего зелено-синего длинного хвоста, показавшегося над стопкой скатертей, а когда она заглянула за эту стопку, увидела блеск глядящих на нее красных глаз. Возиться с такой тварью — дело мужское, так что она закрыла дверь и пошла перевязать палец.

— Выходит, оно еще там? — спросил Хвил.

Бронвен кивнула.

— Давай-ка на него поглядим, — решительно сказал Хвил и направился вон из комнаты, но в последний момент вернулся за парой брезентовых рукавиц. Бронвен осталась на месте.

Хвил вернулся, захлопнув за собой дверь ногой, посадил зверюшку на стол, и несколько секунд она сидела там, съежившись и не двигаясь, только хлопая глазами.

— Он, я думаю, напуган, — заметил Хвил.

Телом зверушка была похожа на большую ящерицу — около фута длиной. Только чешуйки у нее на шкуре были крупнее, некоторые из них закручивались и кое-где отставали на манер плавников. А вот голова была совсем не как у ящерицы — гораздо круглее, с широкой пастью, расставленными ноздрями, и в довершение всего — с двумя большими впадинами, в которых ворочались горящие красным глаза. А вокруг шеи гривой росло что-то вроде вымпела из склеенных волос. Цвета зверь был зеленого, с добавками кое-где металлического синего, а вокруг головы и на концах локонов — сияющие красные пятна. Красным были отмечены и места, где ноги соединялись с туловищем, и основания острых желтых когтей на лапах. А все вместе — неожиданно яркое и экзотическое создание.

Оно оглядело Бронвен Хеджес, бросило искоса недобрый взгляд на Хвила и начало рыскать по столу, стараясь найти путь к бегству. Хеджесы смотрели на него минутудругую, а потом одновременно взглянули друг на друга.

— Он на тебя злой, — заметила Бронвен.

— Злой, верно. Зато красивый. — ответил Хвил.

— Морда у него противная, — сказала Бронвен.

— Это да, верно. Зато смотри, какие цвета!

Тварь уже наполовину собралась прыгнуть со стола. Хвил рванулся вперед и перехватил ее. Та задергалась, извиваясь, и пыталась цапнуть Хвила за руку, но он держал ее слишком близко к шее. Тварь перестала биться и вдруг фыркнула. Из ноздрей рванулись две струи пламени и клуб дыма. Хвил резко отдернул руки, отчасти от испуга, но в основном — от изумления. Бронвен взвизгнула и вспрыгнула на стул.

Сама тварь тоже, похоже, несколько удивилась. Несколько секунд она недоуменно вертела головой и помахивала извилистым хвостом, который был не короче тела. Потом перепрыгнула к камину и свернулась перед огнем.

— Вот это да! Это штука, скажу я вам! — вскричал Хвил, несколько выбитый из колеи. — Там у него внутри — огонь! Хотел бы я разобраться, как это получается.

— Огонь, точно. Да еще и дым, — подтвердила Бронвен. — Просто непонятно. И неестественно.

Она неуверенно посмотрела на зверя. Тот так явно устроился подремать, что она рискнула слезть со стула, но глаз не сводила с твари, готовая вспрыгнуть обратно при первом ее движении. Потом произнесла:

— Никогда не думала, что мне доведется увидеть одного из них. И я не знаю, стоит ли держать такого в доме.

— Ты это о чем? — спросил озадаченный Хвил.

— О драконе, конечно, — ответила Бронвен.

Хвил вытаращился на жену:

— Дракон? Ну уж и в самом деле! Это просто глу... — Он осекся. Снова посмотрел на животное, а потом на то место, где пламя лизнуло рукавицу. — Черт побери! Ты права. И вправду дракон.

Они посмотрели на зверя с некоторой опаской, и Бронвен заметила:

— А хорошо, что мы не в Китае живем.

Те, кому повезло в следующие два дня увидеть зверя, почти все поддержали гипотезу о том, что это дракон. Это они проверяли, просовывая палки в проволочную клетку, сделанную для чудища Хвилом, до тех пор пока не добивались заметного пламени. И даже мистер Джонс, священник, не усомнился в его аутентичности, хотя по поводу правомерности присутствия дракона в общине предпочел пока суждения не высказывать.

Но через некоторое время Бронвен Хеджес прекратила эти опыты с просовыванием в клетку палок. С одной стороны, она чувствовала ответственность перед Дэем за сохранность его имущества. С другой стороны, зверь начал становиться раздражительным и фыркать пламенем без всякого повода. А с третьей стороны, хотя мистер Джонс не высказался окончательно, можно ли подобную тварь рассматривать как одно из Божиих созданий, Бронвен посчитала, что этому существу следует гарантировать равные права с другими бессловесными тварями. Она прицепила на клетку табличку с надписью «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ДРАЗНИТЬ» и большую часть времени проводила рядом с этой табличкой, следя за тем, чтобы правило соблюдалось.

Почти весь Линллон и уйма народу из Ллангольвкоса приходили на него посмотреть. Иногда они оставались по часу или больше, надеясь посмотреть, как чудище злится. Если это происходило, они шли домой довольные, что видели дракона. Но если зверь оставался спокойным и не имел желания дышать огнем, то они уходили и расска-

зывали своим друзьям, что это просто старая ящерица, только, понимаешь, очень большая.

Идрис Боуэн был исключением из обеих категорий до своего третьего посещения, когда ему посчастливилось увидеть фыркающего зверя, хотя и это его не убедило.

— Да, верно, он не совсем обыкновенный, — признал Идрис Боуэн. — Но это не дракон. Вы посмотрите на Уэльского дракона, на дракона святого Георгия. Дышать огнем — уже кое-что, не спорю, но дракон должен иметь крылья, а если нет — то какой же из него дракон?

От Идриса Боуэна только и можно было ожидать таких придилок, и потому на них не обратили внимания.

Однако после того как народ дней десять потолпился у Хеджесов, интерес стал спадать. Каждый хоть однажды видел дракона, полюбовался игрой цветов на его чешуе, и добавить к этому было уже мало что, кроме радостного чувства от того, что дракон живет у Хеджесов, а не у тебя, да еще и поинтересоваться, каким же он в конце концов вырастет. Потому что на самом-то деле сидеть и ждать, мигая, пока он полыхнет маленьким язычком огня, было неинтересно. Так что через несколько дней в доме Хеджесов снова воцарился покой.

А дракон, которого перестали беспокоить гости, стал проявлять более уравновешенный нрав. Он никогда не фыркал огнем на Бронвен и очень редко — на Хвила. Первая отрицательная реакция Бронвен быстро прошла, уступив место растущей привязанности. Она кормила дракона, приглядывала за ним, и нашла, что на диете из собачьих бисквитов и рубленой конины ее питомец на удивление быстро набирает рост. Большую часть времени он свободно носился по комнате. Опасения гостей Бронвен обычно старалась рассеять такими объяснениями:

— Он вообще-то дружелюбный и очень забавный, если его не дразнить. Мне его жалко, потому что плохо быть единственным дитятей, а сиротой — так еще хуже. Он же ни с кем из своей породы водиться не может, здесь даже никого похожего на него нету.

Но в конце концов наступил вечер, когда пришедший с работы Хвил посмотрел на дракона и сказал:

— Давай-ка, сынок, во двор. Ты уж слишком большой, чтобы дома тебя держать — сам видишь.

Бронвен даже удивилась тому, как ей не понравились эти слова.

— Ты посмотри, какой он хороший и тихий! — воскликнула она. — И ты посмотри, какая он умница, как он всегда убирает хвост с дороги, чтобы на него не наступили. И в доме не пачкает, аккуратный. Всегда регулярно выходит во двор, хоть часы по нему проверяй.

— Ведет-то он себя хорошо, это верно, — согласился Хвил. — Да растет очень уж быстро. И места ему нужно больше. А там, во дворе, отличная для него клетка. И есть где побегать.

Своевременность этих слов проявилась через неделю, когда Бронвен, спустившись вниз, обнаружила, что деревянная клетка превратилась в кучку углей, ковер и дорожка обгорели, а дракон комфортабельно устроился в любимом кресле Хвила.

— Все, решено. Еще повезло, что он не подпалил нашу кровать. Давай отсюда, — сказал Хвил дракону. — Хорошо это ты придумал — спалить человеку дом, только не похваляй тебя за это. Стыдно должно быть, понял?

И страховой агент, пришедший осмотреть повреждения, думал точно так же:

— Вас предупреждали, миссис Хеджес. Он у вас пожароопасен.

Бронвен возразила, что в страховом полисе ничего о драконах не говорится.

— Нет, конечно, — согласился агент, — но нельзя ведь сказать, что он не представляет повышенной опасности. Я сообщу, как решит руководство, но вам лучше бы его отключить, пока он еще бед не наделал.

И потому через пару дней дракона водворили в большую клетку из асбестовых листов, во дворе. Перед клеткой было огороженное проволоочной сеткой пространство, где дракон мог размяться, хотя Бронвен по большей части держала ворота на запоре, а заднюю дверь дома — открытой, и дракон мог входить в дом и выходить, когда захочется. Утром он прибежал рысью и помогал хозяйке разжечь огонь в очаге, но вообще научился в других случаях дома огнем не дышать. Только однажды он всполошил народ, подпалив ночью свою соломенную подстилку, так что соседи побежали смотреть, не дом ли это горит, а на следующий день были как-то не очень этим довольны.

Хвил вел аккуратный учет стоимости корма для дракона и надеялся, что Дэйфидд согласится возместить расходы.

Кроме этого, единственной трудностью было найти какой-нибудь негорючий материал на подстилку, да еще Хвил часто гадал, насколько он успеет вырасти, пока вернется сын и возьмет дракона в свои руки.

И все могло бы идти до этого времени гладко, если бы не Идрис Боуэн.

Хвил только что поужинал и с наслаждением вкушал вечерний отдых возле своих дверей, когда появился Идрис со своей гончей на поводке.

— А, Идрис, привет! — дружелюбно приветствовал его хозяин.

— И тебе привет, Хвил. Как поживает твой фальшивый дракон?

— Почему это фальшивый? — возмутился Хвил.

— У дракона должны быть крылья, — твердо заявил Идрис.

— К черту тебя с твоими крыльями! Пойди посмотри на него, а потом скажи мне, что это такое, если не дракон!

Хвил махнул рукой, приглашая Идриса следовать за собой, и повел гостя через двор. Дракон за своей проволочной загородкой открыл один глаз, взглянул на них и снова его закрыл.

Идрис не видал дракона с тех самых пор, как тот едва вылупился из яйца. Рост дракона произвел на него впечатление.

— Он теперь большой, да, — согласился Идрис. — И цвета у него хороши, такие переливистые. Но он без крыльев — значит, это не дракон.

— А что же он тогда такое? — требовал ответа Хвил. — Скажи, что это такое?

Никто никогда уже не узнает, как собирался Идрис ответить на этот вопрос, потому что в тот самый момент гончая рванулась, выдернув у Идриса поводок, и стала с лаем бросаться на проволочную сетку. Дракон вышел из своего дремотного состояния, сел и вдруг неожиданно фыркнул. Раздался душераздирающий вопль, пес подпрыгнул вверх и стал носиться кругами по двору, не утихая ни на миг. Наконец Идрис сумел загнать его в угол и схватить за ошейник. На правом боку пса вся шерсть выгорела.

— Хочешь неприятностей, да? Ну так ты их получишь, Бог свидетель! — крикнул Идрис, снова бросил поводок и начал снимать пальто.

Было неясно, к кому он обращается и с кем хочет драться — с Хвиллом или с драконом, но каково бы ни было намерение, его решительно пресекла вышедшая на шум миссис Хеджес.

— Ага! Дразнил дракона! И тебе не стыдно? Это же не дракон, а ягненок, всем известно, если только его на дразнить. Безнравственный ты тип, Идрис Боуэн, и драка тебя не исправит. Вон отсюда убирайся, немедленно!

Идрис начал было протестовать, но Бронвен качнула головой и сжала губы.

— Слушать тебя не желаю, Идрис Боуэн. Нечего сказать, смельчак — дразнить беспомощного дракона! Он уже больше месяца огнем не плевался.

Идрис раскалился так, что, казалось, сам вот-вот плюнет огнем. Он заколебался, потом снова надел пальто, подхватил собаку на руки, бросил последний взгляд на дракона и повернулся к воротам. Уже выходя, обернулся и зловеще произнес:

— Так не я, а Закон призовет вас к ответу!

Однако о Законе что-то было не слышать. То ли Идрис передумал, то ли ему отсоветовали, и всё вроде бы затихло. Но через три недели случилось собрание местного профсоюза.

Собрание шло довольно скучно, посвященное в основном принятым в руководстве союза резолюциям и местным текущим вопросам. Потом, уже в конце, когда все обсудили, поднялся Идрис Боуэн.

— Задержитесь, пожалуйста! — обратился председатель к тем, кто уже тянулся к выходу, и дал слово Идрису.

Идрис подождал, пока все вернутся и займут места. Потом сказал:

— Товарищи!

Аудитория взорвалась криками. «Браво!», «Долой!», «К порядку!» и «Лишить слова!» смешались в одну кучу. Председательствующий долго и энергично стучал молотком, пока не добился относительной тишины.

— Провокационное поведение, — сделал он замечание Идрису. — Продолжайте по существу и не нарушайте порядка.

Идрис начал снова:

— Собратья рабочие! Мне горестно, что я должен сообщить вам обнаруженное мною. Я говорю вам о неверности нашему делу, о серьезной неверности по отношению к своим друзьям и това... собратьям рабочим. — Он выдержал паузу и продолжал: — Каждый из вас знает о драконе Хвила Хеджеса, правда ведь? И, наверное, многие его видели. Я видел его и сам, и говорил, что это — не дракон. Но теперь я говорю, что я был не прав, да, не прав я был, и признаю это. Он — дракон, без всякого сомнения дракон, хотя и крыльев у него нет.

Я прочел в Публичной библиотеке Метхира, что есть два вида драконов. У европейского дракона крылья есть. Но у восточного дракона их нету. И я приношу свои извинения мистеру Хеджесу, да, я приношу извинения при всех.

Аудитория начала проявлять некоторое нетерпение, однако голос Идриса вдруг резко переменялся.

— Но! — продолжил он. — Но есть и другое. Я вот здесь прочел и встревожился. И я скажу вам. Вы видели лапы этого дракона, правда? У него там когти, причем острейшие. Но сколько их, спрошу я вас? И я же вам отвечу: их там пять. По пять на каждой лапе.

Боуэн замолчал и для пушего драматического эффекта встряхнул головой.

— И это плохо, братья, очень плохо. Потому что, да будет вам известно, китайский пятипалый дракон — это не дракон республики, это не дракон народа, пятипалый дракон — это дракон имперский. Это символ угнетения китайских рабочих и крестьян. Каково нам даже подумать, что эмблему этого угнетения держим мы в своей деревне. Что скажет о нас, услышав такие вести, свободный народ Китая? Что подумает о Южном Уэльсе славный вождь героического Народного Китая Мао Цзэ-дун, узнав об этом драконе империализма?

Идрис еще говорил, но его голос утонул в гуле собрания.

Председателю пришлось снова наводить порядок. Он дал Хвилу слово для ответа, и когда ситуация была разъяснена, дракона голосованием оправдали от всех идеологических обвинений, возведенных против него Идрисом.

Придя домой, Хвил рассказал обо всем Бронвен, но она не удивилась.

— А я знаю, — сказала она. — Джонс-почтальон мне рассказывал. Идрис, он ведь телеграмму посылал.

— Телеграмму? — заинтересовался Хвил.

— Ага, телеграмму. Он в Лондоне спрашивал у «Дейли Уоркер», какой линии придерживается партия насчет империалистических драконов. Ответа пока не было.

Через несколько дней Хеджесов разбудил стук в дверь. Хвил подошел к окну, увидел Идриса и спросил его, что случилось.

— А ты спускайся вниз, я тебе покажу, — сказал ему Идрис.

Немного поспорив, Хвил спустился вниз. Идрис повел его к своему дому и показал Хвилу на задний двор.

— Вот, смотри сам.

Дверь курятника висела на одной петле. Рядом лежало то, что осталось от двух цыплят. По двору носилась туча перьев.

Хвил посмотрел на курятник внимательней. На пропитанном креозотом дереве белели глубокие царапины. В других местах по дереву будто провели черные мазки паленого. Идрис показал на землю. Там были видны глубокие отпечатки когтей, но не целой лапы.

— Плохо дело. Лисы, что ли? — любопытствовал Хвил.

Идрис аж поперхнулся от злобы.

— Лисы, говоришь? Лисы, прямо! Кто ж еще, кроме твоего дракона! И полиция будет знать, не сомневайся!

Хеджес покачал головой:

— Это не он.

— Ах, не он? Так я, значит, вру?.. Я из тебя кишки выпущу, Хвил Хеджес, и на барабан намотаю!

— Бросаешься словами, Идрис, — сказал ему Хвил. — А как это получилось, если дракон заперт у себя в клетке, спрошу я тебя? Не веришь — пойдем посмотрим.

Они вернулись к дому Хвила. Дракон сидел в клетке, в чем не было никакого сомнения, и дверь была заперта снаружи палкой. Более того, как указал Хвил, даже если бы ночью дракон выходил, он обязательно оставил бы следы когтей, а их не было.

В конце концов соседи расстались в состоянии вооруженного перемирия. Идрис отнюдь не был переубежден, но не

знал, как опровергнуть факты, и совсем не принимал гипотезу Хвила, что какой-то идиот-шутник оставил такие следы в курятнике плотницким гвоздем и паяльной лампой.

Хвил поднялся в спальню переодеться.

— А все равно непонятно, — сказал он Бронвен. — Идрис не заметил, а палка-то в двери опалена снаружи. Как это случилось — ума не приложу.

— Этой ночью он пыхал огнем раза четыре или пять, — ответила Бронвен. — Скулил, бегал по своей клетке и когтями стучал. Никогда раньше такого не слышала.

— И в самом деле странно, — согласился Хвил. — Но ведь из клетки он не выходил, могу поклясться.

Через два дня Хвил ночью проснулся оттого, что Бронвен трясла его за плечо.

— А ну-ка, послушай, — сказала она ему. И добавила: — Огнем пыхает.

Вдруг раздался какой-то грохот, затем донеслись вопли сыпавшего проклятиями. Хвил неохотно решил, что ему стоит выйти посмотреть.

Во дворе было все, как всегда, если не считать того, что посреди двора лежала большая жестяная банка, которая, очевидно, и произвела такой грохот. Еще сильно пахло горелым и слышался шум и грохот — дракон бегал по своей клетке, вновь охваченной пламенем. Хвил открыл дверцу, выгреб обгорелую солому и набросал свежей.

— А теперь тихо! — сказал он дракону. — Будешь еще такое устраивать, я тебя далеко упрячу, и надолго. Хватит, пора спать.

Хвил и сам пошел спать, но в тот же момент, как он положил голову на подушку, уже наступил день — так ему показалось, а у порога дома стоял Идрис Боуэн и стучал в дверь.

Идрис выкрикивал что-то мало осмысленное, но Хвил сообразил, что еще что-то случилось, и потому надел пиджак и брюки и спустился вниз. Идрис бегом потрусил к своему дому и с видом фокусника распахнул ворота во двор. Хвил на несколько секунд потерял дар речи.

Перед курятником Идриса стояла самодельная западня из каких-то железных уголков и проволочного плетения. В ней среди цыплячьих перьев сидела, глядя на них топа-

зовыми мерцающими глазами, какая-то тварь сплошного кроваво-красного цвета.

— А вот это дракон, — провозгласил Идрис. — Не то что твой пестрый, как в балагане карусель. Это настоящий, серьезный дракон с крыльями — видишь?

Хвил по-прежнему молча смотрел на дракона. Его крылья были сложены, и в клетке их негде было бы расправить. Краснота, как теперь можно было рассмотреть, становилась темнее на спине и внизу светлела, зловеще играя бликами в свете языков пламени из поддувала. Да, эта зверюга была посерьезнее, чем его питомец, и вид у нее был существенно более свирепый.

Хвил сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть дракона поближе.

— Осторожней, друг, — предупредил Идрис, беря его за плечо.

Дракон скривил губы и фыркнул. Из ноздрей вырвался двойной язык пламени длиной в целый ярд — куда там зверушке Хеджесов! Воздух наполнился сильным запахом жженных перьев.

— Хороший дракон, — сказал Идрис. — Настоящий уэльский дракон! Он, видишь, злится, и не удивительно. Каково ему слышать о том, что в его стране поселился империалистический дракон! Вот он и пришел его отсюда выкинуть и скоро из твоего дракончика котлет наделает.

— Лучше бы ему не соваться, — сказал Хвил с уверенностью, которую сам не ощущал.

— И еще одно. Посмотри, он весь красный. Настоящий народный дракон.

— Ну, опять поехал за свое. Снова используешь драконов для пропаганды? Уэльский дракон уже две тысячи лет красный, и всегда был воином. Но он воевал за Уэльс, а не драл глотку в борьбе за мир. Он хороший классный уэльский дракон, и не из того яйца, что подбрасывает твой старый дядя Джо. А этот, — сказал Хвил, — у тебя воровал цыплят, не у меня.

— Да ладно, на здоровье ему, — добродушно ответил Идрис. — Он сюда пришел выгнать твоего империалиста с нашей законной территории, и правильно! Нам в Ллинллоне эти перемещенные драконы морды не нужны, и вообще в Южном Уэльсе — тоже.

— Проваливал бы ты к чертовой матери, — сказал соседу Хвил. — Мой дракон тихого нрава, никого не тро-

гает и цыпляет не ворует. Если ты к нам полезешь, я в суд подам на тебя и на твоего дракона — за нарушение спокойствия. Я тебе сказал, и ты это запомни. Пока.

Хвил еще раз взглянул в топазовые глаза красного дракона и зашагал к своему дому.

Вечером, когда Хвил сел ужинать, раздался стук в дверь. Бронвен пошла открывать и вернулась.

— Там к тебе Айвор Томас и Дэйфидд Эллис. Что-то по профсоюзным делам.

Он встал и вышел им навстречу. Они пришли с какой-то длинной историей насчет членских взносов, которые он будто бы не заплатил полностью. Хвил не сомневался, что все уплатил вовремя, но убедить этих двоих ему не удавалось. После долгого спора они, недовольно покачивая головами, согласились уйти. Хвил вернулся в кухню. Там его встретила стоящая у стола Бронвен.

— А дракона увели, — просто сказала она.

Хвил уставился на нее. Тут до него вдруг дошло, зачем они задерживали его так долго в бессмысленном споре. Он рванулся к окну. Задняя изгородь была повалена, и какие-то люди толпой за сотню ярдов от дома уносили на плечах клетку с драконом. Хвил повернулся и увидел, что Бронвен предусмотрительно заняла место в задних дверях.

— Воровство, а ты не позвала на помощь! — обвинил он ее.

— Они бы тебя отлупили и отбросили с дороги, а дракона все равно унесли бы. Это Идрис Боуэн и его компания.

Хвил снова выглянул из окна.

— А зачем он им нужен?

— Для боя драконов, — ответила ему Бронвен. — Они ставки делают. На уэльского дракона против нашего ставят пять к одному, и очень уверенно.

Хвил покачал головой:

— Неудивительно. Только это нечестно. У того дракона крылья есть, и он может нападать с воздуха. Неспортивно это, вот что.

Он снова выглянул из окна. К группе присоединялись все новые и новые люди, и они несли свой груз на пустырь, покрытый грудками шлака. Хвил вздохнул.

— Жалко мне нашего дракона. Убийство будет... Но я все-таки пойду посмотрю, чтобы Идрис Боуэн не пустился

на грязные трюки. Драка бесчестная, так чтобы она не была еще бесчестней.

— А сам ты драться не будешь? Обещаешь мне?

— Послушай, девочка, разве я совсем дурак, чтобы драться один против пятидесяти? Поверь, мозги у меня есть. Пожалуйста.

Она неуверенно посторонилась и позволила мужу отпереть дверь. Затем схватила шаль и побежала за ним, поводя ее на ходу.

Толпа собралась на плоском пятачке у подножия груды шлака и состояла из сотни примерно человек, и еще полсотни спешили присоединиться. Несколько самопровозглашенных распорядителей старались оттеснить толпу с середины пятачка, очищая для боя овальный ринг. На одном его конце свернулся в клубок красный дракон, озирая недобрым взглядом толпу. На другом конце поставили асбестовую клетку, и носильщики отскочили. Идрис заметил подошедших Хвила и Бронвен:

— А, это вы! Ну, сколько ставите на своего дракона? — Он нагло улыбался.

Хвила опередила Бронвен:

— Злобная твоя душонка и бесстыжие глаза, Идрис Боуэн! Ты свяжи своему дракону крылья, тогда мы и посмотрим. А так ты только и умеешь драться, когда у тебя подкова в перчатке. — И она оттащила Хвила в сторону.

А вокруг овального ринга заключались пари, почти все в пользу уэльского дракона. Потом на ринг вышел Идрис и поднял вверх руки, призывая к тишине.

— Сегодня у нас вечер спорта. Суперколоссальный аттракцион, как говорят в кино, сегодня и больше никогда — очень, кстати, вероятно. Так что делайте ставки. Как только прослышит про это английский закон, сразу же не станет драконьих боев, как нет петушинных.

По толпе пробежал шумок и смешок тех, кто знал о петушинных боях чуть больше, чем было известно английскому закону.

Идрис продолжал:

— Итак, я сегодня представляю вам чемпионат драконов. С моей стороны — красный дракон Уэльса, на своем поле. Народный дракон, и вы видите цвет народного дракона...

Раздались крики возражений, но Идрис перекрыл их:

— Слева — декадентский дракон империалистических эксплуататоров несчастного китайского народа, ведущего героическую борьбу за свободу под руководством великого вождя...

Но конец речи утонул в аплодисментах, выкриках, кошачьем мяуканье, и эта какофония продолжалась до тех пор, пока Идрис не сошел с ринга, махнув рукой людям у клеток.

На одном конце двое подцепили багром дверцу клетки красного дракона, потянули на себя и резко отскочили. На другом конце кто-то выбил шкворень из скобы на асбестовой двери, отворил ее и поспешил убраться с дороги.

Красный дракон неуверенно огляделся. Попробовал расправить крылья. Увидев, что это получается, он подперся хвостом, оторвал от земли задние лапы и заболтал ими в воздухе, будто разрабатывая суставы.

Второй дракон ленивой иноходью потрусил из клетки. Пройдя два-три метра, остановился и заморгал. На фоне пустыря и кучи шлака он выглядел очень уж экзотически. Он широко зевнул, показал внушительные клыки, повращал глазами туда и сюда, и тут заметил красного дракона.

В ту же секунду и красный дракон заметил другого. Он перестал болтать ногами и шлепнулся на все четыре лапы. Два дракона глядели друг на друга. Толпа затихла. Драконы были неподвижны, только концы их хвостов чуть подергивались.

Восточный дракон чуть склонил голову набок. Затем коротко фыркнул, и стебли на клочке земли перед ним съжились и пожухли.

Красный дракон напрягся. Он вдруг принял защитную позу, поднял одну лапу с растопыренными когтями и встопорщил крылья. Потом с силой пыхнул огнем — маленькая лужица, зашипев, испарилась и всклубилась облаком. По толпе прошел заинтересованный говорок.

Красный дракон пошел обходить другого по кругу, время от времени слегка вздергивая крылья.

Толпа внимательно следила. Дракон Хеджесов не двигался с места, но медленно поворачивался за противником и не сводил с него внимательных глаз.

Почти обойдя круг, красный дракон остановился. Он широко распахнул крылья и во всю глотку заревел. Одновременно с этим он выпустил две струи огня и отрыгнул клуб дыма. Толпа инстинктивно подалась назад.

И в этот самый напряженный момент Бронвен расхохоталась.

Хвил тряхнул ее за плечо.

— Тише ты! Ничего тут нет смешного.

Но она не сразу смогла остановиться.

Восточный дракон на мгновение застыл. Похоже было, что он обдумывает ситуацию. Потом он повернулся и побежал. Задние ряды заулюлюкали, а те, кто стоял в передних рядах, замахали руками, загоняя дракона обратно на ринг. Но дракон на махание руками внимания не обратил. Он шел себе вперед, время от времени пуская из ноздрей небольшую струйку пламени. Люди на его пути дрогнули и разбежались. Полдесятка человек погнались за ним с палками, но отстали — дракон бежал вдвое быстрее, чем они.

Красный дракон с ревом взмыл в воздух и пролетел над полем, плюясь огнем, как истребитель с огнеметом. Толпа стала быстро разбегаться, очищая ему дорогу.

Бегущий дракон скрылся за подножием шлакового холма, а второй сделал в воздухе горку и тоже скрылся из виду. Толпа разочарованно застонала, и часть ее рванулась за холм увидеть момент убийства.

Однако через минуту бегущий дракон показался снова. Он смешно трусил по склону холма, забираясь все выше и выше, а красный дракон все так же летел чуть сзади. Люди стояли и смотрели, пока, наконец, драконы не скрылись за гребнем. На секунду на фоне неба появился силуэт летящего дракона, сверкнула струя пламени, дым рассеялся — и начались споры о том, кто кому должен платить.

Идрис оставил спор и подошел к Хеджесам.

— Ну и трус же этот ваш империалист! Хоть бы раз огнем дунул как следует, или огрызнулся.

Бронвен посмотрела на него и вдруг улыбнулась.

— Ну и дурак же ты, Идрис Боуэн, и голова у тебя забита битвами и пропагандой. Есть еще много в мире хорошего, кроме драк, даже у драконов. Твой-то красный уж такой был молодец, уж такой красавец — прямо павлин. Совсем как ребята в воскресных костюмах на Хай-стрит в Ллангольвкосу — те уж точно не на драку налегают.

Идрис вытаращился на нее.

— А наш-то дракон, — продолжала она, — наш-то тоже ничего. Фокус, конечно, не новый. Мне и самой так когда-то приходилось. — Она искоса взглянула на Хвила.

До Идриса начало доходить.

— Так... так вы же всегда говорили «он» про свою зверюгу! — возмутился Идрис Боуэн.

Бронвен пожала плечами:

— Верно, верно. А ты умеешь отличить дракона от драконихи по виду? — Она повернулась в сторону гор. — Очень уж холодно и одиноко ему было две тысячи лет. Так что сейчас этот красный петушок не будет забивать себе голову твоей политикой. У него другое на уме. А ты знаешь, интересно будет, когда в Уэльсе начнут плодиться дракончики — и очень скоро!

ЭСМЕРАЛЬДА

Эсмеральда была лучшей актрисой, что когда-либо принимала участие в моем представлении. Я заполучил ее у одного русского — за пятьдесят центов. У тогдашних русских всегда можно было найти самое лучшее. Может быть, у теперешних тоже, да сейчас русского нелегко найти. А пятьдесят центов — тоже была цена не слабая, пусть и по зимнему времени, когда цены уходят вверх. Но уж когда я ее увидел — все, с концами, решил я. Она должна быть моей. Большая она была и сильная. А русский знал, чем владеет. Я, конечно, поторговался, но он меньше пятидесяти не взял бы ни за что.

Я был рад своей находке. Порода стала за последнее время пожиже, и мне пришлось даже изменить объявление на фургоне, которое я вывешивал всюду, где мы только останавливались:

ПОДХОДЯЩИЕ БЛОХИ ПОКУПКА ЗА НАЛИЧНЫЕ

и слово *подходящие* подчеркнуть, а то находились люди, приносившие мне собачьих блох, и кошачьих блох, и куриных блох, а потом катившие на меня бочку, отчего это я, дескать, не покупаю. Теперь такие тоже находятся, но я им показываю слово *подходящие*, и они меньше кипятятся. В толк не могут взять, что нужны сильные, здоровые, человеческие блохи. Другие породы слишком малы, и нет в них той живости. Вдруг, бывает, во время работы ложатся, или пройдет дрессировку и сразу помрет. Вот человеческие блохи — те выдерживают. На Эсмеральду я только раз глянул, и уже знал, что это настоящий товар, да еще и русская — высший класс, я уже говорил.

Esmeralda
© 1995 М. Левин, перевод

Я не сомневался, что она мне дорого обойдется. Не то что полтинника своего было жалко — зимой случалось отдавать по семьдесят пять за гораздо худших. Времена меняются, и теперь куда реже можно встретить настоящих артистов. Дело в том, что в ее будущем я видел слово «ЗВЕЗДА» так ясно, как если бы оно было написано крупными светящимися буквами; следовало только ее как следует выдрессировать.

Как раз когда я ею занялся, в фургон вошла Молли Догерти и стала смотреть, как я привязываю красную шелковую ниточку вокруг небольшой бороздки, которая у них между головой и телом. Закончив с этим, я привязал другой конец нити к полоске картона, свободный конец полоски пришил к столу булавкой и посадил Эсмеральду на стол. Сначала она, конечно же, как все они, попробовала скакать. И как! Если бы не булавка, утащила бы картонку с собой! Ее отбросило вниз, но она еще несколько раз попробовала прыгнуть.

— Ого! — сказала Молли. — Из этой выйдет толк.

Что мне больше всего нравится в Молли, это то, что она на все смотрит профессионально. Вообще женщины серьезного интереса не проявляют. Они хихикают и взвизгивают, а чаще всего поеживаются во время представления, но нет у них того, что можно было бы назвать настоящим пониманием. А Молли не такая. Она сразу разглядит артиста, как будто сама в шоу-бизнесе. Хотя на самом деле ее папаша, старый Дэн Догерти арендовал у наших ворот концессию по продаже сосисок, а его супружница и сама Молли ему там помогали.

Она, Молли, была симпатяга, темноволосая такая свежая девушка ирландского типа. Было ей что-то около девятнадцати, а мне — двадцать четыре. Догерти всем семейством уже больше двух лет ездили с нашим цирком. Я поддерживал хорошие отношения со стариком, и с ее Ма тоже неплохие, хотя старуха моих артистов на дух не выносила, а при виде меня иногда начинала этак неосознанно почесываться. Чувствительная такая дама. Зато Молли... Я на самом-то деле в Ирландии ни разу не был, хотя из-за знакомства с Молли мне иногда казалось, что был. Когда она была спокойна или грустна, в ее глазах стояла дымка, похожая на медленный голубой торфяной дымок. А бывало, что ее глаза смотрелись глубокими и темными озерами в зарослях вереска. Я ловил себя на мысли, а не похожи ли

ее контуры на изгибы холмов Ирландии, а голос у нее был такой трогательный, как все эти песни вроде «домой в Ирландию». А иногда как взглянет, как повернется, так сразу поймешь, что джига — это ирландский танец.

Мы с Молли почти всегда хорошо ладили. Встречались мы часто и много времени проводили вместе, так что это даже вошло в привычку — но и только. У нее бывали свои кавалеры. Я тоже встречался с другими девушками, хотя и не серьезно — рано или поздно они позволяли себе такие отзывы о моих артистах, что моя профессиональная гордость бывала задета. Так что они приходили и уходили, ничего в моей жизни не меняя, пока не появилась Хельга Лифсен...

Да, так я уже говорил, что у Молли был хороший глаз. Она стояла, глядя на Эсмеральду, а та сразу поняла, что от попыток прыгать толку не будет. Нить и картон тянули ее вниз, поэтому она немного отошла в сторону и, решив, что освободилась, попробовала снова прыгнуть. Тут, ей-Богу, можно было почти разглядеть, как она удивилась и стала соображать, что же не так. Потом она отошла еще немного, пока не сочла, что теперь-то уж она наверняка освободилась. В нашей профессии есть люди, которые говорят, что начинать дрессировку лучше всего в маленькой стеклянной коробочке на веретене, чтобы блохи, прыгая, отшибали себе мозги, а вся штуковина в это время бешено крутилась. И когда их вот так порастрясати, они начинают ходить с оглядкой. В наши дни еще пускают в ход всякие электрические штучки, но я привык работать так, как с Эсмеральдой. Это действует. Через некоторое время они начинают описывать круги вокруг булавки с картонкой, а через несколько часов уже и не думают прыгать, разве что время от времени.

Эсмеральда училась быстро. Как правило, их до выпуска в представление надо тренировать недели две, а тут было сразу видно, что если бы я не решил делать из Эсмеральды звезду, ее можно было бы обучить гораздо быстрее.

— А что она будет делать? — спросила Молли. — Только не говори мне про велосипед.

Она знала, что у меня была идея: артиста можно научить ездить на велосипеде. Этого еще никто никогда не делал, и я хотел быть первым. Точнее говоря, никто никогда такого не сделал, хотя я пытался иногда, когда ко

мне попадал подающий надежды артист. Блохи, как ни странно, не могут понять, что такое равновесие.

— Я ее попробую, — сказал я Молли. — И если у нее не получится — ну что ж, таскать тележку она сможет.

— Работа для осла, — возразила Молли. — Она же явно способна на большее. Мы должны ей что-то придумать.

Тут моя красавица была права. Стоило посмотреть, как Эсмеральда таскает картонку! Блохи вообще очень сильные. Лучший артист, который был у меня до этого, тащил вес в двести пятьдесят раз больше собственного, а Эсмеральда явно собиралась далеко перекрыть этот рекорд. Я только собирался сказать Молли, что надо заняться ею всерьез и не спешить вводить в представление, как Молли вдруг отвернулась от Эсмеральды и обратилась ко мне:

— Джо, а что, если нам завтра утром закатиться на пляж? У них тут шикарный пляж — кабинки, каное и вообще чего захочешь.

— Я бы с удовольствием, Молли, — ответил я. — Но завтра утром у меня свидание.

Молли посмотрела на Эсмеральду. Та все еще ходила кругами по столу.

— С блондинкой? — спросила она спокойно.

Никакой не было причины, почему бы мне не иметь свидание с блондинкой, брюнеткой или шатенкой, но как бы вам сказать... было в ее голосе что-то такое... или наоборот, чего-то такого в ее голосе не хватало. Ну, так или иначе, я ответил:

— Честно говоря, свидание с одним парнем. Он обещал найти для меня несколько чистопородных, если я сам за ними приду.

И тут в фургоне возникла Хельга — такое уж мое везение. Открыла дверь, не постучав, и просунула голову. Молли взглянула на нее и перевела взгляд на Эсмеральду. Хельга взглянула на Молли и сморщила нос на Эсмеральду.

Ее даже это не портило. Она была прекрасна. Не только лицом, но вообще всей своей внешностью. Большие голубые глаза, волосы, как вспышка солнечного света, и фигура, перед которой спасовал бы любой скульптор. Неудивительно, что ей так аплодировали на каждом представлении. Когда она шла по проволоке или балансировала на шесте под куполом в свете прожекторов, казалось, что

она плывет в небе. Я думаю, что так мог бы выглядеть ангел — если бы не бедра. Мне навсегда запомнился ее прекрасный и спокойный вид, хотя я видел ее представление всего раза два, потому что меня всегда бросало в пот от волнения. Сейчас она была одета в красный джемпер и голубые брюки, но и это ей шло.

— Привет, Джо, — сказала мне Хельга. — Ты про-сти, боюсь, что ничего не выйдет. Мне только что сказали, что завтра в одиннадцать утра репетиция. Я не знала, извини.

И вышла.

Я глянул на Молли, но она ничего не сказала, будто и не слышала. Она только смотрела на Эсмеральду, а та ходила все кругами, кругами, кругами...

После мы с Молли встречались лишь мельком. Мне было жаль, что она не видит, как подвигается дрессировка Эсмеральды. Эсмеральда вошла в хорошую форму, и Молли могла бы подкинуть насчет нее парочку хороших идей. Но Молли считала, что у нее есть право чувствовать себя обиженной, хотя мне так не казалось — мы же не были помолвлены или что-нибудь в этом роде. А, с ними всегда так! Мне кажется, что если ты предъявил заявку, то как-то поставь в известность... они же как будто считают, что каждый должен знать и так. Ну вот она и ходила, как в целлофан завернутая.

Меня это не очень тревожило. Большую часть времени, свободного от возни с артистами (а возни с ними немало) у меня в голове была Хельга. Я все думал о том, когда я ее последний раз видел, или когда увижу ее снова, и что я забыл сказать, и что скажу в следующий раз, и все прочее в этом роде. Может, я слегка о ней бредил. Меня манил не только ее вид, а вообще все. Вот, например, как она двигалась — уверенно. Канатоходца всегда можно узнать по тому, как он движется. В Хельге чувствовался класс. Она работала под куполом, а в те времена воздушные гимнасты, как правило, понимали дистанцию между собой и режиссерами блошиного цирка.

Я старался видеться с ней как только мог часто, а когда не удавалось ее увидеть, шатался вокруг, стараясь поймать момент. По утрам после ее тренировки или репетиции мы

куда-нибудь ходили, а по вечерам мы встречались после представлений.

Если бы я участвовал в Скачке Смерти, Романтической Реке или Зале Ужасов, все это было бы гораздо проще, но мои артисты усложняли дело. Как-то в разговоре я заметил, что Хельга бросает беглые взгляды на тыльные стороны моих рук и морщится. Ее как-то передергивало, и я знал, о чем она думает, но черт возьми, актеров же надо кормить, как и всякого другого. Я единственное что придумал — прикладывать их выше по руке, чтобы следы скрывались рукавом. Она не могла к этому отнестись разумно — женщинам это вообще не удается.

— Лапонька, — говорил я ей, — взгляни на вещи объективно. Если бы это были львы, тюлени или слоны, ты бы так не кривилась. Артисты они маленькие, но тоже творения Создателя, как и мы все.

— Я знаю, — отвечала она, — но все равно предпочитаю львов.

— Здоровенные и неуклюжие грубияны, — возражал я. — Они только и умеют, что прыгать на тумбы и стоять там, порывая, пока толпа надеется на худшее. А мои артисты могут сыграть настоящий спектакль...

Бесполезно. Сколько бы я ни говорил, она неизменно в конце заявляла, что предпочла бы львов.

И еще одно. Есть девицы, которым — чем бы ты ни занимался — важно одно: насколько ты готов пренебречь своим делом ради них. И это тщательно продуманная ловушка, где они в обоих случаях выигрывают. Если ты не пренебрежешь, то ты ее недостаточно любишь, а если пренебрежешь, то ты тряпка и слабак. Теперь я понимаю, что Хельга тоже вокруг этого крутила, но тогда я честно думал, что все дело в моих артистах.

Может быть, я запустил слегка свою работу, но сказать, что я ей пренебрегал, нельзя. Выступления продолжались, а тем временем я готовил Эсмеральду к премьере. Насколько меня разочаровало, что она, как и прочие, не могла держать равновесие на велосипеде, но у меня были кое-какие идеи, как ее использовать. Должен сознаться, что испытывал нехватку предложений, на которые так щедро была Молли. До того времени я как-то не обращал внимания, как много из того, что она предлагала, было введено в представление, и в тот момент они мне тоже очень бы не помешали. Ну, как бы там ни было, а мы с Эсмеральдой готовились к выходу. Она была несомненно сильна и могла

тащить тележку с шестью артистами, но права была Молли, что глупо использовать талант как тягловую силу.

Прошло три недели, и я счел, что Эсмеральда готова к дебюту. И тогда я прикрепил к пологу специальное объявление:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ
ЭСМЕРАЛЬДА
ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
САМОЙ ЗНАМЕНИТОЙ В МИРЕ
PULEX, ИЛИ БЛОХИ

ТОЛЬКО У НАС СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Может быть, это их и заманило. А может, и нет; так или иначе, в тот вечер зал был полон.

Я начал как обычно, дав свет на пустой ринг. Затем отдернул занавес, открыв взорам зрителей оркестр. Десять исполнителей привязаны к своим местам, и у каждого прикреплен к ноге инструмент. Одиннадцатый — певец — несколько выдвинут вперед и прицеплен к стойке микрофона. Они сидели тихо, пока я не запустил под стойкой патефон. Когда закрутился диск, платформа завибрировала, они возбудились и задергали своими инструментами, создавая полную иллюзию, что играют именно они. Я дал пластинке доиграть, а потом объявил:

— Дамы и господа! Сегодня мы представляем вам впервые на сцене самую талантливую блоху в мире, блоху с университетским образованием. Леди и джентльмены, сегодня мы представляем вам Эсмеральду!

Я поставил другую пластинку и выпустил на ринг Эсмеральду. В первый момент мне показалось, что моя звезда проваливается, но тут она поехала. На двухколесном она, быть может, и не ездила, но кому какое до этого дело, если со своими длинными, как у кенгуру, ногами она могла не хуже тащить трехколесный. Эсмеральда сделала молниеносный рывок через ринг к музыкантам и упала перед оркестром. Но я ее подхватил и она поехала — все быстрее и быстрее, накручивая круги вокруг ринга, как будто в велогонке. Это было великолепно, и зрители, надо сказать, приняли ее на ура. Все было тип-топ — разве что костюмчик следовало бы ей сделать не розовый, а поярче, и на следующих выступлениях я его сменил.

Пока я готовил Эсмеральду к следующему представлению, на арене выступили боксеры. Теперь артистов возбуждают сжатым воздухом, а я просто ставил под платформу часовой механизм, и от его тиканья платформа начинала дрожать. У артистов на верхних ногах были перчатки, а сами они были связаны ниткой, незаметной для зрителей. Когда я их ставил на платформу, они начинали злиться и, казалось, драться взаправду. Так они тузили друг друга, пока я готовил Эсмеральду к гонкам колесниц.

Представление шло отлично, и финал тоже удался. Для него я припас Великую Битву Гладиаторов. Я взял восемь артистов, к одной передней ноге прикрепил им меч, а к другой — щит, и поставил их в маленький ринг внутри большого. У этого ринга с одной стороны была клетка, и когда у нее поднимали двери и стучали по задней стенке, вылезал большой клоп. Артисты клопов не любят; они на него насккивали, как только он приближался, и очень скоро клоп разъярялся. Увы, всегда находятся люди, которые начинают кричать о жестоком обращении с клопами и угрожают жаловаться в Комитет по Надзору. Они не верят, что старина клоп всего лишь слезу пускает от злости. Наверное, потому, что это слишком похоже на правду — люди вообще странный народ.

Как бы там ни было, а я теперь вместо гладиаторских боев устраивал свадьбу. Свадьба была шикарная! На одной стороне оркестр наяривал «Вот входит невеста», на другой стороне певцы размахивали нотами, посередине топтался священник, а перед ним Счастливая Пара. Мне пришлось поручить Эсмеральде роль невесты, а жениха — во-первых, она была крупнее всех остальных, а во-вторых, у нее было что-то вроде аллергии на вуали, но я считал, что никто, кроме меня, подмены не заметит.

Эффект был потрясающий. Публика смеялась и не могла остановиться, даже когда я опустил занавес. И оставшиеся три представления тоже прошли как надо. А потом я быстренько закрылся, благо собирался на встречу с Хельгой...

На следующее утро, когда я вошел в палатку покормить труппу, меня просто оглушило. Исчезла дюжина артистов, и среди них — Эсмеральда. Ну, мне приходилось и раньше терять артистов — как бы аккуратно с ними ни обращались, иногда кого-нибудь все-таки потеряешь, но чтобы

целая дюжина... И все же факт был налицо: стеклянные крышки сдвинуты, артистов нет. Я бы даже решил, что кто-то их выпустил, если бы это было хоть кому-нибудь нужно. Но людей, как правило, больше устраивало, что артисты закрыты в своих коробках, и потому мне пришлось предположить, что я сам был неаккуратен, когда спешил на свидание с Хельгой, — ей бы очень не понравилось ожидание.

Ну, я начал шарить вокруг. Я так думал, что они далеко уйти не могли, однако никого не нашел. Было похоже, что они смылись быстро и далеко. Конечно, нельзя рассчитывать, что артист не выпрыгнет из труппы, если дать ему шанс. Больше всех мне было жалко Эсмеральду — она становилась настоящей актрисой.

Представление не шло. Толпа была вроде заинтересована, и кое-где слышались смешки, но заставить их засмеяться, как накануне, мне не удавалось. И я все никак не мог отвлечься от своих мыслей, когда потом в этот вечер встретился с Хельгой — но ей я не рассказал, что Эсмеральда и другие сбежали. Я понимал, что она воспримет это не так, как я. Вот Молли... Но сейчас я думал о Хельге.

И все же она что-то заметила.

— О чем ты сегодня думаешь, Джо? — спросила она, когда мы вошли в рощу за цирком.

— Да ни о чем, — ответил я. — Ни о чем, кроме того, что я, может быть, влюблен.

— Может быть? — переспросила Хельга, глядя мимо меня.

Я остановился и взял ее за руки выше локтей.

— Нет. Не «может быть». Я с ума по тебе схожу. И ты это знаешь. Я люблю тебя так, как никогда никого не любил. Понимаешь, я... Ты меня хоть немножко любишь? Не мучь меня, скажи, милая, у тебя хоть немножко сердца есть?

Хельга тихо стояла, глядя своими синими глазами прямо в мои, и они были ласковей, чем я в своей жизни видел.

— Сердце у меня есть, Джо — может быть, даже слишком много... Но тебе, я вижу, нужно такое сердце, которое занято только тем же, что и ты, — а такого сердца у меня нет...

Я не очень слушал, что она говорит, а только наслаждался тем, как она смотрит.

— Милая, дай мне шанс. Может быть, мы найдем выход — я ведь так тебя люблю...

Она кинула на меня удивленный взгляд, потом взяла меня под руку, и мы пошли молча.

Уже возле ее фургона я обнял ее за плечи и поцеловал.

— Милая, — прошептал я. — Милая, можно к тебе зайти — просто на минутку?

Она мгновение помолчала, не двигаясь. Потом сказала:

— Да, Джо. Тебе можно зайти...

Поговорка есть о ярости женщины отвергнутой — но что сказать о женщине укушенной?

Хельга так резко сдернула с нас простыню, что я вскочил. Она всмотрелась и пронзительно взвизгнула:

— Смотри!

Я посмотрел.

Их там было полдюжины. И все мои, точно — у них вокруг шеи были красные шелковые ленточки.

— Так это ты их взяла! — воскликнул я. — Да зачем же они тебе сдались?

Раздался звук, будто она поперхнулась.

— Я? — заорала Хельга. — Я? — Она перевела дыхание. — Вон отсюда! Пошел вон! И этих заведи с собой!

Я смотрел на артистов. Зная, как она к ним относилась, я понять не мог, зачем бы ей было их красть. Совсем сбивший с толку, я уставился на нее.

Лицо Хельги перекошилось — и я увидел, какая она бывает, когда забывает быть красивой. С полного разворота руки она открытой ладонью вlepила мне пощечину — со всей мощью тренированных на трапеции мускулов.

Когда искры перед глазами погасли настолько, что я смог разглядеть дорогу наружу, я понял — черт с ними, с артистами.

На следующее утро меня разбудил стук в дверь — часом позже, чем я встаю обычно.

— Порядок! — крикнул я. — Войдите!

Это был старый Догерти. Он напустил на себя важный вид человека с ответственным поручением, и этот вид ему не шел. Старик закрыл дверь, выполнив эту работу с должной аккуратностью, а потом занял место на одном из табуретов, оглядывая меня оценивающим взглядом.

— Так-так, — сказал он, — полеживаем? Вчера, небось, поздно воротился?

Что-то было несвойственное ему в этих словах — это кроме того, что такие вступления были не в его стиле.

— Ага, — сказал я, не расположенный распространяться.

— А я и так знаю, что ты поздно пришел. Я тут к тебе приходил в полвторого. Хотел узнать, что это за разговоры о повышении арендной ставки — а тебя не было. — Он помолчал, все так же оглядывая меня. — Так где же это ты был так поздно?

Тут и я на него уставился. Уж во всяком случае не в моем обычае отвечать на такие вопросы кому бы то ни было. Но он был отец Молли, и это несколько затрудняло ответ.

— Я так думаю, что это мое дело, — ответил я ему.

— А может, и мое тоже, — возразил он.

Я по его взгляду видел, что он что-то знает. Ну ладно, так что? Тут полгорода знало, что я равнодушен к Хельге. Это было неприятно Молли, но иногда жизнь поворачивается так, что...

— Ваше дело? — спросил я, всерьез недоумевая.

— Ага!

Тут он вытащил из кармана руку таким образом, что мне показалось, будто там револьвер. Но там его не было. А была маленькая стеклянная бутылочка, а в ней — Эсмеральда, яркая и блестящая. Я взял у него из рук бутылку.

— Боже мой! Классно, Дэн. Где вы ее нашли?

— А я ее не находил, — ответил он не спеша. — Это моя старуха ее нашла. Сегодня утром наткнулась, когда убирала постель у Молли в комнате.

Я уставился на него и надеюсь, что вид у меня был не более дурацкий, чем самочувствие.

А он продолжал, еще тише, как будто устал:

— Так вот я интересуюсь, сынок, что ты собираешься по этому поводу делать?

Ну, есть такие вещи, которых лучше не касаться. Так или иначе, но ни Молли, ни я много не говорили о том, что случилось в ночь, когда пропала Эсмеральда.

А Эсмеральду я снова поставил на работу, и она срывала бешеные аплодисменты. В течение десяти месяцев она

была лучшей актрисой, которую я в своей жизни видел. А однажды умерла. Умерла прямо в седле своего трехколесного велосипеда, как настоящий артист. Это была большая потеря для представления. Таких я с тех пор больше не встречал, и думаю, что Молли горевала не меньше меня.

Но когда Молли сделала мне подарок на нашу первую годовщину, что-то такое у нее в глазах промелькнуло. Мне на секунду показалось, что она смеется, хотя ничего смешного не было.

А подарок был красивый. Булавка, какие тогда носили, из чистого, настоящего золота. Головка из овального куска стекла, а внутри стекла — Эсмеральда...

РАДА С СОБОЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Перед витриной, зажатой в простенке между кондитерской и парикмахерской, Фрэнсис остановилась. Ничего нового в витрине не было. Фрэнсис сотни раз проходила мимо, сама того не замечая, но до сегодняшнего дня ничто не привлекало ее взгляда, может быть, потому, что раньше рядом с витриной не было открытой двери. А вообще у Фрэнсис не было резона останавливаться. Ее будущее, по крайней мере в основном, было, как и у всякой женщины, очень точно расписано.

Тем более что приклеенный за стеклом листок не говорил прямо о будущем. Там предлагались Определение Характера, Научная Теория Ладони, Психологический Прогноз, Семантико-Социологические Расчеты и прочие достойные предметы, находящиеся вне как Искусства Колдовства, так и интересов полиции, но идея будущего как-то читалась между строк. Сейчас, впервые, Фрэнсис почувствовала, что это ее интересует — поскольку не каждый день отсылаешь обратно обручальное кольцо и остаешься без будущего.

Как бы там ни было, мелькнула не очень приятная мысль, какое-то будущее ей все же предстоит...

Она прочла об Овладении Судьбой, Развитии Личности, Раскрытии Возможностей, снабженных длинным списком свидетельств тех счастливых, которые почерпнули из дружеских советов сеньоры Розы разрешение трудностей, ценное руководство, духовное укрепление и способность противостоять миру.

Как-то особенно сердце Фрэнсис отозвалось на слово «руководство». Трудно, конечно, себе представить, как это Фрэнсис пойдет к совершенно незнакомой женщине и по-

How Do I Do?

© 1995 М. Левин, перевод

лучит от нее план, тщательно разработанный план своей дальнейшей жизни, но мир так изменился с тех пор, как она передала в почтовое окошко маленькую заказную бандероль, и в этом мире у нее, Фрэнсис, никаких планов не было, а если так — то вдруг какой-то мудрый советчик поможет ей найти какую-то путеводную нить...

Она повернулась, поглядела направо и налево по улице с видом человека, который всего лишь любит свежесть летнего дня. И, не увидев никого знакомых, вошла в дверь и стала подниматься по грязной крутой лестнице.

— Замужество, понимаю, — произнесла сеньора Роза, чуть заметно икнув. — Замужество! Вот всем им только одно и подавай. Все хотят знать, как он выглядит! Им не надо знать, будет он их бить, или бросит, или просто убьет. Просто — как он выглядит, чтобы знать, на кого набрасывать лассо.

Она глотнула из стакана возле своего локтя и пошла дальше:

— Насчет детей то же самое. Им все равно, кем те вырастут — хоть гангстерами, хоть кинозвездами, а вот только возьми да и скажи, сколько их будет. Ни оригинальности. Ни воображения. Прямо как овцы — только каждой подавай своего барана.

Сеньора Роза снова икнула, на этот раз явственнее.

Фрэнсис начала отступление.

— Если так, то я, наверное...

— Не надо. Сядь, — сказала сеньора. Фрэнсис заколебалась, и сеньора повторила негромко, но твердо: — Сядь!

Вопреки своему намерению и довольно неприглядному виду стула Фрэнсис села.

Глядя на гадалку через столик, на котором стояли лампа и магический кристалл, Фрэнсис понимала, какого она сваяла дурака, что пришла сюда. Эта сеньора с ее смуглой кожей, мерцающими черными глазами и ослепительно ненатуральными рыжими волосами как-то мало подходила на роль симпатичного и мудрого консультанта: чуть навеселе, мантилья прихвачена высоким гребнем справа, слева над ухом болтается искусственная роза, тяжелые веки прищурены от сигаретного дыма, придавая старухе еще более отталкивающий вид. Конечно, следовало повернуться и

уйти, но Фрэнсис сразу не хватило решительности, и она все никак не могла собраться это сделать.

— Я торгую честно. Мое правило: клиент за свои деньги имеет настоящий товар. И никто не скажет, чтобы я его нарушила! — торжественно объявила сеньора. — Деньги вперед, и настоящий товар. Может, за особые услуги я и беру чуть больше, но уж товар ты получишь без подделки.

Она зажгла маленькую лампу с плотным розовым абажуром рядом с кристаллом, неуверенно прошла по комнате, задернула тяжелые шторы и вернулась к столу.

— В полумраке, — пояснила она, — проще сосредоточиться.

Она ткнула окуроч в пепельницу, допила свой стакан, сдвинула головной гребень поближе к середине и приготавлилась к работе.

— Сейчас найдет, — сказала она, прислушиваясь к своим ощущениям. — Иногда находит, иногда нет. Заранее не скажешь. Сейчас, чувствую, найдет. Сказать чего от фонаря на глаз — пожалуйста! Только я так не делаю, хотя запросто могу. Но не делаю. Ты чего-нибудь особого хочешь, или только как все — муж, дети?

Полумрак изменил облик сеньоры. Рыжие волосы стали темнее, черты лица обострились, отблески заиграли на длинных серьгах, качавшихся, как колокола, и черные глаза замерцали ярче.

— Э-э... нет, — проямлила Фрэнсис. — Я, честно говоря, передумала. С вашего разрешения...

— Чушь! — отрезала сеньора. — Сегодня на меня находит, а когда ты явишься через пару дней, может и не найти. Начнем с твоего будущего мужа.

— Не надо. Я не... — залепетала Фрэнсис.

— Чушь! — повторила сеньора. — Вам всем только одно и надо, и сиди тихо. Концентрируюсь.

Она подалась вперед, затенив кристалл рукой от прямого света, и стала в него вглядываться. Фрэнсис смотрела на гадалку, ощущая какую-то неуютность. Ничего не происходило, только постепенно стихали качания серег в ушах сеньоры.

— Ха! — произнесла сеньора так неожиданно, что Фрэнсис подпрыгнула. — Симпатичный парень.

У Фрэнсис было смутное ощущение, что такие слова, даже полностью фальшивые, надо было бы произносить в более убедительном тоне и в другой форме, но сеньора продолжала:

— Красивый галстук. Темно-синий с темно-золотым, и посередине красная строчка.

Фрэнсис тихо сидела, а сеньора, наклонившись к шару и всматриваясь, говорила:

— На пару дюймов выше тебя. Примерно пять футов десять дюймов. Волосы светлые, ровные. Красивый рот. Хороший подбородок. Нос прямой. Глаза темно-серые, чуть с голубыми искрами. Над левой бровью полукруглый шрам, старый. Он...

— Хватит! — крикнула Фрэнсис.

Сеньора взглянула на нее, и снова уставилась в кристалл.

— Ладно, тогда дети...

— Хватит, я вам сказала! — крикнула Фрэнсис еще раз. — Я не знаю, как вы о нем узнали, но это все неправда! Еще вчера я бы вам поверила, а сегодня это совсем неправда!

Она вдруг словно наяву увидела, как опускает кольцо с пятью маленькими бриллиантами на войлочную подстилку и закрывает коробку, и воспоминание было невыносимым. Она почувствовала, как закипают слезы у нее внутри.

— Случается иногда слегка поссориться... — начала сеньора.

— Да как вы смеете! Это не размолвка, это все. Конечно. Я больше его видеть не хочу. Так что хватит этого фарса.

Сеньора взглянула на нее в упор:

— Фарса! — воскликнула она, как бы не веря. — Ты мою работу назвала фарсом! Да известно ли тебе...

Фрэнсис настолько разозлилась, что слезы решили подождать.

— Да, фарс! — повторила она. — Фарс и мошенничество! Я не знаю, как вы раздобываете сведения, но сейчас это не сработало! Устарела ваша информация! Вы... вы пьяная старая мошенница, и наживаетесь на людских несчастьях! Вот вы кто!

И Фрэнсис вскочила, чтобы выбраться из комнаты, прежде чем разревется.

Сеньора сверкнула глазами и схватила ее за руку, как клещами.

— Мошенница? Мошенница! Ах ты сопливая нахальная девчонка! А ну сядь!

— Пустите руку! Мне больно!

Сеньора подвинулась совсем вплотную. Из-под сердито сдвинутых бровей смотрели горящие глаза. Она снова приказала:

— Сядь, говорю тебе!

Фрэнсис вдруг поняла, что она больше напугана, чем рассержена. Она попыталась выдержать взгляд сеньоры, но отвела глаза и села, отчасти потому, что чужая рука на запястье тянула ее вниз, но больше от какой-то нервной слабости.

Села и сеньора, не выпуская запястья Фрэнсис.

— Так ты назвала меня мошенницей!

— Вам кто-то рассказал про Эдварда, — упрямо сказала Фрэнсис, стараясь не встречаться с ней глазами.

— Вот кто мне рассказал, — сеньора ткнула свободной рукой в сторону хрустального шара. — Вот кто, и больше никто! Он мне много чего рассказывает. Но ты ведь не веришь, нет?

— Я не имела в виду... — начала Фрэнсис.

— Ладно, не ври. Имела. Никакого уважения. У современной молодежи. К старшим. Ну ладно. Таких сопливых девчонок надо учить! Хочешь, скажу тебе, когда ты умрешь? Или когда твой Эдвард умрет?

— Нет, не надо, пожалуйста, не надо!

— Ага! Боишься! Ты же не веришь, так чего же ты боишься?

— Извините меня. Я прошу прощения. Я была расстроена. Отпустите меня, по... — начала Фрэнсис, но сеньору не так-то легко было смягчить.

— Фарс! Мошенница! Соплячка! — повторила она с нажимом, и стало тихо.

Хватка на запястье Фрэнсис не ослабевала. Наконец Фрэнсис не выдержала и на мгновение подняла взгляд на сеньору. И удивилась перемене выражения ее лица: на нем теперь читался не гнев, а какая-то неопределенная встревоженность. Было похоже, что сеньору осенило вдохновение. Рука на запястье Фрэнсис сжалась еще сильнее.

— Я тебя проучу, вот что, — решительно заявила гадалка. — Тошнит меня уже от этих соплячек. Ты у меня сама все увидишь. Смотри в хрусталь!

Фрэнсис против своей воли приподняла голову и заглянула в кристалл. Это был совершенно неинтересный кусок стекла, в котором переплетались искаженные отражения.

— Это глупо, — сказала Фрэнсис. — Я ничего в нем не вижу. И вы права не имеете...

— Тихо! Смотри — и все! — оборвала ее сеньора.

Фрэнсис продолжала смотреть в кристалл и в то же время обдумывала, как отсюда выбраться. Даже если удастся освободиться, то, пока она будет бежать к двери, сеньора успеет ее поймать. А если... но тут ее мысли прервались, и Фрэнсис заметила, что кристалл уже не прозрачный. Он затуманился, как будто запотел, однако туман все сгущался и сгущался, пока не стал как дым.

Странно. Какие-то старухины фокусы. Наверное, гипнотический эффект, и кажется, что кристалл растет и растет. Он ширился и ширился, пока не осталось нигде ничего, кроме клубящегося тумана...

И вдруг все разом исчезло, и Фрэнсис обнаружила, что сидит на стуле и смотрит в прозрачный кристалл. Хватки на запястье тоже не было, а осмотревшись вокруг, она увидела, что нет и сеньоры.

Фрэнсис схватила сумочку и стала пробираться к двери. Пока она шла на цыпочках, из внутренней комнаты не донеслось ни звука. Осторожно открыв дверь, она так же осторожно ее за собой закрыла и скатилась вниз по лестнице.

Очень неприятное приключение, сказала себе Фрэнсис, торопясь уйти от этого места. В сущности, когда тебя вот так хватают и удерживают против твоей воли, надо сказать полисмену — может быть, это расценивается как нападение или еще хуже... Но так и не решив, собирается ли она звать полисмена или нет, Фрэнсис очнулась от мыслей о своем приключении и посмотрела вокруг.

И с самого первого взгляда сделала открытие, перед важностью которого сразу исчезли мысли о таких несерьезных материях, как полиция. Оказалось, что у всех, кто уже решил начать сезон ситца, платья гораздо короче и гораздо уже, чем у нее! В полном удивлении Фрэнсис смотрела на эту моду. Нет, надо просто с головой уйти в личные дела, чтобы пропустить такое радикальное изменение! На секунду она остановилась перед витриной и оглядела синее в белую полоску ситцевое платье на своем отражении. Оно выглядело ужасно — как будто его вытащили из сундука. Со второго взгляда на другие платья ее

бросило в жар от неловкости: можно было подумать, что она выкроила платье из старого покрывала...

Ясно, что остается только одно, и сделать это необходимо как можно быстрее.

Фрэнсис повернулась и пошла в направлении модного магазина Вайльберга.

Выйдя снова на улицу через полчаса, она с облегчением вздохнула. Благотворное общение с миром моды и полное освобождение всех мозговых ресурсов для решения важнейшей проблемы выбора платья с привлекательными узорами из пальм и ананасов помогли увидеть эпизод с сеньорой Розой в должной перспективе. Будучи спокойно рассмотрен за стаканом крем-соды, этот эпизод стал занимать гораздо меньше места в сознании. Намерение информировать полицию оставило Фрэнсис. Если будет предъявлено обвинение и ей придется давать показания, то придется сначала выставить себя просто душой, потому что пришла в такое место, а потом еще и бесхарактерной душой, потому что осталась против своего желания. Да еще все это попадет в газеты, и Эдвард...

Тут она вернулась к мыслям об Эдварде. И подумала: а почему, собственно, кое-кто повел себя и здесь как маленькая глупая дура? Ведь они с Милдред были знакомы годами, и всего два-три танца... Правильно люди говорят, что надо не слишком давать волю своим чувствам собственника. По крайней мере через несколько дней после помолвки... Да нет, это не выглядело недостойным или легкомысленным... И все-таки... Господи, как бывает сложна жизнь!

Хотя Фрэнсис решила идти домой, она не выбирала дороги. Не то чтобы она сама сказала себе: «пройдем по авеню Сент-Джеймс, мимо того дома, который мы для себя присмотрели». Просто как-то оказалось, что ноги несут ее по этому пути.

Подходя к дому, она замедлила шаг. Был момент, когда она почти уже решила повернуть назад и обойти кругом, но подавила это желание. В конце концов нельзя шарахаться от любого напоминания — рано или поздно надо привыкнуть к реальному положению вещей. И Фрэнсис решительно пошла вперед.

Вот уже показался верхний этаж дома над изгородью. Комфортабельный, симпатичный, дружелюбный дом. Не новый, но современный, и при этом без потуг на «модерн». При виде заветного дома она ощутила комок в груди, а вскоре комок сменился чувством отчаяния — на пустых ранее окнах появились шторы, живые изгороди подстрижены, табличка «Продается» исчезла.

Перед воротами Фрэнсис остановилась. За те несколько дней, что она здесь не была, многое изменилось. Дом отремонтировали, клумбы в саду были засажены тюльпанами, смоковница у боковой стены подрезана и подвязана, окна сияли. Через открытую дверь гаража виднелся уютного вида автомобиль. Лужайка перед домом тоже была аккуратно подстрижена. А на лужайке девочка лет четырех в голубом платье серьезнейшим образом принимала званных на чай гостей, которых изображали три разного размера плюшевых медведя и кукольный уродец.

Фрэнсис вознегодовала. Это уже был почти ее дом, она уже решила, что он и будет им свадебным подарком от ее отца — а теперь кто-то выхватил его у нее из-под носа без единого слова предупреждения! Может, это было бы не так больно, если бы дом не был так явно, так агрессивно населен. Впрочем, не имеет значения — ведь с Эдвардом покончено.

И все равно у нее возникло чувство, как будто ее обжулили, причем непонятно как...

Девочка на лужайке увидела, что у ворот кто-то стоит. Она прекратила выговор кукленку на полуслове, бросила кукольную чашку и блюдце и побежала навстречу Фрэнсис.

— Мама! — позвала она.

Фрэнсис оглянулась. Сзади никого не было. Она инстинктивно нагнулась навстречу подбегающей фигурке, и девочка обхватила ее за шею.

— Мама! — повторила она, тяжело дыша. — Мама, ты должна сказать Голли, — она показала рукой на кукленку, — чтобы он так больше не делал. Он разговаривает с набитым ртом!

— Э-э, — промямлила Фрэнсис, у которой внезапно перехватило горло, — ты... я...

— Мама, ну скорее, — девочка отпустила ее шею и потащила Фрэнсис за руку, — он же приобретает дурную привычку!

Сбитая с толку, Фрэнсис позволила провести себя через лужайку к званому чаю. Девочка поправила сползавшего уродца, чтобы он сидел прямо.

— Вот так! Теперь пришла мама, и тебе придется вести себя как следует. Мама, скажи ему! — Она смотрела на Фрэнсис с ожиданием.

— Я... э-э... ты... — начала Фрэнсис.

Девочка озадаченно на нее посмотрела:

— Мама, что с тобой?

Фрэнсис смотрела на нее, и в памяти всплывали собственные фотографии в том же возрасте. Ею овладевало какое-то странное чувство. Маленькое серьезное личико у нее перед глазами чуть поплыло. На нем появилось озабоченное выражение:

— Мама, тебе нехорошо?

Фрэнсис усилием воли привела себя в чувство.

— Да нет, э-э... дорогая, все в порядке, — неуверенно произнесла она.

— Тогда скажи Голли, чтобы он так не делал.

Фрэнсис опустила на колени и была этому рада: так она почувствовала себя устойчивей. Она обратилась к возмутителю спокойствия, который тем временем просто упал носом вперед и так и лежал, пока не был приведен в надлежащий вид своей хозяйкой.

— Голли, — начала Фрэнсис, — Голли, ты меня просто возмущаешь. Если тебя приглашают на чай...

Так по-настоящему! Все вокруг — настоящее!

Теперь, когда ком в груди — не паника и не испуг, а что-то среднее — рассосался, Фрэнсис смогла оценить ситуацию спокойней. Классический способ очнуться от сна — ущипнуть себя, что Фрэнсис и сделала добросовестно, хотя и безрезультатно. Она посмотрела на свою руку, пошевелила ею — все та же знакомая рука. Она подняла травинку с газона: настоящая травинка, нет сомнения. Она слышала все окружающие звуки, их естественное происхождение трудно было бы отрицать. Она подняла ближайшего медвежонка и осмотрела его. Нет, сон не может быть таким детальным. Она села на пятки, посмотрела на дом, заметила полосатый стул на веранде, узор на шторах, следы недавней покраски...

Она всегда думала, что галлюцинации должны быть туманными, неясными. А эта прямо-таки сияла яркими красками.

— Мама, — сказала девочка, отворачиваясь от своих гостей и вставая.

У Фрэнсис чуть сильнее забилося сердце.

— Да, милая?

— У меня очень важное дело. Ты посмотришь, чтобы Голли хорошо себя вел?

— Я думаю, что он теперь все понял.

На серьезном детском лице в раме светлых волос явно выразилось сомнение:

— Может быть. Хотя он довольно испорченный мальчик. Я скоро вернусь. Очень важное дело.

Фрэнсис смотрела, как синее платьице исчезло за углом, когда ребенок побежал по своим таинственным делам. Она вдруг почувствовала себя несчастной, заброшенной. Все так же стоя на коленях, она держала в руках плюшевого медведя и смотрела на него, а мишка отвечал ей ясным взглядом пуговичных глаз. Потом Фрэнсис охватило ощущение полной абсурдности сложившейся ситуации. Она выпустила из рук медведя и поднялась на ноги. В этот самый момент из дома на веранду вышел человек.

...И это был не Эдвард. И вообще она его ни разу в жизни не видела. Высокий, довольно худой, но широкий в плечах. Темные волосы чуть вились, а на висках были чуть тронуты сединой. Он направился к автомобилю, но, увидев ее, остановился. Уголки глаз заулыбались, а глаза, казалось, осветились.

— Так рано сегодня! — сказал незнакомец. — И новое платье! Ты в нем как школьница. Как это у тебя получается?

— Ох! — выдохнула Фрэнсис, пойманная в сильные и неожиданные объятия.

— Послушай, милая, — продолжал он, не разжимая объятий, — мне позарез надо поехать увидеться с Фэншоу. Это займет не больше часа.

Его объятия выдавили из Фрэнсис весь воздух и еще одно произвольное «Ох!». Тем временем незнакомец звучно ее поцеловал, слегка шлепнул сзади и пошел к машине. Через секунду он уже скрылся на ней из виду.

Фрэнсис стояла, пытаясь обрести дыхание, и смотрела ему вслед. Она обнаружила, что дрожит от какого-то ощущения слабости, особенно в коленках. Шатаясь, она добралась

до какого-то кресла на веранде и уселась. Немного посидела неподвижно, а потом разразилась слезами.

Когда рыдания стихли и сменились отдельными всхлипами, их сменила тревога из-за необычности ситуации. Как бы там ни было, а она оказалась мамой чужого ребенка, ее обнимал чужой муж, а сейчас она сидит и плачет на чужой веранде. Дать убедительные объяснения всего этого кому-то другому было бы настолько затруднительно, что самое разумное — уйти как можно быстрее и от объяснений уклониться.

Фрэнсис всхлипнула последний раз и приняла решение. Она встала, подобрала свою сумку, лежавшую среди кукольной посуды и плюшевых медведей, глянула в зеркальную створку шкафа, поморщилась и полезла в сумочку за пудреницей. Набирая пуховкой пудру, она услышала шаги, которые заставили ее поднять голову и взглянуть. В калитку входила женщина. Выше среднего роста, с хорошей фигурой, одетая в светло-зеленый полотняный костюм, и этот костюм ей шел. На несколько лет старше ее самой, но все еще... И в этот момент женщина повернулась так, что Фрэнсис увидела ее лицо, и тут исчезли все мысли. У Фрэнсис отвисла челюсть. Она разинула рот...

Другая ее заметила. Посмотрела на Фрэнсис пристально, но без большого удивления. Свернув с дорожки, она пошла к веранде напрямик по траве. В ней не чувствовалось никакой угрозы, наоборот, на губах играла тень улыбки.

— Привет! — сказала она. — Я как раз сегодня утром думала, что тебе уже пора появиться.

Сумочка выпала из рук Фрэнсис, и ее содержимое раскатилось по полу, но она не отвела глаз от лица другой.

Глаза у женщины были чуть глубже и умудреннее, чем те, которые она привыкла видеть в зеркале. В углах глаз и рта затаились едва заметные тени. Около губ лежала чуть более темная складка. Чувствовалось еще что-то, не поддающееся описанию, будто дыхание свежести уступило место утонченности. Но в остальном... в остальном...

Фрэнсис попыталась заговорить, но могла только что-то хрипло квакнуть — паника перехватила ей горло.

— Все в порядке, — сказала вторая женщина. — Волноваться совершенно незачем. — Она взяла Фрэнсис под руку и снова отвела на веранду. — Просто сядь и отдохни.

Фрэнсис без сопротивления позволила усадить себя в кресло и без всякой мысли смотрела на другую. А та открыла свою сумочку.

— Сигарету?.. Ах нет. Я забыла, я ведь тогда не курила. — Она вытащила сигарету для себя и закурила.

Долгое время они смотрели друг на друга через дым. Молчание нарушила вторая.

— Какая хорошенькая — и очаровательная! Да, если бы я тогда больше понимала... Но, наверное, нельзя одновременно иметь и неискушенность, и опыт. — Она вздохнула с легким оттенком задумчивости, а потом качнула головой. — Да нет. Нет. Быть молодой — это очень изматывает и разочаровывает, хотя так заманчиво выглядит.

— Э... — промолвила Фрэнсис, с трудом сглотнула слюну и потом сказала: — Э... я, похоже, схожу с ума.

Вторая покачала головой:

— Ничего подобного. С тобой все в порядке. Не обращай внимания, постарайся расслабиться.

— Но как это? То есть я... вы... мы... как будто... да нет, я схожу с ума! Это невероятно! — протестовала Фрэнсис. — Никто не может быть сразу в двух местах. То есть быть в одном и том же месте дважды. Я хочу сказать, что не может один человек быть двумя одинаковыми...

Другая наклонилась к ней и потрепала ее по руке.

— Ну, ну, не надо. Успокойся. Я помню, поначалу, конечно, жутко, но потом проходит.

— В-вы... помните? — выговорила Фрэнсис, заикаясь.

— Да. С тех пор, как это случилось со мной. Когда я была там, где ты сейчас.

Фрэнсис смотрела на нее и чувствовала, что медленно и беспомощно утопает.

— Послушай, — сказала вторая. — Дай-ка я лучше дам тебе выпить. Да, я знаю, что ты не пьешь, но обстоятельства исключительные. Я вспоминаю, насколько лучше мне после этого стало. Погоди минутку. — Она встала и пошла в дом.

Фрэнсис крепко вцепилась обеими руками в подлокотник кресла. Она чувствовала, будто падает и падает в какой-то бесконечный колодец.

Вторая вернулась с бокалом и подала его Фрэнсис. Та выпила, чуть поперхнувшись от незнакомого вкуса напитка. Однако и в самом деле начала себя чувствовать лучше.

— Да, это, конечно, шок, — сказала другая. — И я думаю, что ты права насчет того, что один и тот же человек не может быть в двух разных местах. Но дело в том, что тебе только кажется, будто ты один и тот же человек. Вот смотри: клетки, из которых состоит твое тело, постоянно заменяются новыми, и на самом деле ты не можешь быть одним и тем же человеком в два разных момента времени, понимаешь?

Фрэнсис попыталась уследить за мыслью, но без особого успеха. Она ответила:

— Да, я понимаю... не совсем.

Вторая продолжала говорить, давая Фрэнсис время прийти в себя.

— Ну вот, а когда все клетки заменятся новыми, примерно за семь лет, тогда ты никак не сможешь быть тем же человеком, хотя и будешь себя им считать. Значит, мы с тобой — разные наборы клеток, так что ни одна из нас не находится в двух разных местах одновременно, хотя так и кажется, понимаешь?

— Ну да... Возможно, — ответила Фрэнсис с легкой истерической ноткой в голосе.

— Вот это и ставит естественный предел, — продолжала объяснять вторая. — Есть очевидный минимальный зазор — семь лет или около того, когда это никак не может случиться, пока твои клетки не заменятся полностью на новые, как сама видишь.

— Я.. я так полагаю, — слабым голосом отозвалась Фрэнсис.

— Давай-ка выпей еще. Тебе будет на пользу, — посоветовала вторая.

Фрэнсис выпила и откинулась в кресле. Больше всего ей хотелось, чтобы голова перестала кружиться. Она ничего не понимала из того, что говорила ей другая женщина, то есть другая она, кем бы она ни была. Единственное, что она понимала, что в этом во всем нет никакого смысла.

Фрэнсис сидела, вцепившись в подлокотники, и постепенно успокаивалась.

— Тебе лучше? — спросила вторая. — Наконец-то румянец появился.

Фрэнсис кивнула. Она чувствовала, что слезы нервного срыва уже совсем рядом. Вторая подошла и обняла ее одной рукой за плечи.

— Бедная девочка! Что за переживания тебе выпали! Вся эта путаница, да к тому же еще и влюбиться, будто одной путаницы не доставало.

— Влюбиться? — переспросила Фрэнсис.

— Ну конечно! Он тебя поцеловал и потрепал сзади, и ты влюбилась. Я так хорошо это помню.

— О Господи... Так вот как это бывает? Я же не...

— И он очень хороший. Ты будешь его обожать. И маленькая Бетти — само очарование, благослови ее Господь, — сказала ей вторая. Она помолчала и добавила: — Боюсь, сначала тебе через многое придется пройти, но оно того стоит. Ты запомнишь, что оно того стоит?

— Д-да, — неуверенно сказала Фрэнсис. Она задумалась на секунду о том человеке, что вышел из дома и уехал на машине. Он был бы... — Да, — сказала она более уверенно.

Несколько секунд она подумала и затем повернулась ко второй:

— Я полагаю, что человек должен постареть... то есть я хотела сказать — стать старше, но я никогда не думала...

Вторая рассмеялась:

— Уж конечно, не думала. Но это очень приятно, могу тебя заверить. Куда более беспечное время, чем юность, хотя ты, естественно, этому не поверишь.

Фрэнсис осмотрела веранду и лужайку, потом остановила взгляд на медведях и трудновоспитуемом кукленке. Она улыбнулась:

— Думаю, что поверю.

Вторая тоже улыбнулась, ее глаза блеснули.

— А я и в самом деле была очаровашкой, — сказала она. И резко встала. — Тебе пора идти, дорогая. Ты должна вернуться к этой ужасной старухе.

Фрэнсис покорно поднялась. Вторая, похоже, знала, о чем говорит.

— Обратно к сеньоре?

Вторая молча кивнула. Потом обняла Фрэнсис, притянула ее к себе и нежно поцеловала.

— Ах ты, моя милая! — произнесла она неуверенно и отвернулась.

Фрэнсис пошла по короткой дорожке. У калитки она обернулась и посмотрела еще раз, чтобы запомнить весь этот вид.

Другая с веранды послала ей воздушный поцелуй, той же рукой прикрыла глаза и убежала в дом.

Фрэнсис свернула направо и пошла той же дорогой, что привела ее сюда, в город, к сеньоре.

Облака рассеялись. Кристалл снова стал стеклянным шаром. Рядом сидела сеньора Роза со сползшим набор гребнем. Левой рукой она держала Фрэнсис за запястье. Фрэнсис несколько мгновений смотрела на нее и вдруг взорвалась:

— Вы — настоящая мошенница! Вы описали Эдварда, а тот, кого вы мне показали, совсем на Эдварда не похож! Ну ни капельки! — Она с неожиданной силой выдернула руку из пальцев сеньоры. — Вы мошенница! — повторила она. — Вы мне сказали — Эдвард, а показали кого-то другого. Глупое и жестокое мошенничество, глупая ложь и жульничество все ваше гадание!

От ее страстности сеньора чуть подалась назад.

— Тут только маленькая ошибка, — признала она. — По несчастью...

— Ошибка? — крикнула Фрэнсис. — Ошибку сделала я, что сюда пришла. Вы меня одурачили, и я вас ненавижу! Ненавижу!

Сеньора овладела собой. С некоторым даже достоинством она сказала:

— Все объясняется просто. Это было...

— Нет! — крикнула Фрэнсис. — Слышать больше не желаю!

Изо всей силы она толкнула стол, и его противоположный край угодил сеньоре под ложечку. Ее стул качнулся назад, и она, стол, стул, лампа и кристалл смешались в кучу на полу. Фрэнсис прыгнула к двери.

Гадалка хрюкнула и перевернулась. Она изо всех сил порывалась встать, топча гребень и мантилью, и выскочить за дверь вслед за Фрэнсис.

— Дура неотесанная! — закричала ей вслед сеньора. — Это был твой второй брак, и чтоб тебя черти побрали с ними обоими!

Но Фрэнсис уже не слышала.

«Очень неприятное приключение, и какое-то унижающее», — думала Фрэнсис, сердито отбивая шаг по улице.

Унизительное — потому что она этому чуть не... Да нет, если быть честной, на какое-то время поверила. Все казалось так убедительно, так реально. Даже сейчас трудно себе представить, что на самом деле она не ходила по той дорожке, не сидела на веранде, не говорила с... Ну, это уже просто смешно. Как будто такое может быть!

И все равно, очнуться рядом с этой ужасной сеньорой и понять, что это был какой-то трюк... Если бы не на улице, она бы дала себе хорошего пинка и разревелась от унижения.

Но постепенно первая волна гнева начала спадать, и Фрэнсис стала лучше осознавать, где находится. До ее внимания дошло, что многие прохожие смотрят ей вслед с любопытством и что-то есть в этом любопытстве такое...

Она глянула на свое платье и обмерла. Вместо знакомого синего в белую полоску ситцевого платья на ней была какая-то тряпка, покрытая идиотским мелким узором из пальм и ананасов. Она подняла глаза и осмотрелась вокруг. Все ситцевые платья были на несколько дюймов длиннее и намного шире, чем ее.

Фрэнсис вспыхнула. Она шла вперед, стараясь делать вид, что не краснеет, стараясь делать вид, что узкое платье не заставляет ее ощущать, будто она вышла на улицу, завернутая в купальное полотенце. Ясно, что оставалось только одно, и сделать это необходимо как можно быстрее.

Она повернулась и пошла в направлении модного магазина Вайльберга.

С делом Диксона я впервые столкнулся в тот день, когда к нам явилась депутация из Мамбери — не займемся ли мы расследованием их заявления по поводу странных событий, случившихся недавно в этой деревушке.

Пожалуй, однако, сначала мне следует объяснить, кто такие эти «мы».

Я занимаю пост инспектора ОЗЖ — сокращение, обозначающее Общество Защиты Животных — в округе, который включает в себя Мамбери. Не подумайте, пожалуйста, что я до умопомрачения люблю животных. Просто когда я нуждался в работе, один из моих друзей, пользующийся в Обществе влиянием, оказал мне протекцию, и я теперь, смею сказать, достаточно добросовестно выполняю свой долг. Что же касается животных, то они ведь чем-то похожи на людей, так что некоторым из них я даже симпатизирую. И тут я в корне отличаюсь от моего коллеги инспектора Альфреда Уэстона — он обожает их (вернее будет сказать — обожал) всех — принципиально и без исключения.

Потому ли, что, несмотря на скромное жалование, ОЗЖ не слишком доверяет своему персоналу, или потому, что при обращении в суд желательны два свидетеля, или по каким-то другим причинам, но существует практика назначения в каждый округ двух инспекторов. Одним из результатов этой практики и стало мое ежедневное и тесное общение с Альфредом.

Так вот, Альфреда можно назвать любителем животных, так сказать, *par excellence**. Между ним и любой скотиной

Una

© 1995 В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

* По преимуществу (фр). — *Здесь и далее примеч. пер.*

всегда возникало полное взаимопонимание — во всяком случае, возникало понимание скотины со стороны Альфреда. Не его вина, что животные не всегда разделяли это чувство — уж он-то, будьте уверены, старался изо всех сил. Одна мысль о четырех ногах или о пухе и перьях полностью преображала моего коллегу. Он пылал любовью ко всем тварям без исключения, он готов был говорить с ними и о них так, как если бы то были друзья его детства, страдающие временным притуплением интеллекта.

Сам Альфред был крепким, хотя и не очень высоким мужчиной, который смотрел на мир сквозь очки в толстой оправе с непоколебимой серьезностью. Разница между нами состояла в том, что я тянул лямку, а он действовал по призванию, по велению сердца, подстегиваемого необычайно сильным воображением. Компаньон Альфред был не из удобных. Под мощным увеличительным стеклом его фантазии повседневное постоянно приобретало черты трагедии. При обыкнейшем заявлении о побоях, нанесенных лошади, видение дьяволов, варваров, извергов в человеческом образе столь ярко возникало в мозгу Альфреда, что он испытывал горькое разочарование, когда выяснялось (а такое бывало частенько), что, во-первых, все события сильно преувеличены, а во-вторых, владелец лошади либо тяпнул сверх меры, либо просто вспыхнул.

Случилось так, что утром того дня, когда прибыла депутация из Мамбери, мы оба сидели в нашей конторе. Депутация была многочисленной, чем обычно, и, по мере того как комната наполнялась народом, я видел, как широко раскрывались глаза Альфреда, уже предвкушающего нечто сенсационное (или кошмарное — в зависимости от точки зрения). Даже я почувствовал, что нам предстоит услышать об издевательствах, почище привязывания консервной банки к кошачьему хвосту.

Наши предчувствия оправдались. Рассказ очевидцев отличался сбивчивостью, но, пропустив его через фильтр, мы получили следующее: ранним утром прошлого дня некий Тим Даррел, отвозя, как обычно, молоко на станцию, столкнулся на деревенской улице с необычайным феноменом. Зрелище оказалось столь диковинным, что, затормозив, он издал вопль, заставивший всю деревню броситься к окнам и дверям. Мужчины разинули рты, а женщины завизжали, увидев на своей улице пару удивительных существ.

Из подробностей, которыми с нами поделились очевидцы, складывалось впечатление, что больше всего эти существа походили на черепах, но черепах совершенно

невероятных, поскольку ходили они на задних лапах. Рост пришельцев достигал, по-видимому, пяти футов и шести дюймов. Их тела были заключены в овальные панцири, защищавшие «черепах» сзади и спереди. Головы были величиной с человеческую, безволосы и, казалось, имели ороговелую поверхность. Над твердым блестящим выступом — предположительно носом — располагались большие сверкающие глаза.

Это описание, само по себе достаточно удивительное, было неполным, поскольку не включало самой странной детали, на которой сходились совершенно все, даже при наличии многочисленных расхождений по ряду других пунктов. Деталь эта заключалась в том, что у странных созданий в месте соединения грудного и спинного панцирей торчала, высовываясь почти на две трети, пара совершенно человеческих рук!

Естественно, что, услышав эти рассказы, я предложил то же самое, что пришло бы в голову любому: то есть что это чья-то дурацкая шутка, что кто-то вырядился так, желая нагнать на селян страху.

Депутация вознегодовала. Во-первых, заявили они убежденно, никто не стал бы проделывать подобные шутки под ружейным огнем, который открыл старый шорник Холлидей. Он выпустил в чудищ с полдюжины зарядов из своего дробовика двенадцатого калибра, но это их ничуть не испугало, так как дробь попросту отскакивала от панцирей. Когда же из людей, с опаской выходивших из домов, чтобы получше рассмотреть чудищ, образовалась толпа, странные существа вдруг забеспокоились. Они обменялись хриплыми квакающими звуками, а затем какой-то переваливающейся рысцей пустились вниз по улице. Расхрабдившиеся жители деревушки последовали за ними.

Чудища, видимо, не имели представления о том, куда они направляются, и кинулись к Баркерову болоту. Там они сразу же попали в одно из многочисленных «окон» и после непродолжительного барахтания, сопровождаемого громким кваканьем, утонули.

Обсудив событие, деревенские власти решили обратиться не в полицию, а к нам. Намерения у них были, без сомнения, хорошие, но я резонно заметил:

— Не понимаю, чего вы от нас хотите, раз эти существа утонули?

— Больше того, — заметил Альфред, не страдающий избытком такта, — как мне представляется, нам придется

доложить начальству, что жители Мамбери просто-напросто загнали этих несчастных животных, кем бы они там ни были, до смерти и не предприняли никаких мер для их спасения.

Члены делегации были несколько обескуражены, но тут же выяснилось, что они сказали еще не все. Они, насколько это было возможно, проследили путь этих животных и пришли к выводу, что последние могли появиться только со стороны поместья Мамбери-Грендж.

— А кто там живет? — спросил я.

Выяснилось, что там года три-четыре назад поселился доктор Диксон.

Это обстоятельство толкнуло Билла Парсона сделать вклад в нашу историю. Только Билл сначала долго колебался, делать ли ему этот самый вклад.

— А это будет кан... конфиденциально? — спросил он.

На много миль кругом здесь все знают, что главный интерес Билла — чужие кролики. Я заверил его, что тайна будет соблюдена.

— Тогда ладно. Дело, стало быть, такое, — начал он. — Месяца эдак три назад...

Очищенная от второстепенных деталей, история Билла сводилась к следующему: так сказать, обнаружив себя на территории Мамбери-Грендж, он вздумал полюбоваться новым крылом дома, пристроенным доктором Диксоном сразу же после его вступления в наследство. О пристройке ходило много слухов, и, увидев полоску света между занавесами, Билл решил воспользоваться благоприятным случаем.

— Я вам точно говорю, дурные дела там творятся, — сказал он. — Перво-наперво увидел я у дальней стены клетки, да еще с эдакими здоровенными решетками. Лампа там висит так, что я не смог разобрать, кто сидит в клетках, но и то сказать — зачем они нужны в доме-то? А когда я подтянулся на руках, чтобы рассмотреть получше, то посреди комнаты увидел страшную штуковину. Жуть какую. — Он сделал паузу и драматически задрожал.

— И что же это было? — спросил я спокойно.

— Это... трудноато объяснить... В общем, оно лежало на столе. И смахивало, пожалуй, больше всего на белую подушку, но только шевелилось. Вроде бы легонько дергалось, рябью покрывалось, понимаете ли...

Я не очень понимал. И сказал:

— Это все?

— Не совсем, — ответил Билл, с видимым наслаждением подбираясь к кульминационному пункту своего рассказа. — Вообще-то оно было бесформенным, но кое-что у него все же оказалось: пара рук, человеческих рук, что торчали по бокам!

Я отделался от депутации, пообещав рассмотреть заявление в кратчайшие сроки. Когда, закрыв дверь за последним посетителем, я повернулся, то обнаружил, что Альфреду нехорошо. Глаза его за стеклами очков пылали, тело трясла крупная дрожь.

— Сядь-ка, — посоветовал я, — а то у тебя что-нибудь сейчас отвалится.

Я предчувствовал, что мне предстоит выслушать целую диссертацию, и уж, конечно, она сможет достойно конкурировать с тем, что нам только что сообщили. Но Альфреду хотелось сначала узнать мое мнение, и он мужественно боролся, с трудом удерживая собственное. Я решил пойти ему навстречу.

— Дело в действительности куда проще, чем кажется, — сказал я. — Или кто-то все же разыграл деревенщину, или там в самом деле оказались какие-то необыкновенные животные, в описании которых эти вахлаки за время пересудов все перепутали.

— Но ведь они согласны насчет рук и панцирей! — взвился Альфред.

Тут он был прав. А руки, во всяком случае кисти рук, были отличительным признаком того, похожего на подушку, предмета, который Билл видел в Мамбери-Грендж...

Альфред напомнил мне еще о некоторых обстоятельствах, из коих явствовало, что я ошибаюсь, а затем выдержал многозначительную паузу.

— До меня ведь тоже доходили кое-какие слухи насчет Мамбери-Грендж, — заявил он мне.

— Например?

— Ничего определенного, — признался он, — но если все сопоставить... Во всяком случае, дыма без огня...

— Ладно, выпаливай, — пригласил я.

— Я думаю, что мы напали на след чего-то очень серьезного. Чего-то такого, что расшевелит наконец людскую совесть касательно тех жестокостей, которые творятся под прикрытием вывески научных исследований. Знаешь, что, по моему мнению, происходит под самым нашим носом?

— Валяй, валяй, — поощрил я его хладнокровно.

— Я думаю, что мы имеем дело с супервивисектором, — ответил Альфред, многозначительно подняв палец.

Я нахмурился:

— Не понял. Либо — вивисекция, либо — не вивисекция. Супервивисекция просто...

— Я хочу сказать, что мы имеем дело с человеком, который оскорбляет Природу, уродует Божьи создания, гнусно искажает истинный облик тварей Господних, пока они не станут неузнаваемыми полностью или в частностях. Облик, которым они обладали до того, как он этот облик стал изменять, — пояснил Альфред весьма туманно.

Только теперь я стал понимать, какую теорию выдвинул мой коллега на этот раз. Его воображение отхватило огромный кус пирога, и хотя дальнейшие события показали, что ввелся он и не так уж глубоко, но тогда я расхохотался.

— Ясно! Я ведь тоже читывал «Остров доктора Моро». Ты полагаешь, что явишься в Грендж и тебя там встретит лошадь, разгуливающая на задних ногах и беседующая о погоде? А может, ты рассчитываешь, что дверь тебе откроет суперпес, который спросит, как твоя фамилия? Шикарная идея, Альфред! Но пойми, в реальной жизни все иначе. Конечно, жалоба есть жалоба, и мы обязаны ее расследовать, но боюсь, старина, что тебе придется здорово разочароваться, ежели ты вообразил дом, где все наполнено густым запахом эфира и воплями пытаемых животных. Остынь-ка, спустись с небес на землю!

Однако проколоть кожу Альфреда не так-то легко. Фантазии — неотъемлемая часть его жизни, и, хотя он и был уязвлен разоблачением источника своего вдохновения, он все же не погас, а продолжал вертеть эту историю то так, то эдак, добавляя к ней то тут, то там новые детали.

— Но почему же черепахи? — слышал я его бормотание. — Ведь выбор рептилий еще больше затрудняет... — Он пережевывал это несколько минут, а затем добавил: — Руки! Руки и кисти рук! Откуда, во имя дьявола, взять пару рук?!

Глаза Альфреда раскрылись еще шире, а пламя в них разгорелось еще ярче, пока он обдумывал эту идею.

— Продолжай в том же духе! Держись этого курса! — посоветовал я.

Однако вопрос, который он задал, действительно был неприятен и темен.

На следующий день после полудня я и Альфред появились у сторожки Мамбери-Грендж и назвали свои имена недоверчивому человечку, который жил в сторожке, одновременно исполняя обязанности привратника. Он покачал головой, выражая сомнение, что нам удастся осуществить свое намерение попасть внутрь, но все же взялся за телефонную трубку.

Я тайл коварное желание, чтобы его опасения подтвердились. Дело, конечно, надо было расследовать хотя бы для того, чтобы успокоить жителей деревушки. Но мне очень хотелось, чтобы прошло какое-то время и Альфред выпустил хотя бы часть паров. Пока же его фантазия и ажиотаж непрерывно разгорались. Воображение Э. По и Э. Золя просто чепуха в сравнении с продуктами фантазии Альфреда, особенно если последняя получит нужную пищу. Всю эту долгую ночь моего коллегу, вероятно, преследовали во сне кошмары, и сейчас он был как раз в том состоянии, когда фразы вроде «гнусное издевательство над нашими безъязыкими друзьями», «свирепая кровожадность скальпеля», «разрывающие душу вопли миллионов корчащихся жертв вопиют к небесам» сами собой текли с его языка. Мне это осточертело, но если бы я не согласился сопровождать его, он бы безусловно отправился один и попал в беду, начав разговор с обвинения всех и вся в жестокости, пытках и садизме.

В конце концов я убедил Альфреда, что его задача будет заключаться в проницательном наблюдении и поисках новых улик, а разговор буду вести я. Потом, если он не удовлетворится результатами, ему будет предоставлена возможность высказаться. Оставалось лишь надеяться, что Альфред выдержит напор своих бушующих чувств.

Привратник, говоривший по телефону, повернулся к нам с выражением удивления на лице.

— Док сказал, что примет вас, — объявил он, будто не веря, что правильно расслышал. — Вы найдете его в новом крыле — вон в том строении, что из кирпича.

Новое крыло, в которое заглядывал браконьер Билл, оказалось гораздо крупнее, чем я ожидал. Оно занимало площадь, равную площади всего старого дома, но было одноэтажным. В ту самую минуту, когда мы подошли к пристройке, дверь в ее дальнем конце отворилась и высокая, одетая в свободный костюм, фигура с растрепанной бородкой появилась на пороге.

— Господи Боже мой! — воскликнул я подходя. — Так вот почему мы так легко сюда проникли. Понятия не имел, что вы тот самый Диксон! Кто бы мог подумать!

— Ну если продолжить эту тему, — парировал наш хозяин, — то и вы занялись делом, весьма необычным для интеллигентного человека.

Тут я вспомнил о своем спутнике.

— Альфред, — сказал я, — разреши представить тебя доктору Диксону, некогда бедному учителю, пытавшемуся в школе вколотить мне в голову начатки биологии, а затем, по слухам, наследнику миллионов или что-то в этом роде.

Альфред смотрел на нас с подозрением. Какая ошибка — с самого начала начать заигрывать с врагом! Он недружелюбно кивнул, но руки не протянул.

— Входите, — пригласил Диксон.

Мы оказались в комфортабельной комнате — наполовину кабинете, наполовину гостиной, которая явно подтверждала слухи о его богатстве. Я уселся в роскошное кресло.

— Вероятно, вы уже знаете от своего сторожа, что мы здесь с официальным визитом, — сказал я. — Поэтому лучше покончить с этим вопросом, прежде чем мы приступим к празднованию возобновления старого знакомства. Не вредно было бы снять тяжесть с души моего друга Альфреда.

Доктор Диксон кивнул и бросил на Альфреда оценивающий взгляд. Последний продолжал стоять, ничем себя не желая компрометировать.

— Я сообщу вам всю информацию в том виде, в котором мы ее получили, — продолжал я и приступил к изложению фактов. Когда я дошел до описания черепахоподобных существ, Диксон оживился.

— Ах, так вот что с ними случилось! — воскликнул он.

— А! — вскричал Альфред, причем в ажиотаже его голос поднялся до визга. — Итак вы признаетесь! Вы признаетесь, что несете ответственность за эти несчастные существа!

Диксон взглянул на него с удивлением:

— Я нес за них ответственность, но не знал, что они несчастны. А вам откуда это известно?

Альфред и внимания не обратил на вопрос Диксона.

— Именно это нам и надо было выяснить! — визжал он. — Вы признаетесь, что...

— Альфред, — холодно сказал я, — успокойся и перестань пританцовывать на месте. Дай мне договорить.

Мне удалось произнести еще несколько фраз, но Альфред уже более не мог сдерживать давление своих паров. Он ворвался в разговор.

— Где, где вы взяли эти руки? Нет, вы мне ответьте, откуда они взялись! — требовал он с прокурорской интонацией в голосе.

— Ваш друг, по-видимому, несколько... э-э-э... театрален, — заметил доктор Диксон.

— Слушай, Альфред! — сказал я резко. — Сначала дай мне закончить, а свою арию про вампиров споешь позже, ладно?

Закончил я чем-то вроде извинения перед Диксоном:

— Мне неприятно являться к вам в качестве обвинителя, но войдите и в наше положение. Когда нам приносят жалобу, приходится ее расследовать. По-видимому, тут произошло нечто выходящее из обычных рамок, однако я не сомневаюсь, что вы нам все разъясните. А теперь, Альфред, — добавил я, поворачиваясь к нему, — у тебя, вероятно, найдется вопрос-другой, только постарайся помнить, что фамилия нашего хозяина не Моро, а Диксон.

Альфред рванулся вперед, точно его с поводка спустили:

— Я хочу знать цели, причины и методы всех этих преступлений против Природы! Я требую, чтобы мне сказали, по какому праву вы считаете возможным превращать нормальные живые существа в неестественные пародии на их натуральные формы?

Доктор Диксон добродушно кивнул:

— Весьма умелый вопрос, хотя и не очень точно сформулированный. Не стоит широко и тавтологически употреблять слово «природа». Кроме того, позвольте вам напомнить, что слово «неестественный» — вульгаризм, лишенный всякого смысла. Очевидно, что если какая-нибудь вещь создана, то процесс ее создания был естественным для ее творца, точно так же, как для материала было естественно принять данную форму. Творить можно лишь в естественных границах собственной природы — это аксиома.

— Никакая игра в слова не... — начал было Альфред, но Диксон ровным голосом продолжал:

— Как я понимаю, вы хотите сказать, что моя природа позволила мне использовать определенный материал таким образом, который не может быть одобрен вашими предрассудками, не так ли?

— Возможно, найдутся и другие формулировки, но я называю это вивисекцией! Вивисекцией! — вскричал Альфред, произнося это слово, точно проклятие. — Может, у вас и есть на это лицензия, но тут произошли такие события, которые потребуют очень убедительных разъяснений, чтобы предотвратить передачу дела в полицию!

Доктор Диксон кивнул:

— Знаете, я почему-то так и думал, что у вас может возникнуть подобная идея. Жаль, что дело складывается таким образом. Я сам намеревался вскоре сделать сообщение о своей работе, и тогда эта информация стала бы достоянием общественного мнения. Но мне нужны минимум два, а возможно, и три месяца для подготовки публикации об открытии. Пожалуй, вы лучше поймете суть дела, если я расскажу все по порядку.

Он помолчал, задумчиво глядя на Альфреда, который был вовсе не похож на человека, который собирается что-то понимать. Затем Диксон заговорил:

— Главное состоит в том, что в противоположность вашим подозрениям я не пересаживал тканей, не оперировал и никаким способом не менял естественных живых форм. Я создал их.

Несколько мгновений ни я, ни Альфред не могли уяснить значения сказанного, хотя Альфреду, видимо, казалось, что он что-то понял.

— Ха! — воскликнул он. — Можете темнить сколько угодно, но ведь все равно вам была нужна основа. Для начала вам требовалось какое-то живое существо, то самое, которое вы так жестоко изуродовали, чтобы получить потом все эти ужасы.

Диксон отрицательно покачал головой:

— Нет, я выразился совершенно точно. Я создал, а затем внес в свое создание нечто вроде жизни.

Мы так и разинули рты.

— Уж не хотите ли вы сказать, что можете творить живые существа? — пробормотал я.

— Фи! — ответил Диксон. — Конечно, могу, равно как и вы. Даже наш уважаемый Альфред может — разумеется, с помощью особы женского пола. Но я говорю, что могу оживлять мертвую материю, так как нашел способ вносить в нее жизнь, вернее, некую жизненную силу.

Последовавшее длительное молчание было прервано Альфредом:

— Не верю я этому! Невозможно представить, чтобы вы здесь, в этой паршивой деревушке, решили загадку жизни.

Вы попросту заговариваете нам зубы, потому что боитесь кары.

Диксон спокойно улыбнулся:

— Я сказал, что нашел некую жизненную силу. Насколько я знаю, могут существовать десятки ее разновидностей. А почему бы и нет? Кто-то же должен был рано или поздно наткнуться на одну из этих разновидностей. Удивительно, что это не случилось гораздо раньше.

Однако не таков был Альфред, чтобы легко уступить.

— Не верю я, — повторил он. — И никто не поверит, разве что вы представите веские доказательства, если только таковые существуют.

— Разумеется, — согласился Диксон. — Кто же верит на слово? Хотя, боюсь, что, изучив мои образцы, вы найдете их конструкцию грубоватой. Ваш друг — Природа — тратит много лишнего труда на то, что можно сделать куда проще. Конечно, что касается рук, которые, по-видимому, вас особенно беспокоят, то если бы их можно было достать сразу после смерти прежнего владельца, они могли бы пойти в дело, но я не уверен, что это облегчило бы задачу. Однако такие случаи — исключение, а создание упрощенных членов — дело не такое уж трудное: смесь инженерного искусства, химии и здравого смысла. Все это стало возможным уже давно, но без метода оживления не имело значения. Когда-нибудь для замены утраченных членов научатся делать их точные копии, хотя это потребует весьма сложной техники.

А что до ваших опасений, будто мои образцы испытывают страдания, мистер Уэстон... Уверяю вас, мы с ними квиты — они стоили мне много труда и денег. И, во всяком случае, вам было бы трудновато добиться моего осуждения за жестокость к животным, которых никогда не существовало и привычки которых неизвестны.

— Не уверен, — стоял на своем Альфред.

Бедняга был, я думаю, слишком огорчен нависшей над ним угрозой неудачи, чтобы величие открытия Диксона дошло до него.

— Возможно, демонстрация... — предложил Диксон. — Будьте добры следовать за мной.

Рассказ Билла о впечатлениях от лаборатории подготовил нас к зрелищу клеток со стальными решетками, но не к другим вещам, обнаружившимся там же. Одной из них была вонь.

Доктор Диксон извинился, когда мы стали кашлять и задыхаться.

— Я забыл предупредить вас о консервирующих препаратах...

— Утешительно знать, что это всего лишь консервирующие пре... — простонал я между двумя приступами кашля.

Комната была футов сто в длину и тридцать в ширину. Билл, конечно, почти ничего не увидел, заглядывая в щелку между занавесями, и я с удивлением рассматривал собранные здесь разнообразные предметы. Лаборатория распадалась на секции: химия в одном углу, верстак и токарный станок — в другом, электрическая аппаратура — в третьем и так далее. В одном из отделений стояли хирургический стол и шкаф для инструментов; при виде стола и шкафа глаза Альфреда широко раскрылись и на лице появилось выражение торжества. В другом закутке было устроено нечто вроде мастерской скульптора — на столах лежали формы и отливки. Еще дальше стояли большой пресс, довольно внушительная электрическая плавильная печь, но многое другое оборудование было мне решительно незнакомо.

— Нет ни циклотрона, ни электронного микроскопа. Прочего — всего понемножку, — заметил я.

— Не совсем так. Вот электронный... Ой, куда же подевался ваш друг?!

Альфред прямо-таки вцепился в хирургический стол. Он обнюхивал его сверху, он ползал под ним, явно отыскивая следы крови. Мы подошли к нему.

— А вот и одна из главных виновниц воображаемых кошмаров, — сказал Диксон, выдвинул ящик, вынул из него руку и положил ее на операционный стол. — Ознакомьтесь!

Предмет был желтовато-воскового цвета и формой очень напоминал человеческую руку, но при внимательном осмотре я заметил, что он совершенно гладкий, без волос или морщинок. Ногтей тоже не было.

— На данной стадии она не представляет особого интереса, — заметил Диксон, наблюдая за моей реакцией.

Рука не была целой — ее как бы обрубили где-то между плечом и локтем.

— А это что такое? — спросил Альфред, показывая на торчащий из руки железный прут.

— Нержавейка, — ответил Диксон. — Требуется меньше труда и денег, нежели изготовление матриц для моделирования костей. Когда я перейду на массовое производство, возможно, мне потребуются кости из пластика, так как конструкцию придется облегчать.

Альфред казался встревоженным и разочарованным: эта рука вовсе не говорила в пользу версии о вивисекции.

— Но почему именно рука? И зачем все это? — требовал он разъяснения, делая жест, охватывающий всю комнату.

— Отвечу в порядке заданных вопросов. Рука, или вернее, кисть — потому, что это самый совершенный из существующих инструментов, и я, разумеется, не могу придумать ничего лучшего. А «все это» — потому, разумеется, что я однажды натолкнулся на решение главной загадки, и мне захотелось, в порядке проверки теории, создать совершенное существо или нечто, близкое к нему. «Черепашки» явились первым шагом. У них было достаточно мозгов, чтобы жить и вырабатывать рефлексы, но слишком мало, чтобы развить конструктивное мышление. На том этапе такой необходимости не было.

— А вы думаете, что ваше «совершенное творение» обладает «конструктивным мышлением»? — спросил я.

— Мозг у нее не хуже вашего, а по объему даже больше, — ответил Диксон, — хотя, конечно, она нуждается в опыте, то есть в образовании. И все же поскольку ее мозг уже полностью развит, то обучение идет гораздо быстрее, чем, например, у ребенка.

— А можно нам познакомиться с этим... с ней? — спросил я.

Диксон разочарованно вздохнул:

— Люди всегда норовят перепрыгнуть через промежуточные этапы, прямо на готовенькое. Ну да ладно. Только сперва маленький опыт, ибо боюсь, ваш друг еще не совсем убежден.

Он подвел нас к шкафу с хирургическими инструментами и открыл дверцу холодильного отделения. Вынул оттуда бесформенную белую массу, положил ее на стол. Потом откатил стол в тот конец комнаты, где стояла электрическая аппаратура. Из-под бледной аморфной массы торчала человеческая кисть.

— Бог мой! — воскликнул я, — да ведь это Биллова «подушка с ручками».

— Да, он не так уж ошибался, хотя, судя по вашим словам, и прибавил кое-что от себя. Эта штука — мой главный помощник. У нее есть все нужные системы: пищеварительная, нервная, дыхательная. Фактически она живет. Но существование у нее не очень интенсивное — по сути дела она служит стендом для испытания только что собранных органов... Если вы, мистер Уэстон, хотите убедиться, что «подушка» не живая, то прошу вас.

Альфред осторожно приблизился к белой массе, осмотрел сквозь очки — внимательно, но с отвращением, испытующе потыкал в нее указательным пальцем.

— Значит, в основе лежит электричество? — спросил я Диксона.

— Возможно. А возможно, и химия. Не думаете же вы, что я раскрою вам все свои секреты?

Он взял бутылку с каким-то серым раствором и отлил немного в мензурку. Закончив приготовления, сказал:

— Удовлетворены, мистер Уэстон? Мне бы не хотелось, чтобы потом меня обвиняли в каком-нибудь жульническом трюке.

— Она не кажется мне живой, — осторожно признал Альфред.

Мы смотрели, как Диксон прикреплял к аморфной массе электроды. Затем он тщательно выбрал на ее поверхности три точки и в каждую из них ввел при помощи шприца немного серо-голубоватой жидкости. Затем дважды опрыскал всю массу из нескольких пульверизаторов. Наконец, в быстрой последовательности защелкал переключателями.

— Теперь, — сказал он улыбаясь, — придется минут пять подождать. Можете скоротать время, гадая, какие именно действия имели решающее значение.

Прошло три минуты, и аморфная масса начала слабо пульсировать. Постепенно пульсация учащалась и усиливалась, пока по массе не побежали длинные ритмичные волны. Затем она не то осела, не то перевалилась на один бок, обнажив спрятанную раньше руку. Я увидел напряженные пальцы, старающиеся ухватиться за гладкую поверхность стола.

Мне кажется, я вскрикнул. Пока пальцы не задвигались, я ведь не мог заставить себя даже поверить в возможность того, о чем говорил Диксон.

— Дружище! А если то же самое проделать с трупом...

Он отрицательно качнул головой:

— Нет, не получается. Я пробовал. Вероятно, это можно назвать жизнью, но она совсем другая, чем у нас. В чем тут собака зарыта, я пока еще не разобрался...

Другая или нет, но я понимал, что вижу перед собой начало настоящей революции, открывающей необычайные перспективы.

А в это время мой молодцеватый коллега Альфред топтался вокруг стола, как будто был в цирке и его вызвали на арену — удостовериться, что никакого жульничества с зеркалами и бечевками нет и в помине. И он получил по заслугам, когда его стукнуло электрическим разрядом напряжением в несколько сотен вольт.

— А теперь, — сказал Альфред, убедившись, что в принципе гипотезу об обмане придется исключить, — нам хотелось бы осмотреть то «совершенное творение», о котором вы говорили.

По-видимому, он все еще был далек от понимания истинной сути показанных нам чудес, и вбил себе в башку, что какое-то преступление все же имело место и надо лишь собрать улики, необходимые для правильной судебной квалификации преступного деяния.

— Хорошо, — согласился Диксон. — Между прочим, я назвал ее Уной*. Другие имена не подходили по смыслу, а так как она безусловно единственная в своем роде, так пусть и будет Уной.

Диксон подвел нас к самой большой клетке, последней в ряду, и, стоя на некотором расстоянии, окликнул ее обитательницу. Не знаю, что я ожидал увидеть, как не знаю и того, что именно надеялся увидеть Альфред. Во всяком случае, воздуха, чтобы прокомментировать то, что, тяжело ступая, двигалось к нам, у нас обоих не хватило.

«Совершенное творение» Диксона было самым ужасающим гротеском из тех, что можно вообразить наяву или увидеть во сне. Попробуйте, если сможете, представить себе конический панцирь из какого-то стекловидного вещества. Закругленная верхушка конуса находилась на высоте добрых шести футов от земли. Диаметр основания составлял четыре фута шесть дюймов, а может, и больше. Вся эта штука поддерживалась тремя короткими цилиндрическими ногами. Еще были четыре руки, пародирова-

* Одна, уникальная, единственная.

вшие человеческие, которые торчали из сочленений на середине туловища. Глаза, расположенные дюймах в шести ниже верхушки конуса, внимательно смотрели из-под роговых век. На мгновение я почувствовал себя на грани истерики.

Диксон с гордостью оглядел свое страшилище.

— К тебе посетители, Уна!

Ее глаза остановились на мне, а потом повернулись к Альфреду. Один из них мигнул, причем, когда веко опустилось, раздался легкий щелчок. Донесся мощный резонирующий голос, который, казалось, не имел никакого определенного источника.

— Наконец-то! Долго же мне пришлось добиваться своего, — сказал голос.

— Господи! — возопил Альфред. — Эта уродина еще и говорит!

Упорный взор Уны не отрывался от моего коллеги.

— Этот сгодится! Мне нравятся его стеклянные глаза! — громыхал голос.

— Уна, успокойся. Это вовсе не то, что ты думаешь, — вмешался Диксон. — Я должен просить вас, — добавил он, обращаясь к нам обоим, но глядя только на Альфреда, — быть осторожнее в выборе выражений. Уне, конечно, недостает жизненного опыта, но она обладает чувством собственного достоинства, а также сознанием ряда своих физических преимуществ. У нее довольно вспыльчивый характер; оскорбляя ее, вы ничего не выгадаете. Естественно, что сначала ее внешний вид кажется странным, но я сейчас все разъясню.

В его голосе появились нотки профессионального лектора:

— После открытия метода оживления первой моей мыслью было создать в качестве убедительного доказательства антропoidную форму. Однако, подумав, я отказался от идеи примитивной имитации. Я решил подойти к проблеме с логических и функциональных позиций, исправляя те черты, которые кажутся мне неудачными или слабо разработанными в конструкции человека и других животных. Позже возникла необходимость и дальнейших модификаций, исходившая из технических и конструкторских соображений. Однако в целом Уна — результат логических размышлений. — Он помолчал, с нежностью глядя на страшилище.

Альфред все еще набирался духу, прежде чем поделиться своими впечатлениями. Он тупо разглядывал уродину, которая в свою очередь пристально всматривалась в самого Альфреда. Невооруженным глазом можно было видеть, как лучшее «я» Альфреда боролось с предубеждением. И он сумел встать выше своей недавней недоброжелательности!

— Я считаю неправильным, что такое большое животное содержится в таком маленьком помещении, — заявил мой коллега.

Одно из роговых век, мигнув, снова щелкнуло:

— Он мне нравится. У него благие намерения. Он мне подойдет! — прогудел заунывный голос.

Альфред как-то увял. Имея длительный опыт кроовительственного отношения к животным, он почувствовал себя не в своей тарелке, столкнувшись с таким, которое не только разговаривало, но и относилось к нему явно свысока. В его взгляде, которым он ответил на пристальный взгляд Уны, чувствовалась какая-то натянутость.

Диксон, не обращая внимания на то, что его прервали, продолжал:

— Вероятно, вас прежде всего поражает отсутствие у Уны головы. Это моя самая первая модификация. Нормальная голова слишком открыта и уязвима. Глаза, конечно, должны помещаться на вершине тела, но никакой необходимости в полуподвижной голове нет.

Однако, устранив голову, следовало подумать о круговом обзоре. Поэтому я дал ей три глаза, два из которых вы видите, а третий находится на спине, хотя, строго говоря, спины у нее нет. Поэтому она может прекрасно смотреть в любом направлении без помощи такого сложного устройства, как голова с ограниченным разворотом. Форма тела Уны почти гарантирует, что любой упавший с высоты или торчащий острый предмет скользнет по прочному пластиковому панцирю или отскочит от него, и все же мне показалось желательным максимально застраховать мозг от возможных ударов, и я поместил его там, где должен был бы находиться желудок. А желудок поместил выше, что создает определенные удобства для кишечника.

— А как она ест? — спросил я.

— Рот у нее на другой стороне, — ответил Диксон кратко. — Готов признать, что на первый взгляд ее четыре руки выглядят несколько экстравагантно. Однако, как я уже говорил, рука — совершенный инструмент, если она

имеет нужный размер. Поэтому, как вы видите, верхняя пара рук изящна и тщательно отделана, а нижняя — грубее и очень мускулиста и сильна. Вероятно, вас интересует дыхательная система? В ней я использовал принцип потока: вот здесь она вдыхает, а там — выдыхает. Вы должны признать, что это явно лучше нашей весьма малоаппетитной системы.

Что касается проекта в целом, то Уна оказалась значительно тяжелее, чем я предполагал, — она весит что-то около тонны. Чтобы скомпенсировать тяжесть, мне пришлось кое в чем изменить первоначальный замысел. Я переконструировал ноги и ступни, придав им форму слоновьих, чтобы правильно перераспределить вес, но, боюсь, это вышло не очень удачно.

Принцип трех ног введен потому, что, как это хорошо известно, двуногое существо затрачивает много энергии на одно лишь сохранение равновесия, а наличие трех ног не только экономичнее, но и гораздо лучше приспособлено к неровной поверхности. Что же касается половой системы...

— Извините, — перебил я, — но с этим пластиковым панцирем и костями из нержавеющей стали... я... э-э-э... не понимаю...

— Дело в работе желез. Именно они регулируют пол. В этом отношении кое-что еще нуждается в доделке, ибо, признаться, я не уверен, что остановился на лучшем решении. Подозреваю, что принцип партеногенеза был бы... Но пока дело обстоит так, как я сказал. Я уже обещал ей самца. Должен отметить, что мне представляется очень интересным...

— Он подойдет, — прервал Диксона громохочущий голос чудовища, все еще продолжавшего внимательно изучать Альфреда.

— Конечно, — заторопился Диксон, — Уна никогда не видела себя со стороны и не знает, как она выглядит. Возможно, она считает...

— Я знаю, чего я хочу, — произнес металлический голос громко и решительно, — я хочу...

— Разумеется, разумеется, — перебил ее Диксон так же громко. — Я все объясню тебе чуть позже.

— Но я хочу...

— Заткнись! — в полном бешенстве заорал Диксон.

Уна издала слабый лязгающий звук протеста и замолкла. Альфред напыжился с видом человека, который,

тщательно сверившись со своими принципами, теперь намерен высказаться вслух.

— Этого я не могу одобрить! — провозгласил он. — Допускаю, что это существо — дело ваших рук, но раз уж оно создано, то, по моему мнению, ему надлежит пользоваться теми же правами на защиту, какими обладают другие лишенные речи... э-э-э... любые другие животные. Я не буду говорить о практическом воплощении вашего открытия, отмечу лишь, что, как мне кажется, вы вели себя подобно безответственному мальчишке, дорвавшемуся до модельной глины. Вы заварили чертовскую, в буквальном значении этого слова, чертовскую кашу. И еще заявляю вам, что в глазах закона это существо — просто неизвестный вид животного. Я намерен безотлагательно доложить властям, что, по моему профессиональному мнению, животное это содержится в слишком тесной клетке и, вероятно, лишено возможности заниматься физическими упражнениями. Я не могу судить о том, как хорошо его кормят, хотя совершенно очевидно, что не все его нужды удовлетворяются. Уже дважды, когда оно пыталось их развить, вы его прерывали.

— Альфред, — вставил я, — не думаешь ли ты...

Тут меня прервал трубный голос стражи:

— Да он просто душка! Как сверкают его глаза! Я хочу его!

Уна топнула ногой, и пол задрожал. Вдох звучал так печально, что однолинейное мышление Альфреда тут же приняло его за новую улику.

— Уж если и это не есть жалоба несчастного создания, — сказал он, приблизившись к клетке, — то я никогда...

— Берегитесь! — крикнул Диксон, бросаясь вперед.

Одна из рук Уны метнулась к прутьям решетки. Почти одновременно Диксон схватил Альфреда за плечи и оттащил назад. Раздался треск материи, и на линолеум упали три пуговицы.

— Уф! — произнес Диксон.

Впервые Альфред испугался:

— Что это... — начал он.

Мощный злобный звук из клетки заглушил дальнейшее:

— Дайте мне его! Я хочу его! — угрожающе грохотал голос.

Все четыре руки вцепились в прутья, две из них яростно трясли дверцу. Два видимых нам глаза неотрывно смотрели

на Альфреда. Появились некоторые признаки, предвещавшие изменение взглядов моего коллеги на ситуацию. Глаза его за стеклами очков раскрылись еще шире.

— Э-э-э... не означает ли это... — начал он с изумлением.

— Мне-е! — выла Уна, переступая с ноги на ногу и сотрясая стены лаборатории.

Диксон с интересом наблюдал за своим детищем.

— Любопытно, любопытно, — сказал он задумчиво, — не переложил ли я гормоны...

Альфред начал улавливать смысл происходящего. Он еще дальше отошел от клетки. Это движение произвело на Уну неважное впечатление.

— Мне-е! — вопила она каким-то загробным голосом. — Мне-е! Мне-е-е!

Тембр этого звука был невыносим.

— А не лучше ли нам?.. — предложил я.

— Пожалуй, при данных условиях... — согласился Диксон.

— Именно, — очень решительно подтвердил Альфред.

Тон Уны не позволял различать оттенки ее чувств. Звук, похожий на дребезжание оконных стекол, который раздавался за нашей спиной, когда мы шли к двери, возможно, выражал гнев, возможно, душевную боль, а возможно, и то и другое вместе. Мы невольно ускорили шаг.

— Альфред! — звал голос, похожий на безутешный рев сирены. — Хочу Альфреда!!!

Альфред бросил испуганный взгляд назад, но шел, умудряясь даже сохранять известное достоинство.

Раздался удар, от которого завибрировала решетка и дрогнул весь дом. Я оглянулся и увидел, что Уна вновь отступает в глубь клетки с явным намерением повторить бросок. Мы кинулись к двери. Альфред выскочил первым.

Громоподобный удар потряс здание. Пока Диксон закрывал дверь, я успел увидеть Уну, толкающую перед собой, подобно взбесившемуся автобусу, обломки решетки и мебели.

— Думаю, нам понадобится помощь, чтобы справиться с Уной, — сказал Диксон.

Мелкий пот оросил чело Альфреда:

— Может быть, лучше... — начал он.

— Нет, — ответил Диксон, — она увидит вас в окно.

— О, — мрачно откликнулся Альфред.

Диксон провел нас в большую гостиную и, подойдя к телефону, попросил срочно прислать полицейских и пожарную команду.

— До их прибытия мы бессильны, — сказал он, кладя трубку. — Лабораторное крыло, возможно, выдержит, если Уна не будут раздражать, подавая ей несбыточные надежды...

— Несбыточные надежды? Да как вы смеете... — запротестовал Альфред.

Но Диксон продолжал:

— Наше счастье, что с того места, где стоит клетка, нельзя видеть дверь. Есть шанс, что Уна незнакома с дверьми вообще — ни с их назначением, ни с их устройством. Но меня очень беспокоят масштабы разгрома, который она учинила. Послушайте только...

Несколько минут мы прислушивались к грохоту, треску и звону. В этой какофонии звуков можно было разобрать печальный двухслоговой вопль, который, по всей вероятности, означал слово «Альфред».

На лице Диксона отразилась мука, которая углублялась по мере того, как шло время.

— Все мои записи! Вся моя многолетняя работа! — горько говорил он. — Вашему Обществу это дорого обойдется, предупреждаю вас, хотя и не возвратит мне мои материалы. Уна всегда была спокойна, пока ваш друг не возбудил ее. Я с ней не знал никаких хлопот.

Альфред попытался возражать, но его протест был прерван грохотом: сначала раздался звук падения чего-то тяжелого, потом звон водопада битого стекла.

— Дайте мне Альфреда! Хочу Альфреда! — требовал нечеловеческий голос.

Альфред вскочил, затем в волнении снова уселся на краешек стула. Было похоже, что сейчас он начнет грызть ногти.

— А-а-а! — воскликнул Диксон так неожиданно, что мы вздрогнули. — Так вот в чем дело! Надо было вычислять потребность в гормонах, исходя из общего веса тела, включая панцирь! Разумеется! Грубейшая ошибка! Ай-ай-ай! Лучше бы я воспользовался первоначальной идеей партеногенеза... Боже!

Грохот, который вызвал это восклицание, поднял нас на ноги и бросил к дверям.

Уна все же обнаружила выход из пристройки. Она шла через двери, как бульдозер. Дверь, дверная рама, куски кирпичей волочились за ней. На миг «совершенное творение» остановилось, созерцая погром.

Диксон не терял ни секунды:

— Скорее! Наверх! Мы обманем ее!

Именно в эту минуту Уна заметила нас и издала дикий вопль. Мы помчались к лестнице наверх через весь холл. Быстрота была нашим единственным преимуществом. При огромной массе Уне требовалось больше времени для разгона.

Я скакал по ступенькам, Диксон чуть опережал меня, а Альфред, как я полагал, следовал за мной по пятам. Все получилось, однако, иначе. Не знаю, оцепенел ли на мгновение Альфред, замешкался ли он, но когда я достиг верхней площадки и обернулся, то увидел его еще на самой первой ступеньке лестницы, а Уна летела за ним, громыхая, как колесница Джаггернаута, снабженная ракетными двигателями.

Альфред несли стремительно. Уна тоже. Возможно, она не была знакома с лестницами, возможно, что проектировщик и не предназначал ее для движения по последним, но она все же успешно преодолевала одну ступень за другой и уже поднялась на пятую или шестую, когда лестница обрушилась под ее тяжестью.

Альфред вдруг ошутил, как она зашаталась у него под ногами. Теряя равновесие, он вскрикнул и, хватая воздух руками, рухнул вниз. Уна в великолепном броске поймала Альфреда всеми четырьмя руками.

— Какая реакция! — восторженно пробормотал позади Диксон.

— Спасите! — блеял Альфред. — Помогите! На помощь!

— А-а-а! — ревела Уна в глубоком удовлетворении. Она пятилась, с треском ломая упавшие доски.

— Спокойствие! — подавал советы Альфреду Диксон. — Только не волнуйте ее.

Альфред, которого обнимали тремя руками и ласково похлопывали четвертой, на этот совет никак не отреагировал. Наступила пауза, очень важная для оценки ситуации.

— Что ж, — сказал я, — надо что-то делать. Нельзя ли ее отвлечь чем-нибудь?

— А чем можно отвлечь победоносную женщину в момент триумфа? — отозвался Диксон.

Уна издала... Впрочем, попробуйте сами вообразить успокоительное воркование слона.

— Помогите! — снова заблеял Альфред. — Она... Ох!

— Спокойствие и только спокойствие! — повторял Диксон. — Я полагаю, что вам ничто не угрожает. В конце концов, Уна — млекопитающее, во всяком случае частично... Вот если бы она принадлежала к другому классу, например, была бы паучихой...

— Вряд ли сейчас тот момент, когда Уне полезно слушать про нравы паучих, — предположил я. — Нет ли у нее какой-нибудь любимой еды или чего-нибудь еще, чем бы она соблазнилась?

Уна укачивала Альфреда тремя руками и с любопытством тыкала пальцем четвертой. Альфред трепыхался.

— Черт возьми! Да сделайте хоть что-нибудь! — требовал он.

Раздался визг тормозов подъезжающих машин. Диксон кинулся внутрь дома, и я слышал, как через окно он объяснял ситуацию людям, находившимся во дворе. Вскоре мой бывший учитель вернулся в сопровождении брандмайора и его людей. Когда они увидели, во что превратился холл, у них глаза на лоб полезли.

— Необходимо захватить ее, не пугая, — втолковывал Диксон.

— Схватить это? — с сомнением произнес брандмайор. — А что это вообще за чертовщина такая?

— Сейчас не до объяснений, — нетерпеливо возразил Диксон. — Если вам удастся накинуть на нее веревки с разных сторон...

— Помогите! — снова заорал Альфред.

Бедняга вырывался изо всех сил. Уна еще крепче прижала его к своему панцирю и стала ласково похрюкивать. «Какой отвратительный звук», — подумал я. Пожарника он тоже потянул.

— Ради всего святого...

— Скорее! — приказал Диксон. — Одну веревку мы можем набросить отсюда.

Пожарники убежали. Брандмайор выкрикивал распоряжения тем, кто стоял внизу, и, видимо, ему стоило больших трудов выражаться достаточно ясно. А его помощник оказался молодцом: сделал отличную петлю и ловко набросил ее. Когда петля затянулась, она оказалась чуть ниже верхней пары рук и соскользнуть уже не могла. Веревку пожарник привязал к стояку перил.

Уна все еще была занята Альфредом и не замечала того, что творилось вокруг. Если бы бегемот мог мурлыкать, да еще с оттенком сентиментальности, то такое мурлыканье очень походило бы на звуки, издаваемые Уной.

Осторожно открылась парадная дверь, и в ней показались лица пожарных и полицейских с выпученными глазами и разинутыми ртами. Еще минута, и другая группа протиснулась в дверь, ведущую в холл из гостиной. Один из пожарных, явно нервничая, вышел вперед и принялся разматывать веревку. К сожалению, веревка задела за абажур и цели не достигла.

В это-то мгновение Уна и поняла смысл происходившего.

— Нет! — загромычала она. — Он мой! Я хочу его!

Испуганный пожарный кинулся в дверь, наступая на пятки товарищей, и дверь захлопнулась. Уна бросилась за ними. Веревка натянулась, и мы отпрянули от нее. Столбик сломался, как тростинка, и веревка хвостом потянулась за Уной.

Раздался отчаянный вопль Альфреда, все еще крепко прижатого к груди Уны, но, к его счастью, не к той стороне ее, которая совпадала с линией движения. Однако донесся страшный треск, посыпался каскад обломков досок, известки, все закрыла пелена пыли, сквозь которую доносились крики ужаса, заглушаемые ревом:

— Он мой! Не отдам! Он мой!

К тому моменту, когда мы добрались до окон, Уна уже преодолела все препятствия. Нам было хорошо видно, как она несется галопом по дороге, делая около десятка миль в час, волоча без видимого усилия на буксире около полудюжины полицейских и пожарных, намертво вцепившихся в веревку.

У сторожа хватило смекалки закрыть выездные ворота. Сам он, спасая свою жизнь, успел скрыться в кустах, когда Уна была уже в нескольких ярдах от него.

Ворота, однако, не были препятствием для Уны — она шла напролом. Правда, при столкновении с ними она чуть дрогнула, но ворота развалились и рухнули.

Альфред размахивал руками и дико брыкался. До нас долетел слабый крик о помощи. Всю связку пожарных и полицейских проволокло по железному лому, в котором она и застряла. Когда Уна скрылась из наших глаз, только две темные фигурки продолжали героически цепляться за веревку.

Внизу раздался рокот заводимых моторов. Диксон крикнул, чтобы нас подождали. Мы слетели по задней лестнице и умудрились вскочить в пожарную машину в ту самую минуту, когда она тронулась.

Пришлось задержаться, чтобы убрать с пути обломки ворот, а затем мы помчались по проселочной дороге в погоню. Примерно через четверть мили след ушел в сторону по узкой, круто спускающейся вниз тропинке. Здесь мы бросили машину и пошли пешком.

На дне лощины находится, вернее, находился переброшенный через речку старый мостик для гужевого транспорта. Он выдержал бы несколько сот вьючных лошадей, но расчеты его строителей не предусматривали ничего подобного галопирующей Уне. К моменту нашего прихода центрального пролета моста уже не существовало, а пожарник помогал полисмену вытащить на берег бесчувственное тело Альфреда.

— А где же Уна? — взволнованно спросил Диксон.

Пожарник взглянул на него и молча показал на середину реки.

— Кран! Немедленно пошлите за краном! — требовал Диксон, но всех интересовала не судьба Уны, а процесс обезвоживания Альфреда и работы по его оживлению.

Боюсь, что приобретенный опыт навсегда изменил характер взаимоотношений, существовавших ранее между Альфредом и его немymi друзьями. В грядущем потоке судебных исков, контр-исков и контр-контр-исков я буду фигурировать только в роли свидетеля. Но Альфред, которому придется выступать, разумеется, в разных качествах, заявил, что когда его жалобы на нападение, похищение, попытку... впрочем, в его списке еще много других пунктов, так вот, когда они будут удовлетворены, он намерен переменить занятие. Ему трудно смотреть в глаза короле или какому-либо другому животному дамского рода, не испытывая предубеждения, которое может повлиять на верность Альфредовых профессиональных суждений.

ДЕЛА СЕРДЕЧНЫЕ

Элиот внезапно запнулся на полуслове. В другом конце зала ресторана «Д'Авиньон» стоял метрдотель и таращил на него глаза, причем каждая черточка большого выразительного лица Жюля дышала беспокойством, определенно создавая атмосферу драматичности.

Джин проследила за взглядом своего спутника.

— Что это с ним? — спросила она.

— Понятия не имею, — пожал плечами Элиот.

Как замороженные, наблюдали они за Жюлем. Плавно покачиваясь, как дирижабль, управляемый умелой рукой, метрдотель с достоинством нес большую массу своего тела между столиками, пока не остановился возле них. Выражение плохо скрываемого ужаса на его лице заинтриговало Элиота.

— Что, суп отравлен? — дружелюбно поинтересовался он.

Жюль, даже не улыбнувшись, продолжал излучать страх и смятение.

— Прошу прощения, мсье. Мне очень жаль. Произошла ошибка, — произнес он, делая ударение на каждом слове.

Элиот воспринимал исходящие от него звуки так, как он обычно слушал людей, пока не привыкал к их речи. Одна из проблем практикующего логопеда состоит в том, что куда бы он ни пошел, он нигде не может забыть о своей работе. Любой незнакомец, произнося слова, сообщает о себе дополнительную информацию — откуда он родом, где получил образование, где живет сейчас. Каждый звук, из-

Affair of the Heart

© 1995 С. Курина, перевод

даваемый им, немедленно анализируется, принимается во внимание абсолютно все — его полость рта, губы, язык, то, как он их располагает по отношению друг к другу при произнесении слов. Все это представляет собой такой большой профессиональный интерес, что зачастую сама речь не достигает той цели, для которой она произносилась.

Так произошло и на этот раз. С первых же слов Жюль Элиоту стало очевидно, что кто-то из его родителей — скорее всего мать — уроженец юга Франции; что сам Жюль воспитывался в Англии; что при желании он мог бы говорить на превосходном английском; однако сознательно из профессиональных соображений сохранил материнский выговор, привнеся в него акцент Сохо*, пока такая манера говорить не вошла в привычку; а его жесты свидетельствовали о том, что он чрезвычайно педантичен и во всем любит порядок. Всего несколько слов — и столько информации!.. На сами слова Элиот, правда, не обратил внимания.

Жюль тоже сделал свои скромные выводы. Очевидно, клиент — американец, конечно же, из Нью-Йорка, потому что в Англии считается, что все американцы приехали из Нью-Йорка, кроме тех немногих, что занимаются кинобизнесом. Жюль также понял, что разговор не завязывается. Он сделал вторую попытку:

— Произошла ошибка, мсье. Этот столик заказан.

— Не сомневаюсь. Я заказал его вчера по телефону.

— Ошибка как раз в этом. Мадемуазель и мсье не возражают пересесть? У нас есть неплохие столики...

— Мне кажется, я имею право сидеть за тем, который я заказал.

— Это было неправильно, мсье. Я хочу сказать, что было ошибкой принять ваш заказ. Каждый год 28 мая этот столик занят.

Джин наклонилась, вперив взгляд в озабоченное лицо Жюля.

— Каждый год 28 мая? — переспросила она.

— Да, мадемуазель. С половины девятого. Так заведено.

— Что ж, в этом году... — начал было Элиот, но девушка прервала его:

— Как романтично, правда?

* Сохо — район в центральной части Лондона, средоточие ресторанов, ночных клубов, казино и других увеселительных заведений.

— Мадемуазель догадалась. Дела сердечные... — с легким вздохом согласился Жюль.

— Я здесь тоже по сердечному делу, — резко заметил Элиот.

Взгляд Жюля оценивающе скользнул по девушке, и на какую-то долю секунды восхищение вытеснило тревогу с его лица.

— Это, — сказал метрдотель, — очень легко понять и, более того, вас можно от души поздравить, но... — он умышленно отвернулся от покрасневшей Джин, — но совершенно очевидно, что мсье не мог иметь одно и то же сердечное увлечение больше тридцати лет.

— Допустим, — согласился Элиот, — неужели вы хотите сказать?..

— Это правда, мсье. Каждое 28 мая, вот уже более тридцати лет.

Джин пододвинула к себе свою вышитую бисером сумочку.

— Думаю, Элиот, перед лицом таких фактов нельзя ему отказать.

Элиот кивнул головой и поднялся. Жюль просиял от радости.

— Мсье очень добр, а мадемуазель... она понимает сердечные дела!

Он проводил их за следующий столик и проследил, чтобы они хорошо разместились.

— Поверьте, мне очень неудобно, мсье. Если бы я был на месте, когда вы делали заказ, ошибки бы не произошло.

— В качестве компенсации вы можете рассказать нам об этих Дарби и Джоан*, — предложил Элиот. — Годовщина свадьбы?

— О нет, мсье. — Жюль наклонился ниже. — Видите ли, это лорд Солби и миссис Блэйн.

Судя по его тону, имена должны были говорить сами за себя, однако Элиот только покачал головой:

— Это ничего мне не говорит, правда, я из Чикаго.

Жюль проявил себя большим англичанином, чем следовало ожидать по его акценту.

— Никогда бы не догадался, мсье, — произнес он сочувственно. — Здесь у нас это знаменитая история, очень романтическая, очень печальная. Миссис Блэйн в девичестве была Лили Морвин.

* Имена старой любящей пары в одноименной балладе Г. Вудфолла.

— Понятия не... — начал было Элиот и вдруг вспомнил. — Хотя нет, подождите. Что-то мой отец рассказывал... Он был здесь во время войны, другой войны... Она, кажется, тогда выступала в водевиле?

Жюль наклонил голову.

— Любой старик с удовольствием вспомнит, какой она была в те дни, мсье. Все молодые люди сходили по ней с ума.

— Я тоже о ней слышала, — вступила в разговор Джин, — «Город провозглашает тост!», шампанское из туфелек и все такое.

— Так оно и было, мадемуазель, хотя шампанское из туфелек в 1918 году считалось уже немножко старомодным. Но вечеринки действительно устраивались. Все офицеры в увольнении приходили послушать пение Лили Морвин в «Колизей», и каждый вечер там проходили концерты, во время которых она заставляла их забыть о предстоящем возвращении во Францию. Все они боготворили ее — но ничего больше, вы меня понимаете. Они любили ее, потому что она на некоторое время помогла им чувствовать себя счастливыми. А когда приходила пора возвращаться к себе, они брали открытки, которые она им подписывала, и прикалывали на стенах своих блиндажей, и там продолжали любить ее; и это светлое чувство не приносило им никаких огорчений. Всем, кроме двух. Двумя наиболее серьезными поклонниками были лорд Солби — тогда еще капитан — и капитан Чарльз Блэйн.

Помолчав, Жюль продолжил:

— Лили сверкала звездой первой величины, поэтому вся ее личная жизнь была на виду. Все знали об этих двух молодых людях. Они были соперниками, а служили в одном полку. Стоило увидеть рядом с ней одного, и тут же шла молва, что избранник — он; стоило появиться другому, и общественное мнение склонялось в противоположную сторону. Те, кто помоложе, уверяли, что капитан Блэйн — жизнерадостный парень приятной наружности; старшие говорили, что у капитана Солби гораздо больше денег и титул. Для мисс Морвин ситуация была не из легких.

Капитан Солби привел ее сюда в «Д'Авиньон» 28 мая 1918 года. Это был последний свободный вечер капитана — и он сделал ей предложение. Лили ответила, что не может его принять — она тайно обвенчалась два месяца назад и в настоящее время является миссис Блэйн...

Гастон, который обслуживал их, рассказывал мне, что лорд Солби выглядел совершенно ошарашенно. Он даже забыл оплатить свой счет, пришлось выслать ему по почте. Это было так печально!

Лорд Солби вернулся во Францию. Поговаривали, будто ему было абсолютно все равно — убьют его или нет. А капитан Блэйн погиб несколькими месяцами позже.

28 мая следующего года война уже была окончена, и лорд Солби снова привел сюда миссис Блэйн. Весь вечер он умолял ее, но она только качала головой. Они уходили последними. Гастон сказал, что лорд Солби выглядел в этот раз еще хуже, чем в предыдущий — наверное, потому что смерть капитана Блэйна вселила в него новые надежды.

К тому времени лорду Солби было 24 года, и все дамы, имевшие дочерей брачного возраста, очень им восхищались. Но его не интересовали их дочери. Он не участвовал в общественной жизни. Вскоре ни для кого уже не было секретом, что его интересовала только миссис Блэйн; известно было и то, что она верна памяти своего мужа. Даже спустя столько времени дом ее наполняли фотографии и подарки капитана Блэйна.

Лорд Солби стал важным человеком в крупных компаниях, он заседает в палате лордов. Но он так и не женился. Каждый год 28 мая он приводит сюда миссис Блэйн, и сцена объяснения повторяется вновь и вновь. Она хранит верность памяти молодого мужа, который погиб во Франции много лет назад. Теперь вы сами видите, какая это романтическая и печальная история.

— Это ужасно — так беззаветно любить! — пробормотала Джин.

— Для кого ужасно? — поинтересовался Элиот.

Девушка взглянула на него с прохладцей.

— Для обоих, — сухо ответила она, затем вновь обратилась к Жюлю: — Неужели все так безнадежно? Неужели они никогда не пожениятся?!

Метрдотель пожал плечами:

— Женщина обычно любит менять свои решения, но когда она говорит «нет» больше тридцати лет подряд... — внезапно он оборвал себя на полуслове. — Мадемуазель, мсье, прошу прощения.

Разговаривая, Жюль умудрялся держать в поле зрения весь ресторан. Он уловил какое-то движение за дверью и, прокладывая себе путь между столиками, со змеиной ловкостью заскользил ко входу. Вскоре он вновь появился в

зале, ведя какую-то пару к столику, освобожденному Элиотом и Джин. Лицо его выражало крайнюю степень удовлетворения. Немногочисленные посетители ресторана с интересом следили за шествием пары. Мужчина был высокий и подтянутый, с аскетическим лицом под шапкой уже начавших серебриться волос. Он смотрелся старше своих шестидесяти лет. Лицо женщины, очень ухоженное, привлекало своей мягкостью, светлые волосы выглядели естественно. Вот только вес, пожалуй, был чуть больше, чем того хотелось бы, однако каким-то образом складывалось впечатление, что ей совсем не трудно вернуть изящность своей фигуре. Казалось, будто даме все еще слегка за сорок.

Жюль, кланяясь на каждом шагу, проводил пару до столика и поистине императорским жестом подозвал официанта.

Джин внимательно наблюдала за происходящим.

— Видно, что у него мало радости в жизни, — сказала она.

Тем временем миссис Блэйн устраивалась за столиком. Ее жесты были полны спокойной уверенности, как будто она не знала, что на нее смотрит множество глаз. Наконец миссис Блэйн улыбнулась своему спутнику. Его попытка ответить ей улыбкой получилась весьма неубедительной.

— Бедняжка, — заметила Джин, — это несправедливо. Ни одна женщина не имеет права заставлять мужчину болтаться вокруг нее столько лет. Когда она говорит «нет», она обязана сделать это достаточно определенно — если, конечно, она действительно имеет это в виду.

— Вне всякого сомнения, Лили высказалась достаточно определенно, — сказал Элиот, — может быть, он из тех парней, которые никогда не смиряются с поражением.

Его не особенно интересовала эта пара. Сперва они заняли его столик, теперь — завладели вниманием Джин.

— Как ты думаешь, он каждый раз по-настоящему делает ей предложение? — спросила девушка.

— Понятия не имею. По прошествии времени это уже начинает казаться нелепым, просто игра, в которую они продолжают играть.

— Но ей эта игра нравится.

— В таком случае и ему тоже.

Джин взглянула на своего спутника.

— Что я ненавижу в мужчинах, так это то, как они упрямы и любят поспорить, — провозгласила она.

— Угу. Ты не находишь, что эта тема уже надоела? — спросил Элиот, кивком головы показывая на пару.

Возобновление прерванного разговора заняло немало времени. Но даже когда они наконец заговорили о своем, Элиот чувствовал, что не все ее внимание принадлежит ему. Джин продолжала бросать быстрые взгляды через зал, наблюдая за поведением пожилой пары и не попадая отвечая на его замечания. Одно из них она прервала на полуслове:

— Смотри! Мне кажется, они перешли к главному. Я уверена, что сейчас он делает предложение.

Элиот раздраженно оглянулся. Капитан Солби и миссис Блэйн слегка наклонились над столиком и неотрывно глядели друг другу в глаза. Он наблюдал за движениями губ мужчины.

— Если ты действительно хочешь знать... — начал было он, но вдруг осекся.

Элиот всегда был убежден, что те сведения, которые ему удастся получить с помощью профессиональных навыков, строго конфиденциальны. К счастью, Джин не слышала его. Ее внимание было приковано к паре. Мужчина закончил говорить и, заметно волнуясь, ждал ответа женщины. Та задумчиво подняла взгляд и слегка покачала головой, ее губы что-то произнесли.

— Нет, — пробормотала Джин, — она сказала «нет».

Женщина произнесла что-то еще. Она говорила медленно, нажимая на каждое слово. Лицо мужчины сразу посерело, он был похож на человека, загнанного в угол. Несколько секунд лорд Солби неподвижно сидел, глядя на нее. Затем поднялся, поклонился ей и вышел из зала. Он шел, ничего не видя перед собой.

Руки Джин сжались в кулаки.

— Как скверно с ее стороны! И все из-за человека, который уже тридцать лет мертв. Она не права. Бедняга просто убит!

— Это не наше дело, — сказал Элиот и постарался сменить тему разговора.

Откуда-то снаружи донесся звук, похожий на хлопанье двери. Жюль, переполненный смутной тревогой, направился выяснить, в чем дело. Минутой или двумя позже он вернулся с неестественно бледным лицом, подошел к миссис Блэйн и что-то ей сказал. Она спокойно собрала свои вещи и проследовала за ним к выходу. Когда Жюль появился вновь, Элиот жестом подозвал его.

— Лорд Солби? — спросил он негромко, так чтобы его не было слышно за соседним столиком.

— Неприятный инцидент, мсье...

— Не надо, я знаю, что это был пистолетный выстрел. Он мертв?

Жюль наклонился ниже:

— Да, мсье, только, пожалуйста...

— О'кей. Мы сохраним это в тайне.

— Благодарю вас, мсье. Вы понимаете, такое происшествие может пагубно отразиться на репутации ресторана.

Метрдотель двинулся дальше, оставив Джин в ужасе глядеть на Элиота.

— Дорогой, — ошеломленно произнесла она.

Элиот налил ей вина. Девушка благодарно кивнула и дрожащей рукой поставила стакан.

— Я чувствую себя такой потерянной, — сказала она, — я и не подозревала, что мужчины способны так любить. Тридцать лет бесплодных надежд... Тридцать лет — и какая развязка!.. Ее вина! Если не можешь подарить ему любовь, то, по крайней мере, не надо с ним встречаться.

— Угу, — отозвался Элиот.

Он мог бы прокомментировать случившееся более убедительно, однако мешала профессиональная сдержанность. Насколько ему позволило видеть его натренированное зрение, последними словами, слетевшими с уст миссис Блэйн, были: «Нет, Джон. Сейчас я твердо намерена выйти замуж. К тому же я буду обходиться тебе много дешевле, когда ты женишься на мне. И не забывай, стоит мне только рассказать им о том, что на самом деле случилось с Чарльзом во Франции...»

Я В ЭТО НЕ ВЕРЮ!..

«Никогда, — дал себе слово Генри Бейдер, когда его, наконец, стиснули настолько, что двери поезда смогли закрыться за ним, — никогда больше не позволю себе застревать в городе так поздно!»

Он уже не первый раз давал себе подобные клятвы в полной уверенности, что их не нарушит, а потом, конечно, нарушал, хотя в промежутках действительно старался делать все возможное, чтобы его редкие визиты в Сити не совпадали с часами пик.

Однако в Лондоне накопилось столько дел, что оставалось только два выхода из положения: либо задержаться в городе еще позже и тем огорчить жену, либо позволить людскому потоку увлечь себя к входу в метро у здания Английского банка.

Взглянув сначала с тревогой на толпу, медленно вваливавшуюся в метро, а затем на длинную неубывающую очередь на автобус, Генри решился. В конце концов, они это делают дважды в день и не умирают. «А я чем хуже?» — подумал он и бодро шагнул вперед.

Самое удивительное заключалось в том, что никто вокруг него не смотрел на поездку в метро как на какой-то сверхчеловеческий подвиг, все относились к ней совершенно спокойно, терпеливо и довольно равнодушно — так, наверно, воспринимают свою участь коровы, которых перевозят с одного скотопригонного двора на другой.

На станции метро у собора святого Павла никто не вышел, но давление внутри вагона свидетельствовало, что еще кто-то умудрился войти. Двери попытались сомкнуться, затем снова раздвинулись, так как чья-то не то рука, не то нога пыталась втиснуться в вагон недостаточно умело.

Confidence Trick

Затем двери сделали невероятное усилие и наконец сомкнулись.

Поезд тяжело тронулся. Девушка в зеленом плаще, стоявшая справа от Генри, сказала, обращаясь к девушке в синем плаще, прижатой к ней вплотную:

— Как ты думаешь, мы заметим, когда у нас начнут трещать ребра?

Но это прозвучало скорее как философское размышление, чем как жалоба.

На станции Чансери-лейн тоже никто не вышел. Однако путем усиленного заталкивания и других физических воздействий удалось достичь невозможного и посадить в вагон еще нескольких человек. Поезд с трудом набирал скорость. Он протарахтел по рельсам еще несколько секунд, затем последовал сильный толчок, и все погрузилось во мрак. Поезд остановился.

Генри выругался с досады, но ровно через секунду состав снова двинулся вперед. Однако Генри с удивлением ощутил, что его тело больше не опирается на окружающих пассажиров, и вытянул вперед руку, чтобы удержаться равновесие. Рука уперлась в какой-то мягкий предмет. В это мгновение снова зажегся свет, и Генри увидел, что «предметом» была девушка в зеленом плаще.

— Вы что думаете, вы... — начала было девушка, но тут же осеклась и посмотрела вокруг широко раскрытыми от удивления глазами.

Генри хотел было извиниться, но и у него слова замерли на губах, а глаза потихоньку полезли на лоб.

В вагоне, который еще минуту назад был набит людьми до последнего дюйма, теперь, если не считать его и девушки в зеленом плаще, оставались всего три человека. Пожилой джентльмен развертывал газету с таким видом, будто он наконец-то получил возможность осуществить свое законное право, дама средних лет сидела, погруженная в собственные мысли, а в другом конце вагона молодой человек дремал, прислонившись к стенке.

— Ну уж эта мне Милли! Я ей завтра покажу! — воскликнула девушка. — Сошла в Холборне и даже слова не сказала. А ведь знает, что у меня там тоже пересадка! — Она задумалась. — Ведь это был Холборн, не правда ли? — сказала она, обращаясь к Генри.

Генри в полном недоумении продолжал глядеть на опустевший вагон. Девушка слегка потрясла его за плечо.

— Ведь это был Холборн? — неуверенно повторила она.

Наконец он обернулся.

— Вы что-то сказали про Холборн?

— Ну, эта последняя остановка, где все сошли. Ведь это был Холборн, правда?

— Я... я боюсь, что не очень-то хорошо знаю эту линию метро, — сказал Генри.

— Зато я ее знаю как свои пять пальцев. Это наверняка был Холборн, — заявила девушка решительно, словно желая убедить себя.

Генри еще раз взглянул на качающийся вагон и болтающиеся ремни.

— Простите, но я не видел никакой станции, — сказал он.

Девушка откинула голову в красной вязаной шапочке и внимательно посмотрела на Генри. Она не была испугана, однако в ее голубых глазах появилась тревога.

— Была же какая-то остановка, иначе куда бы они все подевались?

— Да-да, конечно, — согласился Генри.

Они помолчали. Поезд продолжал нестись вперед, еще больше раскачиваясь и дергаясь на мало нагруженных рессорах.

— Следующая остановка Тотенхэм-Корт-роуд, — сказала девушка с некоторым беспокойством.

Поезд тархтел по рельсам. Девушка задумчиво смотрела на темные окна вагона.

— Чудно́, — проговорила она наконец, — очень чудно́...

— Послушайте-ка, — сказал Генри, — а что, если мы спросим остальных пассажиров? Может, они что-нибудь знают?

Девушка взглянула на них. По ее лицу было видно, что она не возлагала на это особенных надежд.

— Ну что ж, давайте, — все же ответила она и повернулась, чтобы пойти вместе с ним.

Генри остановился возле дамы. Она была в хорошо сшитом пальто с меховой пелериной. На голове у нее поверх аккуратно уложенных темных волос красовалась небольшая шляпка с вуалеткой, ноги были обуты в элегантные лаковые туфли. Руки в лайковых перчатках опирались на черную кожаную сумочку, лежавшую на коленях. Взгляд у дамы был совершенно отсутствующий.

— Простите, — обратился Генри, — вы не могли бы сказать, как называется станция, где сошли все остальные пассажиры?

Дама медленно приподняла веки и посмотрела на Генри сквозь вуалетку.

— Нет, — ответила она после небольшой паузы, слегка улыбаясь, — боюсь, я не обратила внимания.

— А вам не показалось, что там было что-то не так?

— Не так? — переспросила дама.

— Да, уж очень они все быстро вышли, — пояснил Генри.

— Что в этом необычного? Мне это даже понравилось, а то здесь уж слишком много народу набилось.

— Вы совершенно правы, — согласился Генри. — Но все-таки нам непонятно, как это могло произойти...

Дама приподняла брови:

— Неужели вы думаете, что я...

Позади Генри прошелестела газета, и ворчливый голос произнес:

— Молодой человек, по-моему, вы напрасно беспокоите даму вопросами. Если вас что-то не устраивает, обратитесь с жалобой в соответствующие инстанции.

Генри обернулся. Он увидел человека с седеющими висками и аккуратно подстриженными усами на здоровом, розовом лице. На вид ему было лет пятьдесят пять, и все в его одежде, начиная с черной шляпы-котелка и кончая портфелем, говорило о том, что это настоящий бизнесмен из лондонского Сити. Он вопросительно взглянул на даму и получил в ответ сдержанную улыбку благодарности. Затем он встретился глазами с Генри и несколько сбавил тон, сообразив, что перед ним вполне воспитанный человек, а не какой-то нахал, как он было подумал, глядя на Генри со спины.

— Простите за беспокойство, — сказал Генри. — Эта девушка, по-видимому, проехала свою остановку, да и вообще все это очень странно.

— Я помню, что мы остановились на Чансери-лейн, так что, по всей вероятности, остальные пассажиры сошли в Холборне. Это совершенно ясно, — сказал джентльмен.

— Так быстро?

— Ну и отлично. Работники метро, наверно, придумали какой-нибудь удачный метод регулирования потока пассажиров. Ведь они все время ищут что-то новое.

— Да, но уже прошло десять минут, как мы едем без остановок, а я абсолютно уверен, что мы не проехали ни одной станции, — возразил Генри.

— Вероятно, по каким-то техническим причинам наш поезд перевели на другой путь, — сказал джентльмен.

— На другой путь? В метро? Да это совершенно невозможно! — воскликнул Генри.

— Дорогой мой, уж это совсем не наша с вами забота. Пусть этим делом занимаются те, кому оно поручено. В конце концов, для того они и поставлены. Поверьте мне, они прекрасно знают, что делают, хотя нам это и кажется «странным», как вы изволили выразиться. Бог ты мой, уж если мы не будем доверять нашим специалистам, кому еще нам останется доверять!

Генри взглянул на девушку в зеленом плаще. Она поймала его взгляд и слегка пожала плечами. Они отошли в другой конец вагона и сели. Генри посмотрел на часы, потом предложил девушке сигарету. Они закурили.

Поезд ритмично тарыхтел по рельсам. Генри и девушка смотрели в окно, чтобы не пропустить освещенную платформу, но единственное, что они могли видеть, — это свои собственные отражения в темном стекле. Докурив сигарету, Генри бросил окурочок на пол и придавил его ботинком. Он снова посмотрел на часы, затем повернулся к девушке.

— Уже прошло больше двадцати минут, это невероятно, возведенная в квадрат!

— А поезд пошел быстрее, — заметила девушка, — и посмотрите, кажется, он движется наклонно.

Генри взглянул на ремни, свисавшие с потолка. Сомнения не было — поезд явно шел под гору. Повернув голову в другую сторону, Генри увидел, что двое других пассажиров оживленно разговаривают.

— Ну что ж, попробуем еще разок? — предложил он.

— ...Всегда не более пятнадцати минут, даже в часы пик, поверьте мне, — говорила дама, когда они подошли. — Я боюсь, что мой муж будет ужасно беспокоиться.

— Ну, что вы скажете теперь? — спросил Генри, обращаясь к пожилому джентльмену.

— Все это на самом деле весьма странно, — согласился тот.

— Странно! Почти полчаса на полной скорости и без единой остановки. Да это просто невероятно!

Собеседник холодно посмотрел на него.

— То, что сейчас происходит, со всей очевидностью доказывает, что ничего невероятного в этом нет. Возможно, имеется какой-то запасной подземный путь, проложенный еще во время войны, и нас туда перевели по ошибке. Я не сомневаюсь, что здешние начальники скоро обнаружат свою ошибку и вернут поезд назад.

— Что-то они не очень спешат, — заметила девушка. — Мне уже давно пора быть дома. К тому же у меня вечером свидание в Палласе.

— Я думаю, нам следует остановить поезд, — сказала дама.

Она посмотрела на рукоятку запасного тормоза, которую разрешалось повернуть только в экстренных случаях. Генри и джентльмен переглянулись.

— По-моему, это самый экстренный случай, — заявила дама тоном, не допускающим возражений.

— Э-э... — промычал Генри.

— Но управление метро... — начал было джентльмен.

— Хорошо, — сказала дама, — если вы, мужчины, так боитесь дотронуться до этой рукоятки, я сделаю это сама. — Она протянула руку, крепко ухватила за рукоятку и повернула ее вниз.

Генри быстро опустил на скамью и потянул за собой девушку, боясь, что поезд резко затормозит. Однако ничего не произошло.

Все трое ждали. Наконец стало ясно, что тормоз не работает.

Дама нетерпеливо подняла рукоятку, а затем снова решительно дернула ее вниз. Никакого результата. Она выразила свое мнение о тормозе в довольно сильных выражениях.

— Нет, вы только послушайте, что она говорит! Надо же! — удивилась девушка, обращаясь к Генри.

— Это все слова. Хотите еще сигарету? — спросил Генри.

Поезд тархтел и покачивался на рельсах. Ремни продолжали висеть наклонно.

— Ну, — сказала девушка через некоторое время, — можно считать, что мое свидание в Палласе лопнуло. Теперь Доррс отбьет у меня парня, это точно. Я смогу возбудить против них дело, как вы думаете?

— Боюсь, что вам это не удастся, — ответил Генри.

— Вы юрист?

— Можно сказать, да. А давайте-ка познакомимся. Похоже, нам придется провести какое-то время вместе, пока они там догадаются навести порядок. Меня зовут Генри Бэйдер.

— А меня Норма Пальмер.

— Роберт Форкетт, — представился джентльмен из Сити и слегка поклонился.

— Миссис Барбара Брэнтон, — сказала дама средних лет.

— А что нам делать с ним? — спросила Норма, указывая пальцем на молодого человека, который продолжал мирно спать в другом конце вагона. — Может быть, следует разбудить его, объяснить ситуацию?

— Не думаю, чтобы от этого что-нибудь изменилось, — заметил мистер Форкетт. Он повернулся к Генри. — Вы, кажется, сказали, что вы юрист, сэр? Может быть, вы сумеете нам объяснить, каково наше положение в этом аспекте?

— Ну, не заглядывая в юридический справочник, я склонен полагать, что в этом деле о задержке никакая претензия с нашей стороны не будет принята во внимание...

Через полчаса Генри почувствовал, как что-то тяжелое привалилось к его боку. Повернув голову, он увидел, что Норма заснула, положив голову к нему на плечо. Миссис Брэнтон дремала по другую сторону от него. Мистер Форкетт зевнул и извинился.

— Пожалуй, лучший способ скоротать время — это немного вздремнуть, — сказал он.

Генри снова взглянул на часы. Если только поезд не двигался по замкнутому кругу, то они уже должны были проехать под несколькими английскими графствами. Все это было совершенно непостижимо. Ему хотелось курить, но, чтобы достать сигарету из кармана, надо было потревожить девушку. Поэтому он не шевелился и сидел, уставившись в темноту за окном, слегка покачиваясь в такт идущему поезду и прислушиваясь к мерному стуку торопливо бегущих колес, пока его голова не склонилась на вязаную шапочку спящей на его плече девушки.

Перемена ритма и легкое вздрагивание вагона от включенных тормозов разбудили Генри. Остальные пассажиры проснулись минутой позже. Мистер Форкетт громко зевнул. Норма открыла глаза, с удивлением огляделась и,

обнаружив свою голову на плече у Генри, быстро выпрямилась.

— Ну, как же это я... — сказала она, смущенно взглянув на Генри.

Он уверил ее, что ему было очень приятно. Она стала приглаживать волосы и приводить себя в порядок, глядясь в темное окно, как в зеркало. Миссис Брэнтон достала из-под своей пелеринки маленькие часики и взглянула на них.

— Боже мой, почти полночь! Мой муж, наверно, совсем с ума сошел от беспокойства, — заметила она.

Изменившийся стук колес указывал на то, что поезд замедляет ход. Постепенно за окнами начало светлеть. По сравнению с освещением внутри вагона свет был какой-то красноватый; с каждой минутой он становился все сильнее.

— Вот так-то лучше, — сказала Норма. — Терпеть не могу, когда поезд останавливается в туннеле.

Свет стал еще ярче, скорость движения уменьшилась, и поезд подошел к станции. Все пассажиры прильнули к окнам, стараясь разглядеть ее название, но нигде не было никакой таблички. Внезапно миссис Брэнтон, которая смотрела в окно по другую сторону вагона, вытянула шею и воскликнула:

— Вот!

Все быстро обернулись, но уже было поздно.

— Какая-то авеню, — сказала она.

— Ну, скоро мы все узнаем, — заметил мистер Форкетт.

Тормоза тяжело вздохнули, и поезд наконец остановился. Но двери открылись не сразу. В конце перрона поднялась какая-то суматоха и, немного погодя, чей-то голос прокричал:

— Конечная остановка! Всем выходить!

— Вот еще, всем выходить, — проворчала Норма, поднимаясь и направляясь к двери. Остальные последовали за ней.

Двери внезапно раскрылись. Норма взглянула на стоящую на платформе фигуру и в ужасе отпрянула, чуть не сбив шедшего за ней Генри.

— Ой-ой-о! — завопила она.

Фигура была почти нагой. Это было угловатое существо мужского пола с темно-красной кожей. Единственную его одежду составляли ремни, к которым были пристегнуты какие-то инструменты. Этнически его лицо напоминало

североамериканских индейцев, только вместо убора из перьев на голове красовалась пара рогов. В правой руке существо держало вилы, а в левой — большой сачок.

— Всем выходить, — заявило оно, отходя в сторону.

Норма минуту поколебалась, затем быстро прошмыгнула на перрон. Остальные вышли вслед за ней более спокойным шагом, но с настороженными взглядами. Так как существо стояло лицом к двери, пассажиры не могли рассмотреть его сзади. Оно медленно и рассеянно помахивало хвостом, острые колючки на конце которого выглядели довольно угрожающе.

— Э-э... — начал было мистер Форкетт, но передумал. Он бросил взгляд на каждого из своих спутников в отдельности и задумался.

Существо заметило молодого человека, который продолжал спать в другом конце вагона. Оно подошло к нему и ткнуло в него вилами. Последовала небольшая перебранка. Существо слегка пырнуло молодого человека вилами еще раз, тот наконец поднялся и вышел из вагона. Вид у него был заспанный.

Кто-то что-то прокричал в конце перрона, затем слышался топот бегущих ног. Какой-то человек строптивого вида бежал им навстречу. За ним гналось с сачком другое краснокожее существо. В конце концов сачок провистел в воздухе, и человек, запутавшись в сетке, грохнулся на перрон. Там дружно захохотали.

Генри посмотрел по сторонам. В тусклом красноватом свете он наконец разглядел и прочитал название станции.

— Какая-то авеню, — сказал он вполголоса. — Ничего себе, какая-то!

Миссис Брэнтон услышала, что он говорит, и тоже посмотрела на дощечку.

— Но ведь тут написано «авеню», значит, это и есть авеню, — сказала она.

Прежде чем он успел ей что-либо возразить, чей-то голос прокричал:

— Выход в эту сторону! Выход в эту сторону! — И существо, держа свои вилы наготове, показало жестом, куда идти.

Молодой человек с другого конца вагона зашагал рядом с Генри. Это был сильный мужчина интеллигентной наружности, который все еще не мог окончательно проснуться.

— Что за суматоха? Пожертвование собирают для какой-нибудь больницы, что ли? Теперь, когда у нас принята

новая программа здравоохранения, в этом, кажется, нет особой нужды?

— Нет, это что-то совсем другое и не очень приятное, по правде сказать. — Генри указал пальцем на название станции. — Да к тому же взгляните на эти хвосты. Не знаю, что и подумать...

Молодой человек внимательно посмотрел на волнообразные движения, которые производило своим хвостом одно из краснокожих существ.

— Но право же... — запротестовал он.

— Кто же это еще, если не черти? Как по-вашему? — спросил Генри.

Не считая служащих, у барьера собралось всего человек двенадцать. Пассажиров пропускали по одному, в то время как пожилой черт, сидевший в будке, отмечал каждого в списке. Так Генри узнал, что заспанного молодого человека зовут Кристофер Уотс и что он физик.

По другую сторону барьера начинался эскалатор какого-то древнего образца. Он двигался вверх довольно медленно, и благодаря этому пассажиры могли прочитать рекламы и объявления, развешенные по стенам. В основном тут рекламировались всевозможные средства от ожогов, порезов, ссадин и ушибов, порой они чередовались с рекомендациями каких-то тонизирующих средств.

У верхнего конца эскалатора стоял довольно жалкого вида черт. На груди у него висел лоток, уставленный целым рядом жестяных коробочек.

— Патентованное средство. Качество гарантировано, — монотонно бубнил он.

Мистер Форкетт, который шел впереди Генри, посмотрел на объявление на лотке и внезапно остановился. Объявление гласило: «Аптечка первой помощи. Цена: один фунт стерлингов или полтора американских доллара за каждый комплект».

— Что за возмутительный курс! — воскликнул мистер Форкетт с негодованием.

Черт нахально посмотрел на него и произнес:

— Ну и что?

Сзади на мистера Форкетта нажимали, заставляя двигаться вперед, но он делал это весьма неохотно, бормоча что-то о стабильности и необходимости верить в устойчивость фунта стерлингов.

Пройдя через вестибюль, пассажиры, наконец, вышли на улицу. В воздухе слегка пахло серой, откуда-то сверху

сыпался пепел, и Норма натянула на голову капюшон своего плаща.

Черт с вилами в руках собрал всех пассажиров в небольшой вагончик, огороженный проволоочной сеткой. Несколько чертей последовали за ними. Последний из них остановился у ворот поболтать с охранником.

— Царица небесная, неужто автобус опять опаздывает? — спросил он.

— А ты помнишь хоть один случай, когда бы он пришел вовремя? — в свою очередь спросил черт-охранник.

— В те времена, когда старик Харон гонял свой плот, никто и слыхом не слыхивал ни о каких опозданиях, все шло как по писаному, — проворчал первый черт.

— Так то же было в старину... — пожал плечами охранник.

Генри присоединился к остальным пассажирам, которые стояли, вглядываясь в окружающий ландшафт. Направо простиралась бугристая равнина, по которой стелился дымок. За ней, в конце долины, дымился вулкан, и маленькие ручейки раскаленной лавы непрерывно стекали вниз с краев кратера. Где-то посреди долины возвышались два утеса, на одном из них висела ярко освещенная реклама, которая советовала употреблять средство от ожогов Хупера, в то время как реклама на другом утесе гласила: «Как избежать ожогов? — вот в чем вопрос. Наша фирма даст вам исчерпывающий ответ».

Недалеко от правого утеса часть долины была огорожена колючей проволокой, и на каждом углу концентрационного лагеря стояла наблюдательная вышка. Время от времени из одной из них вылетал, подобно трассирующим пулям, поток огненных стрел, который падал на огороженный участок. Легкий ветерок доносил оттуда запах серы, вой человеческих голосов и демонический смех. Прямо против автобусной остановки находилась казарма, во дворе которой черти толпились в очереди к точильному камню, чтобы наточить свои вилы и колючки на хвостах. Генри все это показалось чем-то очень знакомым и обычным.

Напротив казармы виселось нечто вроде виселицы; с ее перекладыны вниз головой висела, прикованная цепями за ноги, нагая женщина. Пара чертенят раскачивалась, уцепившись руками за ее распущенные волосы. Миссис Брэнтон пошарила в своей сумочке и вытащила очки.

— Боже мой... — прошептала она. — Неужели это... — Она пригляделась к женщине более внимательно. — Конечно, трудно узнать кого-нибудь в таком странном положении, да еще когда по лицу текут слезы. А я-то всегда считала ее такой милой особой...

Миссис Брэнтон обернулась к стоящему неподалеку черту и спросила:

— Эта женщина убила кого-нибудь или совершила какое-нибудь другое тяжкое преступление?

Черт отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Просто она без конца твердила мужу, что он должен завести себе любовницу, чтобы она могла подать на развод и получать с него алименты.

— Вот как? — произнесла миссис Брэнтон суховато. — И все? Но, наверно, дело обстояло куда более серьезно...

— Да нет же, — ответил черт.

Миссис Брэнтон задумалась.

— И часто ей приходится так висеть? — спросила она с легкой тревогой в голосе.

— Только по средам, — ответил черт. — В остальные дни она выполняет другие задания.

Внезапно Генри прошептали что-то на ухо. Он обернулся и увидел, что один из чертей-охранников делает ему знаки. Генри подошел к нему.

— Хотите купить настоящий товар? — спросил черт.

— Какой товар? — поинтересовался Генри.

Черт сунул руку в сумку на животе и вытащил тюбик, похожий на зубную пасту. Он наклонился к Генри и зашептал:

— Настоящий товар — лучший болеутоляющий крем! Стоит только нанести немного на кожу перед адскими муками, и вы ничего не почувствуете.

— Спасибо, не надо, — ответил Генри, — я, по правде сказать, уверен, что тут какая-то ошибка и меня скоро выпустят.

— Брось, друг, — сказал черт, — так не бывает. Ну, хочешь, отдам всего за два фунта? Ты мне нравишься.

— Спасибо, не стоит.

Черт нахмурился.

— Подумай лучше, — посоветовал он, ощетинив хвост.

— Ну, давай за фунт, — сказал Генри.

Черт несколько удивился.

— Ладно, забирай, — сказал он, отдавая тюбик.

Когда Генри снова присоединился к своим, он увидел, что все они с большим интересом наблюдают, как три черта с гиканьем и улюлюканьем гоняются по горам за толстым розовощеким мужчиной средних лет.

Мистер Форкетт, однако, был занят другим — он анализировал создавшееся положение.

— Несчастный случай, — говорил он, повысив голос, чтобы перекрыть усилившийся вой грешников в концентрационном лагере, — очевидно, произошел между станциями метро Чансери-лейн и Холборн. Это ясно. Но что мне неясно — это почему мы здесь. Несомненно, где-то произошла ошибка, и я надеюсь, что ее скоро исправят.

Он снова бросил на остальных оценивающий взгляд. Все задумались.

— Это должно было быть что-нибудь очень серьезное, правда ведь? — спросила Норма. — Ну, например, не пошлют же сюда человека за такую мелочь, как пара нейлоновых чулок?

— Принимая во внимание... — начал было Генри, но его прервала миссис Брэнтон.

— Посмотрите! — воскликнула она.

Все обернулись и увидели женщину, одетую в великолепное норковое манто. Женщина неторопливо шла по улице.

— Может быть, во всем этом есть еще и светлая сторона, о которой мы пока ничего не знаем, — сказала миссис Брэнтон с надеждой в голосе. — Если тут носят норковые шубки...

— По-моему, эта женщина не очень-то рада своей шубке, — заметила Норма.

— Это шуба из живых норок, — любезно объяснил один из охранников, — а у них очень острые зубы.

Внезапно позади пассажиров раздался дикий вопль. Все обернулись и увидели, как Кристофер Уотс накручивает хвост одному из чертей. Черт снова завопил и выронил тюбик с болеутоляющим кремом, который он пытался всучить Уотсу, затем попытался пырнуть Уотса вилами.

— Э нет, не выйдет! — воскликнул Уотс, ловко увертываясь. Он схватил вилы за палку и вырвал их у черта. — Вот так-то! — сказал он с удовлетворением.

Затем отбросил вилы в сторону и обеими руками снова ухватился за хвост. Он дважды прокрутил черта у себя над головой и отпустил. Черт перелетел через забор из колючей проволоки и с воем грохнулся на землю. Остальные

черти развернулись и начали наступать на Кристофера Уотса, держа вилы наперевес и сетки наготове.

Уотс приготовился защищаться и мрачно наблюдал за их приближением. Вдруг выражение его лица изменилось. Он перестал хмуриться, широко улыбнулся, разжал кулаки и опустил руки.

— Боже мой, какая же это ерунда! — воскликнул он и повернулся к чертям спиной. Те остановились в недоумении.

На Генри вдруг снизошло откровение. Он совершенно ясно понял, что Кристофер прав. Это действительно была ерунда. Он рассмеялся, глядя на ошеломленные лица чертей, и Норма рассмеялась вслед за ним. Вскоре все пассажиры смеялись над чертями, которые сначала смотрели настороженно, а потом совершенно сконфузились, не зная, что делать дальше.

Кристофер Уотс шагнул к той стороне загончика, откуда открывался вид на долину. Несколько минут он стоял там, всматриваясь в зловещий дымный пейзаж. Затем тихо произнес:

— Я в это не верю.

Огромный пузырь пламени поднялся из озера и тут же лопнул. Раздался звук взрыва, и грибовидное облако дыма и пепла поднялось над вулканом, из кратера которого потекли еще более яркие потоки лавы. Земля задрожала.

Кристофер Уотс глубоко вздохнул и повторил на этот раз громко:

— Я в это не верю!

Послышался сильный треск. Скала, на которой висела реклама мази от ожогов, закачалась и рухнула в долину. Черты, гонявшиеся по горам за розовощеким человеком, прекратили свою забаву и с криками ужаса бросились вниз. Земля сотрясалась. Огненное озеро начало вытекать в огромную трещину, которая образовалась на дне долины. Из гейзера поднялся колоссальный столб пламени. Скала на другой стороне долины тоже рухнула. Кругом все рокотало, сотрясалось и дышало огнем. И сквозь этот содом голос Кристофера Уотса прогремел еще раз:

— Я В ЭТО НЕ ВЕРЮ!!!

Внезапно наступила такая тишина, как будто выключили звук. Кругом стало темно, и единственное, что можно было разглядеть, — это освещенные окна поезда метро, который стоял на насыпи позади пассажиров.

— Ну, — сказал Кристофер Уотс с чувством глубокого удовлетворения, — с этим покончено. Поехали домой, что ли? — И он стал карабкаться вверх по насыпи, направляясь к поезду.

Генри и Норма двинулись вслед за ним. Мистер Форкетт колебался.

— В чем дело? — спросил Генри, оборачиваясь.

— Не знаю, но мне кажется, что это не совсем, не совсем...

— Нельзя же здесь оставаться, — заметил Генри.

— Пожалуй, и правда, — согласился мистер Форкетт и несколько неохотно стал подниматься по насыпи.

Не сговариваясь, все пятеро пассажиров, которые раньше ехали в одном вагоне, снова сели вместе. Едва они вошли, как двери сомкнулись и поезд тронулся.

Норма вздохнула с облегчением и сбросила с головы капюшон.

— Мне кажется, что я уже почти дома, — сказала она. — Не знаю, как и благодарить вас, мистер Уотс! Но это мне послужит хорошим уроком. Уж теперь я и близко не подойду к прилавку с чулками, разве только когда у меня будут денежки в кармане...

— Я присоединяюсь к благодарности, конечно, — сказал Генри. — Хотя мне все еще кажется, что здесь какая-то ошибка. Официальная и общепринятая точки зрения где-то перепутались, но я вам чрезвычайно признателен за то, что вы, как бы выразиться... поломали всю эту бюрократию.

Миссис Брэнтон протянула Кристоферу затянутую в перчатку руку:

— Конечно, вы понимаете, что я попала сюда по какому-то глупому недоразумению, однако вы спасли меня от долгих и томительных разговоров с бестолковыми чиновниками. Надеюсь, вы как-нибудь отобедаете у нас? Мой муж, несомненно, захочет поблагодарить вас лично.

Наступила длительная пауза. Постепенно до всех дошло, что мистер Форкетт не торопится благодарить Уотса, и все уставились на него. Форкетт сидел, опустив глаза, погруженный в собственные мысли. Затем он поднял голову, посмотрел сначала на остальных пассажиров, а потом на Кристофера Уотса.

— Нет, — сказал он наконец, — мне очень жаль, но я не могу с этим согласиться. Боюсь, что я рассматриваю ваш поступок как антиобщественный, граничащий с подрывной деятельностью.

Уотс, который был весьма доволен собой, сначала удивился, затем нахмурился.

— Прошу прощения! — сказал он с выражением искреннего недоумения.

— Вы совершили очень серьезный проступок, — повторил мистер Форкетт. — Как можно говорить о прочности существующего порядка, если мы перестанем уважать наши традиции и институты? Вот вы, молодой человек, только что разрушили такой институт. А ведь ад — весьма солидное общественное установление, и мы все верили в него, в том числе и вы сами, пока не взяли и не поломали. Нет, я никак не могу этого одобрить!

Остальные пассажиры смотрели на мистера Форкетта, ровно ничего не понимая.

— Но, мистер Форкетт, — сказала Норма, — ведь вы не хотели бы снова оказаться там, с этими чертами?

— Милая девушка, дело вовсе не в этом, — ответил мистер Форкетт с упреком в голосе. — Как человек, обладающий чувством гражданской ответственности, я категорически протестую против всего, что может подорвать уверенность общества в правильности установленного порядка. Поэтому я еще раз повторяю, что рассматриваю поступок этого молодого человека как нечто весьма опасное, граничащее с подрывной деятельностью.

— Но если это общественное установление дутое... — начал было Кристофер Уотс.

— Это тоже неважно, сэр, так как, если имеется достаточное число людей, верящих в определенный институт, значит, этот институт им нужен, независимо от того, дутый он или нет.

— Значит, вы предпочитаете правде слепую веру? — спросил Уотс презрительно.

— Когда есть вера, будет и правда, — убежденно ответил мистер Форкетт.

— Как ученый, я нахожу вашу точку зрения совершенно аморальной, — возразил Уотс.

— А я, как гражданин, считаю вас человеком, лишенным каких-либо принципов, — сказал мистер Форкетт.

— То, что существует на самом деле, не исчезнет и не развалится от того, что вы перестанете в него верить, — заметил Уотс.

— Вы в этом абсолютно уверены? Ведь Римская империя, например, существовала до тех пор, пока люди верили в нее, — возразил мистер Форкетт.

Спор продолжался еще некоторое время, причем мистер Форкетт произносил все более громкие слова и фразы, в то время как Уотс пытался докопаться до самой сути вещей.

Наконец мистер Форкетт подвел следующий итог своим высказываниям:

— По правде говоря, ваши нетрадиционные, я бы даже сказал, революционные взгляды мало чем отличаются от большевизма.

Кристофер Уотс встал:

— Укрепление общества путем слепой веры вопреки научной правде — это метод Сталина, — заявил он и отошел в другой конец вагона.

— Ну, право же, мистер Форкетт, — воскликнула Норма. — Не знаю, как вы можете быть таким грубым и неблагодарным! Стоит только вспомнить всех этих чертей с вилами и ту бедную женщину, что висела вниз головой совсем голая...

— Все это совершенно соответствовало назначению данного места. А вот он — весьма опасный молодой человек! — твердо заключил мистер Форкетт.

Генри решил, что настало время переменить тему разговора. Все четверо начали болтать о разных пустяках, в то время как поезд шел с хорошей скоростью, хотя и не так быстро, как когда он несся вниз. Но постепенно разговор иссяк. Повернув голову в другую сторону, Генри обнаружил, что Кристофер Уотс снова спит, и решил последовать его примеру.

Он проснулся от крика: «Отойдите от дверей», — и увидел, что вагон снова полон народу. Не успел он открыть глаза, как Норма толкнула его локтем в бок.

— Смотрите! — сказала она.

Прямо против них, держась за подвесной ремень, стоял человек и читал газету. Так как его, по-видимому, больше всего интересовали результаты скачек, опубликованные на последней странице, первая страница была повернута лицом к Генри и Норме, и там крупными буквами был напечатан следующий заголовок:

«КАТАСТРОФА В ЧАС ПИК. 12 ЧЕЛОВЕК УБИТО».

Под заголовком были перечислены фамилии. Генри вытянул шею, стараясь прочитать, что там написано. Владелец газеты опустил ее и с возмущением посмотрел на Генри. Но тот уже успел найти в списке свое имя и имена других пассажиров.

Норма встревожилась.

— Прямо не знаю, как я все это объясню дома, — пробормотала она.

— Ну, теперь вы понимаете, что я имел в виду? — сказал мистер Форкетт, обращаясь к Генри. — Только подумайте, сколько будет хлопот, пока в этом разберутся, — и шумиха в газетах, и еще Бог знает что. Да от такого парня только и жди беды — абсолютно антиобщественный элемент!

— И что только подумает мой муж! Ведь он меня ужасно ревнует! — заметила миссис Брэнтон с некоторым удовлетворением.

Поезд остановился на станции у собора святого Павла. Толпа в вагоне несколько поредела, и поезд двинулся дальше.

Мистер Форкетт и Норма стали продвигаться к выходу. Генри решил, что он, пожалуй, тоже сойдет на следующей остановке. Поезд начал замедлять ход.

Внезапно мистер Форкетт схватил Генри за плечо.

— Смотрите, вон он идет! — сказал он, указывая на Кристофера Уотса, который шагал в толпе впереди них. — Вы можете уделить мне несколько минут? Что-то не доверяю я ему...

Они поднялись по эскалатору и вышли из метро напротив здания Биржи. Оказавшись на улице, Кристофер Уотс остановился и оглядел все вокруг оценивающим взглядом. Его внимание привлек Английский банк. Он шагнул вперед и остановился против него, подняв голову кверху. Затем что-то прошептал.

Земля под ногами слегка задрожала. Из трех окон верхнего этажа вылетели стекла. Одна статуя, две урны и часть балюстрады закачались и обрушились вниз.

Уотс расправил плечи и глубоко вздохнул.

— Боже мой! Ведь он... — начал мистер Форкетт и бросился вперед, так что Генри не расслышал остальных слов.

— Я... — заявил Кристофер Уотс громовым голосом. — В ЭТО... — продолжал он, не обращая внимания на злое дрожание земли, — НЕ...

Сильный удар кулаком в спину бросил его на мостовую перед несущимся автобусом. Раздался скрежет тормозов, но было уже поздно.

— Это он! Я сама видела, как он толкнул его! — закричала какая-то женщина, указывая рукой на мистера Форкетта.

Генри догнал его как раз в тот момент, когда к ним подбежал полицейский.

Мистер Форкетт стоял, с гордостью взирая на фасад Английского банка.

— Что только он мог натворить! Этот молодой человек представлял большую опасность для общества, — заявил он. — Конечно, меня следовало бы наградить, но боюсь, что скорее всего меня повесят. Что поделаешь, надо чтить установленные традиции и институты!

Старик уселся на табурете поудобнее и прислонился спиной к побеленной стене. Когда-то он сам тщательно обтянул сиденье табурета заячьей шкуркой, ибо был страшно худ — кожа да кости. То, что это был его личный табурет, на ферме было хорошо известно всем ее обитателям. Солнце припекало, ремни, из которых старик намеревался плести кнут, выскользнули из скрюченных пальцев, и он начал клевать носом.

Двор был пуст — лишь куры рылись в пыли, скорее из любопытства, чем в расчете найти зерно, но привычные звуки говорили о присутствии и других обитателей фермы, которые в отличие от старика послеобеденным отдыхом не пользовались. Из-за дома время от времени доносилось шлепанье пустого ведра о воду в колодце, сменявшееся царапаньем, когда полное ведро тащили вверх и оно цеплялось за сруб. Из сарая, что на другом конце двора, слышались монотонные ритмичные удары. Голова старика склонилась еще ниже — он задремал.

Вдруг за грубой оградой фермы раздались новые звуки, становившиеся по мере приближения все более отчетливыми. Что-то гроыхало, дребезжало, а временами пронзительно скрипело. Старик был глуховат, и новый шум его сначала не беспокоил. Потом он открыл глаза и, поняв, откуда доносится скрип, выпрямился, с любопытством глядя на ворота. Скрип стал еще громче, и над оградой появилась мальчишечья голова. Мальчик улыбнулся старику, его глаза светились восторгом. Молча он еще быстрее зашагал к воротам и вошел во двор, с гордостью волоча за собой ящик, поставленный на четыре деревянных колеса.

Старик вскочил с табурета. В каждом его движении сквозила тревога. Обими руками он замахал на внука, как бы гоня его прочь. Тот остановился. Выражение радости и гордости на его лице сменилось удивлением. Молча смотрел он на старика, так настойчиво гнавшего его обратно.

Пока мальчик стоял в недоумении, старик, продолжая одной рукой подавать ему те же знаки, приложил указательный палец другой руки к губам и заковылял навстречу.

Мальчик наконец повернул назад, нерешительно и неохотно, но было поздно. Стук в сарае прекратился, и на пороге появилась пожилая женщина. Ее рот был распылен, как будто в крике, хотя из него не вырывалось ни звука. Нижняя челюсть бессильно отвисла, глаза, казалось, вылезали из орбит. Потом она перекрестилась и завизжала.

Визг распорол мирный послеобеденный покой. Тотчас за домом со звоном упало ведро, и из-за угла выглянула молодая женщина. Ее глаза широко раскрылись. Тыльной стороной левой ладони она зажимала себе рот, правой рукой — крестилась.

Какой-то юноша показался в воротах конюшни и застыл, пригвожденный к месту.

Еще одна молодуха выбежала из дому, за ней маленькая девочка. Женщина остановилась так резко, как будто налетела на что-то. Девочка тоже замерла, не понимая причины всеобщего ужаса, и уцепилась за материнскую юбку.

Под их взглядами мальчик окаменел. Удивление в его глазах при виде всех этих лиц постепенно переходило в испуг. Он переводил взгляд с одного искаженного страхом лица на другое, пока не встретился с глазами старика. То, что он в них увидел, по-видимому, его подбодрило, вернее, сняло напряжение. Он судорожно сглотнул. И когда мальчик заговорил, голос его вздрагивал от подступивших слез.

— Дедушка, что случилось? Чего они на меня так смотрят?

Пожилая женщина ожила, словно голос мальчика разрушил колдовские чары. Она схватила прислоненные к стене сарая вилы. Нацелив острия на мальчика, женщина стала медленно заходить между ним и воротами. Она жестко сказала:

— Марш! А ну давай в сарай!

— Но, ма... — начал мальчик.

— Не смей меня так называть! — крикнула она.

В резких чертах ее лица читалось что-то похожее на ненависть. Лицо мальчика скривилось, и он зарыдал.

— Иди! — гневно повторяла она. — Туда!

Мальчик — олицетворение недоумения и горя — попытлся. Затем резко повернулся и кинулся в сарай. Мать захлопнула за ним дверь и задвинула засов. Смерила взглядом остальных, как бы бросая им вызов и ожидая возражений. Юноша молча скрылся в сумраке конюшни. Обе молодые женщины тихонько ушли, захватив с собой и девочку. Остались только женщина и старик.

Оба молчали. Старик стоял неподвижно, пристально разглядывая ящик на колесах. Внезапно женщина закрыла лицо руками. Она тихонько стонала, покачиваясь из стороны в сторону, а слезы так и текли сквозь пальцы. Старик обернулся к ней. Его лицо ничего не выражало. Наконец женщина немного успокоилась.

— В жизни бы такому не поверила! И это — мой Дэвид! — проговорила она.

— Кабы ты так не кричала, никто бы и не узнал, — ответил старик.

Понадобилось какое-то время, чтобы смысл слов старика дошел до нее. Лицо женщины снова окаменело.

— Это ты научил его? — подозрительно спросила она.

— Я стар, но еще не спятил! И к тому же люблю Дэви, — добавил он.

— Ты нечестивец! То, что ты сейчас сказал, — богохульство!

— Зато правда.

— Я богобоязненная женщина. И не потерплю Зла в своем доме, в какое бы обличье оно ни рядилось. А коли оно встречается на моем пути, я всегда знаю, в чем состоит мой долг.

Старик уже набрал воздуха, чтобы ответить, но промолчал, только качнул головой. Затем повернулся к женщине спиной и заковылял к своему табурету, как будто состарясь на несколько лет за эти считанные минуты.

В дверь кто-то тихонько постучал. Потом раздался шепот:

— Ш-ш-ш!

На мгновение Дэви увидел квадрат ночного неба и на его фоне чью-то темную фигуру. Потом дверь опять затворилась.

— Ты ужинал, Дэви? — спросил голос.

— Нет, дедушка. Ко мне никто не приходил.

Старик крикнул:

— Так я и думал. Боятся они тебя все. На-ка, возьми. Тут холодная курица.

Рука Дэви пошарила и нащупала протянутое стариком.

Мальчик обгладывал куриную ногу, а старик шуршал в темноте, отыскивая, на что бы присесть. Нашел и со вздохом сел.

— Плохо дело, Дэви, паренек. Послали за священником. Он придет завтра.

— Ничего не понимаю, дедушка. Почему они ведут себя так, будто я сделал что-то дурное?

— Ох, Дэви! — укоризненно сказал старик.

— Но я же ни в чем не виноват! Честно!

— Брось! Ты же каждое воскресенье ходишь в церковь и всегда молишься. О чем ты молишься, ну-ка, скажи!

Мальчик начал бормотать слова молитвы. Спустя минуту старик остановил его.

— Вот, последняя фраза. Повтори.

— И оборони нас от Колеса? — повторил удивленно Дэви. — А что такое Колесо, дедушка? Я знаю, что это что-то ужасно скверное, ведь когда я спрашивал, мне говорили, что это грех и о нем надо помалкивать. Но так и не объяснили, что это такое.

Старик, прежде чем ответить, помолчал, а затем сказал:

— Этот ящик, который ты приволок... Кто научил тебя, как его сделать?

— Никто, дедушка. Я просто решил, что так будет легче его тащить. Так оно и вышло.

— Слушай, Дэви. Каждая из этих штук, которые ты приделал по бокам, и есть Колесо.

Прошли долгие минуты, прежде чем из темноты вновь раздался голос мальчика. В нем звучало недоверие.

— Как, эти деревяшки? Да не может того быть, дедушка! Ведь это просто-напросто кругляшки от чурок! А Колесо — что-то ужасное, страшное, чего все боятся.

— И все равно это именно Колесо.— Старик задумался. — Я расскажу тебе о том, что будет завтра, Дэви. Утром сюда придет священник, чтобы осмотреть твой ящик. Ящик все еще будет тут, потому что никто не решится до

него дотронуться. Священник побрызгает на него водой, чтобы к ящику можно было приблизиться без вреда. Затем ящик унесут в поле, разожгут под ним огонь, и пока он будет гореть, станут вокруг него и начнут распевать гимны.

Потом они вернутся сюда и отведут тебя на допрос в деревню. Тебя будут выпрашивать, как выглядел дьявол, когда он явился тебе, и что он посулил за то, что ты согласился воспользоваться Колесом.

— Но ведь никакого дьявола не было, дедушка!

— Ну и что! Раз они убеждены, что он был, то рано или поздно ты расскажешь и о нем, и о том, в каком виде он тебе явился. Для этого у них есть свои способы... Слушай, мальчуган, тебе надо прикинуться ни в чем не виноватым. Скажешь, что ты просто нашел ящик таким, каков он есть. Скажешь, что не знал, что это такое, и притащил его, думая надеть лучины. Этого и держись, держись крепко. Если не собьешься, что бы с тобой ни делали, то, быть может, все как-нибудь обойдется.

— Но, дедушка, что плохого в этом Колесе? Не понимаю, хоть убей!

На этот раз молчание было еще более продолжительным.

— Ну ладно... Это длинная история, Дэви, и началась она давным-давно. Говорят, в те времена все люди были добрыми, счастливыми и тому подобное. Но однажды как-то раз пришел дьявол, и встретился ему какой-то человек, и сказал дьявол тому человеку, что может дать ему нечто такое, что сделает человека сильнее сотни людей, позволит двигаться быстрее ветра, летать выше птиц небесных. Ну, человек и ответил, мол, дескать, это недурственно, но какую плату дьявол хочет за это?

А дьявол сказал, что ему ничего не надо. Во всяком случае — сейчас. И дал тому человеку Колесо.

Ну а потом, когда тот человек повозился с Колесом, он многое узнал о его свойствах: и как оно производит другие Колеса — все более сложные, и как делает все, что обещал дьявол, и многое, многое другое...

— А оно летало? И делало все обещанное?

— Конечно. Оно делало все, что посулил дьявол. А потом оно начало убивать людей. Разными способами. Люди сцепляли вместе все больше и больше Колес, как научил их дьявол, и вскоре узнали, что могут делать еще более сложные штуковины, которые убивают еще больше людей.

Но они уже не могли отказаться от Колес, иначе поумирали бы с голоду.

Так вот, это и было то самое, чего добивался дьявол. Он, понимаешь ли, поймал человечество на крючок. Почти все в мире зависело от Колес, но жизнь шла через пень-колоду, а старый дьявол животик надрывал от смеха, глядя, что вытворяют его Колеса.

Дела шли все хуже и хуже. Не знаю уж, как это вышло, а только получилось так, что почти никого не осталось в живых — лишь жалкая горсточка, вроде как после потопа. И те — полумертвые.

— И все это из-за Колеса?

— Гм-м, во всяком случае, без него тут не обошлось. И все-таки люди как-то выжили. Стали опять строить хижины, сеять хлеб... Но потом дьявол вновь встретил человека и снова стал соблазнять его Колесом. На этот раз человек ему попался очень старый, мудрый и богобоязненный, а потому сказал дьяволу: «Нет! Сгинь, нечистый дух!» — и пошел по всей округе, предупреждая людей о дьяволе и Колесе, чем страшно всех и напугал.

Но старый дьявол не сдался так просто. Он ведь тоже очень хитер. Время от времени у кого-нибудь возникает мысль, из которой может выйти что-то вроде Колеса: каток, винт или что другое, но в том еще нет греха до тех пор, пока такие штуки не закреплены на оси. И тогда появляется священник, и Колесо сжигают. И забирают того человека. А чтобы не дать ему делать Колеса и в острастку другим его тоже сжигают.

— Сжиг-г-гают? — прошептал, заикаясь, мальчик.

— Именно. Теперь ты понимаешь, почему нужно сказать, что Колесо ты нашел, и на том стоять?

— А может, если я пообещаю не делать других...

— Бесполезно, Дэви. Они дрожат от страха перед Колесом, а когда люди напуганы, они делаются злыми и жестокими. Нет, поступай, как я тебе говорю.

Мальчик подумал и спросил:

— А мама? Она догадается. Она же видела, как я вчера унес этот ящик. Это ведь важно?

Старик покряхтел и тяжело обронил:

— Очень важно. Женщины часто только притворяются испуганными, но уж если они действительно испугаются, то боятся куда сильнее мужчин. А твоя мать очень напугана.

В темноте сарая наступило долгое молчание. Старик заговорил тихим спокойным голосом.

— Послушай, Дэви, паренек. Я скажу тебе еще кое-что. Но тебе придется держать язык за зубами, может, до тех пор, пока ты не станешь стариком вроде меня.

— Ладно, как скажешь, дедушка.

— Я говорю тебе это потому, что ты придумал Колесо сам. В будущем всегда найдутся мальчики, которые сделают то же самое. Должны найтись. Мысль нельзя убить, как это пытаются сделать сейчас. Приглушить ее можно, но рано или поздно она вырвется на свободу. И ты должен понять, что не в Колесе Зло. Не слушай того, что болтают напуганные люди. Изобретение не бывает само по себе хорошим или дурным; добрым или злым его делают сами люди. Поразмысли об этом, мальчик. Когда-нибудь колеса появятся вновь. Я мечтал, что это случится на моих глазах, но, наверное, это дело твоего поколения. И когда это произойдет, не окажись среди боязливых. Будь среди тех, кто покажет, как использовать их лучше, чем использовали в прошлом. Зло не в Колесе. Зло — в страхе, Дэви. Запомни это.

Старик зашевелился в темноте. Зашаркали ноги по земляному полу.

— Пожалуй, пора идти. Где ты, мальчик? — Его рука нащупала плечо Дэви и на мгновение легла на голову ребенка. — Благослови тебя Бог, Дэви. И ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо. Ты веришь мне?

— Да, дедушка.

— Тогда спи. Там, в углу, есть сено.

Снова на миг увиделось темное небо. Затем шаги старика, пересекающие двор, замерли, и наступила тишина.

Когда священник прибыл, он нашел кучку пораженных ужасом людей, сбившихся во дворе фермы. Они остолбенело смотрели на старика, который с молотком и шпёнками в поте лица трудился над деревянным ящиком. Священник окаменел при виде такого святотатства.

— Остановись! — крикнул он. — Во имя Господа, остановись!

Старик повернулся к нему лицом, на котором блуждала хитрая и довольная ухмылка.

— Вчера, — произнес он, — я поступил как идиот. Сделал только четыре колеса. Сегодня я придумал по-лучше — приделал еще два, теперь тащить ящик будет вдвое легче.

Как старик и предвидел, ящик сожгли. Затем увели его самого. В полдень мальчик, о котором все забыли, оторвал взгляд от столба дыма, поднимавшегося в стороне от деревни, и закрыл лицо руками.

— Я запомню, дедушка. Я запомню. Зло — только в страхе! — сказал он, и его голос прервался от рыданий.

БУДЬТЕ ЕСТЕСТВЕННЫ!

Фотограф сделал шаг вперед. Его напряженная поза напоминала стойку акробата перед захватывающим прыжком. С ловкостью фокусника он поднес руку к крышке объектива.

— Сейчас вылетит птичка! — пробормотал Ральф.

— Тихо! — шикнула на него новобрачная.

Фотограф продолжал оставаться в той же позе, пока не почувствовал, что контролирует ситуацию. Должна же прийти какая-то награда за всю нервозность и нелепость, которые царили в студии. По собственному опыту фотограф знал, что способности шоумена в сочетании с серьезностью владельца похоронного бюро должны в конце концов дать нужный эффект. Он подождал, пока фривольная атмосфера уляжется, затем произнес:

— Улыбнитесь, пожалуйста! — и его пальцы сжали объектив.

— Зачем? — спросил Ральф.

Фотограф холодно посмотрел на него:

— Так принято.

— Знаю, — сказал Ральф, — поэтому я и интересуюсь — зачем?

Если фотограф и вздохнул, то сделал это незаметно. В конце концов фотографироваться приходят все — большие и маленькие, знаменитости и тупицы, гении и сумасшедшие. А это значит, что к каждому из них можно найти свой подход. Как правило, помогает демонстрация профессиональных знаний.

— Вы будете смотреться лучше. Вот так, мадам, замечательно! Держите улыбку. Сэр, замрите, пожалуйста.

Look Natural, Please!

© 1995 С. Курина, перевод

Но, к сожалению, Ральф решил вернуться к разговору, пока Летти надевала плащ и поправляла шляпку на голове.

— И вы действительно считаете, что так мы будем выглядеть лучше?

— Конечно, — раздраженно ответил фотограф, — люди не желают видеть угрюмые физиономии на стенах своих жилищ. Думаю, вы бы тоже не захотели.

— Все равно, — упорствовал Ральф, — где вы видели старые семейные портреты, с ухмылкой взирающие сверху вниз на своих потомков? Почему же вкусы так изменились — если они вообще менялись?

Фотограф вынул пластинку из кассеты и разобрал штатив.

— Я даю людям то, чего им хочется, и за это получаю свои деньги, — сухо сказал он.

Намек на то, что следует сменить тему разговора, был достаточно прозрачен, но Ральф не обратил на него внимания.

— Все-таки мне непонятно, почему вы не фотографируете людей такими, какими они выглядят в жизни, — упрямо возразил он. — Гораздо интереснее видеть истинное лицо, чем созерцать безликие портреты со штампованными улыбками.

Мистер и миссис Плэттин были последними посетителями в конце тяжелого рабочего дня. Перед тем как ответить, фотограф осторожно положил кассету в один из маленьких пронумерованных ящичков. Затем произнес:

— Молодой человек, если вы пытаетесь научить меня заниматься моим делом, то позвольте вам заметить, что я изучил его досконально. Я начал работать, когда вас еще и на свете не было, и с тех пор, вот уже более тридцати лет, изучаю секреты фотомастерства. Так что, наверное, я имею представление о том, что и как нужно делать. Я не спрашиваю, какова ваша профессия — поверьте, мне это совсем не интересно, но я был бы очень благодарен, если бы вы предоставили мне право заниматься своей.

И с холодной учтивостью он приоткрыл им дверь.

Выйдя на улицу, Летти взяла под руку мужа, в то время как тот обернулся взглянуть на витрину.

— В один прекрасный день мы от души посмеемся над этим снимком.

Летти подумала, что свадебная фотография может вызвать скорее завистливую улыбку, чем приступ смеха, но

замечание мужа не требовало ответа, поэтому она промолчала.

А Ральф все смотрел на витрину, откуда ему вслед улыбались различные лица — суровые и мягкие, глупые и умные, снятые в одиночку, парами, семьями...

— Боже мой! — внезапно сказал он, — видишь, откуда Льюис Кэрролл взял свою идею? Он убрал практически все, кроме усмешки.

— Ну... — начала было Летти, однако Ральф ее не слушал: — А как тебе нравится техника выполнения фотографий?! Уши, нос — все как в тумане. Спасибо, что хоть на глаза не забыли резкость навести. А эти групповые портреты! Вереница одинаковых улыбок! Занимайте места согласно своим номерам!.. Интересно, как они потом разбираются — где чья свадьба?

— Однако некоторые из них выглядят совсем неплохо, — пробормотала Летти.

Ральф сделал шаг назад и обвел взглядом все фотографии.

— Ну и коллекция! Если старик еще чувствует себя в силах зарабатывать на жизнь подобной безвкусицей...

— Дорогой, — осмелилась наконец Летти, — это его ремесло. Он, без сомнения, учитывает желания своих клиентов.

— Как раз наоборот. Приходя сюда, люди должны принимать его правила игры, разве не так?

— Пожалуй, — согласилась Летти, но в ее голосе звучало сомнение.

— Здесь есть простор для деятельности... К тому же это не потребует больших затрат. Черт побери, я бы мог создать куда лучший антураж, чем все это барахло, и люди получили бы свои настоящие портреты.

Летти подняла глаза на супруга.

— Дорогой, а ты не считаешь, что им так хочется выглядеть? Чтобы они в любую минуту могли увидеть себя улыбающимися и счастливыми.

— Нет, — отрезал ее муж, — это всего лишь общепринятая точка зрения, своего рода лицемерие. Здесь представлены не истинные изображения людей. Разве тебе не кажется, что на этих картинках их полностью лишили индивидуальности?

Летти взглянула на безобидные приветливые лица.

— Я, — начала было она, но тут же спохватилась. Экзамены на звание жены начинаются у входа в церковь и не заканчиваются никогда.

— Я думаю, ты прав, дорогой, — сказала она.

В самой фирме «Фотопортреты Ральфа Плэттина» популярность студии было принято считать следствием необыкновенной одаренности ее основателя и хозяина. В то же время повсюду за ее пределами успех студии приписывали случайной удаче одной фотографии.

Правда, как всегда, была где-то посередине.

Дело существовало уже около года, когда появился тот самый снимок. Конечно, Ральфу было приятно, что эта фотография вместе с тремя другими из той дюжины, что он посылал на ежегодную выставку, была вывешена. Тем не менее, кто бы и что бы потом ни говорил, ни он, ни кто другой на том этапе не отметили ее как «шедевр». Право «открыть» ее было предоставлено прессе, которая и привлекла к ней внимание жюри. Впрочем, последнее присудило работе Ральфа всего лишь второй приз.

На этом фотопортрете, снятом из низкого угла, были изображены молодая новобрачная и, некоторым образом, ее супруг. На переднем плане располагалась девушка в белом атласном платье. Немного правее за ее спиной стоял молодой человек, служа великолепным темным фоном для сияющих белизной одежд невесты. Небо над ними тоже было темным, а фата новобрачной трепетала на ветру, который играл с ней, повинуюсь какому-то мистическому капризу. Для соблюдения законов композиции в верхнем левом углу картины удачно висела небольшая летняя тучка. Что-то было не совсем в порядке с углом падения света на это облачко, это и оказалось решающим обстоятельством, когда голоса жюри разделились между первым и вторым призом.

Невеста стояла, приподняв подбородок, слегка откинув голову назад, прелестная и непринужденная, так и чувствовалось дуновение свежего ветерка на ее щеках. На губах блуждала едва заметная улыбка, взгляд был устремлен вдаль. На лице лежало выражение безоблачного счастья. Впрочем, это было даже не счастье, а скорее какое-то волшебное внутреннее сияние, что-то такое хрупкое и неуловимое, что заставляло людей не один раз оглядываться

на нее — жизнь, мол, как раз и предназначена для того, чтобы дарить нам такие моменты.

Впервые о статусе данной фотографии заговорили на пресс-конференции, где штатный корреспондент «Взгляда» сказал сопровождавшему его фотографу:

— Билл, я никогда не думал дожить до этого дня. Там наверху висит фотография девушки, у которой такие же потрясающие влажные глаза, как у Ледяной Флоренс из романа «Пути женщины». И если ее неоновый свет, проникая в сердца людей, не околдовывает их, то пусть меня уволят.

Под этой оценкой могли подписаться редакторы дюжины иллюстрированных газет, а «Взгляд» отвел данному событию целый разворот и выпустил, таким образом, свой самый потрясающий материал в этом году.

Увеличенная копия в рамке размерами три на четыре фута появилась в тогда еще скромном жилище Ральфа Плэттина. Черные вельветовые занавески закрывали шедевр. На маленькой подушечке слева лежал букет невесты, на той, что справа, — простое золотое колечко.

Под фотографией на позолоченной панели крупными буквами было выведено название: «Охотница за счастьем».

Невольно вспоминались статуи, высекаемые на носу кораблей, отправлявшихся бороздить океаны. В самом деле, поза девушки, легкий ветерок, обдувающий ее фигуру, — все вызывало предчувствие большого и, несомненно, удачного плавания и ассоциировалось с носом судна, смело устремленного в будущее. Мимо этой картины невозможно было пройти, а остановившись возле нее, люди забывали о времени.

В квартире Плэттина стали часто раздаваться телефонные звонки. То и дело предлагали свои услуги агенты по рекламе. Искатели талантов приходили узнать имя и адрес модели. Но самое интересное являли собой девушки, которые незаметно проскальзывали в мастерскую и, опустив глаза, объясняли:

— Понимаете, я скоро выхожу замуж... Я просто хотела спросить... Да, что-нибудь подобное, если бы вы согласились взяться...

А потом задумчиво добавляли:

— По-моему, это самая чудесная фотография, какую мне только доводилось видеть. О, если бы вы только согласились...

Они выходили от него с блестящими глазами, заговорщически улыбаясь. Сам Ральф Плэттин всегда понимал, что очень много теряется в фотографиях, увеличенных до плакатных размеров. В частности, он недоволен был снимком с подписью «Все это вы найдете у Бэйкера», который в свое время определил исход борьбы между ночными ресторанами «Бэйкер» и «Розихелс», находившимися по соседству. Хотя необходимо отметить, что сия скромная работа позволила Ральфу Плэттину переехать с Бонд-стрит в новые, более просторные апартаменты.

— Ну, что я тебе говорил? — обращался он к Летти с оттенком самодовольства. — Наша жизнь меняется к лучшему. А все почему, спрашивается? Да потому, что я сумел нащупать то, что смогло заинтересовать и привлечь людей, стал делать настоящие портреты, по которым они могут узнать о человеке что-то действительно важное, а не только марку его зубной пасты.

Летти взглянула на оригинал фотографии-призера, висевший на почетном месте над камином.

— Эта девушка создала свой стиль, — заметила она.

— Безусловно. А я о чем все время твержу?! Фотография должна выражать индивидуальность, здесь не может быть единых стандартов.

— Э... — в голосе Летти звучало колебание.

— Неужели я еще не доказал этого? — спросил ее супруг.

Летти прогнала с лица тень сомнения:

— Конечно, дорогой. Ты совершенно прав.

Имидж фирмы был создан, ее имя зазвучало. За этим последовал взрыв плагиата, когда с легкой руки Ральфа и тех его соперников, которые смогли ему подражать, почти все невесты выглядели как удачливые охотницы за счастьем и лишь некоторые из них — как робкие новобрачные на пороге новой жизни.

Скоро Ральфу стало ясно, что любой халтурщик сможет делать фотопортреты ищущих счастья невест и ему не удастся спокойно почивать на лаврах. Сама идея скоро станет затасканной, пришло время найти что-нибудь ей на смену.

Однажды вечером в первый же месяц существования студии ответ пришел сам собой.

Объект съемок лежала на диване. Лицо девушки вписывалось в проем ширмы из белого бархата, а ее волосы ассистент укладывал на белый материал. Ральф устроился

на металлическом помосте и сверху давал руководящие указания.

— Лицо должно излучать свет. Волосы обязаны привлекать внимание к центру фотографии. Все правильно, только ровнее и аккуратнее — веером... Нет-нет, эти пряди мы прячем, потом заводим их под подбородок, откуда они свободно спадают вниз. Я хочу добиться эффекта солнечного сияния, в центре которого будет лицо — безмятежное и красивое... Внимание, свет! Да нет же, черт возьми, не так! Свет должен падать мягко... Хорошо, используем красный светофильтр, это усилит драматический эффект. Знаете ли, у нас нет возможности так возиться с каждым клиентом, и, кроме того, есть волосы, с которыми просто ничего нельзя сделать. Надо держать в запасе несколько ширм, к которым бы крепились парики с различными типами и оттенками волос.

Так появился знаменитый стиль «Солнечный медальон», который украсил собой стены многих фешенебельных салонов. Когда и это направление пришло в упадок, ему на смену родилась концепция «Водяной лилии», согласно которой модель сидела, подперев ладонями лицо, а ее голова в проеме ширмы в виде чашечки цветка отражалась в мутной зеркальной поверхности, напоминая лилию, плывущую по течению. Изящество и необычность фотографии заставляли тут же забыть о колкостях коллег Ральфа, окрестивших его новую методику «Женщина за бортом».

— Это Господь Бог создает женщину как произведение искусства, — скромно замечал мистер Плэттин, — я лишь пытаюсь сохранить ее для потомков, подарить ей вечную молодость на радость людям.

В менее официальном кругу он брал поучительную ноту:

— Первым делом вам надлежит выяснить, какой видит себя ваша модель, затем — какой бы ей хотелось себя видеть, на следующем этапе вы сочетаете эти два подхода с вашим собственным видением модели. Это непросто, зачастую почти невозможно, но если вам удалось это сделать, то результат обычно говорит сам за себя — она почувствует, что вы выразили, по крайней мере, одну из сторон ее личности. И потом, нельзя забывать о моде, о вкусах и атмосфере, которые царят в обществе. Порой они суровы, порой весьма фривольны. Таким образом, вы помогаете модели выразить себя, задавая ей лишь стиль, так как это делают ее парикмахер и модистка. Когда вкусы в обществе меняются, вы создаете новый стиль. Для твор-

ческой личности здесь заложены неограниченные возможности...

Последующие годы подтвердили его правоту, и уже не имело значения, была ли это стройная теория или просто некоторые соображения по данному вопросу; главное — фирма приобрела статус самостоятельного института. Отныне визит к Плэттину считался неотъемлемым этапом профессионального роста любого начинающего фотографа.

Очень скоро, как показалось Ральфу, появились девушки, говорящие:

— Наверное, это покажется вам сентиментальным, но вы сделали такую красивую фотографию моей матери, когда она была невестой, и мне бы очень хотелось...

А еще через некоторое время появились юные создания, смотревшие на него с благоговением. Для них было просто невероятно, что еще жив кто-то, кто фотографировал их бабушек, когда те были невестами, и, таким образом, продлил им молодость. Затем, совершенно неожиданно, пришел момент, когда Ральф стал подумывать об уходе на пенсию.

Однако на шестидесятом году жизни он продолжал лично руководить всеми работами, внося бесконечные поправки перед тем, как одобрить экспозицию. «Охотница за счастьем», «Озаренная солнцем» и другие мотивы несколько раз поднимались и опускались в общественном мнении. Пришел день, когда Ральф ощутил необходимость создания нового цикла. Так появился на свет стиль под названием «Цветочные произведения», где гирлянды цветов обрамляли хорошенькое личико. Этот стиль стал его любимым детищем, потому проблему гармонии между лицом и цветами каждый раз приходилось решать заново, и это доставляло ему огромное удовольствие.

Тем не менее по звуку шагов мужа в тот вечер Летти могла с уверенностью сказать, что он пришел домой в плохом настроении.

— Тяжелый день, дорогой, много работы? — заботливо поинтересовалась она, когда они сели за ужин.

— Дело не в работе, — раздраженно сказал Ральф, — а в клиентах. Ты знаешь, я всегда стараюсь быть тактичным, но иногда бывает такое!..

От волнения голос его прервался.

— Не обращай внимания, дорогой. Ты проработал столько лет, и у тебя такая репутация...

— Да знаю! Как правило, я и не слушаю их дурацкие выпады. Но сегодня у меня был один парень... Пришел со своей невестой, придирчиво осмотрелся по сторонам, а потом разразился градом вопросов. Представь себе, он спрашивал меня, почему я не снимаю людей так, как они выглядят в реальной жизни, — это, мол, то, чего люди действительно хотят. Говорил, что сейчас существует большая потребность в реалистических портретах вместо моих художественных трюков. Какая наглость! Мне пришлось позабыть о такте: «Вот уже тридцать лет я занимаюсь этим делом, неужели вы считаете, что можете разбираться в нем лучше, чем я? Между прочим, мои фотографии получали высокие награды, когда вас еще и на свете не было!» Но даже после такой отповеди он продолжал нести чушь о реалистических портретах. Глупый щенок!

Летти поискала глазами полочку, на которой стояла фотография симпатичной молодой пары. Легкая улыбка тронула ее губы.

— А ты не помнишь?.. — начала было она, потом замолчала. Прошло уже больше тридцати лет, но по-прежнему каждый день совместной жизни можно считать экзаменом на аттестат жены. Она начала снова: — Что за странный молодой человек! Как он только мог вообразить, что понимает в фотоискусстве больше тебя. И это при твоём-то опыте, дорогой!

УСНУТЬ И ВИДЕТЬ СНЫ...

— Дорогая мисс Кэрс! — воскликнул редактор. — Мы вовсе не изменили свое отношение к вашей книге. Мы продолжаем, как и прежде, считать ее очаровательной романтической повестью. Просто издательство оказалось в крайне затруднительном положении — ведь не можем же мы опубликовать одновременно две почти идентичные книжки! Да и одну-то из них мы тоже не можем выпустить, поскольку существуют две. Это бы неизбежно вызвало протест со стороны одного из авторов, а нашей фирме такие скандальные ситуации совершенно ни к чему.

— Но ведь я первая предоставила вам рукопись, — сказала Джейн с упреком.

— Всего на три дня раньше, — возразил редактор.

Джейн опустила глаза и начала молча вертеть серебряный браслет на руке.

Редактору стало не по себе. Он вообще не любил отказывать приятным молодым женщинам-авторам, а тут еще он почувствовал, что дело может кончиться слезами.

— Мне очень, очень жаль, — произнес он искренним голосом.

Джейн вздохнула.

— Наверно, это было слишком хорошо, чтобы осуществиться, следовало предвидеть какое-нибудь препятствие, — сказала она. — А кто, кстати, написал второй вариант?

Редактор заколебался:

— Я не уверен, что вправе...

— Но вы должны, вы просто обязаны мне сказать! Иначе это было бы несправедливо — ведь нам необходимо встретиться и разобраться в этом недоразумении.

Perforce to Dream

Внутренний голос подсказал редактору, что ему лучше не впутываться в эту историю, но, с другой стороны, он не сомневался в правдивости слов мисс Кэрси. В конце концов чувство справедливости восторжествовало, и он сказал:

— Ее зовут Лейла Мортридж.

— Это ее подлинное имя?

— Думаю, да.

— Как странно — я его никогда не слыхала... Но ведь никто не видел мою рукопись, даже не знал, что я пишу книгу. Все это как-то загадочно и непонятно...

Редактор не нашелся что ответить. Конечно, совпадения бывают — иногда, казалось, какая-то идея просто носилась в воздухе, пока одновременно не оседала в мозгу двух совершенно разных людей. Но здесь было что-то большее. За исключением двух последних глав, «Амариллис в Аркадии», написанная мисс Кэрси, не только совпадала по фабуле с «Возьми мое сердце» миссис Мортридж, но еще имела те же описания природы и диалоги. Здесь не могло быть и речи о какой-то случайности.

— А откуда вы взяли замысел вашего произведения? — поинтересовался редактор.

Джейн посмотрела на него неуверенно, чувствуя, что еще минута и она разревется.

— Мне... мне это приснилось... Во всяком случае, мне кажется, что я все это видела во сне.

Она не смогла заметить изумление, появившееся на его лице, так как слезы, вызванные чем-то более глубоким, нежели разочарование по поводу книги, застлали ей глаза, и она с всхлипыванием выскочила из редакции.

Очутившись на улице, Джейн почувствовала себя немного лучше и направилась в ближайшее кафе, чтобы окончательно прийти в себя за чашкой крепкого кофе. Ей было ужасно стыдно за свое поведение в редакции, так как она вообще была против всякого проявления чувств на людях и еще год назад не представляла, что нечто подобное может случиться с ней.

Но, по правде говоря, она уже не была такой женщиной, как год назад. Хотя внешне она оставалась все той же Джейн Кэрси, выполнявшей те же задания журнала, где она вела страничку для женщин, работа эта теперь казалась ей весьма однообразной и скучной. Ну какой можно найти интерес в бесконечных описаниях новых моделей платьев и кулинарных рецептах, в то время как, обладая некоторым литературным даром, она жаждала излить душу

на бумагу и рассказать о том, какая у нее тонкая натура и чувства, столь нежные и возвышенные, что ей порой хотелось парить в облаках подобно жаворонку.

Вполне понятно поэтому, что письмо, пришедшее от редактора издательства, куда она послала свою повесть, вызвало у нее сладостное головокружение и сердцебиение. Оно не только открывало перед ней новые перспективы в сфере, которую безуспешно пытались освоить многие ее собратья по перу, но и глубоко удовлетворяло ее авторское самолюбие. Редактор особенно отметил ее литературные данные и этим как бы провел черту между ней и теми, кто лишь стремился получить право на публикацию своих поделок.

Он честно признал, что находит ее повесть просто очаровательной. По его мнению, эта идиллистическая романтическая история несомненно должна вызвать восторг у широкого круга читателей. Правда, там было несколько слишком откровенных мест в духе елизаветинской эпохи, но их можно было легко сгладить, не нарушая общего впечатления.

Единственное, что несколько омрачало радость Джейн, было подозрение, что, возможно, она не вполне заслужила эти похвалы, так как все-таки не сама придумала сюжет, а лишь видела его во сне. Но, в конце концов, кому какое дело, как работает твой мозг? Ведь он мог быть активным и во сне... Никто же никогда не упрекнул известного английского поэта Колриджа за то, что он впервые увидел идею своей поэмы «Кубла Хан» во сне...

И вот теперь такой неожиданный удар! Неизвестно откуда появилось что-то столь похожее на ее произведение, что редактор даже и не думал больше о его публикации! Джейн не могла представить, как это могло произойти — ведь она не то что никому не показывала свою рукопись, но даже словом не обмолвилась, что пишет книгу.

Она сидела, молча уставившись в чашку остывшего кофе и, только когда наконец поднесла ее ко рту, заметила, что кто-то сел за ее столик. Это была женщина, которая рассматривала Джейн с пристальным вниманием. На вид ей было примерно столько же лет, как и Джейн, она была неброско одета, но меховая шубка и шапочка, которые так шли к ее светлым волосам, несомненно стоили очень дорого. Однако, несмотря на это, незнакомка была чем-то похожа на Джейн — та же фигура и рост, цвет волос, уложенных, правда, совсем по-иному. Когда Джейн опу-

тила глаза, она заметила на руке незнакомки обручальное кольцо. Незнакомка заговорила первая:

— Вы ведь Джейн Кэрс, не так ли? — спросила она.

— Да, — ответила Джейн несколько настороженно.

— Меня зовут Лейла Мортридж, — сказала женщина.

— О! — воскликнула Джейн, не находя что ответить.

Женщина деликатно прихлебывала свой кофе, а Джейн не сводила с нее глаз. Затем Лейла аккуратно поставила чашку на стол и снова посмотрела на Джейн.

— Было совершенно очевидно, что они захотят взглянуть и на вас, — сказала она, — поэтому я решила подождать у входа в издательство и познакомиться с вами. Нам надо кое-что выяснить, не правда ли?

— Конечно, — согласилась Джейн.

Несколько минут они молча взирали друг на друга.

— Никто не знал, что я пишу эту книгу, — заметила Лейла.

— Никто не знал, что я пишу ее, — парировала Джейн. Она глядела на собеседницу с горечью и обидой. Трудно было поверить, что то, что она видела и пережила, было просто сном — она никогда не слыхала о снах, которые «шли» с продолжением каждую ночь и были столь яркими и реалистичными, что казалось, будто ты параллельно живешь две разные жизни. Но даже если и допустить такое, это был ее сон, настолько личный, что она даже не осмелилась описать в своей повести некоторые из его глубоко интимных моментов.

Все, что она написала, могло быть известно исключительно ей одной...

— Я никак не представляю, — начала было Джейн, но остановилась, не смея продолжить.

Ее соперница тоже не очень-то владела собой — уголки ее рта дрожали.

— Знаете, здесь не место говорить о таких вещах, — наконец проговорила Джейн. — Я живу тут поблизости — давайте лучше пойдем ко мне.

Лейла согласилась. Всю недолгую дорогу до квартиры Джейн обе женщины молчали, как будто набрали в рот воды. Только когда они наконец уселись в маленькой гостиной, Лейла заговорила:

— Как ты узнала? — спросила она с явной ненавистью в голосе.

— Что именно? — спросила Джейн не менее враждебно.

— О чем я пишу.

— Нападение иногда является лучшей формой защиты, — процедила Джейн ледяным тоном, — но только не в данном случае. Я впервые узнала о твоём существовании всего лишь час назад в кабинете редактора. Насколько я понимаю, ты услышала мое имя там же, но несколько раньше. Это ставит нас в равное положение. Я знаю наверняка, что ты не читала мою рукопись, а я не читала твою. Обвинять друг друга в плагиате — лишь пустая трата времени. Важнее выяснить, что же произошло на самом деле. Я... — тут она замаялась, не зная, как продолжить.

— Может, у тебя есть второй экземпляр твоей рукописи? — спросила Лейла Мортридж.

Джейн поколебалась, затем подошла к письменному столу, отомкнула нижний ящик и вынула пачку листов, отпечатанных под копирку. Не говоря ни слова, она вручила их Лейле. Та решительно взяла пачку. Она прочитала одну страницу и остановилась, вглядываясь в нее. Затем взялась за вторую, за третью... Джейн не выдержала, ушла в спальню и стала у окна, погруженная в свои мысли. Вернувшись в гостиную, она увидела на полу кипу прочитанных страниц, а рядом в кресле — рыдающую Лейлу Мортридж.

Джейн села на диван с ощущением, будто что-то умерло у нее внутри и она вся одеревенела, но она понимала, что это чувство скоро пройдет и появится боль, боль от того, что ее волшебный сон убивают и что она вряд ли сможет жить без него дальше.

Сон впервые приснился ей около года назад. Место и время его действия были неопределенны, но это как-то не интересовало Джейн. Какая-то вечнозеленая Аркадия, может быть. Она лежала на берегу ручья на траве, мягкой и душистой, как зеленый бархат. Чистый прохладный ручеек журча бежал по белым камушкам, омывая ее спущенные босые ноги. Солнце ласково согревало обнаженные до плеч руки. На ней было простенькое белое в цветочек ситцевое платье.

В траве тоже пестрели цветы — она не знала, как они называются, но могла бы описать их до мельчайших подробностей. Птичка, размером с синицу, присела рядом с ней на бережок и стала пить воду из ручья. Казалось, она совсем не боялась ее. Легкий ветерок шелестел среди высоких стеблей травы и серебристой листвы окружающих

деревьев. Все ее существо впитывало солнечный свет, как будто это был волшебный эликсир.

Смутно ей вспомнился другой мир, полный суматохи и труда, но он мало интересовал ее: тот мир был сном, а этот — реальностью. Она живо ощущала прохладу ручья, воспринимала все цвета и звуки, как будто никогда раньше не была такой по-настоящему живой и причастной к природе.

Вдалеке показалась мужская фигура. Сердце ее затрепетало, и радостное возбуждение пробежало по всем жилам. Тем не менее она продолжала лежать, подложив одну руку под голову, и тяжелая шелковистая прядь волос спадала на щеку. Глаза ее прикрылись, но она совершенно отчетливо продолжала слышать все, что происходит вокруг.

Так она услышала его приближающиеся шаги и слабое дрожание земли под его ногами. Затем что-то легкое и прохладное коснулось ее груди, и свежий аромат цветов наполнил ее дыхание. Она открыла глаза: темная кудрявая голова юноши склонилась над ней. Загорелое лицо с карими глазами смотрело ей в лицо, а губы чуть-чуть улыбались. Она подняла обе руки и обвила ими его шею...

Вот так это началось — сентиментальный сон подрастающей школьницы, но тем не менее невероятно сладкий. Джейн помнила, как она проснулась, переполненная счастьем, и как постепенно, под влиянием будничных дел и скучных людей, это счастье улетучилось. Помимо этого, у нее возникло чувство потери, как будто ее лишили того, что должно было принадлежать ей по праву.

На следующую ночь сон снова посетил ее, но это не было повторением прошлого сна, а его продолжением. Она никогда не слыхала, чтобы сны так продолжались, и однако это было так. Джейн окружал тот же пейзаж, те же люди, там был тот юноша и была она. Это был ее настоящий мир, населенный людьми, которых она знала с детства. Там стоял домик, в котором ей было знакомо все до мельчайших подробностей и где, казалось, она прожила всю жизнь; была ее работа — бархатная подушечка с коклюшками, которыми она плела тончайшие кружева... Соседи, с которыми она переговаривалась, юноши и девушки, с которыми она вместе выросла, были совершенно настоящими и даже более реальными, чем мир ее журнала, моделей мод и редакторов, требующих, чтобы она вовремя сдавала свои статьи.

В мире, который существовал наяву, она начала постепенно чувствовать себя какой-то усталой и скучной, в то время как в снившейся ей деревеньке она жила полной жизнью и была влюблена...

В течение первых двух недель Джейн неохотно открывала глаза по утрам, боясь, что сон ускользнет от нее. Но он продолжался, становясь с каждой ночью менее расплывчатым, более надежным, так что наконец она решила себе поверить, что он останется с ней навсегда. После этого повседневная жизнь не казалась уже ей столь унылой, как прежде: она начала воспринимать события и людей в ином свете, замечая детали, на которые раньше не обращала никакого внимания. Все как бы озарилось ее сном. Мир казался совсем иным от сознания, что стоило ей только сомкнуть глаза ночью, как она попадет в Аркадию и станет сама собой в подлинном смысле слова...

Там была та волшебная ночь, когда они оба, счастливые, лежа на подушках, наблюдали сквозь крону дубов, как багряное солнце опускается среди облаков за горизонт, слушали стрекот цикад и отдаленное соловьиное пение... Руки его были одновременно сильными и нежными, а она была мягкой и податливой, как спелый персик. Может быть, роза, размышляла она, чувствует себя подобным образом, когда раскрывает лепестки под лучами горячего солнца?

А затем они блаженно отдыхали, глядя на звезды и слушая все еще звучащее пение соловья...

Проснувшись на следующее утро, Джейн продолжала некоторое время лежать в постели с ощущением счастливой расслабленности, не обращая внимания на шум транспорта за окном и привычную обстановку своей комнаты. И вот тогда у нее впервые появилась мысль написать повесть обо всем пережитом во сне, книгу, предназначенную первоначально только для себя самой, чтобы никогда ничего не забыть.

Это была беззастенчиво сентиментальная повесть, какую она никогда раньше и не подумала бы написать, но Джейн испытывала колоссальное удовольствие от самого процесса творчества и от воспоминаний пережитого. А потом она пришла к мысли, что, возможно, она не единственная женщина, которая устала жить в своей серой, лишенной всякого чувства скорлупе. Тогда она написала

второй вариант книги, где несколько сократила чересчур интимные эпизоды и придумала новый конец.

И вот что из всего этого получилось таким неожиданным образом!

Первый бурный поток слез Лейлы Мортридж иссяк. Она вытерла платочком глаза, но все еще продолжала время от времени тихонько всхлипывать.

Тоном, выражающим необходимость относиться к делу практически, Джейн сказала:

— Мне кажется совершенно очевидным, что либо между нами существует какая-то телепатическая связь, либо мы просто обе видим один и тот же сон.

Миссис Мортридж снова зашмыгала носом.

— Этого не может быть, — заявила она решительно.

— Да, этого не может быть, но ведь так случилось, и поэтому мы должны найти какое-то объяснение этому явлению. Оно так же невероятно, как и способность видеть сон, как будто это вовсе не сон, а телесериал.

Лейла Мортридж снова приложила платочек к глазам и задумалась.

— Я не представляю, — сказала она несколько чопорно, — как невинная девушка вроде тебя может вообще видеть подобные сны.

Джейн вытаращила глаза.

— Давай лучше не будем, — наконец сказала она, — потому что мне кажется столь же невероятным, что почтенная замужняя дама тоже видит такие сны.

— Этот сон разрушил мой брак, — печально призналась Лейла.

— А я потеряла жениха... Но как можно было продолжать с ним встречаться после того, как... Ну, да ты сама понимаешь...

— Конечно.

Некоторое время обе молчали. Затем Лейла Мортридж проговорила:

— А теперь ты все портишь...

— Твое замужество, что ли?

— Нет, этот сон.

— Ну знаешь, хватит дурить. Мы обе оказались в одинаковом положении. Думаешь, мне очень приятно, что ты вламываешься в мой сон?

— Нет, это мой сон!

Джейн задумалась.

— Послушай, — сказала она наконец, — если нам обеим снится, что мы — это та девушка, то какая разница? Может быть, это вовсе и не отразится на наших ночных приключениях.

— Да, но сознание, что ты разделяешь их со мной... — прошептала Лейла, готовая вновь разреветься.

— А мне это нравится, что ли? — спросила Джейн холодно.

Прошло еще по крайней мере минут двадцать, прежде чем она избавилась от своей посетительницы. Вот тогда она, наконец, смогла сесть спокойно на диван и хорошенько выплакаться сама.

Сон не прекратился, как опасалась Джейн, и, к счастью, не был ничем омрачен. В этом обе женщины убедились, поговорив утром по телефону. Со временем между ними даже установились дружеские отношения, так как обеим, как школьницам, ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими переживаниями. Это было так интересно!

Прошло три месяца, когда однажды вечером Лейла позвонила и, задыхаясь от волнения, спросила Джейн:

— Дорогая, ты читала сегодняшнюю «Вечернюю газету»?

— Нет еще, а что?

— Тогда немедленно раскрой ее на четвертой странице и прочитай театральное обозрение. Там, во второй колонке... Но только не вешай трубку — я подожду.

Джейн взяла газету и нашла следующий анонс: «ДВОЙНАЯ РОЛЬ. В театре “Каунтесс” скоро состоится премьера “Идиллии”, романтической пьесы, положенной на музыку. В ней мисс Розали Марбанк выступит в двойной роли — как “героиня” и как автор либретто. Это ее первая попытка в жанре, который не является ни музыкальной комедией, ни маленькой оперой, а представляет из себя просто спектакль с музыкой, специально написанной к нему композитором Аланом Клитом. В пьесе рассказывается о любви скромной деревенской кружевницы...»

Джейн дочитала абзац и застыла с газетой в руках. Треск из болтавшей телефонной трубки вернул ее в действительность. Она подняла ее.

— Ну как, прочитала? — спросила Лейла.

— Да... — медленно ответила Джейн. — А ты с ней случайно не знакома?

— Никогда даже не слыхала ее имени. Но, по-моему, вполне ясно, о чем идет речь, не правда ли?

— Должно быть, — сказала Джейн задумчиво. — Однако следует все выяснить, — добавила она после некоторого молчания. — Я постараюсь выхлопотить пару билетов на эту премьеру у нашего театрального критика. Ты сможешь пойти?

— О чем ты спрашиваешь?!

Тем временем сон продолжался. На следующую ночь в деревне была ярмарка и какой-то праздник. Ее прилавок, с выложенными на нем для продажи кружевами, выглядел прелестно. Покупателей, правда, было мало. Когда он подошел, она сидела на траве рядом с ларьком и рассказывала двум очаровательным малышам сказку. Спустя некоторое время они закрыли ларек и пошли на лужайку танцевать. Когда взошла луна, они отделились от толпы и удалились под сень леса, забыв обо всем на свете...

Когда Джейн и Лейла пришли в театр, зал был уже полон. Они отыскивали свои места в партере за несколько минут до начала спектакля. Наконец свет погас, и оркестр заиграл увертюру — приятную незатейливую музыку. Однако Джейн так волновалась, что не могла прислушиваться к ней. Она протянула руку Лейле, и та судорожно сжала ее. Обе уже жалели, что пришли, но вместе с тем понимали, что это было необходимо сделать, так как неведение было бы еще хуже.

Переходя от одной легкой мелодии к другой, оркестр наконец замолк, и занавес медленно поплыл вверх. Общий вздох прокатился по залу и затих в задних рядах.

На сцене девушка в белом платье с цветами и резвящимися амурами по полю лежала на зеленом берегу реки среди цветов и трав. Ее босые ноги были опущены в небольшой ручеек. Кто-то из зрителей, скорее зрительниц, то ли всхлипнул, то ли хихикнул, но на него тотчас же зашикали, и тишина воцарилась снова.

Между тем девушка на сцене блаженно потянулась и улыбнулась, все не поднимая головы, так что прядь шелковистых волос падала ей на щеку. Публика затаила дыхание. Одиноким кларнет в оркестре начал наигрывать

чувствительную мелодию. Теперь все глаза в зале были устремлены уже не на девушку, а на противоположную сторону сцены.

Молодой человек в зеленой рубашке и коричневых штанах появился из-за кулис. Он передвигался на цыпочках, держа в руках небольшой букет цветов.

При виде его общий вздох облегчения пронесся по залу. Джейн перестала сжимать с силой руку Лейлы — это был совсем не тот человек. Он приблизился к девушке, лежащей на берегу, нагнулся и положил букетик ей на грудь. Затем сел рядом, облокотившись на колено, чтобы ему было удобнее смотреть на нее...

Именно в этот момент что-то заставило Джейн оторвать взгляд от сцены и повернуть голову, как будто ее притянул невидимый магнит. Сердце ее оборвалось, и она ухватила Лейлу за руку выше локтя.

— Смотри, смотри скорее туда! — прошептала она, указывая на одну из лож бельэтажа.

Сомнений быть не могло: она знала это лицо, пожалуй, даже лучше, чем свое собственное, — каждый завиток волос, каждая черта, каждая ресница вокруг карих глаз были ей предельно знакомы. Это был Он. Она знала эту улыбку, с которой он сейчас наблюдал за происходящим на сцене, так хорошо, что у нее защемило в груди. Да, она знала об этом человеке все, совершенно все.

Затем внезапно Джейн заметила, что взоры всех женщин в зале устремлены на ложу. Выражение, написанное на их лицах, испугало ее, заставило еще сильнее прижаться к Лейле.

В течение нескольких последующих минут мужчина в ложе продолжал смотреть на сцену, не замечая, что происходит вокруг. Затем что-то — может быть, напряженная тишина зрительного зала, заставило его повернуть голову.

Увидев сотни женских глаз, устремленных прямо на него, он перестал улыбаться.

Тишину резко нарушили истерические вопли, раздавшиеся одновременно в нескольких местах по залу.

Мужчина постоял в ложе еще пару минут, затем на его лице появилось выражение тревоги и, быстро повернувшись, он решительно шагнул в глубь ложи. Из партера нельзя было видеть, что там произошло, но он снова появился в ложе и у всех на виду стал отступать от двери спиной к барьеру. Вслед за ним появилось несколько жен-

щин. Их искаженные ненавистью лица заставили Джейн содрогнуться. Когда мужчина на минуту повернул лицо к залу, было видно, что он смертельно напуган. Женщины наступали на него, словно разъяренные фурии.

Чуть поколебавшись, он перебросил ногу через барьер ложи и выбрался наружу. Очевидно, он собирался перелезть в соседнюю ложу. Упираясь одной ногой в кронштейн светильника, он пытался ухватиться рукой за край барьера. В тот же момент две женщины из прежней ложи ухватили его за другую руку. Какой-то ужасный миг он висел между двух лож, стараясь сохранить равновесие, затем рухнул головой вниз в проход между креслами партера.

Джейн прикусила губу, чтобы не закричать, но даже если бы она закричала, никто бы не заметил этого — такой крик и визг стояли кругом...

Вернувшись домой, Джейн долго сидела перед телефоном, прежде чем поднять трубку и набрать номер своего журнала. Наконец она решилась:

— Дональд, ты? — спросила она дежурного репортера деланно равнодушным голосом. — Это Джейн. Ты случайно ничего не знаешь о том человеке, который сегодня упал с балкона в театре «Каунтесс»?

— Знаю, конечно, — я как раз пишу о нем некролог. А что бы ты хотела знать?

— Да ничего особенного — просто, кем он был и так далее...

— Его звали Дэзмонд Хейли. Тридцати пяти лет от роду. У него, оказывается, была масса всяких ученых званий — в основном в области медицины. Специализировался как психиатр, написал целый ряд научных трудов. Самая известная его книга — это «Психология толпы и эпидемия истерии». Не так давно опубликовал статью под заглавием «Гипноз и вызываемые им массовые галлюцинации» — довольно мудреная работа, не для рядового читателя. Он жил в... эй, что там с тобой?

— Да ничего, — ответила Джейн, стараясь казаться спокойной.

— Ты, часом, не была с ним знакома?

— Нет, — сказала Джейн твердо, — нет, я никогда его не встречала.

Она аккуратно положила трубку на рычаг, внешне спокойно прошла в соседнюю комнату, так же спокойно и печально опустилась на постель и тут-то позволила себе дать волю слезам.

А кто мог бы сказать, сколько еще горьких слез было пролито в ту ночь на бесчисленные подушки от того, что волшебный сон не приснился вновь и не мог уже присниться никогдa?..

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПРОПУСК

Умирать в семнадцать лет ужасно романтично, если, конечно, при этом соблюдать все надлежащие приличия. Лежишь вся такая красивая, хоть и немного бледная, с одухотворенным лицом, утопая в подушках; оборочки нейлоновой сорочки выглядывают из-под ажурной шерстяной кофточки; волосы мерцают в свете ночника. Тонкая рука покоится на розовом шелке одеяла...

А какая выдержка, какое терпение, благодарность ко всем проявляющим о тебе хоть малейшую заботу, полное прощение докторам, чьи надежды ты не оправдала, сочувствие к оплакивающим, смирение, твердость духа... Нет, это все просто восхитительно, печально-романтично и не так уж страшно, как принято считать, особенно если ни минуты не сомневаешься, что попадешь прямо в рай. А в этом Аманда не сомневалась никогда.

Как ни старалась, она не могла припомнить о себе ничего заслуживающего упрека. Те два или три мелких грешка, совершенных в раннем детстве, вроде подобранной на улице монетки, на которую она купила конфет, или яблока, свалившегося с телеги прямо ей в руки, или даже страх признаться в том, что это она воткнула булавку в стул Дафнии Дикин, не станут препятствием, уверил ее преподобный отец Уиллис, к тому, чтобы ей выдали пропуск прямо в рай. Таким образом получилось, что у Аманды даже были некоторые преимущества перед теми, кому предстояло прожить долгую жизнь и не раз согрешить. Заброшенное место в раю, безусловно, должно было компенсировать ранний уход из жизни.

Однако ей очень хотелось представить, что же ожидает ее на небесах. Хотя преподобный отец Уиллис совершенно

не сомневался в существовании рая, он говорил о нем лишь в общих чертах, не вдаваясь в подробности и стараясь увильнуть от настойчивых расспросов Аманды.

По правде сказать, получалось, что все окружавшие Аманду или ничего не знали о рае, или отказывались обсуждать его устройство. Так, лечивший Аманду доктор Фробишер признавал свое полное невежество в этом вопросе и старался направить беседу в менее, как он выражался, мрачное русло, хотя Аманда никак не могла взять в толк, почему разговор о таком волшебном месте, как рай, считался мрачным. Примерно то же самое получалось и с мамой. Стоило Аманде завести речь о рае, как глаза миссис Дэй затуманивались, она лепетала что-то невразумительное и тотчас предлагала дочери побеседовать о чем-нибудь более веселом.

Но, несмотря ни на что, все-таки было приятно сознавать, что тебя признали достойной рая и об этом даже не спорят. Ее болезнь кто-то назвал медленным угасанием, однако самой Аманде приятнее было думать о себе, как о цветке, роняющем лепестки один за другим, пока однажды не останется ничего, а все вокруг будут плакать и говорить, какой она была терпеливой и мужественной и как теперь ей должно быть хорошо на небесах...

И, наверно, так бы оно и было, если б не привидение. Сначала Аманда даже не поняла, что это привидение. Когда она проснулась ночью и увидела кого-то стоящего у двери, ей подумалось, что это ночная сиделка. Потом она сообразила, что на сиделке, вероятно, кроме шелковых трусиков и коротенькой комбинашки должно быть надето еще что-нибудь и к тому же вряд ли в темноте ее было бы так хорошо видно.

Заметив Аманду, привидение несколько удивилось.

— Ах, простите, пожалуйста, за вторжение, — сказала оно, — я думала, вас здесь уже нет, — и повернулось, чтобы уйти.

Привидение оказалось на редкость нестрашное — девушка с приветливым лицом, рыжеватыми волосами и широко открытыми глазами. У нее были очаровательные ручки и ножки, а фигурке могла позавидовать всякая женщина. Аманда подумала, что девушка старше ее лет на семь или восемь.

— Пожалуйста, не уходите, — повинувшись мгновенному импульсу, попросила Аманда.

Привидение обернулось с некоторым удивлением.

— А вы не боитесь меня? — спросило оно. — Знаете, люди обычно так пугаются, что даже визжат.

— Непонятно почему, — сказала Аманда. — Но мне-то вообще пугаться нечего, я сама, наверно, скоро стану похожей на привидение.

— Ну что вы, — вежливо возразило привидение.

— Садитесь сюда, — пригласила Аманда, — если вам холодно, можете завернуться в одеяло.

— К счастью, холод меня не беспокоит, у меня совсем другие заботы, — ответило привидение и уселось на край постели, изящно закинув ногу на ногу.

— Меня зовут Аманда, — представилась хозяйка.

— А меня Вирджиния.

Последовала небольшая пауза. Аманда сгорала от любопытства, наконец не выдержала и спросила:

— Простите, если я задаю бестактный вопрос, но как это случилось, что вы стали привидением? Ведь обычно после смерти люди сразу попадают либо в одно место, либо в другое, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Да, понимаю: либо в рай, либо в ад. Все не так просто, как вам кажется. Вот у меня, например, особый случай: пока что я нечто вроде перемещенного лица. Мое дело еще в стадии рассмотрения — вот и блуждаю, пока они там наверху решат, что со мной делать.

Аманда ничего не поняла.

— Как это? — спросила она в недоумении.

— Видите ли, когда муж меня задушил, все сначала решили, что это обыкновенное убийство, но потом кто-то поднял вопрос, не было ли провокации с моей стороны. И вот, если они решат, что я нарушила какую-то там статью, то все подведут под самоубийство, и тогда мои дела плохи. Конечно, я подам апелляцию, ссылаясь на более раннее встречное провоцирование — ведь мой муж из тех тихонь, что и святую выведут из себя. По правде говоря, я действительно немного перегнула палку, хотя если бы вы его знали, вы бы меня поняли.

— А как это, когда тебя душат? — полюбопытствовала Аманда.

— Ужасно неприятно, — ответила Вирджиния, — и если б я знала, что в результате буду вот так околачиваться, то вела бы себя благоразумней.

— Как жаль, — вздохнула Аманда, — а я думала, что вы сможете рассказать мне о рае...

— О рае? А зачем вам?

— Да, видите ли, я, наверно, скоро попаду туда и хотела бы узнать хоть что-нибудь...

— О Господи! — воскликнула Вирджиния, еще шире раскрыв глаза от удивления.

Аманда не поняла реакции привидения — ведь попасть на небо казалось ей стремлением очень разумным.

— Бедняжка, — сострадательно вздохнула Вирджиния.

— Почему же? — спросила Аманда немного раздраженно.

— Видите ли, исходя из моих личных наблюдений, я бы не очень-то спешила туда...

— Так вы были там?!

— Да пробежалась немного, не везде, конечно.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте поскорее!

Вирджиния задумалась.

— Сперва, — начала она, — я попала в восточное отделение. Там все необыкновенно роскошно — как в цветном кино. Женщины носят прозрачные шаровары, чадру и массу драгоценностей. А мужчины все бородатые и в чалмах, и вокруг каждого толпа женщин, будто они хотят получить автограф. На самом же деле автографами тут и не пахнет. Время от времени мужчина выбирает из толпы какую-нибудь красотку (но, конечно, не тебя) и с ней удаляется, а тебе приходится искать другого, вокруг которого своих баб полно, и они злятся, если втискиваешься в их толпу. Ужасно обидно получается.

— И это все? — спросила Аманда разочарованно.

— Более или менее. Ну, можно еще, конечно, кушать рахат-лукум.

— Но ведь это совсем не то, что я думала! — прервала ее Аманда.

— Там есть и другие отделения. Вот в скандинавском, например, все совершенно иначе. В этом отделении все время уходит на то, чтобы бинтовать и промывать раны героям да еще варить им бульон. Хорошо тем, у кого есть хоть какое-нибудь медицинское образование, а по мне так там слишком много крови. К тому же эти герои — те еще типы, даже не взглянут на тебя. Они или хвастаются своими подвигами, или лежат пластом, а то вскакивают и отправляются получать новые раны. Такая тоска!

— Это ведь совсем не то... — начала было Аманда, но Вирджиния продолжала:

— Однако самая отчаянная скука — в отделении нирваны. Сплошь одни интеллектуалы. Женщин туда вообще не пускают, даже вывеска висит на стене, но я все-таки заглянула через забор. А там...

Аманда решительно прервала ее.

— Когда я говорю о рае, — сказала она, — я имею в виду тот самый обыкновенный рай, о котором нам рассказывали в детстве, хотя никогда толком не объясняли, как он выглядит.

— Ах этот... — протянула Вирджиния разочарованно. — Но, милочка, там все так чопорно, что, ей-Богу, не советую. Сплошь хоровое пение псалмов. Конечно, в наилучшем стиле, но уж слишком серьезно. И музыка однообразная — одни трубы и арфы. И все ходят в белых платьях. Все ужасно, как тебе это сказать, антисептично?.. Нет, аскетично! А потом, у них там закон, запрещающий жениться, представляете? Поэтому никто даже не осмеливается пригласить тебя после концерта в кафе — боятся, что их арестуют. Святым, конечно, все это очень нравится... — тут она остановилась. — А вы часом не святая?

— Н-не думаю, — ответила Аманда не слишком уверенно.

— Ну, если нет, то я искренне не советую туда соваться.

Вирджиния продолжала свой рассказ. Аманда слушала ее с растущей тревогой и наконец не выдержала.

— Неправда все это, неправда! — закричала она. — Вы нарочно так говорите, чтобы испортить мне настроение. Я так радовалась, что попаду на небо, а теперь... Это просто подло и жестоко! — На глаза Аманды навернулись слезы.

Вирджиния смотрела на нее молча. Затем снова заговорила:

— Но, Аманда, дорогая, вы же просто ничего не понимаете. Ведь все, что я описала, весь этот рай — он только для мужчин, а для женщин — это же суший ад! Не знаю почему, но до сих пор никто так и не удосужился спроектировать рай для женщин. Честно говоря, я бы на вашем месте держалась подальше от этого мужского рая. Между нами, девочками, говоря...

Тут Аманда больше не могла сдерживать слезы и разрыдалась, уткнувшись носом в подушку. Когда же она

подняла голову, Вирджинии уже нигде не было. Аманда поплакала, поплакала и уснула.

Но все, что она узнала от Вирджинии, так на нее подействовало, что неожиданно для всех Аманда стала поправляться. А когда выздоровела окончательно, вышла замуж за бухгалтера, который представлял себе рай в виде компьютера, что, согласитесь, для молоденькой женщины не представляет ровно никакого интереса.

НЕОТРАЗИМЫЙ АРОМАТ

Хотя она и ждала этого момента уже целых полчаса, мисс Мэллисон вздрогнула, когда дверь наконец скрипнула и знакомый голос произнес:

— Доброе утро, мисс Мэллисон!

— Доброе утро, мистер Элтон, — ответила она, не поднимая головы и не отрывая глаз от делового письма, лежавшего перед ней на столе.

Пока он снимал пальто и шляпу и вешал их на вешалку, мисс Мэллисон встала из-за стола, подошла к картотеке и, повернувшись к посетителю спиной, стала рыться в карточках. Лицо ее пылало. По опыту она знала, что это скоро пройдет и тогда она сможет работать более или менее спокойно весь день, но чему опыт никак не мог ее научить, так это как избежать повторения данного неприятного явления каждое утро.

Наконец лицо ее стало приходить в норму, и она смогла повернуться. Мистер Элтон просматривал утреннюю почту. Это был молодой человек приятной наружности, не слишком высокого роста, но крепкого телосложения. У него были темные курчавые волосы, слегка наивные глаза и приветливо улыбающийся рот. Эти-то черты и делали его особенно милым и привлекательным для мисс Мэллисон.

— Кажется, у нас сегодня нет никаких деловых встреч, кроме ленча с мистером Гросбюргером, не так ли? — спросил он.

— Да, мистер Элтон, только ленч.

— Не преуменьшайте его значения. Мистер Гросбюргер способен помочь нам сколотить целое состояние.

Мисс Мэллисон только кивнула в ответ.

— Вы не верите?

Heaven Scent

— Да как вам сказать... Что-нибудь неожиданное всегда всплывает в последнюю минуту, и планы рушатся, — грустно заметила мисс Мэллисон.

— Но теперь-то я буду умнее — не стану больше пускаться ни в какие авантюры. Я получил хороший урок. Теперь я знаю, что не надо стремиться изобретать что-то новое — лучше попытаться усовершенствовать уже известный продукт, широко разрекламировать его преимущества перед товарами своих конкурентов, и дело в шляпе.

— Дай-то Бог, мистер Элтон, — сказала мисс Мэллисон.

— Глубокой уверенности в успехе — вот чего вам не хватает, мисс Мэллисон. Ну, я пошел в лабораторию. Да, не забудьте, пожалуйста, что надо писать «продукт», а не «прадукт»; когда будете печатать письма. Пока, дорогуша!

Оставшись одна, мисс Мэллисон достала из сумочки зеркальце и стала изучать свое лицо. Лицо, без сомнения, очень миленькое, по форме напоминающее сердечко, с аккуратным носиком, не слишком тонкими губами, гладким лбом и карими глазами, смотрящими из-под бархатистых бровей. Легкий персиковый оттенок щек придавал лицу особую свежесть. Однако таких лиц было тысячи, а то и миллионы, а если принять во внимание последние достижения в области косметики, то редкая девушка не казалась теперь хорошенькой. Да и что говорить, конкуренция...

Мисс Мэллисон со вздохом убрала зеркальце и деловито заправила лист бумаги в пишущую машинку. Она начала печатать, но одновременно мысли ее устремились к мистеру Элтону. «Как его недооценивали!» — негодовала она. Во времена Эдисона он мог бы стать всемирно известным изобретателем, настоящим национальным героем. А теперь на него смотрят как на зануду, и рады платить ему только за то, чтобы он ничего не изобретал, все его изобретения и рационализаторские предложения кладут под сукно. Но дело ведь не только в деньгах. Изобретатель — это творец, который хочет, чтобы его детище жило и приносило людям пользу, а не лежало на полке. Взять хотя бы последний случай, когда он изобрел невоспламеняющуюся бумагу. Едва узнав об этом, главы страховых компаний и магнаты лесной промышленности так заволновались, что пригрозили закрыть лабораторию мистера Элтона, а перепу-

ганный персонал предупредил его, что, если он еще раз придумает нечто подобное, они все подадут заявление об уходе.

И вот теперь он снова затеял авантюру, да еще в такой области, как косметика и парфюмерия, где он ровно ничего не смыслит. А там тоже не дураки сидят. Мистер Элтон говорит, что в прошлый раз получил хороший урок, но, видно, он ему не пошел на пользу и его опять раздавят, как таракашку. Правда, он всегда умудряется получать неплохие отступные, хотя настроение после этого у него делается ужасное, и все сотрудники должны ходить на цыпочках недели две.

Да, ему явно нужна опора в жизни, кто-то, кто был бы всегда рядом и мог морально его поддерживать и вообще заботиться о нем...

Тут мисс Мэллисон случайно бросила взгляд на часы, ужаснулась и бешено застучала по клавишам своей машинки.

В половине первого мистер Элтон снова появился в конторе. Подписал бумаги, отпечатанные мисс Мэллисон, и стал натягивать пальто.

— Ну, не пожелаете ли мне удачи, мисс Мэллисон? — спросил он.

— Да-да, конечно, мистер Элтон.

— Тем не менее вы смотрите на меня как на ребенка, которого нельзя выпускать гулять одного.

Мисс Мэллисон слегка покраснела:

— Ах, что вы, мистер Элтон, просто я...

— На этот раз можете не волноваться — я не собираюсь производить никаких революций. Видите этот пузырек? — сказал он, доставая из кармана небольшой флакончик. — Я только скажу мистеру Гросбюргеру, что одной капли этой жидкости, опущенной в любые духи, достаточно, чтобы все его конкуренты отступили. Такие вещи делаются каждый день. Это называется «ингредиент X» или что-либо подобное. Никакого переворота.

— Да, мистер Элтон, — промолвила мисс Мэллисон не совсем уверенно.

Он спрятал пузырек обратно в карман. При этом нащупал в кармане какую-то бумажку.

— Ах да, совсем забыл, — вот формула этого препарата. Не лучше ли убрать ее в сейф, как вы думаете?

— Конечно, мистер Элтон, я ее немедленно уберу, и от всего сердца желаю вам удачи.

— Спасибо, спасибо. Я, наверно, вернусь еще до вашего ухода.

Некоторое время мисс Мэллисон продолжала сидеть, уставившись на дверь, за которой исчез мистер Элтон. Потом она перевела взгляд на стол и увидела перед собой конверт с надписью: «Средство для улучшения качества парфюмерии. Формула номер 68». Она раскрыла конверт, бегло пробежала глазами химическую формулу на листке бумаги и следующую за ней приписку, озаглавленную: *Специфические свойства препарата*. Несколько минут после этого мисс Мэллисон пребывала в задумчивости, затем снова прочитала все, уже с большим интересом и вниманием. Затем снова задумалась... А затем приняла решение.

Она спрятала конверт с формулой в ящик стола, встала и направилась в лабораторию.

Мистер Деркс был в лаборатории один — все другие сотрудники ушли обедать. При виде секретарши мистера Элтона он застыл с пробиркой в руках.

— Ах, мисс Мэллисон, какой подарок судьбы — мы можем побыть вдвоем почти целый час! Как часто я мечтал об этом! Вы такая, такая...

— Оставьте ваши излияния, мистер Деркс, — оборвала его мисс Мэллисон с некоторым раздражением. — Я пришла сюда не за этим. Где бутылка с препаратом номер 68? Мистер Элтон просил меня спрятать его в сейф.

— Это очень благоразумно с его стороны.

Мистер Деркс окинул взглядом полку с бутылками, нашел ту, что требовалась, снял ее и вручил мисс Мэллисон. Бутылка была почти полной.

— Будьте с ней осторожны, эта жидкость посильнее джина и куда опаснее, не говоря уж о цене.

— Благодарю вас, мистер Деркс, — сказала мисс Мэллисон вежливо.

— Не стоит благодарности. Как часто я себе говорю: вот если бы мисс Мэллисон была не секретарем, а химиком...

— Перестаньте, прошу вас.

— Но что поделаешь, — вздохнул мистер Деркс и снова взялся за свои пробирки.

Вернувшись к себе в офис, мисс Мэллисон поставила бутылку на стол и долго глядела на нее. Затем вынула конверт с формулой из ящика стола, еще раз пробежала его глазами, вздохнула, положила исписанный листок в пепельницу и подожгла его. Бумага сгорела гораздо быстрее, чем те мосты, которые она сжигала за собой, но принцип был тот же. Потом мисс Мэллисон сняла с вешалки плащ, набросила его на плечи и ушла на обеденный перерыв. С одного бока плащ несколько оттопыривался, скрывая бутылку с препаратом номер 68, которую она унесла с собой.

Среди покупателей мистер Гросбюргер был более известен под именем «Диана Мармион», так как стоял во главе фирмы, выпускающей косметику и парфюмерию для «очаровательных -надцатилетних». Он не был одним из ведущих дельцов парфюмерного бизнеса, но все же сумел создать себе имя, сосредоточив внимание на «свежем дыхании неискушенной юности» — поле деятельности, менее эксплуатируемом его собратьями по профессии, которые специализировались на производстве «таинственно манящих» прятных ароматов для более зрелых дам.

Все эти тонкости благовонной промышленности были совершенно неизвестны Майклу Элтону, который не видел никакой разницы между духами и туалетной водой. Поэтому неудивительно, что, вернувшись в офис мистера Гросбюргера после плотного ленча, Майкл не сумел найти правильный путь к сердцу этого бизнесмена и начал распространяться об экзотичности, восторге, влечении и даже страсти, которые возбуждал его новый препарат. Мистер Гросбюргер пытался прервать поток его красноречия, терпеливо объясняя, что он лично специализируется на очаровании, невинности и свежести утренней росы.

Но Майкла не так-то просто было унять. Заранее выработав свой подход, он продолжал нестись по прежним рельсам.

Наконец мистер Гросбюргер не выдержал и встал с места.

— Да поймите же, молодой человек, — сказал он, — что мои покупательницы — это нежные, хрупкие, юные создания, а не малолетние представительницы древнейшей профессии! Вам лучше обратиться в одну из французских фирм.

На лице Майкла Элтона мелькнула тень разочарования.

— Но вы же упускаете редчайший случай в жизни! — воскликнул он.

Это не произвело особого впечатления на мистера Гросбюргера, который только и делал целый день, что нюхал образцы духов, авторы которых повторяли то же самое. Однако он не хотел прослыть ретроградом и потому сказал:

— Ладно, что там у вас? Давайте сюда — может, я вам смогу что-нибудь посоветовать.

Майкл вынул из кармана свой пузырек и поставил его на письменный стол. Мистер Гросбюргер взял пузырек, вытащил стеклянную пробку и поднес к носу. Он нахмурился, затем снова понюхал и сердито посмотрел на Майкла.

— Вы что, издеваетесь надо мной, молодой человек?! — гневно воскликнул он.

Элтон успокоил его — объяснил, что его препарат вовсе не духи, а новое вещество без запаха и цвета, некий активизирующий элемент, применительный к древнему искусству производства благовоний. Чтобы он лучше действовал, нужны особые условия, подобно тому как вкус дорогого коньяка становится лучше, если его немного согреть. Мистер Гросбюргер слушал Элтона, колеблясь между негативным отношением, основанным на многолетнем опыте, и возможностью открытия новых перспектив на парфюмерном рынке.

— Дайте мне, пожалуйста, флакон ваших духов — безразлично каких, — сказал Майкл Элтон, — сейчас вы все поймете.

Мистер Гросбюргер хмыкнул, но все же выдвинул ящик стола, достал флакончик с этикеткой «Утренние лепестки» и подал его Элтону. Тот добавил туда две капли своего препарата и хорошенько встряхнул флакон.

— Теперь будьте так добры и позовите сюда на минутку вашу секретаршу, — сказал он.

Мистер Гросбюргер нажал кнопку и вызвал мисс Бойль. Одновременно он с удивлением смотрел, как Элтон плотно затыкал себе ватой ноздри.

— У меня раздражение слизистой от длительной работы с препаратом, — объяснил тот.

Первое, что приходило в голову при взгляде на мисс Бойль, была мысль, что природа обошлась с ней слишком сурово. Но так как альтернативное решение вопроса о секретарше вызвало бы еще более суровое поведение со стороны миссис Гросбюргер, супруги парфюмера, последнему пришлось смириться с малопривлекательной внеш-

ностью своей делопроизводительницы. Элтон улыбнулся ей и попросил разрешения капнуть немного духов на ее носовой платок. Мисс Бойль смущенно согласилась. Он осторожно отмерил две капли. Секретарша поднесла платок к носу и вдохнула аромат.

— Да это совсем как наши «Утренние лепестки»! — воскликнула она и слегка махнула платком, тем самым распространяя запах простеньких духов по всей комнате. — Господи Боже, что с вами, мистер Гросбюргер?

Ее удивление было вполне обоснованно: мистер Гросбюргер выглядел как человек, с трудом совладающий с собой и рушащий все внутренние преграды. Наконец он выговорил, задыхаясь:

— Мисс Бойль, Гермiona, дорогая! Как же я был слеп! Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Мисс Бойль побледнела и отступила на шаг назад.

— Н-но, мистер Гросбюргер, — пролепетала она заикаясь.

— Нет, не обращайтесь ко мне больше так! Называйте меня просто Сэмми... Я твой Сэмми, Гермiona! О, как же я был слеп, я не знал, что райское блаженство ожидает меня совсем рядом — стоит только руку протянуть. Как же я не понимал, что ты, очаровательная Гермiona, центр и смысл всего моего существования! Приди же в мои объятия!

С этими словами мистер Гросбюргер встал из-за стола и, раздвинув руки, двинулся по направлению к мисс Бойль.

— Помогите! — заблывая перепуганная секретарша и бросилась к двери. — Задержите его!

Элтон понял, что настало время вмешаться. Он надломил ампулу с нашатырным спиртом, которую держал наготове, и сунул ее под нос мистера Гросбюргера. Воспользовавшись моментом, мисс Бойль выскочила из кабинета как ошпаренная.

Прошло несколько минут, прежде чем парфюмер пришел в себя.

— Ну и ну! — воскликнул он, вытирая лысину платком. — Вот это приключение! Да с кем еще — с мисс Бойль! Подумать только!

Майкл Элтон вынул вату из ноздрей. Он извинился перед мистером Гросбюргером за несколько повышенную концентрацию своего препарата в духах — флакончик был маленький и туда следовало добавить лишь одну каплю. Но мистер Гросбюргер, наверно, ухватил общую идею? Мистер Гросбюргер сказал, что ухватил. Пока он постепенно при-

ходил в себя, его инстинкт делового человека проснулся и подсказал ему, что перед ним действительно тот редкий случай в жизни, который нельзя упустить. Любой воротила парфюмерного бизнеса продал бы душу дьяволу за такую возможность улучшить свой товар. К черту все эти «Утренние лепестки», «Вечерние ветерки» и «Лесную свежесть»! Обладая новым препаратом, «Диана Мармион» учинит такой разгром своих соперников — всяких там Шанелей, Кристиан Диоров, Хеленстайнов и прочих бастионов благоволия, что от них камня на камне не останется!

— Мы должны добавить это к какому-нибудь «знойному» аромату, чему-нибудь «страстному». Следует заказать художнику дизайн специального флакона — ведь это деньги, молодой человек, огромные деньги и слава! Конечно, сначала будут трудности со сбытом, но хорошая реклама... Да, кстати: как мы назовем новые духи? М-мм... Ага, придумал: *Соблазн*!

— А это не того... не слишком фривольно, так сказать? — спросил Майкл.

— Нисколько, особенно если написать по-французски и произносить на французский манер: «Seduction». Уж доверьтесь мне, молодой человек, я в этих делах собаку съел. Скажите, а нельзя ли получать препарат еще и в виде порошка, чтобы можно было, например, добавлять его в пудру для лица? Подумайте об этом.

Затем они занялись составлением контракта — мистер Гросбюргер не любил откладывать дела в долгий ящик.

Час спустя весьма довольный мистер Элтон вышел из кабинета еще более довольного мистера Гросбюргера. Проходя мимо стола мисс Бойль, он предусмотрительно задержал дыхание и мило улыбнулся своей невольной помощнице. Но она этого даже не заметила. Мисс Бойль была занята страшно трудным, хотя не лишенным приятности делом: она пыталась держать в узде несколько обступивших ее молодых людей с явными признаками телячьей влюбленности на лицах.

Приподнятое настроение не покидало Майкла Элтона до его собственного офиса. Однако его несколько уязвило, что мисс Мэллисон даже не оторвала глаз от машинки, когда он вошел, а продолжала бешено печатать.

— Эй, вы там! — крикнул Майкл весело. — Вас что, не интересуют результаты переговоров? Ну, так к вашему

сведению, все сошло как нельзя лучше — препарат идет в дело, в настоящее дело! Мы скоро станем богачами, как вы на это смотрите, мисс Мэллисон, а?

— Я... я очень рада, мистер Элтон, — сказала секретарша неуверенно.

— По вашему лицу этого что-то не видно. Что случилось?

— Да ничего, мистер Элтон, я действительно очень рада за вас.

— Так почему же у вас глаза на мокром месте? — Мистер Элтон подошел ближе к столу. — От радости, что ли? — Он немного помолчал, не зная, что сказать дальше. — А от вас пахнет приятными духами... Как они называются?

— К-кажется, «Утренние лепестки», — прошептала мисс Мэллисон, сморкаясь в носовой платок. — Я... — Тут она вдруг замолчала и уставилась на своего босса. В его глазах она увидела нечто такое, чего никогда не замечала до сих пор! — Ах! — воскликнула она с трепетом в голосе.

Майкл Элтон глядел на свою секретаршу, будто видел ее в первый раз. Она вся светилась, словно была окружена ореолом. Ему никогда не приходилось наблюдать что-либо подобное. Это было потрясающее открытие. Он подошел вплотную, взял ее за руки и заставил подняться.

— О, мисс Мэллисон! Джилль, дорогая! — воскликнул он. — Как же я был слеп! О, моя очаровательная, восхитительная Джилль!..

Из груди мисс Мэллисон вырвался непроизвольный вздох облегчения... Конечно, ей еще предстояло многое объяснить и даже кое-что приврать, но игра стоила свеч: содержимого большой бутылки должно было хватить ей до конца жизни. А пока что...

— Милый, милый мистер Элтон!.. — нежно проворковала она.

Годы проходили, и Лидию Чартерс все больше раздражали в муже две вещи: его облик и его хобби. Были и другие неприятные моменты, но именно эти ее мучили сознанием того, что она потерпела поражение.

В самом деле, он выглядел почти так же, как в день их свадьбы, но она-то надеялась, что он изменится в лучшую сторону. Она представляла, как под влиянием семейной жизни ее супруг превратится в привлекательного, обходительного, упитанного мужчину. Однако двенадцать лет ее стараний не дали сколько-нибудь заметного результата. Торс, правда, стал немного полнее, и весы это подтверждали, однако указанный прогресс лишь подчеркивал неуклюжую долговязость и разболтанность всего остального.

Однажды, в состоянии особенно сильного раздражения, Лидия взяла его брюки и тщательно их обмерила. Пустые, они производили вполне благоприятное впечатление — нормальной длины и привычной ширины, как все носят, но стоило мужу их надеть, как они сразу же казались чересчур узкими и наполненными какими-то буграми и узлами, как, впрочем, и рукава пиджака. После того как несколько попыток пригладить его внешний вид окончились неудачей, она поняла, что с этим придется смириться. С неохотой она сказала себе:

«Увы, этого не исправишь. Мы имеем дело с неизбежностью. Так женщина, похожая на лошадь, с годами все больше напоминает это животное».

После этого она занялась его хобби.

Хобби у детей очень милы, но у взрослых раздражают. Поэтому женщины стараются их не иметь. Они просто

проявляют умеренный интерес к тому или иному. Для женщины это совершенно естественно, и Лидия давала хорошую иллюстрацию искусства быть женщиной. Она интересовалась полудрагоценными камнями и если могла себе это позволить, то и драгоценными. С другой стороны, хобби Эдварда ни для кого не было по-настоящему естественным.

Конечно, Лидия узнала о его увлечении еще до того, как они поженились. Каждый, кто был знаком с Эдвардом, видел, как его глаза с надеждой обшаривали углы каждой комнаты, в которой ему случалось оказаться. На улице его внимание мгновенно переключалось на ближайшую кучу старых листьев или на кусок коры. Часто это раздражало, но она старалась не придавать этому значения — так оно, глядишь, и прекратится само собою. Лидия придерживалась той точки зрения, что женатый человек, затрачивая определенную часть своего времени на обеспечение дохода, помимо этого может иметь только один интерес в жизни. Отсюда следовало, что существование любого другого будет в определенной степени оскорбительным для его жены, поскольку все знают, что хобби — это просто одна из форм сублимации сексуальной энергии.

Можно было бы примириться, если бы хобби Эдварда проявлялось в коллекционировании ценных предметов, скажем, старых гравюр, первых изданий или восточной поэзии. Такие вещи могли бы вызывать зависть, а сам коллекционер имел бы высокий общественный статус.

Но нельзя приобрести ничего, кроме статуса сумасшедшего, владея даже весьма представительной коллекцией пауков.

Даже к стрекозам и бабочкам, полагала Лидия, можно было без вреда проявить сдержанный энтузиазм. Но пауки — эти мерзкие ползучие отвратительные создания, постепенно превращающиеся в мертвенно-бледных существ в колбах со спиртом, — тут она просто и не знала, что сказать.

В начале их замужества Эдвард пытался увлечь ее своим энтузиазмом, и Лидия, как могла тактично, слушала его объяснения о жизни, повадках и способах спаривания пауков. По большей части все это казалось ей отвратительным и безнравственным, а зачастую — и тем и другим. Она выслушивала его пространные тирады о красоте их расцветки, которой ее глаза не замечали. К счастью, постепенно становилось ясно, что Эдвард не смог разбудить в ее

душе понимания, на которое он надеялся, и когда он прекратил попытки заинтересовать ее, Лидия смогла постепенно вернуться к своей прежней точке зрения, что все пауки отвратительные, мертвые чуть меньше, чем живые.

Понимая, что прямое сопротивление паукам к добру не приведет, она попыталась тихо и безболезненно его отучить от этой страсти. Через два года она осознала, что ее попытки тщетны, после чего пауки были отнесены ею к превратностям судьбы, которые умные люди переносят стойко, без упоминания о них, кроме случаев крайнего раздражения, когда вспоминается все самое неприятное.

Лидия обычно заходила в комнату с пауками Эдварда раз в неделю, чтобы прибрать там и протереть пыль, а часто чтобы по-мазохистски испытать отвращение к ее обитателям. Этому соответствовали, по крайней мере, два состояния. Состояние общего удовлетворения, которое испытывал каждый, глядя на вереницу пробирок со множеством неприятных членистоногих, которые уже не будут ползать. Кроме этого, рождалось и более личное мстительное чувство — раз уж паукам в какой-то степени удалось отвлечь внимание женатого человека от единственно достойного объекта, то им пришлось для этого умереть.

На полках вдоль стен стояло такое множество пробирок, что однажды она спросила, много ли еще видов пауков существует на свете. Первым ответом было — пятьсот шестьдесят на Британских островах. Это обнадеживало. Но затем он стал говорить о двенадцати тысячах видов в мире, не говоря уже о родственных отрядах.

Кроме пробирок в комнате были справочники, карта, стол с его микроскопом, тщательно укрытым чехлом. Вдоль одной из стен стояла длинная полка со множеством склянок, пакеты с предметными стеклами, коробки с чистыми пробирками, а также множество прикрытых стеклом ящиков, в которых хранились живые образцы для изучения, перед тем как их помещали в спирт.

Лидия никогда не могла удержаться от того, чтобы заглянуть в эти камеры приговоренных с удовлетворением. Чувство это она вряд ли могла бы испытать по отношению к другим созданиям, но пауки — так им и надо. За то, что они — пауки. Как правило, они располагались по пять-шесть в одинаковых коробках, поэтому как-то утром она удивилась, увидев большой стеклянный колпак, стоявший рядом с коробками. Закончив с уборкой, она с любопытством подошла к полке. Казалось бы, наблюдать за оби-

тателем стеклянного колпака гораздо проще, чем за теми, кто находился в коробках, но на самом деле это было не так, потому что паутина закрывала обзор на две трети высоты. Паутина была так густо сплетена, что полностью прикрывала ее обитателя с боков. Она висела складками, как драпировка, и, приглядевшись внимательнее, Лидия была поражена филигранной работой — словно ноттингемские кружева, пусть и не самого высокого класса. Лидия подошла поближе, чтобы поверх паутины глянуть на ее обитателя.

— Боже мой, — сказала она.

Еще никогда она не видела паука таких размеров. Лидия не могла отвести от него глаз. Она вспомнила, что Эдвард был слегка взволнован прошлым вечером. Она же не обратила на это внимания, а лишь сказала, как говаривала и раньше, что слишком занята и не может идти смотреть на ужасного паука. Лидия также вспомнила, что муж был обижен отсутствием интереса с ее стороны. Теперь, увидев паука, она почувствовала: этот экземпляр достоин зачисления в категорию живых сокровищ природы.

Паук был светло-зеленого оттенка с более темным тоном, постепенно пропадающим ближе к брюшку. Вниз по спинке шел узор из голубых наконечников стрел, светлых в середине, на концах переходящих в зеленый. С каждой стороны брюшка находились алые загогулины, похожие на скобки. На суставах зеленых ножек виднелись алые пятна, такие же были на верхней половине головогруды — так Эдуард называл эту часть тела паука. Лидия полагала, что сюда прикреплялись ноги.

Лидия подошла ближе. К ее удивлению, паук не замер в неподвижности, что обычно свойственно этим созданиям. Казалось, его внимание было полностью поглощено предметом, который он держал в передних лапках. При изменении положения предмет блеснул.

Лидия решила, что это аквамарин, ограненный и полированный. Она повернула голову, чтобы убедиться в своей правоте, и ее тень упала на стеклянный колпак. Паук прекратил теревить камень и замер.

Вдруг тихий, приглушенный голос произнес с легким акцентом:

— Привет! Кто вы?

Лидия взглянула вокруг. Комната была пустой, как и прежде.

— Да нет! Здесь! — сказал глухой голос.

Она снова посмотрела вниз, на колпак, и увидела, что паук указывает на себя второй лапкой справа.

— Меня зовут Арахна, — сказал голос. — А вас?

— Я... Лидия, — ответила Лидия неуверенно.

— В самом деле? Почему? — спросил голос.

Лидия почувствовала себя слегка уязвленной.

— Как вас понять?

— Ну, насколько я помню, Лидия попала в ад в наказание за то, что много раз обижала своего возлюбленного. Я надеюсь, что у вас нет привычки...

— Конечно, нет, — сказала Лидия и сразу же замолчала.

— Ага, — сказал голос с сомнением. — Но все же, ведь вам не могли дать это имя без причины. А кроме того, я никогда по-настоящему не винил Лидию. Возлюбленные, как говорит мой опыт, обычно заслуживают...

Лидия неуверенно оглядывала комнату и не слышала окончания.

— Я не понимаю, — сказала она. — То есть это в самом деле...

— Да, это в самом деле я, — сказал паук. И чтобы подтвердить это, он снова указал на себя, на этот раз третьей лапкой слева.

— Но ведь пауки не могут...

— Конечно, нет. Настоящие пауки не могут, но я — Арахна. Я уже говорила вам.

Смутное воспоминание шевельнулось в голове у Лидии.

— Вы имеете в виду ту самую Арахну? — спросила она.

— А разве вы слышали о другой? — спросил голос холодно.

— Я имею в виду ту, которая вызвала гнев Афины. Хотя точно не помню как, — сказала Лидия.

— Просто. Я была ткачихой, а Афина завидовала мне...

— Вы, значит, ткали?

— Я была лучшей ткачихой и пряхой, и когда я выиграла открытый всегреческий конкурс и победила Афины, она не могла с этим примириться. Она была в бешенстве от зависти и превратила меня в паука. Я всегда говорю: несправедливо позволять богам и богиням участвовать в конкурсах. Они не умеют проигрывать, а потом начинают рассказывать о вас лживые истории, чтобы оправдать те гадости, которые творят. Вам, наверное, доводилось слышать

об этом в другом изложении? — добавил голос с оттенком вызова.

— Нет, я почти такого же мнения, — сказала Лидия тактично. — Должно быть, вы уже очень долго были в образе паука, — добавила она.

— Да, я так полагаю, но через какое-то время переставешь считать, — голос замолк, а затем опять продолжал: — Скажите, вы не могли бы убрать эту стеклянную штуку? Здесь так душно. Кроме того, мне не придется кричать.

Лидия колебалась.

— Я никогда ничего не трогаю в этой комнате. Мой муж бывает очень раздражен, если я это делаю.

— Ах, вам не следует бояться, я не убегу. Даю вам честное слово.

Но Лидия все еще сомневалась.

— Вы действительно находитесь в затруднительном положении, — сказала она, невольно взглянув на склянку со спиртом.

— Не совсем, — сказал голос тоном, который предполагал пожатие плечами. — Меня уже много раз ловили. Всегда находится какой-то выход. Одно из преимуществ вечного проклятия. Оно делает какое-либо фатальное событие невозможным.

Лидия взглянула вокруг. Окно было закрыто, дверь тоже.

Она подняла колпак и положила его сбоку. Нити паутины вылетели наружу и порвались.

— Не обращайтесь внимания. Уф! Так будет лучше, — сказал голос, все еще слабо, но теперь вполне ясно и разборчиво.

Паук не шевелился. Он продолжал держать в своих передних лапках сверкающий на свету аквамарин.

Внезапно Лидия нагнулась и посмотрела на камень вблизи. Это не был ее камень.

— Красиво, не правда ли, — сказала Арахна. — Не совсем мой цвет, правда. Думаю, я его уничтожу. Изумруд подошел бы лучше, хотя они были меньше размером.

— Где вы их взяли? — спросила Лидия.

— Да неподалеку. Я думаю, через дом отсюда.

— У миссис Феррис. Да, конечно, это один из ее камней.

— Возможно, — согласилась Арахна. — Он был в шкапулке со множеством других, и я как раз выбиралась из сада через кусты, когда меня поймали. Блеск камня при-

влек его внимание ко мне. Смешной тип, сам немного похож на паука, только на двух ногах.

Лидия сказала, немного с холодком:

— Он оказался сообразительнее вас.

— Гм, — сказала Арахна уклончиво.

Она положила камень и начала бегать по кругу, выпуская несколько ниток. Лидия немного отодвинулась. Некоторое время она наблюдала за Арахной, которая, казалось, была занята своего рода рисованием, а затем ее глаза вернулись к аквамарину.

— У меня тоже есть небольшая коллекция камней. Не такая хорошая, как у миссис Феррис, конечно, но в нее входит пара неплохих экземпляров камней, — заметила она.

— В самом деле? — сказала Арахна рассеянно, продолжая плести узор.

— Мне... мне бы тоже хороший аквамарин, — сказала Лидия. — Что, если дверь случайно останется слегка приоткрытой...

— Смотрите, — сказала Арахна удовлетворенно. — Разве этот узор не хорош?

Она остановилась, чтобы полюбоваться своей работой.

Лидия тоже посмотрела на рисунок. Ей показалось, что в нем не хватало утонченности, но она тактично согласилась:

— Узор восхитителен! Совершенно очарователен! Как жаль, что я... И как это у вас получается!

— Нужно иметь немного таланта, — сказала Арахна с отрезвляющей скромностью. — Вы что-то сказали? — добавила она.

Лидия повторила свою реплику.

— Не стоит тратить на это время, — сказала Арахна. — Как я говорила, что-то непременно должно произойти. Зачем же мне беспокоиться?

Она опять начала плести паутину. Быстро, хотя и слегка рассеянно, она сделала еще один небольшой кружевной коврик, подходящий для благотворительной торговли, и на мгновение задумалась. Наконец она сказала:

— Конечно, если бы на это стоило тратить время...

— Я не могу предложить очень много... — начала Лидия осторожно.

— Не деньги, — сказала Арахна. — Зачем мне деньги? Но я уже так давно не отдыхала.

— Не отдыхали? — повторила Лидия.

— У многих проклятий имеются некоторые смягчающие условия, — объяснила Арахна. — Например, поцелуй принца, снимающий колдовство. Это настолько невероятно, что не имеет практического значения, зато создает богу соответствующую репутацию — не такой уж он скупердйй, в конце концов. В моем случае такая поблажка — отпуск на двадцать четыре часа в год, но у меня и этого почти никогда не было. — Она сделала паузу, чтобы сплести еще пару дюймов каймы. — Понимаете, — добавила она, — проблема в том, чтобы найти кого-то, желающего поменяться местами на двадцать четыре часа...

— О да, я понимаю, что это не просто.

Арахна выставила одну из передних ножек — аквамарин засверкал.

Она повторила:

— Желающего поменяться местами...

— Право... не знаю... — сказала Лидия.

— Совсем не трудно пробраться в дом миссис Феррис существу моего размера, — заметила Арахна.

Лидия посмотрела на аквамарин. Невозможно было выбросить из памяти картинку: на черном бархате в шкатулке миссис Феррис лежат камни.

— А если поймают?

— Не следует об этом беспокоиться. В любом случае через двадцать четыре часа я вас сменю, — сказала ей Арахна.

— Не знаю, право, не знаю... — промолвила Лидия неохотно.

Арахна заговорила задумчиво:

— Я подумала, как просто будет унести их оттуда по одному и спрятать в подходящей щели.

Лидия не могла вспомнить в деталях, как проходил дальнейший разговор. На каком-то этапе, когда она все еще сомневалась, Арахна, видимо, решила, что Лидия согласна. В следующий момент она оказалась на полке — дело было сделано..

Она не почувствовала большой разницы. Шестью глазами было не труднее глядеть, чем двумя, хотя все стало исключительно большим, а противоположная стена отодвинулась вдаль. Оказалось, что восемью ногами также можно без труда управлять.

— Как вы... Ах да, я понимаю, — сказала она.

— Продолжайте, — сказал голос сверху. — Этого более чем достаточно, принимая в расчет две испорченные

вами занавески. Обращайтесь с ними осторожно. Все время держите в голове слово «изысканный». Да, вот так лучше. Еще чуть-чуть тоньше... Так. Вы скоро научитесь. А теперь вам нужно только переступить край и спуститься по нити.

— Ага... да-да, — сказала Лидия с сомнением. Казалось, что край полки был очень далеко от пола.

— Еще только один вопрос, — сказала Арахна. — Относительно мужчин.

— Мужчин? — спросила Лидия.

— Ну, пауков мужского пола. Я не хочу, вернувшись, обнаружить, что...

— Ну конечно, нет, — согласилась Лидия. — Думаю, что я буду очень занята. Да и вряд ли меня заинтересуют пауки мужского пола.

— Кто знает. Подобный тянется к подобному.

— Я думаю, это зависит от того, как долго ты был подобным, — предположила Лидия.

— Хорошо. Хотя все это не так сложно. Он в шестнадцать раз меньше вас, так что вы его легко сможете осадить. Или съесть, если хотите.

— Съесть? — воскликнула Лидия. — Ах да, я помню, муж рассказывал мне что-то... Нет, я думаю, я его осажу — как вы сказали.

— На ваше усмотрение. Что касается пауков, они очень удобно устроены, давая преимущество самкам. Вам не приходится быть обремененной никчемным самцом. Просто находите себе нового, когда он понадобится. В самом деле, это сильно все упрощает.

— Пожалуй, вы правы, — сказала Лидия. — И все же, всего двадцать четыре часа...

— Именно, — сказала Арахна. — Ну, мне пора. Я не должна терять времени. Уверена, у вас все будет в порядке. До завтра. — И она вышла, оставив дверь слегка приоткрытой.

Лидия еще немного поупражнялась в плетении, пока не стала делать ровную нить уверенно. Тогда она подошла к краю полки. После недолгого колебания она переступила через край. Оказалось, что это действительно очень просто.

В самом деле, все было гораздо легче, чем она ожидала. Она пробралась в гостиную миссис Феррис, где крышка шкатулки была беспечно оставлена открытой, и выбрала отличный огненный опал. Не составило труда найти небольшую ямку на обочине дороги, куда можно было положить добычу на время. При следующем походе она выбрала

маленький рубин, потом отлично отшлифованный квадратный циркон. Операция перешла в привычную работу, прерываемую лишь знаками внимания со стороны пары пауков-самцов. Впрочем, их можно было отогнать простым движением передней лапки.

Ближе к вечеру в ямке на обочине скопилась неплохая добыча. Лидия тащила небольшой топаз и думала, следует ли сделать еще один заход, когда на нее упала тень. Она замерла, глядя вверх на высокую нескладную фигуру.

— Будь я проклят, — послышался голос Эдварда. — Еще один! Два за два дня. Невероятно!

И прежде чем Лидия смогла что-либо сообразить, ее накрыла мгла, а секундой позже она поняла, что трясется в коробочке.

Через несколько минут она оказалась под стеклянным колпаком, который сняла с Арахны, а Эдвард склонился над ней, озабоченный исчезновением примечательного экземпляра, но воодушевленный тем, что он его вновь изловил.

После этого, кажется, ничего не оставалось, как плести занавески, чтобы укрыться за ними — подобно Арахне. Успокаивала мысль о том, что камни были надежно спрятаны, и всего через двенадцать или тринадцать часов она сможет спокойно забрать их...

Весь вечер к комнате пауков никто не подходил. Лидия могла разобрать различные домашние звуки, раздававшиеся в более или менее обычном порядке, завершаясь шагами двух пар ног вверх по лестнице. И если бы не физическая невозможность, она бы при этом немного нахмурилась. Этически такая ситуация была довольно туманна. Разве Арахна имела право?.. Ну что ж, с этим все равно ничего нельзя было поделать...

Наконец звуки затихли, и дом успокоился на ночь.

Она ждала, что Эдвард заглянет утром, перед уходом на работу, чтобы убедиться в ее целостности и сохранности. Она помнила, что он это делал и в случае менее интересных пауков, и была немного уязвлена, когда дверь, наконец, открылась лишь для того, чтобы впустить Арахну. Лидия также заметила, что Арахна не смогла уложить волосы тем единственным способом, который был столь к лицу Лидии.

Арахна слегка зевнула и подошла к полке.

— Привет, — сказала она, поднимая колпак, — как провела время?

— Только бы не сидеть здесь, — ответила Лидия. — Вчера, однако, все шло хорошо. Я надеюсь, что вы удачно провели свой отпуск.

— Да, — сказала Арахна. — Было хорошо, хотя мне показалось, что перемена была не столь разительной, как я ожидала. — Она посмотрела на часы. — Время почти истекло. Если я не вернусь, Афина разгневется. Вы готовы?

— Конечно, — ответила Лидия, чувствуя себя более чем готовой.

— Ну, вот мы и снова здесь, — сказала Арахна тихим голосом. Она вытянула ножки попарно, начиная с передних. Затем выткала заглавную букву «А» готическим шрифтом, чтобы удостовериться в том, что ее способность прясть не пострадала. — Вы знаете, привычка — удивительное дело. Не уверена, что смогла бы устроиться уютнее. Разве чуть больше свободы...

Она подбежала к краю полки и спустилась вниз — пучок сверкающих перьев, скользящий к полу.

Достигнув его, Арахна выпустила ножки и побежала к открытой двери. У порога она остановилась.

— До свидания и большое спасибо, — сказала она. — Простите меня за вашего мужа. Боюсь, что в какой-то момент я повела себя неподобающим образом.

И она пробежала по тропинке, как будто шарик из цветной шерсти, уносимый ветром.

— Прощайте, — сказала Лидия, совсем не жалея о том, что она уходит.

Смысл последней фразы Арахны Лидия не поняла и вспомнила о ней позже, когда обнаружила в мусорном ящике кучу необычайно бугристых костей.

**СТУПАЙ
К МУРАВЬЮ...**

СТУПАЙ К МУРАВЬЮ

Ничего, кроме меня самой, не существовало. Я висела в какой-то пустоте, лишенной времени, пространства и энергии. Было ни светло, ни темно. Я обладала сущностью, но не формой, сознанием, но не памятью. «Неужели это “ничего” и есть моя душа?» — думала я. Мне казалось, что так было всегда и будет длиться вечно...

Однако такое состояние вне времени и пространства продолжалось недолго. Я почувствовала, что появилась какая-то сила, которая притягивает меня к себе. Я обрадовалась, так как хотелось двигаться, поворачиваясь, словно иглою компаса, а затем провалиться в пустоту.

Но тут меня постигло разочарование. Никакого падения не последовало, а вместо этого другие силы стали тянуть меня в разные стороны. Раскачивание все усиливалось, пока, наконец, ощущение борьбы не прекратилось совсем...

— Все в порядке, — услышался чей-то голос. — Реанимация несколько затянулась по неизвестной нам причине. Пожалуйста, отметьте это в ее медицинской карте. В который раз она к нам поступила? А, только в четвертый... Ну, ничего, она уже приходит в себя. Но все-таки не забудьте сделать отметку в карте.

Голос, произносивший все это, был женским, с несильным незнакомым акцентом. Затем другой женский голос сказал:

— Выпейте это.

Чья-то рука приподняла мою голову, а другая — поднесла чашку к губам. Я выпила содержимое чашки и откинулась обратно на подушку. Потом закрыла глаза и ненадолго задремала. Проснувшись, я уже чувствовала себя немного крепче. Несколько минут я лежала, уставив-

Consider Her Ways

шись глазами в потолок и размышляя о том, где я нахожусь. Я не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела потолок, окрашенный в такой розовато-кремовый цвет. И тут я внезапно с ужасом поняла — не только потолок, но и все, что окружало меня, мне совершенно незнакомо. Какой-то провал памяти — я не имела представления, кто я и где нахожусь; я не могла вспомнить, как и почему сюда попала... Охваченная паникой, я попыталась сесть, но чья-то рука заставила меня снова лечь и опять поднесла мне чашку к губам.

— Не волнуйтесь, с вами все в порядке, — проговорил уже знакомый голос, — попытайтесь расслабиться и отдохнуть.

Мне хотелось задать массу вопросов, но почему-то я чувствовала себя очень усталой и отложила свои вопросы на потом. Паника постепенно улеглась, и я впала в состояние какого-то безразличия. Но все-таки я пыталась понять, что же случилось со мной — может быть, я попала в аварию? Или у меня был сильный шок? Я ничего не знала и в то же время даже не очень-то задумывалась над всем — было ясно, что за мной ухаживали. Это меня успокоило, и я снова уснула.

Не знаю, сколько я проспала — час или несколько минут, но, открыв глаза, я уже чувствовала себя спокойнее и крепче. Мною снова овладело любопытство — очень хотелось узнать, где же я нахожусь. Я повернула голову и огляделась.

Метрах в двух от меня я увидела странное сооружение на колесах — нечто среднее между кроватью и больничной каталкой. На нем спала женщина таких гигантских размеров, какие мне никогда не приходилось видеть. Затем я взглянула в другую сторону и увидела еще две каталки с такими же огромными женщинами. Приглядевшись к той, что была ближе ко мне, я с удивлением обнаружила, что она совсем молода: года двадцать два, двадцать три, не более. Лицо у нее было пухленькое, но не жирное; по правде говоря, его свежий, здоровый цвет и коротко остриженные золотистые кудри позволяли даже назвать женщину красивой. Я начала размышлять о том, какого рода гормональное нарушение могло вызвать столь серьезную аномалию в таком молодом возрасте.

Прошло минут десять, и я услышала, как кто-то деловитым шагом приближается ко мне. Чей-то голос спросил:

— Ну, как вы себя чувствуете сейчас?

Я повернула голову и оказалась лицом к лицу с ребенком лет семи. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что лицо под белой шапочкой отнюдь не детское и его владелице лет тридцать, не менее. Не дожидаясь моего ответа, маленькая женщина взяла меня за кисть и стала считать пульс. Видимо, его частота удовлетворяла ее, и она сказала:

— Теперь у вас все пойдет хорошо, мамаша.

Я уставилась на нее, ничего не понимая.

— Перевозка стоит у самых дверей — как вы думаете, сумеете сами дойти до нее?

— Какая еще перевозка? — спросила я в недоумении.

— Ну, карета, которая отвезет вас домой. Вставайте, пошли. — И она откинула мое одеяло.

То, что я увидела, потрясло меня. Я приподняла руку, но это была не рука, а скорее диванный валик с крохотной ладошкой на конце. Я смотрела на нее с ужасом. Затем я дико закричала и потеряла сознание...

Придя в себя, я увидела рядом с кроватью женщину нормального роста в белом халате и со стетоскопом на шее. Малышка в белой шапочке, которую я сначала приняла за ребенка, стояла рядом, едва доставая ее локтя.

— Не знаю, что на нее нашло, доктор. Она вдруг завизжала и потеряла сознание...

— Что это? Что случилось со мной? Я знаю, что я совсем не такая — нет, нет! — прокричала я.

Врач продолжала обескураженно смотреть на меня.

— О чем это она?

— Понятия не имею, доктор, — ответила сестра, — это случилось совершенно неожиданно, как будто у нее был шок.

— Но ведь мы ее уже обследовали и выписали, так что она не может здесь больше оставаться; к тому же нам нужна эта палата... Пожалуй, следует дать ей что-нибудь успокоительное.

— Но что же случилось? Кто я? Тут что-то ужасно напутано — я знаю, что я совсем не такая! Ради Бога, объясните мне, в чем дело?!

Врачиха стала меня успокаивать. Она ласково потрепала меня по плечу и сказала:

— Все в порядке, мамаша, вам совершенно не о чем беспокоиться. Старайтесь не принимать ничего близко к сердцу, и скоро вы будете дома.

Тут подошла медсестра со шприцем в руке и подала его врачу.

— Не надо, не надо! — закричала я. — Я хочу знать, где я, кто вы и что же случилось со мной?

Я попыталась вырвать шприц из рук врача, но они обе прижали меня к кровати и все-таки умудрились сделать мне укол в руку. Это действительно было что-то успокоительное. Однако оно не погрузило меня в сон, а лишь позволило мне как бы отрешиться от самой себя и ясно осознавать все происходящее как бы со стороны...

Вне сомнения, у меня была амнезия. Очевидно, какой-то шок привел, как принято говорить, к «утрате памяти». Но эта утрата была все же незначительной — я не помнила, кто я, что я и где живу, и в то же время сохранила способность говорить и думать; а подумать мне было о чем.

Я была глубоко убеждена, что все происходящее вокруг было чем-то нереальным. Так, я понимала, что никогда прежде не видела этого места; весьма необычным было и присутствие двух маленьких медсестер, а самое главное, я ни капли не сомневалась, что огромное тело, лежавшее на постели, — не мое. Я не могла вспомнить, каким было мое лицо — обрамлено ли оно светлыми или темными волосами, молодое оно или старое, — но совершенно точно, что оно никогда не являлось частью этого тела. К тому же рядом со мной находились другие молодые женщины столь же огромных размеров. Поэтому трудно было допустить, что все мы страдали одним и тем же гормональным нарушением — иначе зачем персонал собирался благополучно отправить меня «домой», хотя я понятия не имела, где находится этот «дом»...

Я все еще обдумывала сложившуюся ситуацию, когда заметила, что потолок над моей головой начал двигаться, и я поняла, что меня куда-то везут. Дверь в конце комнаты отворилась, и каталка слегка наклонилась подо мной, по мере того как съезжала с небольшого пандуса.

У подножия пандуса стояла «карета» для перевозки больных, окрашенная в розовый цвет; ее задние дверцы были распахнуты. Бригада из восьми маленьких санитарок перенесла меня с каталки на кушетку в карете. Две санитарки накрыли меня легким одеялом и подсунули мне под

голову еще одну подушку. Затем они вышли, захлопнули за собой дверцы, и через минуту мы отправились в путь.

Именно тогда (возможно, под действием укола) я решила, что, по всей вероятности, еще не вполне пришла в себя после какой-то аварии: очевидно, у меня было сотрясение мозга, и то, что я видела и чувствовала, было либо сном, либо галлюцинацией. Со временем я проснусь в обстановке, знакомой или по крайней мере доступной моему сознанию. Меня удивило, как эта трезвая и утешительная мысль не пришла мне в голову раньше и как глупо было с моей стороны поверить в то, что я — некий Гулливер среди лилипутов.

Это открытие успокоило меня и совершенно изменило мое отношение к окружающему, так что я стала внимательно следить за всем, что происходит вокруг.

Внутренние стенки «кареты» были также окрашены в бледно-розовый цвет, в то время как потолок был нежно-голубым с разбросанными по нему серебряными звездочками. По обе стороны от меня было по большому окну с раздвижными тюлевыми занавесками. Слегка поворачивая голову на подушке, я могла без труда обозревать пейзаж, довольно однообразный: по обе стороны дороги высились трехэтажные дома, окруженные небольшими лужайками. Дома были стандартными, но каждый окрашен в свой цвет, а на окнах висели пестрые занавески. Черепичные крыши выдавали некоторое влияние итальянской архитектуры. Людей вокруг было мало — только кое-где женщины в рабочей одежде либо подстригали лужайки, либо ухаживали за цветами на клумбах.

За домами, в стороне от дороги, виднелись более высокие здания с трубами — по всей вероятности, фабрики. Движение на дороге не отличалось интенсивностью — так, большой и малый грузовой транспорт. Все машины были окрашены в один цвет и разнились только надписями на бортах.

Мы продолжали двигаться по шоссе на средней скорости еще минут двадцать, пока не доехали до участка дороги, где шел ремонт. Карета замедлила ход, а работницы отошли в сторону, чтобы дать нам проехать. По мере того как мы медленно продвигались по вскрытому асфальту, я смогла их хорошо рассмотреть. Это были женщины или девушки нормального роста, одетые в холщовые брюки, майки и рабочие сапоги. Волосы у всех были коротко

острижены, а у некоторых прикрыты соломенными шляпами. Все они были высокими и широкоплечими, с крепкими руками, покрытыми загаром. Мускулы на руках напоминали мужские.

Когда машина поравнялась с ними, женщины потянулись к окошку, пытаясь взглянуть на меня, при этом доброжелательно улыбались и поднимали правую руку в знак приветствия. Я улыбнулась в ответ, но, очевидно, они ожидали чего-то большего. Тогда я догадалась и тоже подняла правую руку. Этот жест имел успех, хотя удивление не исчезло с их лиц.

«Карета» двинулась дальше. «Возможно, дружелюбные «амазонки» с лопатами вместо луков и стрел были какими-то символами из сновидений, застрявшими в моем подсознании?» — размышляла я. Подавленное стремление властвовать?.. Я так и не смогла решить для себя этот вопрос.

А тем временем моя перевозка уже выехала за город. По цветам на клумбах и едва распустившейся листве на деревьях я понимала, что сейчас весна. По обе стороны от дороги лежали зеленые луга и аккуратно вспаханные поля, на которых поднимались всходы. Солнце освещало на удивление четко спланированный ландшафт, какого мне никогда не доводилось видеть; то там, то тут пасущийся скот нарушал эту строгую планировку. Фермы и хозяйственные постройки тоже располагались, как на чертеже, — все это каким-то странным образом напоминало игрушечную деревню...

Мы продолжали наш путь мимо угодий еще минут сорок. Затем дорога свернула налево и вдоль нее потянулся ряд деревьев. Аккуратно подстриженные, они производили впечатление высокого забора. Потом «карета» снова повернула налево и остановилась перед высокими воротами, окрашенными в тот же неизменный розовый цвет. Водитель посигналила; женщина средних лет в белой блузке и брючном костюме вышла из сторожки и открыла ворота. Увидев меня, она, как и «амазонки», подняла руку в приветствии. По мере того как женщина раздвигала ворота, я обратила внимание на то, какая она маленькая — не выше метра двадцати сантиметров.

Ее вид и размеры крохотной сторожки снова навели меня на мысль о символике — ведь мифология так богата легендами и сказками о различных гномах и прочем «малом людье», которые часто являются нам во сне. Так как я все

еще не могла решить этот вопрос, то отложила его на потом.

Теперь мы ехали по аллее, проложенной посреди чего-то среднего между городским сквером и новой пригородной застройкой. Кругом было много лужаек и клумб, а между ними стояли розовые трехэтажные дома. Группа амазонок в майках и брюках сажала в свежевскопанную клумбу тюльпаны. Они доброжелательно улынулись нам, когда мы проезжали мимо. По одной из лужаек парка прогуливалась огромная женщина, облаченная в розовые покрывала. Ее сопровождали три маленькие женщины в белой форме, которые по сравнению с ней казались детьми или заводными куклами.

Наконец мы подъехали к крыльцу, ведущему в одно из розовых зданий. Оно было нормальных размеров, но ступеньки разделяла центральная балюстрада: те, что располагались слева, были обычными, а те, что справа, — пониже, и их было побольше.

Три гудка автомобиля возвестили о нашем приезде. Через несколько секунд шесть маленьких женщин выскочили из дверей и побежали вниз по правой стороне крыльца. Водитель машины вышла им навстречу. Она тоже была маленькой, но не в белой форме, как остальные, а в блестящем розовом костюме, похожем на ливрею, цвет которого совпадал с цветом машины. Они о чем-то переговаривали, затем открыли заднюю дверцу кареты и чей-то голос приветливо сказал:

— Добро пожаловать, мамаша Оркис! Вот вы и дома.

Кушетка, на которой я лежала в карете, соскользнула с полозьев и медленно опустилась на землю. Одна из маленьких женщин подошла ко мне и участливо спросила:

— Как вы думаете, сумеете сами идти, мамаша?

В первый момент я не обратила внимания на форму обращения, но сейчас было совершенно ясно, что обращаются ко мне, так как рядом со мной больше никого не было.

— Идти? — переспросила я. — Конечно, смогу. — И, поддерживаемая восемью руками, села на кушетке. Когда я сказала «конечно», то переоценила свои возможности.

И поняла это, как только мне помогли подняться на ноги. Даже с посторонней помощью такое небольшое усилие заставило меня тяжело дышать. Я с отвращением взглянула на свою, словно надутую, фигуру, задрапирован-

ную в розовые покрывала, и сделала робкий шаг вперед. Такое передвижение едва ли можно было назвать ходьбой.

Маленькие женщины, достающие мне только до локтя, хлопотали вокруг, как встревоженные наездки. Но, начав, я была полна решимости продолжать свой путь по дорожке, а затем, сделав огромное усилие, поднялась по ступенькам левой стороны крыльца.

Когда я наконец достигла вершины, вокруг раздался общий вздох облегчения и радости. Мы передохнули несколько минут, а затем вошли в здание. От самых дверей тянулся коридор с закрытыми по обе стороны дверями. В конце коридора мы повернули налево, и тут в первый раз я увидела себя в зеркале. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы снова не впасть в панику от открывшейся картины. Передо мною была ужасная пародия на женщину: слоновобразная фигура, которая выглядела еще больше благодаря розовым покрывалам. Хорошо еще, что они скрывали все, кроме головы и рук, но и эти последние тоже шокировали меня, так как руки были мягкими и маленькими, а голова и лицо могли принадлежать молодой девушке, к тому же красивой. Ей было не больше двадцати одного года; курчавые светлые волосы с каштановым отливом коротко подстрижены. Цвет лица был кремово-розовым, рот — красивой формы, а губы — ярко-красными без всяких следов помады. И это нежное лицо с полотна Фрагонара было посажено на чудовищное тело — как если бы цветок фрезии распустился на тыкве.

Когда я шевелила губами, она шевелила тоже; когда я сгибала руку — она повторяла мое движение, и, несмотря на это, едва мне удалось справиться с собой, она перестала быть отражением: ничто в ней не напоминало меня настоящую, это была совершенно посторонняя женщина, на которую я теперь взирала с грустью и болью в сердце. Мне захотелось плакать от стыда за нее, и слезы ручьем потекли из моих глаз.

Одна из маленьких женщин тут же подскочила ко мне и взяла за руку.

— Мамаша Оркис, дорогая, в чем дело? — спросила она участливо.

Но что я могла ей сказать, когда сама ничего толком не понимала? Маленькие ручки гладили меня, пытаясь успокоить, тоненькие голоса подбадривали, уговаривая двигаться дальше. Наконец мы добрались до открытой двери, и меня

ввели в комнату, которая представляла собой нечто среднее между будуаром и больничной палатой. Впечатление будуара усиливалось от обилия розовых ковриков, одеял, подушечек, абажуров на лампах и тюлевых занавесок на окнах. А больничную атмосферу создавали шесть кроватей-кушеток, разделенных тумбочками и стульями. Кушетки стояли по три у каждой стены, так что в середине комнаты оставалось свободное пространство. Там было несколько широких кресел и стол с вазой и красивыми цветами посередине. В воздухе ощущался легкий, приятный аромат, а откуда-то доносились приглушенные звуки струнного квартета, наигрывавшего какую-то сентиментальную мелодию.

Пять из шести кушеток было уже заняты огромными женскими телами, укрытыми атласными одеялами. Двое из сопровождавших меня маленьких женщин поспешили к шестой, свободной кушетке, и откинули одеяло.

Лица всех пятерых обитательниц комнаты были обращены ко мне — трое смотрели доброжелательно, а остальные две — безразлично.

— Привет, Оркис, — приветливо сказала одна из первых. Затем, заметив печальное выражение моего лица, спросила с участием: — Что, трудно тебе пришлось?

Я не нашлась что ответить и смогла только улыбнуться ей, когда направлялась к своей кушетке. Мой «конвой» уже стоял наготове у постели. Общими усилиями они помогли мне улечься и подложили под голову маленькую подушечку. Все движения стоили мне изрядного напряжения сил, и я была рада, что наконец могла отдохнуть. В то время как две маленькие санитарки укрывали меня одеялом, третья достала чистый носовой платок и осторожно вытерла пот с моего лица.

— Ну вот, дорогуша, — проговорила она подбадривающим тоном, — вот вы и дома. Немножко отдохните и совсем придете в себя. А сейчас постарайтесь уснуть.

— Что там с ней случилось? — спросила одна из женщин довольно резким тоном. — Не справилась, что ли?

Маленькая женщина, вытиравшая мое лицо (очевидно, она была старшей среди обслуживающего персонала), круто повернулась к ней и проговорила:

— К чему этот злой тон, мамаша Хейзел? Разве вы не знаете, что мамаша Оркис родила четырех здоровеньких девочек? Не правда ли, дорогая? — добавила она, об-

рашаясь ко мне. — Просто немного устала с дороги, вот и все.

Женщина по имени Хейзел хмыкнула, но больше не проронила ни слова.

Между тем суета вокруг меня продолжалась. Мне подали чашку с какой-то жидкостью, похожей на простую воду, но, когда я, пролив немного, выпила ее, мне стало значительно лучше. Поправив еще раз одеяло и взбив подушки, «свита» наконец удалилась, оставив меня с глазу на глаз с остальными громадными женщинами, которые продолжали задумчиво созерцать меня.

Затянувшееся было молчание прервала молодая женщина, которая первой приветствовала меня, когда я вошла в палату.

— А где ты провела свой отпуск, Оркис? — спросила она.

— Отпуск? — переспросила я, ничего не понимая.

Все женщины посмотрели на меня с нескрываемым удивлением.

— Понятия не имею, что вы имеете в виду, — сказала я. Молчание продолжалось.

— Это, должно быть, был очень короткий отпуск, — наконец заметила одна. — Вот я, например, никогда не забуду свой последний отпуск: меня послали к морю и дали мне маленький автомобильчик, чтобы я могла ездить, куда хочу. Все к нам прекрасно относились — нас было всего шесть мамаш, включая меня. Ты на каком курорте была — у моря или в горах?

Они были очень любопытны, и рано или поздно мне все равно пришлось бы им что-то сказать. Поэтому я выбрала простейший выход из положения:

— Я абсолютно ничего не помню, должно быть, у меня произошла потеря памяти.

Нельзя сказать, чтобы этот ответ был принят доброжелательно.

— Понятно... — удовлетворенно протянула та, которую звали Хейзел. — Я чувствовала, что здесь что-то не так. И, наверно, ты даже не припоминаешь, были ли твои младенцы зачислены в группу А?

— Не глупи, Хейзел, — возразила другая, — если бы ее дети не попали в группу А, Оркис бы направили в Уайтвич, а не обратно сюда... Когда же это случилось с тобой? — спросила она участливо.

— Я-я... не знаю... Не могу вспомнить ничего, что со мной было до того, как я пришла в себя в больнице сегодня утром, — сказала я.

— В больнице?! — воскликнула Хейзел.

— Очевидно, она имеет в виду наш Центр. Но хоть нас-то ты помнишь, Оркис?

— Нет, — ответила я, покачав головой. — Мне очень жаль, но все, что было со мной до того, как я проснулась в боль... то есть в Центре, так и не восстановилось в моей памяти.

— Это очень странно, — сказал чей-то недоброжелательный голос. — Но они-то, по крайней мере, знают об этом?

Одна молодая женщина стала на мою сторону.

— Наверняка должны знать! Но, собственно, это не имеет никакого отношения к тому, что ее девочки родились вполне полноценными и достойными группы А. Послушай, Оркис...

— Да дайте же ей немного отдохнуть! — вмешалась другая женщина. — Я сама всегда себя неважно чувствую после возвращения из Центра. Не слушай ты их, Оркис, а постарайся лучше уснуть; когда проснешься, все будет по-другому.

Я с благодарностью последовала ее совету. Все было слишком сложно и запутанно, чтобы быстро разобраться, да к тому же я действительно очень устала. Поблагодарив женщину за участие, я с облегчением откинулась на подушки и закрыла глаза. И, если считать, что во время галлюцинаций можно спать, то я на самом деле уснула.

В момент пробуждения у меня мелькнула надежда, что мой «мираж» рассеялся, но, к сожалению, это было не так. Проснувшись окончательно, я увидела над собой лицо старшей санитарки, которая спросила:

— Ну, дорогая мамаша Оркис, как вы себя чувствуете после сна? Наверняка намного лучше! Пора бы и съесть чего-нибудь!

В это время к моей постели подошли две маленькие санитарки с большим подносом в руках. Они поставили его поперек кушетки мне на колени так, чтобы я могла удобно все доставать. Боже! Никогда раньше я не видела, чтобы одному человеку предлагали такое обилие пищи в один прием! Сначала меня буквально затоснило при виде всего этого, но потом какой-то непонятный физиологический ме-

ханизм внутри моего огромного тела заставил меня почувствовать голод, и у меня даже слюнки потекли. Мой мозг, пребывая в состоянии самоустранения от всего, не переставал удивляться тому, с какой жадностью я проглотила сначала две или три рыбины, затем целого цыпленка, несколько кусков мяса, тарелку овощей и десерт из фруктов, обильно политых взбитыми сливками. Все это я запила литром свежего молока. Поглядывая по сторонам во время еды, я заметила, что и остальные мамы не страдали отсутствием аппетита.

Зато я обратила внимание на то, что они время от времени продолжали с любопытством поглядывать на меня. Я раздумывала над тем, как избежать дальнейшего «допроса», когда мне пришла в голову мысль, что, будь у меня какая-нибудь книжка или журнал, я могла бы углубиться в чтение и хоть как-то, более или менее вежливо, отгородиться от них. Поэтому, когда санитарки вернулись за подносами, я попросила одну из них дать мне что-нибудь почитать.

Эффект от просьбы был потрясающий: санитарки, убравшие мой поднос, едва не уронили его, а та, что стояла рядом со мной, открыла от изумления рот и не закрывала его до тех пор, пока немного не собралась с мыслями. Она посмотрела на меня сначала подозрительно, а потом озабоченно.

— Вам опять немного не по себе?

— Наоборот, я чувствую себя вполне здоровой, — ответила я.

— На вашем месте я бы попробовала еще немного поспать, — заботливо посоветовала она.

— Но мне совсем не хочется спать. Я бы предпочла просто полежать и почитать что-нибудь.

— Боюсь, вы все-таки еще полностью не оправились после трудных родов, мамаша. Ничего, это скоро пройдет, — сказала санитарка, успокаивающе погладив меня по плечу.

Я чувствовала, что во мне растет раздражение.

— Но что плохого в том, что мне хочется почитать? — решительно спросила я.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь... И кто это где-нибудь слышал, чтобы мамаша умела читать?

С этими словами она поправила на мне одеяло и вышла, оставив меня на растерзание моим пяти соседкам по палате.

Хейзел хмыкнула, а остальные несколько минут хранили молчание.

В это время я уже достигла стадии, когда начала сомневаться, действительно ли все происходящее со мной и вокруг меня галлюцинация. Чувство отстраненности исчезло; во всем ощущалась какая-то закономерность — например, следствие всегда вытекало из причины, и мне думалось, что если копнуть глубже, то все абсурдное найдет себе логическое обоснование. Нельзя сказать, чтобы эти мысли способствовали восстановлению душевного равновесия. Даже тот факт, что я поела и чувствовала себя после еды намного лучше, подтверждал тревожащее меня ощущение реальности...

— Читать! — внезапно воскликнула Хейзел со злорадством в голосе. — Может, ты еще скажешь, что умеешь и писать?!

— А почему бы и нет? — возразила я.

Они все внимательно следили за мной, время от времени обмениваясь многозначительными взглядами.

— Да что же в этом плохого? — спросила я раздраженно. — Разве здесь предполагается, что женщине не положено уметь читать и писать?

— Оркис, дорогая, — сказала та, что была более других расположена ко мне, — может быть, тебе следует посоветоваться с врачом?

— Нет, — отрезала я, — я совершенно здорова. Просто я пытаюсь понять, что тут происходит. Я прошу дать мне что-нибудь почитать, а вы все смотрите на меня как на сумасшедшую. В чем дело?

После неловкой паузы та же женщина проговорила, словно копируя медсестру:

— Послушай, Оркис, постарайся взять себя в руки. Ну на что мамаше умение читать и писать? Разве от этого у нее станут рождаться более здоровые дети?

— В мире существуют и другие интересы, кроме производства потомства, — заявила я.

Если раньше мои слова вызывали у женщин лишь удивление, то теперь они были просто потрясены. Даже Хейзел не нашлась что сказать. Их идиотское изумление вывело меня из себя, и на какое-то время я перестала смотреть на все как бы со стороны.

— Да черт возьми! — воскликнула я. — Что за чушь? «Мамаша Оркис, мамаша Оркис» — что это значит, наконец? Где я нахожусь? В сумасшедшем доме, что ли?

Я со злостью взидала на гигантских женщин, ненавидя их всех и подозревая, что они находятся в каком-то издевательском сговоре против меня. Не знаю почему, но в глубине души я твердо считала, что, кем бы я ни была на самом деле, в любом случае я не была матерью. Я высказала это своим соседкам по палате и, сама не знаю почему, вдруг разрыдалась.

Вытирая слезы рукавом, я заметила, что четверо из них смотрят на меня с нескрываемым сочувствием. Кроме Хейзел.

— Я же говорила, что она какая-то странная! — сказала она, торжествуя глядя на остальных. — У нее не все дома, вот и все.

Та женщина, которая относилась ко мне с большим участием, чем остальные, снова попыталась меня вразумить.

— Но Оркис, дорогая, конечно же, ты мамаша! Ты мамаша класса А, и у тебя было четверо родов, включая последние. Ты родила двенадцать превосходных младенцев — ну как же ты могла об этом забыть!

Я снова начала плакать. У меня появилось ощущение, будто что-то пытается пробиться сквозь пробел в моей памяти, но я не могла определить, что именно, и от этого почувствовала себя ужасно несчастной.

— О, как это все жестоко! — причитала я сквозь слезы. — Почему это не пройдет и не оставит меня в покое? Должно быть, это какая-то злая шутка, но я не понимаю ее. Что же случилось со мной?

Некоторое время я лежала с закрытыми глазами, собрав всю свою волю, чтобы рассеять галлюцинацию. Тщетно! Когда я открыла глаза, женщины все еще лежали там, уставившись на меня широко открытыми глазами, словно красивые глупые куклы.

— Я не могу больше здесь находиться, я должна уйти, — сказала я, с огромным трудом приняв сидячее положение. Затем я попробовала спустить ноги с кушетки, но они запутались в атласном одеяле, а мои руки не дотягивались до них. Это действительно было похоже на кошмарный сон.

— Помогите! Помогите же мне! — молила я. — Дональд, дорогой, пожалуйста, помоги мне!

И внезапно слово «Дональд» как бы освободило какую-то пружинку у меня в мозгу. Завеса над моей памятью приподнялась, правда, еще не полностью, но вполне до-

статочно для того, чтобы я наконец осознала, кто я на самом деле.

Я взглянула на остальных — они все еще обескураженно глазели на меня. Я больше не пыталась подняться, а откинулась на подушку и сказала:

— Хватит меня дурачить — теперь я знаю, кто я.

— Но мамаша Оркис... — начала было одна.

— Довольно, — оборвала я ее. От жалости к себе я вдруг перешла к какой-то мазохистской жестокости. — Никакая я не мамаша, — резко сказала я, — я просто женщина, у которой недолгое время был муж и которая надеялась — только надеялась, иметь от него детей.

Последовала пауза — довольно странная пауза, как будто то, что я только что сказала, не произвело на них ровно никакого впечатления.

Наконец та, что была подружелюбней, нарушила молчание и, слегка наморщив лобик, робко спросила:

— А что такое «муж»?

Я перевела взгляд с одной из них на другую, но ни на одном лице не заметила и следов понимания. Скорее там можно было обнаружить чисто детское любопытство. Я почувствовала себя на грани истерики, но тут же решительно взяла себя в руки. Ну что ж, если галлюцинация не покидает меня, я буду играть в эту игру по ее же правилам, и посмотрим, что из этого выйдет...

Очень серьезно, но в простейших выражениях я начала объяснять:

— Муж — это мужчина, с которым женщина сходится...

Однако моя просветительская деятельность не имела успеха. Прослушав несколько фраз, одна из женщин задала вопрос, который, видимо, требовал немедленного разъяснения.

— А что такое «мужчина»? — смущенно спросила она.

Пришлось объяснить и это. После моей лекции в палате воцарилось враждебное молчание.

Мне же до этого не было ровно никакого дела — мой мозг был слишком занят попыткой прорваться дальше сквозь пелену забвения, но за пределы определенной преграды дело не шло.

Все же я теперь точно знала, что меня зовут Джейн. Раньше я была Джейн Соммерс, но после того, как вышла замуж за Дональда, стала Джейн Уотерлей. Мне было двадцать четыре года, когда мы поженились, и двадцать пять, когда Дональд погиб. На этом мои воспоминания

заканчивались. Однако я хорошо помнила все, что было до того. Я помнила моих родителей, друзей, школу, обучение в медицинском институте и работу во Врейчестерской больнице. Я хорошо помнила, как увидела Дональда в первый раз, когда его однажды вечером привезли в больницу с поломанной ногой...

Я даже могла теперь восстановить в памяти, какое лицо должна была бы увидеть в зеркале, — совсем не похожее на то, что я видела в трюмо, висевшем в коридоре, а более вытянутое, слегка загорелое, с маленьким аккуратным ртом, обрамленное естественно вьющимися каштановыми волосами; глаза должны были быть широко расставлены и несколько серьезные. Вспомнила я и свое тело — стройное, с длинными ногами и маленькими упругими грудями. Хорошее тело, на которое я раньше не очень-то обращала внимание, пока Дональд не научил меня гордиться им...

Я посмотрела на отвратительную гору плоти, прикрытую атласным одеялом, которая теперь была моим телом, и содрогнулась. Мне хотелось, чтобы Дональд утешил меня, заверил, что все это лишь сон, который обязательно кончится. В то же время я была в ужасе от мысли, что он может увидеть меня такой толстой и неуклюжей. Но тут я вспомнила, что он уже никогда, никогда больше не увидит меня, и слезы вновь покатились по моим щекам. Остальные обитательницы палаты продолжали смотреть на меня с недоумением.

Прошло полчаса. Вдруг дверь отворилась, и целый взвод маленьких женщин, одетых во все белое, вошел в палату. Они быстро разделились на пары, ставшие по обе стороны каждой кушетки. Закатав рукава и сняв с нас одеяла, они принялись за массаж.

Сначала мне это понравилось и даже действовало несколько успокаивающе. Потом стало нравиться все меньше и меньше, а затем я нашла то, что они делали, неприличным и даже оскорбительным для себя.

— Хватит! — сказала я резко той, что стояла справа от меня.

Она остановилась на минутку, приветливо, но слегка нерешительно улыбнулась мне, а затем продолжила свое дело.

— Я же сказала, хватит! — воскликнула я и слегка оттолкнула ее.

Женщина посмотрела на меня обиженно, хотя на губах у нее сохранялась все та же профессиональная улыбка. Не

зная, что делать дальше, она переглянулась со своей партнершей по другую сторону постели.

— И вы тоже не трогайте меня больше, — сказала я.

Однако та и не думала останавливаться. Тогда я протянула руку и оттолкнула ее. Но, очевидно, я не рассчитала силу своей могучей руки, и бедняжка отлетела на другой конец комнаты, споткнулась и упала. Все застыли, глядя то на нее, то на меня. Испуганная, первая все же двинулась ко мне, в то время как вторая, плача, поднималась с пола.

— Лучше держитесь от меня подальше, маленькие бесити, — проговорила я угрожающе.

Это остановило их. Они отошли в сторону и в расстроенных чувствах переглянулись друг с другом. Тут в палату вошла старшая санитарка.

— В чем дело, мамаша Оркис? — спросила она.

Я рассказала ей обо всем. Она удивленно посмотрела на меня:

— Но это же обычная лечебная процедура!

— Только не для меня. Мне это очень не нравится, и я больше этого не допущу.

Старшая смущенно стояла, не зная, что делать дальше. В это время с другого конца комнаты раздался голос Хейзел:

— Оркис свихнулась — она нам тут рассказывала такие отвратительные вещи! Она настоящий псих!

Старшая посмотрела на нее, затем перевела взгляд на ее соседку. Та утвердительно кивнула головой.

— Ступайте и доложите обо всем, что здесь произошло, — приказала старшая санитарка двум ревушим массажисткам.

Они удалились в слезах. Старшая, еще раз внимательно посмотрев на меня, последовала за ними.

Спустя несколько минут остальные массажистки собрали свои принадлежности и тоже покинули палату.

— Это было просто гадко, Оркис, — сказала Хейзел. — Ведь бедняжки только делали то, что входило в их обязанности.

— Если у них такие обязанности, то мне они не нравятся, — возразила я.

— Ну и чем это все кончится, как ты думаешь? Их высекут, и только. Но, наверно, тут опять виновата твоя плохая память, а то ты бы помнила, что прислуга, чем-то огорчившая мамашу, всегда подвергается наказанию, так ли? — спросила она ядовито.

— Высекут?! — повторила я в полном недоумении.

— Да, высекут, — передразнила меня Хейзел. — Тебе, конечно, нет до этого никакого дела. Не знаю, что там с тобой случилось в Центре, но результат получился отвратительный. По правде сказать, ты мне никогда не нравилась, хотя другие считали, что я не права. Теперь-то все убедились, какая ты на самом деле.

Остальные великанши молчали, и было ясно, что они вполне разделяют ее мнение. Антагонизм нарастал, но, к счастью, в этот момент дверь открылась и в сопровождении всех маленьких санитарок и массажисток в палату вошла красивая женщина лет тридцати. Я с облегчением заметила, что она нормального человеческого роста. У нее были темные волосы, а из-под белого халата высывался край черной плиссированной юбки. Старшая санитарка, едва поспевая за ней, рассказывала на ходу что-то про мои «фантазии» и закончила словами: «Она только сегодня вернулась из Центра, доктор».

Врач подошла к моей кушетке, сунула мне в рот градусник и взяла мою руку, чтобы сосчитать пульс. Оба показателя, очевидно, удовлетворили ее. Тогда она спросила:

— Нет ли у вас головной боли или каких-либо других болей и неприятных ощущений?

Я ответила, что нет. Она внимательно смотрела на меня, а я — на нее.

— Что... — начала было она.

— Да она же сумасшедшая, — вмешалась Хейзел, — она утверждает, что лишилась памяти и не узнает нас.

— И к тому же рассказывала жуткие, отвратительные вещи, — добавила другая женщина.

— У нее совершенно дикие фантазии. Она считает, что умеет читать и писать! — снова вмешалась Хейзел.

— Это правда? — спросила доктор с улыбкой.

— А почему бы и нет? Ведь это очень легко проверить, — живо ответила я.

Врачиха была несколько ошарашена, затем быстро справилась с собой и снова снисходительно заулыбалась.

— Хорошо, — сказала она, как бы потакая моей прихоти. Она вынула из кармана халата блокнотик и карандаш и подала их мне. Хотя мне было не очень удобно держать карандаш своими толстыми пальцами, я все же сумела написать: «Я совершенно уверена в том, что все это галлюцинация и вы сами являетесь ее частью».

Когда врач прочитала написанное, не могу сказать, что у нее отвалилась челюсть, но улыбку как бы стерло с лица. Она посмотрела на меня в упор. Все обитательницы палаты застыли и глядели на меня, как будто я совершила чудо.

Врач повернулась лицом к Хейзел и спросила:

— Так что же она вам все-таки наговорила?

— Жуткие вещи, — немного помолчав, выпалила Хейзел. — Она рассказала нам о существовании и поведении двух полов — как будто мы не люди, а скоты. Просто отвратительно!

Доктор поразмыслила некоторое время, а затем приказала старшей санитарке.

— Переведите, пожалуйста, мамашу Оркис в изолятор — я осматриваю ее там.

Санитарки бросились исполнять приказание. Они придвинули к моей кушетке низкую каталку, помогли мне перебраться на нее и покатали меня прочь.

— Ну, — сказала врачиха строго, когда мы наконец остались одни, — теперь скажите, кто это наговорил вам столько чепухи о существовании двух полов у человека?

Она сидела на стуле рядом с моей кушеткой, словно инквизитор, допрашивающий еретика, и держала на коленях открытый блокнот.

У меня не было никакого желания быть с ней особенно тактичной, поэтому я ей прямо сказала, чтобы она перестала валять дурака. Она была потрясена моими словами, на минуту покраснела от злости, затем все же взяла себя в руки и продолжала допрос:

— После того как вы покинули клинику, у вас, конечно же, был отпуск. Куда вас послали?

— Не знаю. Могу лишь повторить то, что говорила другим, — вся эта галлюцинация, или фантазия, называйте, как хотите, началась в больнице, которую здесь именуют Центром.

Мобилизовав все свое терпение, врач продолжала:

— Послушайте, Оркис, вы же были совершенно в норме, когда уехали отсюда шесть недель назад. Вы поступили в клинику и родили там своих детей тоже без осложнений. Но где-то в промежутке между временем поступления и настоящим моментом кто-то сумел набить вам голову этой чепухой, да к тому же научить вас читать и писать. Теперь вы мне скажите, кто это был. И предупреждаю вас, что со мной вы не отделаетесь сказками о потере памяти. Если вы помните все те гнусности, о которых вы рассказывали

другим, значит, вы должны помнить и источник, откуда их почерпнули.

— О Господи, давайте же говорить как цивилизованные люди! — воскликнула я.

Врачиха снова покраснела.

— Я могу узнать в Центре, куда вас послали отдыхать, и могу выяснить в доме отдыха, с кем вы там общались. Но у меня нет желания тратить на это время. Лучше расскажите все сами и сейчас — а то у нас есть средства заставить вас говорить, — заключила она многозначительно.

Я отрицательно покачала головой.

— Вы идете по ложному пути, — сказала я. — Что же касается меня, то вся эта галлюцинация, включая мое сходство с этой Оркис, началась в Центре. Как это случилось, я не понимаю и не могу объяснить, так же как и сказать, что произошло с ней самой.

Врачиха нахмурилась, озадаченная.

— В чем же выражается ваша галлюцинация? — спросила она наконец, немного смягчаясь.

— Ну, вся эта фантастическая обстановка, включая вас, а потом — это мое громадное, отвратительное тело, эти женщины-лилипутки, в общем, все, все вокруг. Очевидно, это какое-то искаженное отражение действительности в моем подсознании, а состояние моей подкормки не может не тревожить меня.

Врачиха продолжала пристально смотреть на меня, но уже несколько озабоченным взглядом.

— Кто же мог вам рассказать о подсознании? — спросила она удивленно.

— Я не вижу причины, почему даже во время галлюцинаций на меня надо смотреть как на неграмотную идиотку, — ответила я.

— Но ведь мамыши ничего не знают о подобных вещах — им это просто ни к чему.

— Послушайте, я уже говорила вам, как и тем уродинам в палате, что я не мамаша. Я просто несчастный б.м., у которого какой-то кошмарный сон.

— Б.м.? — переспросила она.

— Ну да, б.м. — бакалавр медицины и практикующий врач, — объяснила я.

Она продолжала с любопытством разглядывать меня и мое огромное, бесформенное тело.

— Так вы утверждаете, что вы медик?

— Да, — согласилась я.

С возмущенным и озадаченным видом она возразила:

— Но это же абсолютная чепуха! Вас вырастили и воспитали, чтобы вы были матерью — и вы действительно мамаша, стоит только взглянуть на вас!

— Да, — сказала я с горечью в голосе, — достаточно взглянуть на меня... Но я думаю, что мы ничего не добьемся, если будем и дальше обвинять друг друга в том, что городим чепуху. Лучше расскажите мне, что это за место, где я нахожусь, и кто, по-вашему, я такая на самом деле. Быть может, это заставит что-то шевельнуться в моей памяти.

— Нет, — парировала она, — сначала вы расскажите мне все, что помните. Это облегчит мне понимание того, что так удивляет вас.

— Хорошо, — сказала я и начала подробное повествование о своей жизни, насколько я помнила ее до того момента, когда узнала о том, что самолет Дональда разбился и сам он погиб.

Конечно, я очень легко и глупо попала в ее ловушку, так как она и не думала что-либо мне объяснять. Выслушав мой рассказ, врачиха просто ушла, оставив меня бессильно кипящей от злости... Я подождала, пока все вокруг успокоилось: музыку выключили, какая-то санитарка заглянула ко мне в изолятор просто для того, чтобы проверить, что все в порядке и я ни в чем не нуждаюсь, затем все стихло.

Я подождала еще полчаса, а потом с превеликим трудом попыталась встать с постели. Самое большое усилие потребовалось, когда я захотела переменить сидячее положение на стоячее. Это мне, в конечном счете, удалось, хоть я потом и пытела, как паровоз. Ставши на ноги, я медленно подошла к двери и обнаружила, что она не заперта. Слегка приоткрыв ее, я прислушалась к звукам в коридоре — все тихо. Тогда я открыла дверь полностью, вышла в коридор и отправилась обследовать здание.

Двери по обе стороны коридора были плотно закрыты, но, приложив к одной из них ухо, я услышала глубокое ровное дыхание. Я повернула по коридору несколько раз, пока наконец не увидела перед собой входную дверь. Попробовав задвижку, я нашла, что она тоже не задвинута. Тогда я потянула за ручку двери, та открылась, и я вышла на крыльцо.

Передо мной расстился сад, залитый лунным светом. Сквозь деревья справа от себя я увидела блестящую поверхность воды, очевидно, озера, а налево — еще дом. Ни одно окошко в нем не светилось.

Я стояла, размышляя, что же мне делать дальше. Заключение в свою огромную тушу, как в клетку, я чувствовала себя совсем беспомощной, но все же решила спуститься в сад и воспользоваться представившимся мне случаем узнать хоть немного больше о месте своего пребывания. Я подошла к краю, где начинались ступеньки, по которым я утром поднялась, когда меня привезли, и стала осторожно спускаться, держась за перила.

— Мамаша, — раздался вдруг резкий голос позади меня, — что это вы тут делаете?

Я обернулась и при свете луны увидела одну из маленьких санитарок в белом комбинезоне. Я ничего не ответила и спустилась еще на одну ступеньку. Мне хотелось рыдать от собственной неуклюжести и невозможности ускорить свое продвижение.

— Вернитесь, вернитесь немедленно! — приказала санитарка, но я не обращала на нее ровно никакого внимания. Тогда она поспешила за мной и ухватила за одно из покрывал, окутывавших мое тело.

— Мамаша! — повторила она. — Вы должны вернуться, иначе простудитесь!

Я попыталась сделать еще шаг, но она тянула меня за одежду назад, чтобы хоть как-то удержать. Однако мой вес оказался слишком велик для нее, раздался треск рвущейся материи, я потеряла равновесие и покатила вниз по ступенькам...

Когда я открыла глаза, чей-то голос произнес:

— Вот так-то лучше. Это было очень нехорошо с вашей стороны, мамаша Оркис. Вы еще легко отделались. Мне просто стыдно за вас!

Голова болела от ушибов, и меня выводило из себя, что вся эта чепуха вокруг упорно продолжается. В общем, я не чувствовала никакого раскаяния за свой поступок и послала санитарку к черту. Она сделалась строго официальной, молча налепила мне на лоб кусок марли и пластырь и гордо удалилась.

Одумавшись, я должна была признать, что она совершенно права. Огромная волна отвращения к себе и чувство беспомощности снова довели меня до слез; я тосковала по

своему гибкому, стройному телу, я вспоминала, как однажды Дональд сравнил меня с деревцем, колышущимся на ветру, и назвал его моей сестрой; а только пару дней назад...

И тут внезапно я сделала открытие, которое заставило меня резко сесть на постели. Пробел в моей памяти восстановился полностью, и я теперь помнила все! У меня даже голова закружилась от этого, и пришлось снова опуститься на подушку. Передохнув, я припомнила все детали, вплоть до того момента, когда иглу от шприца вытянули из моей руки, и кто-то смазал ранку йодом...

Что же случилось потом? Я ожидала всяческих сновидений и галлюцинаций, но не такого острого, яркого чувства реальности! «Что, во имя всего святого, они сотворили со мной?!» — подумала я.

Потом, должно быть, я снова заснула, потому что, когда я открыла глаза, уже было светло и свита из маленьких санитарок прибыла, чтобы заняться моим утренним туалетом. Они расстелили на постели большие полотнища и, ловко переворачивая меня с боку на бок, всю обмыли. После этого я почувствовала себя намного лучше, да и головная боль утихла.

Когда омовение уже подходило к концу, в дверь решительно постучали и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошли две красивые женщины типа «амазонок», одетые в черную форму с серебряными пуговицами. Маленькие санитарки уронили все, что у них было в руках, и с криками ужаса сбились в кучу в дальнем углу комнаты.

Вошедшие женщины приветствовали меня обычным жестом правой руки и тоном, одновременно авторитетным и почтительным, спросили:

— Вы Оркис? Мамаша Оркис?

— Да, так меня здесь называют, — ответила я.

Одна из женщин помедлила, а потом, скорее прося, чем приказывая, сказала:

— У нас имеется ордер на ваш арест, мамаша. Пройдемте с нами, пожалуйста.

В углу, среди маленьких санитарок, послышались возбужденные и удивленные восклицания. Женщина в форме заткнула им рты одним только взглядом.

— Оденьте мамашу и приготовьте ее к поездке, — скомандовала она им.

Санитарки нерешительно выбрались из своего угла и направились ко мне.

— Живее, живее! — подгоняла их женщина.

Я уже была почти закутана в свои розовые покрывала, когда в комнату вошла врач. Увидев двоих в черной форме, она нахмурилась.

— Что это значит? — спросила она. — Что вы тут делаете? — голос ее был строг.

Старшая из двоих объяснила.

— Ордер на арест?! — переспросила врачиха. — Да как вы смеете арестовывать мамашу! Никогда не слыхала подобной чепухи! В чем же ее обвиняют?

— В реакционности, — ответила младшая из двух несколько смущенно.

Врач гневно уставилась на нее:

— Мамаша-реакционер?! Что вы еще выдумаете?

— Но у нас есть приказ, доктор, — сказала одна из женщин.

— Ерунда. У вас нет никакой власти. Вы когда-нибудь слыхали, чтобы мамашу подвергли аресту?

— Нет, доктор.

— Ну так не создавайте прецедента. Лучше уходите!

Женщина в черной форме недовольно вздохнула. Затем, видимо, ей пришла в голову мысль.

— А что, если вы нам дадите подписанный вами отказ ее выдать? — предложила она с надеждой в голосе.

Когда обе женщины-полицейские ушли, вполне удовлетворенные полученным ими листком бумаги, врач мрачно посмотрела на маленьких санитарок.

— Вы, прислуга, конечно же, не можете удержаться от болтовни. Стоит вам что-нибудь услышать, как это тут же распространяется повсюду со скоростью ветра. Но если я только услышу где-нибудь о том, что здесь произошло, я буду знать, от кого это исходит.

Затем она обернулась ко мне:

— А вы, мамаша Оркис, пожалуйста, в дальнейшем ограничивайтесь только словами «да» и «нет» в присутствии этих глупых болтушек! Я скоро вас снова навещу — следует задать вам еще несколько вопросов, — добавила она и удалилась.

Как только санитарки убрали поднос, на котором они приносили мой гаргантюанский завтрак, врач возвратилась,

и не одна, а в сопровождении четырех женщин-медиков такого же нормального вида, как и она.

Санитарки притащили дополнительные стулья, и все пятеро, одетые в белые халаты, уселись около моей кушетки. Одной было примерно столько же лет, как и мне, две другие выглядели лет на пятьдесят, а пятой было, наверно, шестьдесят, если не больше. Все они уставились на меня как на редкий музейный экспонат.

— Ну, мамаша Оркис, — сказала моя врач тоном, каким открывают судебные заседания, — нам совершенно ясно, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Естественно, мы хотим знать, что же случилось. Вам нет нужды беспокоиться о визите полиции сегодня утром — их появление здесь было просто неприличным. Нам надо только выяснить, что все это значит, с сугубо научной точки зрения.

— Этот вопрос интересует меня не менее вас, — ответила я, выразительно посмотрев на них, на комнату, в которой находилась, и на свое массивное тело.

Я понимаю, — начала я, — что все это не что иное, как галлюцинация, но меня очень беспокоит тот факт, что в любой галлюцинации всегда должно чего-то не хватать, что хотя бы один из органов чувств чего-то не должен воспринимать. Однако в данном случае этого не наблюдается. Я полностью владею всеми органами чувств, в то время как мои ощущения заключены в очень крепкое, я бы даже сказала, плотное тело. Единственное, чего не хватает, на мой взгляд, так это какой-то причины, какого-то обоснования, пусть даже символического, всему этому.

Четыре вновь пришедшие докторицы взирали на меня с открытыми от изумления ртами. Моя врачиха бросила им взгляд, который говорил: ну, теперь-то вы убедились, что все сказанное мною правда? Затем снова обернулась ко мне.

— Начнем с нескольких вопросов, — сказала она.

— Прежде чем вы начнете, — прервала я, — мне бы хотелось кое-что добавить к тому, что говорила вчера. Я вспомнила еще некоторые вещи.

— Возможно, это результат ушиба головы, который вы получили, когда упали с лестницы, — предположила врач, взглянув на пластырь на моем лбу. — Впрочем, продолжайте, пожалуйста... Вы говорили, что были замужем, и

что ваш э-э... муж погиб вскоре после этого. Что было дальше, вы уже не могли припомнить.

— Да, — сказала я, — мой муж был летчиком-испытателем и погиб как раз за день до истечения контракта с фирмой. После этого меня взяла к себе тетка, я прожила у нее несколько недель, но плохо помню этот период времени, так как почти ни на что не обращала внимания...

Затем однажды утром я проснулась и взглянула на все другими глазами. Я поняла, что дальше так жить невозможно и надо начинать работать, чтобы мой мозг был чем-то занят. Доктор Хельер, главный врач Врейчестерского госпиталя, где я работала до замужества, сказал мне, что охотно возьмет меня обратно на работу. Таким образом, я вернулась туда и очень много работала, чтобы иметь поменьше свободного времени на грустные размышления. Это было месяцев восемь назад.

Однажды доктор Хельер рассказал нам о новом препарате, который синтезировал один его приятель. Он вроде и не просил, чтобы кто-либо из нас добровольно испытал его на себе, но я предложила себя в качестве подопытного кролика. Все равно рано или поздно кто-то должен был бы сделать это, так почему не я? Мне нечего было терять, а тут как раз представился случай сделать что-то полезное для человечества.

Председательствующая врачей прервала меня и спросила:

— А как назывался этот препарат?

— Чуинжуатин, — сказала я, — вы что-нибудь слышали о нем?

Она отрицательно покачала головой.

— Я где-то видела это название, — сказала пожилая докторица. — Что он собой представляет?

— Это наркотик, обладающий весьма ценными свойствами. Название происходит от дерева, которое растет, главным образом, на юге Венесуэлы. Индейское племя, живущее там, каким-то образом наткнулось на специфическое действие сока из листьев этого дерева и стало употреблять их во время своих ритуальных оргий. Во время их некоторые члены племени жуют листья чуинжуатина, пока постепенно не впадают в какой-то зомбиподобный транс. Он длится три-четыре дня, в течение которых они совершенно беспомощны и абсолютно неспособны делать что-либо для себя, так что соплеменники должны уха-

живать за ними и охранять их, как если бы они были малыми детьми.

Охране придается особое значение, ибо согласно индейскому поверью чуинжуатин освобождает дух человека от его телесной оболочки, чтобы он мог свободно блуждать во времени и пространстве, а в задачу охраняющего входит следить, чтобы какой-нибудь другой блуждающий дух не проник в оставленное тело, пока его подлинный хозяин отсутствует. Когда люди, жевавшие листья чуинжуатина, наконец приходят в себя, они рассказывают об удивительных мистических явлениях, которые им пришлось пережить. Никакого отрицательного физического действия на организм при этом не наблюдается, равно как и привыкания к наркотику. Но, как утверждают очевидцы, сами мистические переживания очень насыщены и хорошо запоминаются.

Доктор Хельер испытал синтезированный чуинжуатин на лабораторных животных и высчитал дозы, предел переносимости и другие показатели, но, конечно, ничего не мог сказать относительно достоверности переживаний, о которых ему рассказывали. Вызывал ли наркотик ощущение наслаждения, экстаза, страха, ужаса или оказывал какое-либо другое воздействие на нервную систему, можно было узнать только после апробации на человеческом организме. Вот я и вызвалась быть этим организмом.

Я закончила свой рассказ и посмотрела на серьезные, озадаченные лица врачей, а также на гору розовых покрывал и драпировок, которые покрывали мое могучее тело.

— По правде говоря, — заключила я, — в результате мы имеем сочетание непостижимого абсурда с гротеском.

Врачи были серьезными, добросовестными медиками, которые не желали, чтобы их уводили в сторону от основной задачи — опровергнуть, если им удастся, мои «фантазии».

— Хорошо, — сказала председательствующая тоном, показывающим, что она вполне разумно относится к делу, — а не назовете ли вы нам время и число, когда проводился данный эксперимент?

Я все помнила и ответила ей без промедления. Затем последовали другие вопросы, на которые я послушно отвечала, но, как только я пыталась что-нибудь спросить, от моего вопроса либо отмахивались, либо отвечали весьма поверхностно, как на что-то второстепенное, не имеющее

непосредственного отношения к делу. Так продолжалось, пока мне не принесли обед. Тогда врачи собрали свои записи и удалились, оставив меня наконец в покое, но без всякой информации, в которой я так нуждалась.

После обеда я немного задремала. Вскоре меня разбудила орава маленьких санитарок, которые притащили с собой каталку, быстро и ловко переложили меня на нее и покатали к выходу. У крыльца меня погрузили, и в сопровождении трех болтающих без умолку санитарок я снова отправилась в путь. Ехали мы часа полтора по уже знакомой мне местности, и я не переставала удивляться устойчивому характеру моей галлюцинации, так как детали окружающего нас пейзажа ничуть не изменились.

Однако к концу пути мы не заехали в Центр, откуда меня увезли накануне, а пересекли по полуразвалившемуся мосту небольшую речушку и через декоративные ворота въехали в большой парк.

Как и в усадьбе, где находился Дом для мамаш, здесь тоже все было ухожено — лужайки аккуратно пострижены, а клумбы полны весенних цветов. Но здания тут были совсем иные, не стандартные, а каждое в своем оригинальном архитектурном стиле. Все это произвело большое впечатление на моих маленьких спутниц — они перестали болтать и взирали на окружающее с благоговейным страхом.

Один раз водитель остановила машину, чтобы спросить дорогу у проходящей «амазонки», одетой в комбинезон, которая тащила на плече ящик с каким-то строительным материалом. Та указала, куда надо ехать, и ободряюще улыбнулась мне через окошко кареты.

Наконец мы подъехали к подъезду небольшого двухэтажного дома в стиле Регентства*. Здесь не было каталки, и мои санитарки с трудом помогли мне подняться по ступенькам и войти в дом. Там меня провели через холл, а затем я оказалась в прекрасно обставленной комнате с мебелью, относящейся к тому же периоду, что и архитектура дома.

Седая женщина в лиловом шелковом платье сидела в кресле-качалке у горящего камина. Ее лицо и руки выдавали преклонный возраст, но глаза были живыми и зоркими.

* Регентство — в Великобритании период с 1810 по 1820 год.

— Добро пожаловать, дорогая, — сказала она без всякого смущения в голосе. Она указала мне взглядом на кресло, однако, взглянув на меня еще раз, передумала и предложила сесть на софу.

Я посмотрела на этот хрупкий образец старинной мебели и усомнилась, выдержит ли он мой огромный вес.

— Думаю, что выдержит, — сказала хозяйка не очень уверенно.

Моя «свита» сумела аккуратно уложить меня на софу и, убедившись, что та не трещит подо мной, наконец удалась. Старая дама позвонила в серебряный колокольчик, и крохотная горничная тотчас вбежала в комнату.

— Пожалуйста, принесите нам коричневого хересу, Милдред, — распорядилась дама. — Вы пьете херес, дорогая? — спросила она меня.

— Да-да, конечно, благодарю вас, — ответила я слабым голосом. — Мисс?.. миссис?.. Я не знаю вашего имени...

— Ах, извините, забыла представиться. Меня зовут просто Лаура, без всяких там «мисс» или «миссис». А вы, как мне сказали, Оркис, мамаша Оркис.

— Да, так меня здесь называют, — ответила я без особого энтузиазма.

Некоторое время мы молча изучали друг друга. В первый раз во время своей галлюцинации я заметила подлинное сочувствие, даже жалость в чьих-то глазах. Я еще раз оглядела комнату, восхищаясь изысканностью обстановки.

— Я... случайно не свихнулась? — спросила я неуверенно.

Лаура отрицательно покачала головой. В этот момент крохотная горничная возвратилась, неся в руках поднос с хрустальным графинчиком и бокалами. Когда она наполнила бокалы, я заметила, что старая дома бросает любопытные взгляды то на нее, то на меня. У нее было какое-то странное выражение лица, как будто она чего-то ожидала от меня. Я сделала над собой усилие и спросила:

— А вам не кажется, что это вино скорее напоминает мадеру?

Сначала она удивилась, затем заулыбалась и одобритительно кивнула.

— Мне думается, один этот ваш вопрос выполнил назначение настоящего визита, — сказала она.

Горничная вышла, и мы поднесли бокалы к губам. Лаура отхлебнула немного вина и поставила свой бокал на столик рядом с креслом.

— Тем не менее мы все-таки побеседуем поподробнее, — добавила она. — Скажите, дорогая, а врачи объяснили вам, почему они послали вас ко мне?

— Нет, — ответила я.

— Это потому, что я историк, — сообщила Лаура. — Доступ к истории считается у нас особой привилегией, которая предоставляется теперь далеко не каждому и не очень-то охотно. К счастью, еще существует мнение, что нельзя допустить полного исчезновения кое-каких областей знаний, хотя изучение некоторых из них и ставит исследователей под политическое подозрение.

Легкая презрительная улыбка тронула ее губы, и она продолжила:

— Поэтому, когда требуется научное подтверждение чего-либо, надо обращаться к специалисту. Кстати, вас ознакомили с заключением о вашем обследовании?

Я опять отрицательно покачала головой.

— Я так и думала, — сказала Лаура. — Как характерно для медиков, не правда ли? Ну, я расскажу вам, что они мне передали по телефону из Дома для мамаш, и нам будет легче понимать друг друга.

Итак, мне сообщили, что вы имели беседу с несколькими врачами, которых вы заинтересовали, озадачили и, я подозреваю, даже сильно расстроили. Видите ли, ни одна из них не имеет даже смутного представления об истории! Ну, двое из них считают, что у вас просто шизофренический бред; остальные трое склоняются к мнению, что вы представляете собой подлинный случай перемещения личности. Это очень редко встречающееся явление. Пока что имеются только три документально подтвержденных случая и один сомнительный; из первых трех два связаны с приемом чуинжуатина, в то время как третий — с наркотиком аналогичного свойства.

Те трое врачей, которые составили большинство, нашли ваши ответы на заданные вопросы в основном вразумительными и очень обстоятельными. Это означает, что ничто из рассказанного вами не противоречит тому, что им известно. Но поскольку они очень слабо осведомлены о том, что находится за пределами их профессии, многое показалось

им невероятным и трудно доказуемым. Вот почему меня, как более сведущую, попросили высказать свое мнение.

Лаура замолчала и внимательно посмотрела на меня. Потом заметила:

— Я думаю, что, пожалуй, встреча с вами — это одно из самых интересных событий в моей довольно долгой жизни... Но ваш бокал пуст, дорогая.

— Перемещение личности, — задумчиво повторила я, протягивая хозяйке свой бокал, — неужели это на самом деле возможно?

— В отношении вероятности такого явления никаких сомнений нет. Те случаи, о которых я вам рассказала, полностью подтверждают это.

— Я допускаю такую возможность, — согласилась я, — но кошмарный характер всех моих так называемых фантазий... Вот вы, например, выглядите совершенно нормальной, но сравните меня и вашу прислугу, например, — полная несуразица! Мне кажется, что я сижу здесь и разговариваю с вами, но это не так на самом деле, и где же я тогда вообще?

— Я так много копалась в истории, — сказала Лаура, — что могу лучше, чем кто-либо другой, понять, насколько нереальным вам кажется наш мир. Вы когда родились?

Я назвала год и число. Она на минуту задумалась.

— Гм-м, это, должно быть, во времена Георга VI... но вы, конечно, не помните вторую мировую войну?

— Нет, — согласилась я.

— Может, вы помните коронацию следующего монарха? Кто это был?

— Елизавета — Елизавета Вторая. Моя мама взяла меня тогда посмотреть на торжественную процессию по этому поводу.

— Помните какие-нибудь подробности?

— Нет, ничего, кроме того, что весь день шел сильный дождь.

Мы продолжали разговор в том же духе еще некоторое время, затем Лаура улыбнулась мне ободряюще и сказала:

— Ну, я думаю, нам больше нет нужды обсуждать достоверность ваших воспоминаний. Я сама слышала об этой коронации — из вторых уст, конечно. Все, что происходило в Вестминстерском аббатстве в то время... какое же прекрасное зрелище! — она задумалась и вздохнула. — Вы были очень терпеливы со мной, дорогая, и, безусловно,

заслужили, чтобы и вам наконец рассказали кое-что. Но приготовьтесь услышать некоторые, довольно неприятные, вещи.

— Мне кажется, что после тридцати шести часов, проведенных здесь, меня уже ничто не может испугать — у меня выработался какой-то «иммунитет», что ли, — заметила я.

— Сомневаюсь, — промолвила Лаура, взглянув на меня с серьезным выражением лица.

— Ну, рассказывайте же, объясните мне, пожалуйста, все, если можете.

— Давайте-ка я налью вам еще вина, тогда вам легче будет перенести самый трудный момент в моем повествовании.

Она наполнила наши бокалы и начала:

— Что больше всего поражает вас здесь?

Немного подумав, я сказала:

— Тут так много странного...

— А может быть, тот факт, что вы до сих пор не встретили ни одного мужчины?

Я задумалась и вспомнила удивленный вопрос одной из мамаш: «А что такое мужчина?»

— Безусловно. Но куда же они все подевались?

Она печально покачала головой:

— Их просто больше нет, дорогая. Они больше не существуют — вот и все.

Я в ужасе уставилась на нее. Выражение лица Лауры оставалось совершенно серьезным и сочувствующим. На нем не было и следа притворства или обмана, в то время как я пыталась осознать это сообщение.

Наконец, немного овладев собой, я воскликнула:

— Но это же невозможно! Где-нибудь должны были сохраниться хотя бы единицы, иначе... иначе, как же вы умудряетесь, то есть... — Я запуталась и сконфузилась.

— Конечно, вам это все кажется невероятным, Джейн, — можно я буду вас так называть? — сказала она. — Но за всю свою долгую жизнь, а мне уже скоро стукнет восемьдесят, мне не привелось видеть ни одного мужчины, разве что на старых фотографиях и картинках... Пейте херес, дорогая, вам будет легче все это выслушивать. Я отчасти понимаю, что вы сейчас чувствуете. Ведь я изучала историю не только по книгам. Когда мне было лет шестнадцать-семнадцать, я часто слушала рассказы моей ба-

бушки. Ей было тогда столько же лет, сколько мне сейчас, но она еще хорошо помнила времена своей молодости. Я очень легко представляла себе места, о которых она говорила, но они были частью настолько чуждого мне мира, что мне трудно было понять ее переживания. Когда же она вспоминала юношу, с которым когда-то обручилась, по ее щекам лились слезы, из сожаления не только о нем, но и обо всем прошлом мире, в котором она жила, когда была девушкой. Мне было очень жаль бабушку, но понять ее по-настоящему я не могла. Теперь, когда я прожила столько лет и читалась всяких книг, я понимаю ее чувства немного лучше... А вы, дорогая, — спросила Лаура с некоторым любопытством в голосе, — были ли вы обручены с кем-нибудь, или, может, даже выходили замуж?

— Да, я была замужем, но только недолго.

Она задумалась на минуту, затем сказала:

— Должно быть, это очень странно — принадлежать кому-то...

— Принадлежать?! — воскликнула я с удивлением.

— Ну, быть у кого-то в подчинении, — сочувственно пояснила она.

Я смотрела на нее широко открытыми глазами.

— Но... но это ведь было совсем не так! — запротестовала я. — Это было... ну, как выразиться... — Тут я замолчала, так как слезы уже навертывались мне на глаза. Чтобы переменить разговор, я спросила: — Что же все-таки случилось со всеми мужчинами?

— Они вымерли. Заболели какой-то неизвестной болезнью, и никто не смог их спасти. В течение года с небольшим не осталось почти ни одного.

— Однако после этого все должно было рухнуть?

— Конечно. В основном так оно и случилось. Было очень плохо. Наступил голод. Больше всего пострадали промышленные районы. В более отсталых местностях женщины кое-как справлялись с примитивным сельским хозяйством, чтобы поддержать свое существование и существование своих детей, но более крупные предприятия остановились полностью. Не стало транспорта: кончился бензин; уголь не добывался. Хотя женщин на земле всегда было больше, чем мужчин, они в основном являлись потребительницами и покупательницами, поэтому положение было отчаянным, так как женщины почти ничего не умели делать

сами — ведь они всегда вели паразитический образ жизни, как игрушки, принадлежавшие мужчинам.

Я попробовала протестовать, но Лаура отмахнулась от меня.

— Их нельзя винить, — продолжала она, — ведь это явилось результатом длительного процесса, начавшегося на юге Франции еще в одиннадцатом веке. Романтизм родился как изящное и забавное времяпрепровождение имущих, неработающих классов. Постепенно он проник во все слои общества, но только в конце девятнадцатого века предприниматели обнаружили его потенциальные коммерческие возможности, а в двадцатом их стали наконец использовать.

В начале двадцатого века некоторые женщины начали вести полезный, интересный, творческий образ жизни, но это не устраивало коммерсантов: женщины были нужны им скорее как потребительницы, чем производительницы. Тогда романтизм и взяли на вооружение — как средство борьбы с дальнейшим прогрессом женской самостоятельности и как стимул расширенного потребления.

Женщинам ни на минуту не давали забыть свой пол, в то время как всяческие их попытки стать наравне с мужчинами пресекались. Кинуть клич «Назад к плите!» было бы непопулярной мерой для промышленников и торговцев, поэтому они придумали новый вид профессии под названием «домашняя хозяйка». Кухню стали воспевать и всячески совершенствовать дорогостоящим оборудованием; ее делали предметом вождения каждой женщины, а путь к достижению этого «рая» лежал только через замужество.

Типографии печатали сотни тысяч еженедельных периодических изданий, которые настойчиво фиксировали внимание женщин на необходимости продать себя какому-нибудь мужчине, чтобы иметь материальную возможность заполучить рекламируемый повсюду идеальный домашний очаг, на который потом можно было бы продолжать тратить деньги.

Целые отрасли промышленности выработали навыки романтического подхода к покупательницам, что нашло особо яркое отражение в рекламе. Все, что только женщина могла бы купить, — от предметов одежды до автомобиля, было окружено романтическим ореолом. Воздух был наполнен томными вздохами и стонами. Женщины вопили перед микрофонами о своем желании «отдаться» и «подчиниться», обожать и быть обожаемыми. Больше всех поддер-

живал эту пропаганду кинематограф, убеждающий большинство зрителей (а это были женщины) в том, что нет ничего желаннее на свете, чем слезы счастья на лице женщины, пассивно лежащей в сильных объятиях романтического героя. Давление на женскую психику было так велико, что большинство молодых девушек проводило все свое время, мечтая о «романтике» и способах ее достижения. Многие из них искренне верили, что принадлежать мужчине и быть посаженной им в маленькую кирпичную коробочку, да еще вдобавок иметь возможность покупать все, что предприниматели им навязывают, и есть высшее счастье на земле...

— Не так, не так это все было! — не выдержала я наконец. — Кое-что из того, что вы рассказываете, существовало на самом деле, но далеко не все. И выглядело это совсем иначе — уж я-то знаю, я там жила тогда.

Лаура укоризненно покачала головой:

— Трудно дать объективную оценку событию или явлению, когда находишься слишком близко к нему. На расстоянии все выглядит правильнее. Теперь мы можем сказать, что это была грубая, бессердечная эксплуатация слабовольного большинства населения более сильным меньшинством. Некоторые образованные и решительные женщины смогли ему противостоять, но дорогой ценой, — за сопротивление всегда приходится платить, в данном случае своими созидательными способностями...

— Я никогда еще не встречала такого искаженного представления о своем мире, — наконец-то вставила я. — Оно мне напоминает картину, в которой все вроде бы скопировано с натуры, однако пропорции нарушены. Что же касается так называемых созидательных способностей наших женщин, то, может быть, семьи и были не столь велики, но женщины все равно продолжали рожать детей, и население росло.

Старая дама задумчиво смотрела на меня.

— Вы, Джейн, безусловно, «мыслящее дитя» своего времени. Так почему же вы думаете, что в рождении на свет детей есть что-то творческое? Назвали ли бы вы растение «творческим» только потому, что оно производит семена? Это чисто механический процесс и, как все механические процессы, лучше всего осуществляется менее умными и

развитыми. Вот вырастить ребенка, воспитать его так, чтобы он стал личностью — это подлинно созидательный, творческий процесс. Но, к сожалению, в тот исторический период, о котором мы сейчас говорим, женщины были хорошо подготовлены к воспитанию своих дочерей лишь с целью сделать их такими же потребительницами, как и они сами.

— Но, — опять запротестовала я, — я ведь знаю все об этом времени, это же было мое время. То, что вы говорите, представляет собой совершенно искаженную картину тогдашней действительности.

Однако мои слова не произвели на Лауру ровно никакого впечатления, и она продолжала в том же духе:

— Историческая перспектива всегда более точна. Но если то, что случилось, все равно должно было случиться, время для этого выпало наиболее подходящее, так как в середине двадцатого столетия много женщин все еще предпочитали работать, а не сидеть дома. Наибольшее число работающих женщин были медиками, а медицина оказалась наукой, знание которой было жизненно необходимо для выживания.

Я не представительница этой профессии, поэтому не могу объяснить вам шаги, которые были предприняты для этого. Единственное, что я могу сказать, так это то, что научные исследования велись в направлении более понятном вам, чем мне.

Всякий вид, включая *homo sapiens*, обладает большой волей к выживанию, и врачи учли это в своих изысканиях. Несмотря на голод, хаос и прочие трудности, дети каким-то образом продолжали появляться на свет. Так и должно было быть. Восстановление народного хозяйства могло подождать — важнее было создать и вырастить новое поколение, которое бы занялось этим делом и смогло бы потом пожинать плоды своих трудов. Итак, дети рождались: девочки выживали, а мальчики умирали. Это было весьма неприятно, и поэтому медики скоро сделали так, что на свет стали появляться только девочки. Как мне рассказывали, в этом не было ничего сверхъестественного, ибо такие явления наблюдаются в природе. Так, самка саранчи может продолжать производить саранчу женского пола без всякого участия самца, а тля размножается аналогичным образом в течение восьми поколений. Поэтому было бы глупо, если бы мы с нашими научными знаниями и иссле-

довательскими способностями оказались хуже саранчи или тли — не правда ли?

Лаура замолчала, ожидая моей реакции на свое объяснение. Может, она думала, что я буду поражена или шокирована, — если так, то я явно разочаровала ее, так как после расщепления атома ничто уже больше не способно кого-либо удивить — все в природе возможно, другое дело, нужно оно или нет.

— Ну, и чего же вы добились, в конце концов? — спросила я.

— Мы выжили, — ответила она просто.

— Физически, — согласилась я, — но какой ценой! Куда подевались любовь, поэзия, искусство и простые человеческие радости, которыми пришлось пожертвовать ради этого? Какой смысл в простом физическом выживании?

— Я не задумывалась над смыслом, стремление к выживанию свойственно всем видам, и человек не представляет собой исключения. Я абсолютно уверена в том, что в двадцатом веке смысл жизни был так же неясен, как и сейчас. Что же касается всего остального, то почему вы решили, что оно исчезло? Разве Сапфо не писала стихи? Ваша уверенность в том, что духовная жизнь человека зависит от наличия двух полов, просто удивляет меня — ведь довольно часто утверждается, что между полами всегда существовал конфликт, не так ли?

— Как историк, изучавший мужчин, женщин и мотивацию их поведения, вы должны были бы глубже понять, что именно я имею в виду, — сказала я.

— Вы в значительной степени продукт воспитания вашего времени, дорогая, — сказала Лаура, — когда на всех уровнях, начиная от трудов Фрейда и кончая самыми примитивными журналами для женщин, вам постоянно твердили, что именно секс, облаченный в красивую одежду романтической любви, движет миром. Но мир продолжает существовать и для других видов — насекомых, рыб, птиц и животных, а что они знают о романтической любви, даже во время непродолжительных брачных периодов? Вас просто дурачили. Все производители, коммерсанты и их прислужники направляли ваши интересы и стремления по каналам, которые были им удобны, выгодны и почти безвредны с общественной точки зрения.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет, не могу я поверить в это. Вы, конечно, кое-что знаете о моем мире, но лишь поверхностно. Вы не понимаете его, и он не задевает вашу душу... Ладно, предположим, вы правы, что же тогда действительно движет миром?

— О, на такой вопрос очень легко ответить. Эта движущая сила — власть. Она в нас заложена с пеленок и не пропадает до глубокой старости. Она свойственна как мужчинам, так и женщинам. Она более основательна и более желанна, чем секс!

После того как мужчины все вымерли от болезни, женщины впервые в истории перестали быть эксплуатируемым классом. В отсутствие правителей-мужчин, которые сбивали их с толку и отвлекали их внимание на всякие пустяки, женщины наконец поняли, что женское начало и есть подлинная власть. Самец лишь выполнял свое недолгое полезное предназначение, оставаясь потом всю жизнь назойливым и дорогостоящим паразитом.

Когда же женщины осознали собственную власть, медики первыми захватили ее в свои руки. Через двадцать лет они уже управляли всем и всеми. К ним присоединились немногочисленные женщины-инженеры, архитекторы, юристы и администраторы, но жизнь и смерть людей были в руках врачей. Будущее тоже зависело от них, и, по мере того как жизнь начала постепенно возрождаться, они, вместе с представительницами других профессий, превратились в правящий класс, называемый докторатом. Докторат держал всю власть в своих руках; он издавал законы, и он же следил за их исполнением.

Конечно, существовала и оппозиция. Однако перевес сил был на стороне медиков, так как всякой женщине, желавшей иметь ребенка, требовалось обращаться к ним. Они следили за тем, чтобы ей было обеспечено надлежащее место в обществе, и постепенно в мире установился порядок.

Со временем оппозиция стала более организованной. Появилась партия, которая утверждала, что болезнь, поразившая всех мужчин, больше не представляет никакой опасности и следовало бы восстановить равновесие полов. Членов этой партии стали называть реакционерами, а саму партию объявили вне закона — как ведущую преступную подрывную деятельность.

Это, однако, было лишь полумерой. Вскоре стало ясно, что борьба шла, если можно так выразиться, лишь с симп-

томами болезни, а не с самим заболеванием. Докторат вынужден был признать, что у него на руках находится неуравновешенное общество, то есть общество, которое способно продолжать свое существование, но чья структура соответствует склонности женщин к иерархии и социальному неравенству. Поэтому, чтобы власть была стабильной, надлежало найти новые формы, более подходящие к обстоятельствам.

По натуре женщина — существо послушное, это особенно относится к малообразованным и совсем необразованным женщинам. Большинство из них наиболее счастливы при сохранении ортодоксальности. И каким бы странным это ни показалось со стороны, трудность в управлении нашим обществом, главным образом, состоит в установлении привычных ортодоксальных обычаев и норм поведения. Совершенно очевидно, что система, претендующая на успех, должна была учитывать эту и некоторые другие особенности женской натуры. Требовалась такая система, при которой взаимодействие различных сил сохраняло бы в обществе равновесие и уважение к властям. Но выработка всех мелких деталей этой организации было делом непростым.

В течение ряда лет шло интенсивное изучение различных социальных форм и порядков, однако каждый из них был отвергнут в силу того или иного недостатка. Наконец, выбор пал на устройство общества, подсказанного Библией — книгой, хотя еще и не запрещенной в то время, но вызывавшей некоторое брожение умов. Это изречение звучит примерно так: «Ступай к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым»*.

Совет доктората решил, что эта идея, модифицированная соответствующим образом, может отвечать необходимым требованиям организации общества. За основу приняли систему, состоящую из четырех классов, которые подвергались постепенной дифференциации. В результате мы теперь имеем докторат — правящий класс, пятьдесят процентов которого составляют медики. Затем следуют мамы, название тут говорит само за себя. Потом идет прислуга, многочисленный класс, состоящий, в силу психологических причин, из женщин маленького роста. Работницы, физически сильные и мускулистые женщины, выпол-

* Ветхий завет. Притчи царя Соломона, гл. 6.6.

няют более тяжелую работу. Все три низших класса уважают власть доктората. Оба трудящихся класса почитают мамаш. Прислуга считает себя удачливее работниц, так как выполняет более легкую работу, а работницы смотрят на малорослую прислугу с легким, полудоброжелательным презрением.

Таким образом, как вы видите, дорогая, наконец-то было достигнуто равновесие в обществе и, хотя не все еще окончательно отработано, нет никаких сомнений в том, что положение улучшится.

Лаура продолжала подробно объяснять мне устройство их общества, а до меня постепенно доходил весь его чудовищный смысл.

— Боже мой, муравьи! — наконец не выдержала я. — Так вы что, взяли за образец муравьиную кучу?!

Лаура несколько удивилась, то ли моему тону, то ли тому, что я так долго не воспринимала то, что она рассказывала.

— А почему бы и нет? — возразила она. — Ведь муравейник представляет собой одну из самых древних социальных систем, созданных природой; конечно, она нуждается в некоторой корректировке, но...

— Так вы говорите, что только мамыши могут иметь детей? — спросила я.

— Но почему же — члены доктората тоже могут, когда захотят. Совет доктората определяет норму для всех классов. Врачи в клинике осматривают каждую новорожденную и относят ее по физическим и прочим показателям к тому или иному классу общества. После этого все зависит от назначаемой детям диеты, гормонов и соответствующего воспитания.

— Но, — возмущенно воскликнула я, — к чему все это? Какой в этом смысл? Что за радость жить на свете при такой системе?

— Ну а в чем вообще смысл жизни, скажите мне, пожалуйста?

— Мы предназначены любить и быть любимыми и рожать детей от любимого человека!

— Вот опять в вас заговорило ваше воспитание — воспевание и идеализация примитивного анимализма. Вы все-таки признаете, что мы стоим на более высокой ступени развития, чем животные?

— Конечно, но...

— Вот вы говорите о любви. А что вы знаете о любви матери и дочери, когда между ними нет мужчины, возбуждающего ревность? Или о чистой любви молодой девушки к своим младшим сестренкам?

— Нет, вы все-таки не понимаете, что такое любовь, исходящая из самого сердца и пронизывающая все твое существо. Как эта любовь окрашивает все, о чем ты думаешь, все, что ты делаешь, все, что ты слышишь и к чему прикасаешься... Она может причинять ужасную боль, но она может и озарять, как солнце, все твое существование... В глазах возлюбленного можно увидеть отражение всей Вселенной... О, если бы вы только могли это понять и почувствовать! Но, к сожалению, вам этого не дано... — О, Дональд, родной, воскликнула я про себя, как мне объяснить этой женщине то, что совершенно недоступно ее пониманию?

За моей тирадой последовала долгая пауза. Затем Лаура сказала:

— Конечно, в вашем обществе в вас выработали такую реакцию на отношения между полами, но вы вряд ли можете ожидать от нас, чтобы мы пожертвовали своей свободой и вновь вызвали к жизни своих угнетателей!

— Нет, вы, наверно, никогда ничего не поймете. Ведь это только глупые мужчины и женщины постоянно воевали друг с другом. Большинство же были счастливыми, любящими парами, из которых и формировалось общество.

Лаура иронически улыбнулась.

— Дорогая Джейн, — сказала она, — или вы действительно очень мало информированы о состоянии дел в обществе в ваше время, или та глупость, о которой вы упомянули, была довольно широко распространена. Как историк и просто как женщина, я не нахожу достаточно оснований для восстановления прежнего порядка вещей. Миновав стадию примитивного развития, мы теперь вступили в цивилизованный век. В прошлом женщина, сосуд жизни, имела несчастье зависеть от мужчины для продолжения рода. Теперь, слава Богу, с этим покончено. Наш мир устраивает нас намного больше — всех нас, за исключением реакционеров. Вы видели нашу прислугу — эти маленькие женщины немного робки, но разве они выглядят грустными или угнетенными? Разве они не щебечут весело друг с другом, словно птички? А работницы —

те, которых вы называете «амазонками», — разве они не выглядят сильными, здоровыми и довольными?

— Но вы же лишаете их всех того, что принадлежит им по праву рождения! — воскликнула я. — Женщина должна иметь возможность любить...

Лауре, видимо, надоело слушать, и она меня прервала:

— Вы повторяете мне все пропагандистские идеи вчерашнего века. Та любовь, о которой вы говорите, дорогая, существовала лишь в вашем маленьком, защищенном мире — в силу утонченных и одновременно выгодных условий; вам едва ли когда-нибудь приходилось видеть ее другое лицо, не прикрашенное романтикой. Вас лично никто никогда не покупал, не продавал как скотину; вам никогда не приходилось отдаваться первому встречному за гроши только для того, чтобы заработать себе на жизнь, вы никогда не были в числе тех несчастных женщин, которых во все времена насиловали захватчики чужих городов; вы никогда не кидались в огонь, чтобы избежать этого позора; вас никто не заставлял бросаться на тело умершего мужа, чтобы быть кремированной вместе с ним; вы не провели всю жизнь, как пленница в гареме; вас не везли в вонючем трюме работорговцы; вы никогда не жили только для того, чтобы улаживать вашего мужа и господина...

Такова обратная сторона медали под названием «любовь». У нас этого больше нет и не будет. Так что же, вы предлагаете вернуть мужчин для того, чтобы снова так страдать от них?

— Но ведь со всем этим было давно покончено уже в мое время, — робко возразила я, — мир уже и так становился лучше...

— Вы уверены? А как насчет женщин в городах, захваченных противником во время второй мировой войны? Разве это не было варварством?

— Нельзя же избавляться от зла, одновременно лишаясь и добра! Что же тогда останется?

— Очень и очень многое. Мужчины были нужны только как средство продолжения рода. Вся остальная их жизнедеятельность влекла за собой лишь зло. Нам сейчас живет гораздо лучше без них.

— Так вы действительно уверены, что исправили то, что было задумано Природой?

— Всякая цивилизация есть улучшение и исправление Природы. Разве вы хотели бы жить в пещере и видеть, как ваши дети умирают во младенчестве?

— Однако есть некоторые фундаментальные истины... — начала было я, но Лаура остановила меня, дав понять, что следует немного помолчать.

За окном сгущались сумерки, и длинные тени деревьев стелились по земле. В вечерней тишине я услышала хор поющих женских голосов. Мы подождали, пока они окончили свою песню.

— Восхитительно! — сказала старая дама. — Наверно, даже ангелы не могут так чарующе петь... И какие у них счастливые голоса! Это все наши дети — две мои внучки тоже там. Они действительно счастливы и имеют на то все основания — ведь их счастье не зависит от прихоти какого-то мужчины. Только прислушайтесь к ним!

Девушки затянули новую песню, и ее ласкающие звуки доносились к нам через открытые окна. По моему лицу невольно потекли слезы.

— Почему вы плачете, Джейн? — спросила Лаура, когда песня подошла к концу.

— Это, конечно, очень глупо с моей стороны, особенно если принять во внимание, что я не верю в реальность всего окружающего. Но я оплакиваю всех вас, как если бы ваш мир существовал на самом деле. Мне так жаль вас! Ведь там, под деревьями, должны были бы сидеть, держась за руки, влюбленные — но у вас нет влюбленных и никогда не будет... Вы не читали такие строчки из одного стихотворения: «Как часто рождается цветок, обреченный цвести в одиночестве и испускать свой аромат в знойной безлюдной пустыне»? Неужели вы не чувствуете всю убогость и пустоту созданного вами мира? Неужели вы действительно ничего не понимаете?! — воскликнула я.

Мы продолжали еще некоторое время беседу в том же духе, пока не наступил вечер и в других домах не зажглись огни, мерцавшие сквозь густую листву деревьев. Все мои попытки убедить Лауру в несовершенстве созданного женщинами мира оказались тщетны. Ее главным аргументом против моих доводов было мое так называемое воспитание, которое якобы мешало мне видеть все в истинном свете.

Наконец вошла маленькая горничная и сказала, что за мной приехали и я могу уйти, когда мне будет удобно. Но

я не спешила. У меня остался невыясненным один важный вопрос, и я задала его Лауре:

— Как же все-таки все это случилось? Я имею в виду исчезновение мужчин.

— Это была чистая случайность, дорогая. Проводились научные исследования, которые неожиданно дали непредвиденные побочные результаты.

— Но как? — настаивала я.

— Фамилия Перриган вам ничего не говорит?

— Нет, я никогда не слыхала ее — это, должно быть, довольно редкая фамилия...

— Но она приобрела весьма широкую известность, — заверила меня Лаура. — Доктор Перриган был биохимиком, он искал средство для уничтожения крыс, особенно бурой крысы, которая наносила большой вред народному хозяйству. И он решил найти вирус, который погубил бы этих неприятных животных, взяв за основу вирусную инфекцию, смертельную для кроликов. Путем мутаций, вызванных облучением радиоактивными веществами, Перригану удалось получить штамм этого вируса, смертельный и для крыс, особенно бурых. С этим вредным видом скоро было покончено, но где-то произошла накладка. До сих пор остается загадкой, подвергся ли полученный вирус новой мутации или на ранней стадии экспериментов каким-то крысам — носителям болезни — удалось убежать из лаборатории, но суть состоит в том, что некоторые штаммы вируса оказались опасными и для человека. У женщин обнаружился врожденный иммунитет к этой болезни, в то время как мужчины оказались очень восприимчивы к ней. Лишь очень немногие, кто перенес ее, остались в живых. Небольшую группу мужчин изолировали и сохраняли со всяческими предосторожностями, но нельзя же было вечно держать их взаперти, и в конце концов вирус добрался и до них.

После этого рассказа у меня, как профессионального медика, возник ряд вопросов, однако Лаура не смогла на них ответить и порекомендовала обратиться с ними к врачам.

— Да, я теперь понимаю, — сказала я, — скорее всего, это была просто случайность, несчастный случай, так сказать.

— Пожалуй, — согласилась Лаура, — если только не рассматривать это как провидение Божие.

Тут появилась моя прислуга и помогла мне подняться на ноги. Я поблагодарила старую даму за ее доброту ко мне и долготерпение.

— Это я должна вас благодарить, дорогая, — сказала она, — ведь за эти два часа я узнала о воспитании и поведении женщин в смешанном обществе больше, чем за долгие годы, проведенные за чтением литературы. Я все же надеюсь, что доктора помогут вам найти способ забыть вашу прежнюю жизнь и жить счастливо среди нас.

Я попрощалась и пошла к двери, но на пороге остановилась.

— Лаура, многие из ваших аргументов действительно обоснованны, но в целом вы глубоко, глубоко заблуждаетесь. Разве вы никогда не читали о влюбленных? Разве вы никогда, будучи еще девушкой, не мечтали о каком-нибудь Ромео, который бы вам сказал: «Это восток, а Лаура — солнце!»?

— По-моему, нет, — ответила старая дама. — Я, конечно, читала эту пьесу Шекспира — так, красивая идиллическая сказка... Интересно, скольким так называемым Джульеттам она причинила душевную боль? Но я бы задала вам другой вопрос, дорогая Джейн. Вы когда-нибудь видели цикл офортов Гойи, названный «Бедствия войны»?

Я поняла, что переубедить ее невозможно.

Меня не отправили обратно в Дом для мамаш. Вместо этого розовая перевозка прибыла к более величественному зданию больничного типа, где меня поместили в отдельную палату.

На следующее утро, после обильного завтрака меня посетили три незнакомых врача. Они вели себя со мной вполне по-светски, совсем не как медики. Очевидно, они уже знали содержание моего вчерашнего разговора с Лаурой и были готовы отвечать на мои вопросы. Под конец нашей беседы одна из врачей деловито сказала:

— Вы, конечно, понимаете, что ваше присутствие здесь ставит нас в трудное положение. Мы же не можем допустить, чтобы вы продолжали заражать мамаш вашими реакционистскими идеями — вы и так их достаточно шокировали. К тому же эти идеи могут распространиться дальше, что нас никоим образом не устраивает. С другой стороны, мы не представляем, как женщина с таким интеллектом и

образованием, как у вас, может свыкнуться со спокойной, «растительной» жизнью мамаш.

Перспектива оставаться до конца жизни розовой коро- вой, периодически производящей на свет четверню дочерей, мало улыбалась мне, и я спросила:

— Так что же вы предлагаете? Можете ли вы превратить эту огромную тушу в нормальное женское тело?

Она отрицательно покачала головой.

— Где же тогда выход из этого положения? — спросила я.

Врач минутку поколебалась, затем осторожно предложила:

— Единственное, что можно сделать, — это подвергнуть вас гипнотическому внушению, чтобы вы смогли забыть ваше прошлое.

Когда смысл сказанного полностью дошел до моего сознания, меня охватила паника. Но я взяла себя в руки, сознавая, что они пытаются найти какое-то мало-мальски разумное решение возникшей проблемы и надо быть с ними терпеливой. После нескольких минут молчания я сказала:

— То, что вы предлагаете, для меня равносильно самоубийству. Мой разум держится на моих воспоминаниях — если их не будет, я умру, точно так же, как если бы вы убили мое тело...

Они не стали спорить со мной — да и как можно было? На свете есть только одно, что придает какой-то смысл моей жизни, думала я, — это сознание, что ты любил меня, дорогой Дональд, любимый мой. Теперь ты остался жить лишь в моей памяти. Если ты покинешь ее — я снова умру, уже окончательно.

— Нет! — сказала я им решительно. — Ни в коем случае!

Дав мне сутки на размышление, те же трое медиков снова посетили меня.

— Я многое поняла за эти двадцать четыре часа, — сказала я им. — То, что вы предлагаете мне, — это полное забвение вместо неизбежного нервного срыва, после которого все равно последует такое же забвение. И у вас нет другого выбора...

— Да, это так, — подтвердила председатель, а две другие врачихи кивнули головами в знак согласия.

— Ну, я согласна на ваше предложение, только с условием, что сначала вы выполните одну мою просьбу.

Они вопросительно взглянули на меня.

— Так вот, прежде чем вы примените гипноз, я прошу вас сделать мне укол чуинжуатина в той же дозе, в какой я получила его у нас в лаборатории — я вам ее назову. Видите ли, если это все галлюцинация или что-то очень похожее на нее, то она непременно связана с этим наркотиком, так как прежде ничего подобного со мной не случилось. И вот я подумала, что если повторить эксперимент, то, может быть... Конечно, это выглядит очень глупо, но все-таки, а вдруг? Если же ничего не получится, то делайте со мной то, что решили, какая мне разница....

Все трое задумались.

— Я не вижу причины ей отказать, — наконец проговорила одна. Две другие согласились с нею.

— Думаю, мы сумеем получить официальное разрешение на проведение такого эксперимента, — сказала председатель. — Раз вы этого хотите, мы не имеем права вам перечить, хотя я слабо верю в успех этой попытки.

Во второй половине дня группа маленьких санитарок принялась готовить комнату и меня к процедуре. Затем такая же маленькая медсестра вкатила тележку, уставленную всякими бутылочками и пробирками, и поставила ее возле моей постели.

Снова появились те же три докторицы. Главная серьезно, но вместе с тем ласково взглянула на меня и спросила:

— Вы, конечно, понимаете, что это всего лишь авантюра с минимальной вероятностью успеха?

— Да, я все понимаю, но это мой единственный шанс, и я хочу им воспользоваться.

Она кивнула, взяла шприц и всадила иглу в мою огромную руку, предварительно протертую спиртом.

— Давайте, нажимайте на шприц — мне все равно нечего терять, — сказала я.

Она кивнула еще раз и нажала на поршень...

Я написала все вышеизложенное со специальной целью. Теперь я помещу рукопись в сейф в банке, и там она будет лежать никем не прочитанная до тех пор, пока в этом не появится необходимость.

Я никому не рассказывала о том, что со мной произошло. Мой отчет доктору Хельеру о действии чуинжуатина — фальшивка. Я написала там, что просто ощущала, будто парю в пространстве, и ничего более. Я скрыла правду потому, что, когда снова оказалась в собственном теле и моем привычном мире, воспоминания о том, что я пережила, продолжали преследовать меня. Подробности той жизни были так ярки в моей памяти, что я никак не могла отделаться от них. Я не осмеливалась рассказать обо всем доктору Хельеру из страха, что он назначит мне какое-нибудь лечение, а своим друзьям — из опасения, что они не воспримут мои злоключения всерьез и превратят все в предмет для насмешек, интерпретируя виденное мной как разного рода символы. Поэтому я продолжала молчать.

Перебирая в уме все подробности того, что мне довелось пережить, я начала сердиться на себя за то, что не узнала от старой дамы больше фактов и дат, которые можно было бы проверить. Но затем я вспомнила один факт, единственную информацию, которую все-таки можно было подвергнуть проверке, и начала наводить справки. Теперь я сожалею об этом, но в тот момент я чувствовала, что это необходимо.

Итак, я выяснила, что доктор Перриган существует на самом деле, что он биохимик и ставит опыты на кроликах и крысах. Он хорошо известен в научных кругах и опубликовал несколько работ по борьбе с вредителями. Ни для кого не является секретом, что он пытался вывести новые штаммы вируса, способные убивать крыс...

Но ведь я никогда не слыхала ничего об этом человеке и его изысканиях до того, как старая дама упомянула его имя во время моей так называемой галлюцинации!

Я много думала об этом. Что же я все-таки пережила? Если это было своего рода предвидение неизбежного будущего, тогда никто и ничто не могло бы помочь избежать его. Но мне это показалось бессмысленным: скорее допустимо большое число различных будущих, каждое из которых должно было последовать за тем, что происходит в данный момент. Возможно, находясь под действием чуинжуатина, я и увидела одно из них...

Все это можно было рассматривать как предупреждение о том, что может случиться, если вовремя не принять нужные меры. Идея гибели всех мужчин и образования

чисто женского общества казалась мне теперь столь чудовишной и отвратительной, что я посчитала своим долгом перед человечеством предотвратить это во что бы то ни стало. Поэтому я решила, под собственную ответственность, не доверяясь никому, самой сделать так, чтобы то, что я пережила, никогда не осуществилось. Если же, паче чаяния, кого-либо другого обвинят в том, что собираюсь сделать я, или в том, что он помогал мне, эта рукопись послужит ему оправданием. Вот зачем я и написала ее.

Я сама пришла к заключению, что доктору Перригану нельзя позволить продолжать свои опыты.

Подпись: Джейн Уотерлей.

Адвокат несколько минут задумчиво смотрел на подпись, затем кивнул головой.

— Итак, — сказал он, — она села в машину и отправилась прямехонько к Перригану — со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

— Насколько я ее знаю, — сказал доктор Хельер, — мне думается, она всеми силами старалась убедить его бросить свои исследования, хотя едва ли можно было надеяться на успех. Трудно представить себе ученого, который бы согласился прекратить дело своей жизни только на основании каких-то гаданий на кофейной гуще. Так что, очевидно, она ехала к нему, уже заранее готовая применить, если потребуется, силу. Похоже, полиция права в своем утверждении, что она застрелила Перригана преднамеренно, но не справедлива, полагая, что она подожгла его лабораторию, просто чтобы замести следы преступления. Совершенно ясно, что она сделала это, намереваясь уничтожить результаты его исследований.

Хельер покачал головой.

— Несчастливая молодая женщина! — произнес он. — Из последних страниц рукописи отчетливо видно, что ею руководило повышенное чувство долга, подобное тому, какое бывает у великомучеников, когда они совершают свои подвиги, невзирая на последствия. Ведь она и не отрицает, что застрелила его. Единственное, что она отказывается сказать, — почему она это сделала...

Он задумался на минуту, затем продолжил:

— Но, так или иначе, слава Богу, что есть этот документ, — он похлопал рукой по рукописи. — Это хотя бы

спасет ей жизнь. Хорошо еще, что она не успела отнести рукопись в банк, как намеревалась.

— Я в значительной степени чувствую себя виновным за ее судьбу, — добавил Хельер. — Мне ни в коем случае не следовало разрешать ей испытывать этот наркотик на себе, но я-то думал, что шок, причиненный смертью мужа, уже прошел... Она все время старалась быть чем-то занятой и поэтому предложила себя в качестве подопытного кролика. Вы видели ее и, наверно, заметили, какая она целеустремленная. В этом эксперименте Джейн видела для себя возможность сделать что-то полезное для науки. Так оно и получилось в результате, но мне следовало быть более чутким и обратить внимание на то, что с ней творилось после того, как она пришла в себя. Это я должен нести ответственность за все...

— Гм-м, — промычал адвокат, — выдвигая такой мотив ей в оправдание, вы можете сильно повредить себе профессионально, вы это понимаете?

— Да, конечно, но сейчас я думаю не об этом. Ведь я несу ответственность за нее, как руководитель коллектива, членом которого она является. Откажи я ей в возможности принять участие в эксперименте, и несчастья могло бы и не произойти. А посему, мне думается, в суде в качестве оправдательного мотива следует выдвинуть временную невменяемость. Получи мы такой вердикт, и все окончится ее помещением в психиатрическую клинику и, возможно, весьма кратковременным курсом лечения.

— Ничего не могу вам сказать пока по этому поводу — все зависит от того, какую позицию займет защитник.

— Но ведь все это истинная правда, — продолжал настаивать Хельер. — Такие люди, как Джейн, не совершают убийства в здравом уме и твердой памяти — ну, разве только, когда они оказываются загнанными в угол. Совершенно ясно, что наркотик вызвал настолько яркую галлюцинацию, что она перестала различать, где реальная жизнь, а где воображаемая. Она дошла до такого состояния, что поверила в реальность своего миража и действовала сообразно с обстоятельствами.

— Да-да, — согласился адвокат, — вполне возможно. — Он снова взглянул на рукопись, лежащую перед ним. — Во всем этом фантастическом отчете имеется одна весьма интересная деталь — я имею в виду вымирание самцов. Джейн считает это не столько невозможным, сколько

нежелательным. Вот вы как специалист в области медицины считаете ли это вероятным, хотя бы теоретически?

Доктор настороженно посмотрел на адвоката.

— Эй, бросьте! Ну уж не поверю, чтобы вы, опытный юрист, вдруг поверили в какие-то фантазии! Во всяком случае, если вы в них все-таки верите, то давайте допустим еще одну. Поскольку Джейн, бедная девочка, уже покончила с этим делом, у данной фантазии нет абсолютно никакого будущего. Перриган убит, а все результаты его работы превратились в дым.

— Гм-м, — теперь промышчал уже адвокат, — все-таки, на мой взгляд, было бы лучше, если бы мы узнали, что она пронюхала про Перригана и его деятельность как-то иначе, чем вот таким путем. — И он тоже похлопал рукой по рукописи. — Она случайно не интересовалась ветеринарией?

— Нет, я совершенно в этом уверен, — сказал Хельер, отрицательно покачав головой.

— Ну, тогда остается лишь один тревожащий меня момент... Жаль, что Джейн более тщательно не навела справки, прежде чем приступила к исполнению своего плана.

— Что вы, собственно, имеете в виду?

— Она упустила из виду, что у Перригана есть сын. Он тоже биохимик и тоже носит фамилию Перриган. Он с большим интересом следил за исследованиями своего отца и уже объявил, что намерен сделать все возможное, чтобы довести его дело до конца, работая с теми несколькими экземплярами животных, которых удалось спасти от огня.

Когда в конце декабря 1958 года мистер Реджинальд Астер явился по приглашению в контору юридической фирмы «Кропторн, Даггит и Хоув», что на Бедфорд Роу, он был принят мистером Фраттоном — приятным молодым человеком, еле-еле перешагнувшим за порог третьего десятка, но уже успевшим сменить усопших мистеров К, Д и Х на посту директора этой фирмы.

И когда мистер Фраттон известил мистера Астера, что, согласно условиям завещания покойного сэра Эндрью Винселла, он является наследником шести тысяч однофунтовых акций «Бритиш Винвинил», у мистера Астера, как выразился позже мистер Фраттон в разговоре со своим коллегой, от удивления чуть не перегорели все пробки.

В соответствующем пункте завещания говорилось, что дар сделан «в знак благодарности за важную услугу, оказанную мне в свое время». В чем состояла эта услуга — не указывалось, и хотя в обязанности мистера Фраттона вовсе не входило совать нос в это дело, можно сказать, однако, что покров, скрывавший его любопытство, был весьма и весьма прозрачным.

Свалившееся как с неба наследство — тем более что каждая акция в эти дни котировалась по восемьдесят три шиллинга шесть пенсов — оказалось как нельзя более своевременным для мистера Астера. Продажа незначительной части акций позволила ему решить парочку наиболее неотложных проблем, и в процессе улаживания соответствующих формальностей наследнику и адвокату пришлось несколько раз встречаться друг с другом. В конце концов наступило мгновение, когда прищипываемый любопытством мистер Фраттон позволил себе подойти к границе

Odd

© 1995 В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

профессиональной деликатности несколько ближе, чем он обычно считал допустимым, и осторожно задал наводящий вопрос:

— Вы ведь не были близко знакомы с сэром Эндрью, не так ли?

Если бы мистер Астер захотел, он с легкостью мог бы дать понять неуместность подобного намека, но он не сделал ни малейшей попытки его парировать. Вместо этого он задумался и внимательно взглянул в лицо мистера Фраттона:

— Я только раз встречался с сэром Эндрью. Наш разговор продолжался около полутора часов.

— Примерно так я и предполагал, — отозвался мистер Фраттон, разрешая себе показать глубину своего недоумения еще отчетливее. — Надо полагать, что это произошло где-то в последних числах прошлого июня, верно?

— Двадцать пятого июня, — согласился мистер Астер.

— А до этого вы не виделись?

— Ни до этого, ни после.

Мистер Фраттон покачал головой в полном недоумении. Немного помолчав, мистер Астер произнес:

— Знаете, во всей этой истории есть нечто совершенно непонятное.

Мистер Фраттон кивнул, но словами ничего не выразил. Тогда мистер Астер продолжил:

— Я хотел бы... Послушайте, не найдется ли у вас времени, чтобы пообедать со мной завтра?

У мистера Фраттона время нашлось, и когда обед кончился, они уютно устроились в укромном уголке клубной гостиной, за кофе и сигарами. После нескольких минут задумчивого молчания Астер сказал:

— Должен признаться, мне хотелось бы, чтоб вся история с Винселлом не была столь запутанной. Не понимаю... В общем, есть в ней нечто полностью сбивающее с толку. Пожалуй, стоит рассказать вам об этом как на духу. Вот что со мной произошло.

Вечер 25 июня выдался просто восхитительным, тем более на фоне в целом малоприятного лета. Я наслаждался отличной погодой, не спеша возвращаясь домой. Торопиться было незачем, и я даже подумывал, не завернуть ли куда-нибудь пропустить стаканчик, как вдруг увидел этого старикана. Он стоял на тротуаре Танет-стрит, крепко ухва-

тившись за решетку ограждения одной рукой и оглядываясь вокруг ошеломленным, как бы остекленелым взглядом.

Ну, в нашей части Лондона, как вы знаете, особенно летом, полным-полно приезжих со всех концов света, и многие выглядят какими-то растерянными. Но этот старикан — ему было далеко за семьдесят, насколько я мог судить — так вот, он был совсем на них не похож. Явно не из числа туристов. Элегантность — вот то слово, которое пришло мне на ум, когда я его увидел. У него была седая заостренная бородка, тщательно подстриженная; черная фетровая шляпа безукоризненно начищена, темный костюм из дорогого материала и прекрасного покроя, туфли дорогие, равно как и с виду скромный, но необычайно изящный шелковый галстук. Джентльмены такого типа изредка попадают в наших краях, но, как правило, они забредают к нам, сбившись со своих обычных прогулочных маршрутов. А уж такие одинокие, да еще с остекленелым взглядом — поистине диковинка.

Кое-кто из прохожих, шедших мне навстречу, мельком бросал на старика рассеянный взгляд, рефлекторно оценивая его состояние, и проходил мимо. Я же не прошел. На меня он не производил впечатление просто поднабравшегося... скорее он казался испуганным... Вот потому-то я и остановился возле него.

— Вы нездоровы? — спросил я. — Может быть, остановить вам такси?

Он обернулся на мой голос. Взгляд у него был озадаченный, но лицо умное, чуть аскетичное, чью природную худощавость усугубляли густые седые брови. Мне показалось, что старику с большим трудом удалось сосредоточить на мне взгляд. Ответил он тоже помедлив и явно делая над собой усилие.

— Нет, — сказал он как-то неуверенно, — нет, благодарю вас. Я... Я не болен.

Это явно было неправдой, но в ответе я не услышал и решительного отказа продолжать разговор, а потому, раз уж начав, я вовсе не собирался бросить его на полдороге.

— Наверно, вы испытали какой-то шок, — сказал я.

Его глаза неотрывно следили за уличным движением. Он кивнул, но ничего не ответил.

— В двух кварталах отсюда есть больница, — начал было я, но старик снова покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Через минуточку-другую все будет в порядке.

Поскольку старик не приказал мне убираться прочь, то у меня сложилось впечатление, будто он не хочет, чтобы я уходил. Его взгляд скользил то вправо, то влево и, наконец, упал на собственные ноги. Тут он как бы окаменел и замер, разглядывая свою одежду с таким удивлением, которое нельзя было спутать ни с каким другим чувством... Старик отпустил поручень, поднял руку к лицу, чтобы получше разглядеть рукав куртки... и вдруг увидел кисть собственной руки — очень красивую, ухоженную, но худую, с набухшими венами и утолщенными суставами пальцев. На мизинце был золотой перстень с печаткой...

Нам всем, надо думать, приходилось читать насчет глаз, вылезающих из орбит, но только один-единственный раз я действительно увидел это в натуре. Глаза у него и в самом деле чуть не выпали наружу, а протянутая рука жутко задрожала. Я даже испугался — уж не начинается ли у старика сердечный приступ.

— Больница... — начал было я, но он снова покачал головой.

Я растерялся и не знал, что делать, но решил, что прежде всего ему следовало бы присесть; нередко помогает и глоток коньяку. На мое предложение старик не ответил мне ни да ни нет, однако беспрекословно перешел со мной через улицу и вошел в отель «Уилберн». Я провел его к столику в баре и заказал пару двойных бренди для нас обоих. Когда я перевел глаза с бармена на моего нового знакомого, то увидел, как тот с ужасом уставился на что-то в дальнем конце зала. Я быстро взглянул туда же. Старик смотрел на себя самого. В зеркале.

Он не отвел глаз от своего отражения даже пока снимал шляпу и клал ее на стул, стоявший рядом; потом поднял руку, которая все еще тряслась, и потрогал сначала бороду, а затем свою красивую снежно-белую шевелюру. После этого долго сидел неподвижно, продолжая неотрывно смотреть в зеркало.

Мне легче было только когда принесли выпивку. И ему, видимо, тоже. Он чуть-чуть добавил содовой, а затем выпил все залпом. Теперь его рука стала потверже, на щеках заиграл слабый румянец, но старик продолжал глядеть прямо перед собой. Потом с видом отчаянной решимости встал.

— Извините меня, я на минуту, — произнес он очень вежливо.

Старик пересек зал и в течение по крайней мере двух минут стоял, изучая себя в зеркале с ближнего расстояния. Потом повернулся и возвратился к столу. Еще и не полностью придя в себя, он приобрел более уверенный вид и подал бармену знак, указав на наши стаканы. Пытливо глядя на меня, старикан сел и произнес:

— Я должен перед вами извиниться. Вы были необыкновенно добры ко мне.

— Вовсе нет, — заверил я его. — Просто рад помочь хоть чем-то. Видно, что вы пережили какое-то сильное потрясение.

— Э... несколько потрясений, — сознался он и добавил: — Ужасно странно, какими реальными могут показаться обрывки сна, если он застает тебя врасплох.

Мне трудно было найти подходящий ответ на подобное соображение, а потому я счел за лучшее промолчать.

— Все это с непривычки ужасно действует на нервы, — добавил старик с вымученным оживлением.

— А что случилось? — спросил я, все еще ничего не понимая.

— Моя вина, исключительно моя вина, но, видите ли, я очень торопился, — объяснил он. — Я стал переходить улицу позади трамвая и вдруг увидел другой, идущий в противоположном направлении, который был уже совсем рядом со мной. Думаю, он сшиб меня.

— О... — пробормотал я. — Э... действительно ужасно... э... А где же это случилось?

— Да совсем рядом, на Танет-стрит.

— А вы, кажется, не очень пострадали? — снова пробормотал я.

— Вроде бы нет, — ответил он, как бы сомневаясь. — Нет, по-видимому, не пострадал.

Он и в самом деле не пострадал; даже не запылился. Его костюм, как я уже упомянул, был великолепен, а кроме того... трамвайные рельсы на Танет-стрит были сняты лет эдак двадцать пять тому назад. Я подумал — не следует ли сообщить об этом старикану, но потом решил отложить на время. Официант принес нам бокалы. Старик покопался в своем жилетном кармане и тут же в ужасе опустил глаза.

— Мой кошелек! Мои часы! — вскричал он.

Я рассчитался с официантом, вручив ему фунтовую бумажку. Старикан внимательно наблюдал за моими действиями. Когда официант подал мне сдачу и ушел, я сказал:

— Извините меня, но у меня впечатление, что потрясение вызвало у вас частичную потерю памяти. Вы... э... помните, как вас зовут?

Продолжая рыться пальцем в карманчике жилета и еще сохраняя в глазах определенную подозрительность, он уставился на меня.

— Как меня зовут? Еще бы! Я — Эндрью Винселл. Живу тут поблизости на Харт-стрит.

Я поколебался, потом все же сказал:

— Харт-стрит действительно поблизости была. Но ее переименовали... кажется в тридцатых годах; во всяком случае до войны.

Кажущаяся уверенность в себе, которую ему удалось обрести, снова его покинула, и на несколько минут старик как бы онемел. Затем порылся во внутреннем кармане пиджака и вытащил оттуда бумажник. Бумажник был из дорогой кожи, по уголкам окантован золотом и имел выгравированную монограмму с буквами «А. В.» Старик с удивлением поглядел на бумажник и осторожно положил его на стол. Затем открыл. Из левого отделения вытащил фунтовую бумажку и нахмурился. За ней последовал пятифунтовый банкнот, что, видимо, только усугубило его удивление.

Не говоря ни слова, он снова порылся в кармане и вытащил тоненькую книжечку, явно изготовленную под пару бумажнику. На ней, в нижнем правом углу тоже стояли инициалы «А. В.», а наверху было выдавлено: «Записная книжка, 1958». Старикан подержал ее в руке, долго и внимательно разглядывал, прежде чем поднял глаза на меня.

— 1958-й? — спросил он дрожащим голосом.

— Да, — ответил я.

После долгой паузы он сказал:

— Я ничего не понимаю! — Тон был почти как у ребенка. — Моя жизнь... Что случилось с моей жизнью?

Его лицо выражало горе и полную растерянность. Я придвинул к нему бокал, и старикан выпил глоток бренди. Открыв книжку, он посмотрел на календарь, наклеенный внутри

— О Боже! — прошептал он. — Все уж чересчур реально! Что... что со мной произошло?

Я сочувственно произнес:

— Частичная потеря памяти нередко возникает после сильных потрясений, как вы знаете. Через некоторое время, как правило, память возвращается полностью. Я предлагаю поискать там, — тут я указал на бумажник, — весьма возможно, в нем найдется что-то, что напомнит вам о прошлом.

Старик помешкал, затем стал рыться в правом отделении. Первым делом он вытащил цветную любительскую фотографию — видимо, семейную. В центре находился он сам, лет на пять моложе и в твидовом костюме; еще один мужчина лет сорока пяти, явно похожий на него лицом, две женщины чуть помоложе, две девочки и два мальчика лет десяти-одиннадцати. На заднем плане виднелся дом восемнадцатого века, а дальше — прекрасно выстриженная лужайка.

— Не думаю, что вам стоит серьезно волноваться насчет вашей жизни, — сказал я. — Совершенно очевидно, что она сложилась у вас вполне удовлетворительно.

Затем старик извлек из бумажника четыре визитные карточки, проложенные листочками бумаги, с простой гравировкой «Сэр Эндрью Винселл», но без адреса. Был там еще конверт, адресованный: сэру Эндрью Винселлу, кавалеру Ордена Британской Империи, «Бритиш Винвинил Пластик», в лондонском Сити.

Старикан недоуменно потряс головой, принял еще маленькую толику бренди, снова поглядел на конверт и издал невеселый смешок. Затем, с видимым усилием взял себя в руки и решительно сказал:

— Какой глупый сон! Как бы это проснуться? — Он прикрыл глаза и твердо объявил: — Я — Эндрью Винселл. Мне двадцать три года. Я живу в доме № 48 по Харт-стрит, работаю у Пенберти и Трулла — лицензированных бухгалтеров, по адресу Блумсбери-сквер, 102. Сегодня 12 июня 1896 года. Утром этого дня меня сбил трамвай на Танет-стрит. Меня, видимо, стукнуло здорово, и я страдаю от галлюцинаций. Ну-ка, посмотрим!

Он открыл глаза, и мне показалось, что он страшно удивился, увидев, что я все еще сижу за столиком. Старик снова злобно поглядел на конверт, и на его лице возникло безглагольное выражение.

— Сэр Эндрью Винселл! — воскликнул он презрительно. — И какая-то «Винвинил Пластик»! Что это может означать, во имя всех чертей?!

— А вы не думаете, — вступил я, — что с полной вероятностью мы можем предположить, будто вы являетесь членом фирмы... и, по-моему, скорее всего одним из ее директоров?

— Но я же говорил вам... — он внезапно оборвал фразу. — А что такое «пластик»? Мне это ни о чем не напоминает, разве что о пластилине. Во имя Господа Бога, какое я могу иметь отношение к пластилину?

Я колебался. Похоже, шок, каковы бы ни были его причины, вытравил из памяти несчастного целый кусок протяженностью лет в пятьдесят. Может быть, подумал я, если мы поговорим с ним о делах наверняка знакомых и важных для него, это всколыхнет его память.

Я постучал по столешнице.

— Ну, вот это, к примеру, и есть пластмасса, — сказал я.

Старикан внимательно изучил покрытие стола и даже поцарапал его ногтем.

— Я не назвал бы его пластичным. Оно очень прочное.

Я постарался объяснить.

— Это вещество было пластичным, до того как отвердело. Существует множество видов пластмасс. Вот эта пепельница, материал, из которого изготовлено покрытие сиденья вашего стула, дождевик вон той дамы, ее сумочка, ручка ее зонтика... десятки вещей, окружающих вас... даже моя рубашка и та соткана из пластиковых нитей.

Он не отозвался сразу же, а сидел, со все возрастающим интересом переводя взгляд с одного названного мной предмета на другой. Наконец он снова повернулся ко мне. На этот раз его взгляд вонзился в мои глаза с необычайной силой. Голос старика немного дрожал.

— А это действительно 1958 год?

— Конечно, — заверил я его. — А если вы не верите собственной записной книжке, то вон там, за стойкой бара висит календарь.

— Вот почему нет лошадей, — прошептал он почти неслышно. — И деревья в сквере стали такими большими... сон никогда не бывает столь логичным... во всяком случае, до такой степени. — После паузы он внезапно воскликнул: — О Господи! Если это действительно так... — Он снова повернулся ко мне, но в глазах у него теперь горела жажда знания. — Расскажите мне об этих пластмассах!

Я ведь не химик и в подобных делах разбираюсь не лучше первого встречного. Однако поскольку старик явно заинтересовался, а мне казалось, что знакомый вопрос может помочь разбудить его память, то мне оставалось лишь продолжить начатое.

Я указал на пепельницу.

— Ну, к примеру, этот материал похож на бакелит. Если не ошибаюсь, это одна из самых ранних термоактивных пластмасс. Некто по фамилии Бакеланд запатентовал ее, как мне кажется, около 1909 года. Имеет какое-то отношение к фенолу и формальдегиду.

— Термоактивная? Что это такое? — спросил старикан.

Я постарался ответить как можно понятнее, а затем попробовал выложить то, что знал понаслышке о молекулярных цепях и сочетаниях, полимеризации и прочем, упоминая попутно их некоторые характеристики и виды использования. При этом у меня отнюдь не возникло ощущения, будто я пытаюсь обучать собственную прабабку. Напротив, мой собеседник слушал с огромным вниманием, повторяя время от времени какое-нибудь слово, как будто хотел зафиксировать его в своей памяти. Подобное внимание к моим словам приятно щекотало мое самолюбие, но я не замечал никаких признаков того, что они хоть сколько-нибудь оживили память старика.

Мы, вернее, я, должно быть, говорили около часа, и все это время он сидел внимательный и напряженный, крепко сжимая руки. Затем я заметил, что стимулирующее воздействие бренди начало истощаться, и старик опять выглядел далеко не так, как хотелось бы.

— Знаете, я уверен, что мне следует проводить вас домой, — сказал я ему. — Может, вспомните свой адрес?

— Сорок восьмой номер на Харт-стрит.

— Нет, я имею в виду ваш нынешний адрес, — настаивал я.

Но он уже не слушал, хотя его лицо сохраняло выражение глубокой внутренней работы мысли.

— Если бы я мог вспомнить... если бы я мог все это вспомнить, когда проснусь, — бормотал старикан с отчаянием, скорее про себя, чем обращаясь ко мне. Затем он снова взглянул на меня. — Как ваше имя?

Я назвал.

— Это я тоже не забуду, если смогу, — заверил он меня вполне серьезно.

Я наклонился вперед и раскрыл его записную книжку. На первом листке было записано имя старика и адрес на Верхней Гросвенор-стрит. Я сложил вместе книжку с бумажником и вложил их ему в руку. Он автоматически спрятал их в карман, после чего продолжал пребывать в полной отключке, пока швейцар не вызвал нам такси.

Пожилая женщина, судя по всему домоправительница, открыла дверь роскошной квартиры. Я посоветовал ей позвонить врачу сэра Эндрью и остался там на то время, которое потребовалось, чтобы объяснить ей всю ситуацию, и в результате задержался до прихода доктора.

На следующий вечер я позвонил, чтобы узнать о состоянии здоровья сэра Эндрью. Мне ответил молодой женский голос. Женщина сказала, что сэр Эндрью хорошо выспался благодаря принятому снотворному, проснулся несколько усталым, но вполне в здравом уме, без всяких признаков провала памяти. Врач не видит никаких причин для беспокойства. Она поблагодарила меня за заботу о нем и за то, что доставил его домой. На этом все и кончилось.

По правде говоря, я практически забыл об этой истории, пока не увидел в декабрьском номере газеты сообщение о смерти старика.

Мистер Фраттон некоторое время молчал, затем затянулся сигарой, сделал добрый глоток кофе и выложил не слишком конструктивную мысль:

— Странное дело.

— Вот так же подумал и я... и так продолжаю думать и теперь, — отозвался мистер Астер.

— Я имею в виду, — продолжил мистер Фраттон, — что вы действительно оказали ему добрую услугу, но вряд ли, если вы меня извините, такую, за которую можно получить шесть тысяч однофунтовых акций, которые к тому же котируются сегодня по восемьдесят три шиллинга, да еще шесть пенсов в придачу.

— Точно, — согласился мистер Астер.

— Еще удивительнее, — продолжал мистер Фраттон, — что эта встреча имела место в конце прошлого лета. Однако завещание, содержащее пункт о вашем наследовании, было подготовлено и подписано семь лет назад. — Он опять задумчиво пососал сигару. — И я не думаю, что

нарушу чье-нибудь доверие, если скажу, что предшествовавшее завещание было написано за двенадцать лет до последнего, но и в нем уже содержался тот же самый пункт. — Тут мистер Фраттон бросил на своего собеседника задумчивый взгляд.

— Сдаюсь, — сказал мистер Астер, — но уж ежели вы решили коллекционировать странности, то можете, пожалуй, приобщить к своей коллекции еще одну. — Он достал записную книжку и вынул из нее газетную вырезку. Заголовок вырезки гласил: «НЕКРОЛОГ. Сэр Эндрю Винселл — пионер производства пластмасс». Мистер Астер отыскал абзац где-то в середине текста и прочел: «Любопытно отметить, что в молодости сэр Эндрю не проявлял ни малейшего интереса к главной сфере своей дальнейшей деятельности. Более того, одно время он был членом фирмы лицензированных бухгалтеров. Однако в возрасте двадцати трех лет, летом 1906 года он внезапно и совершенно неожиданно для всех разорвал свой контракт и посвятил себя химии. В течение ближайших нескольких лет он сделал все свои важнейшие открытия, на основании которых и была воздвигнута впоследствии его громадная компания».

— Гм-м... — сказал мистер Фраттон, многозначительно воззрившись на мистера Астера. — И он действительно был сбит трамваем на Танет-стрит в 1906 году, если уж вам угодно знать.

— Разумеется. Он сам сказал мне об этом, — ответил мистер Астер.

Мистер Фраттон удрученно покачал головой.

— Все это в высшей степени странно, — заявил он.

— Золотые ваши слова, — согласился мистер Астер.

ГДЕ ЖЕ ТЫ ТЕПЕРЬ, О ГДЕ ЖЕ ТЫ, ПЕГГИ МАК-РАФФЕРТИ?

«О где же? — вот тот вопрос, которым постоянно задаются в крошечном коттеджике, что стоит на изумрудной травке Барранаклоха, там, где воды Слайв-Грэмп стекают в болотистую низину. — О где же наша Пег? Где она — прелестная, как юная телочка, что пасется на солоноватых болотах, с глазами, подобными двум голубым лужицам на торфяном мху, со щечками розовее пионов в садике отца О'Крэкигана и с такими милыми и обворожительными манерами?! Сколько писем было написано ей с тех пор, как ушла она из дому, но ни на одно из них не пришло ответа, ибо неизвестен был нам адрес, по которому следовало слать ей эти письма. О горе нам! Горе!»

А случилось все вот как.

Однажды в коттеджик пришло письмо, адресованное мисс Маргарет Мак-Рафферти, и, после того как почтальон разъяснил ей, что таково принятое в высших сферах написание имени Пегги, она взяла его, взяла даже с некоторым волнением, ибо до сих пор еще никогда не получала личных писем. Когда Майкл, что ошивается в Канаде, Патрик, живущий в Америке, Кэтлин из Австралии и Бриджит из Ливерпуля в кои-то веки добирались до чернильницы, они всегда адресовали письма всем Мак-Рафферти скопом, дабы облегчить себе непосильный труд.

Кроме того, адрес был напечатан на машинке. Некоторое время Пегги любовалась конвертом, пока наконец Эйлин нетерпеливо не прикрикнула на нее:

— От кого это?

Oh, where, now, is Peggy MacRafferty?

© 1995 В Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

— Откуда ж мне знать? Я ведь его еще не распечатала, — огрызнулась Пегги.

— О том и речь, — отозвалась Эйлин.

Когда конверт был вскрыт, в нем оказалось не только письмо, но и денежное вложение в виде двадцати шиллингов. Рассмотрев все это, Пегги внимательно прочла письмо, начав с самого верха, где было напечатано название: «Попьюлэр Амальгемейтед Телевижн, лимитед», и без перерыва до подписи внизу страницы.

— Ну и что там говорится? — потребовала информации Эйлин.

— Какой-то парень хочет задать мне несколько вопросов, — ответила ей Пегги.

— Из полиции? — ни с того ни с сего спросила мама Пегги. — Что ты там еще натворила? Ну-ка подай его сюда!

В конце концов им все же удалось уловить смысл послания. Кто-то (не совсем ясно, кто именно) сообщил пишущему, что мисс Маргарет Мак-Рафферти, возможно, согласится принять участие в конкурсе, на котором произойдет раздача весьма ценных призов. Событие это будет иметь место в ратуше Баллилохриша. Пишущий надеялся, что мисс Маргарет сможет приехать туда и добавил, что необходимые подробности сообщат по получении от нее ответа. Пока же он просит принять один фунт стерлингов на покрытие дорожных расходов.

— Но ведь билет на автобус до Баллилохриша стоит всего лишь три шиллинга шесть пенсов, — сказала Пегги с недоумением.

— Ну, остальное ты сможешь отдать ему при встрече, — подала мысль Эйлин. — Или, что еще лучше, — продолжила она, подумав, — можно отдать не все. Хватит ему и двух шиллингов.

— А предположим, я не смогу ответить на вопросы, что тогда? — забеспокоилась Пегги.

— Прекрати, ради Бога! Подумаешь, делов-то! Проезд обойдется в три шиллинга шесть пенсов, ему отдать ради приличия два, еще три пенса уйдет на марку для ответа, это значит пять шиллингов десять пенсов, так что у тебя останется еще четырнадцать шиллингов и три пенса только за то, что ты смотаешься на автобусе до Баллилохриша и обратно...

— Но я терпеть не могу телевидения, — возразила Пегги. — Вот если бы это было кино...

— Поди ты со своим кино! Вечно ты отстаешь от моды! В наше время стать звездой телевидения любому охота.

— А мне — нет, — сказала Пегги. — Мне вот охота стать звездой кино.

— Ну, все равно, самое-то главное, чтоб тебя увидели, верно? Надо ж откуда-то начинать, — ответила ей Эйлин.

Итак, Пегги сообщила, что она принимает предложение. Однако выяснилось, что, кроме ответов на вопросы, процедура включала еще кое-что. Во-первых, состоялось нечто вроде чайной церемонии в местном отеле, где молодой ирландец, имевший какое-то отношение ко всему этому делу, весьма мило ухаживал за Пегги, сидя справа от нее, а другой молодой человек, сидевший слева, изо всех сил старался быть милым и услужливым, хотя это удавалось ему с большим трудом, ибо он был англичанином. После чая они все вместе отправились в ратушу, битком набитую проводами, камерами, слепящими прожекторами и всем наличным населением Баллилохриша.

К счастью, очередь до Пегги дошла не сразу, и она имела возможность внимательно ознакомиться с тем, какого типа вопросы задаются ее соперницам. Вопросы вовсе не были так страшны, как она опасалась; больше того, первый всегда был очень прост, второй — чуть потруднее, а третий еще трудней, так что те, кто не проваливался на первом, скользали на втором, и Пегги здорово приободрилась. Наконец подошла ее очередь, и она заняла место на эстраде.

Мистер Хэссоп — тот, что задавал вопросы, — улыбнулся ей.

— Мисс Пегги Мак-Рафферти! Ну-с, Пегги, вам повезло — вам выпал жребий отвечать на географические вопросы, так что остается надеяться, что вы, Пегги, не лодырничали на уроках географии в школе.

— Да не так чтобы очень, — ответила Пегги, и ее ответ почему-то, казалось, подогрел настроение аудитории.

Отпустив еще пару шуточек, мистер Хэссоп наконец выдал свой первый вопрос:

— Сколько графств вашей прекрасной страны все еще стонут под иноземным ярмом и как они называются?

Ну, это было легче легкого. Аудитория бурно зааплодировала.

— Так, а теперь переплываем море и отправимся в Англию. Я хочу, чтоб вы назвали мне пять английских университетских городов.

С этим делом Пегги разделалась более чем хорошо, поскольку ей и в голову не пришло, что Оксфорд-Кембридж вовсе не один город, а два, так что у нее в списке оказалось на один город больше, чем надо.

— Ну а теперь перейдем к Америке...

Пегги сразу полегчало, когда она услышала про Америку. Отчасти потому, что в Америке находится Голливуд, но еще и потому, что помимо ее братишки Патрика, собиравшего в Детройте автомобили, два ее родных дяди состояли в рядах полиции Нью-Йорка, третий — в полиции Бостона, четвертый был пристрелен в Чикаго еще в старые добрые времена, а пятый постоянно проживал в местечке, называемом Сан-Квентин*. Поэтому она очень интересовалась Америкой и вопрос выслушала со вниманием.

— Соединенные Штаты, — начал мистер Хэссоп, — как вам известно и как свидетельствует само это название, являюсь не одной страной, а союзом штатов. Я не собираюсь просить вас называть их все — ха-ха! — но мне хочется, чтобы вы сказали, сколько именно штатов входит в этот союз. Не волнуйтесь. Помните: в этот вечер еще никто не ответил правильно на все три вопроса. Так что — вон там лежат призы, а вот тут — ваш шанс получить их. Итак, сколько же штатов объединены этим названием — США?

Пегги тщательно продумала свой ответ и теперь кончиком языка облизнула слегка пересохшие губы.

— Сорок восемь, — произнесла она.

Стеклянная кабинка, которая ограничивала возможность публики давать соревнующимся подсказки, защитила слух Пегги от почти единодушного вздоха разочарования. Чарли Хэссоп тоже натянул на лицо профессиональное выражение огорчения. Поскольку он кое-что разумел в сфере общения с публикой, а также потому, что был человеком добродушным и расположенным к своим жертвам, то и решил подыграть своей противнице.

— Вы сказали нам, что в США входят сорок восемь штатов. Вы уверены, что это именно то число, которое вы хотели назвать?

Пегги, сидя в своей стеклянной будочке, кивнула.

— Разумеется... но я не думаю, что с вашей стороны достойно прибегать к подобным подвохам!

* Знаменитая тюрьма в США.

Мистер Хэссоп изгнал появившееся было на его лице выражение жалости.

— Не достойно?

— Нет, — решительно отозвалась Пегги. — Разве не вы только что разглагольствовали, будто у вас не будет вопросов с подковыркой? И разве сию минуту вы не пытались хитростью заставить меня произнести слово «пятьдесят»?

Мистер Хэссоп молча взирал на нее.

— Ну... — начал он было.

— Я сказала сорок восемь штатов и продолжаю это утверждать, — стояла на своем Пегги. — Сорок восемь штатов и две самоуправляющиеся территории, а также Федеральный округ Колумбия, — добавила она уверенно.

Глаза мистера Хэссоба буквально остекленели. Он открыл было рот для ответа, поколебался и почел за лучшее промолчать. Он знал, что именно написано в его вопросе, но вероятность крайне неприятных последствий внезапно предстала перед ним во всей своей красе — она разверзлась волчьей ямой прямо у его ног. Взяв себя в руки, мистер Хэссоп попытался возвратить и былой апломб.

— Минуточку! — сказал он зрителям и быстро отошел в сторону, дабы посоветоваться с кем следует.

Когда весь спектакль кончился, присутствовавшие отправились обратно в местный отель ужинать, то есть все, кроме мистера Хэссоба, который удалился сразу же после того, как в весьма осторожных выражениях поздравил Пегги.

— Мисс Мак-Рафферти, — произнес милый молодой ирландский джентльмен, который вновь оказался ее соседом, — я уже раньше убедился, что вы обладаете повышенной концентрацией нашего национального обаяния, так не могу ли я поздравить вас еще и с другим нашим даром — нашей национальной удачливостью?

— Вы потрясно добры ко мне, хотя должна признаться, что и остальные игроки почти все тоже были ирландцами, — ответила Пегги. — Кроме того, я знала, что права.

— Точно, вы знали, чем и доказали, что так же умны, как и прелестны, — согласился молодой человек. — Но в конце-то концов вам могли бы задать и совсем другой вопрос. — Он помялся и хмыкнул: — Бедный миляга Чарли. Как задавать хитрые вопросы он уже наострил

вполне, а вот хитрый ответ для него стал весьма мало-приятным уроком, и Чарли оказался на волосок от гибели. Пришлось ведь звонить в американское консульство в Дублине, так что от Чарли до сих пор идет пар.

— Вы что же, пытаетесь мне доказать, что его вопрос вовсе не заключал в себе подвоха, так, что ли? — на-кинулась на него Пегги.

Молодой человек долго и оценивающе смотрел на нее и решил, что будет благоразумнее сменить тему разговора.

— А что вы собираетесь делать со своей добычей? — спросил он.

— Ну, — сказала она, — у нас в Барранаклохе ведь нет электричества, но думаю, что морозильник можно использовать и просто для хранения кукурузы.

— Без сомнения, — согласился тот.

— Что же до бумажных салфеток, так ведь это просто приманка и все тут, — добавила Пегги.

— Вы имеете в виду годовое бесплатное снабжение «Прозрачными Удаляющими Косметику Салфетками Титании»? Я не вполне понимаю...

— А как же иначе! Разве не понятно, что они рассчитывают, будто я потрачу все свои денежки на ихнюю косму... косми... косметику, а они, значит, станут за это ее бесплатно удалять. Ну а я ничего подобного делать не собираюсь. Вот это и есть то, что в Америке зовут рэкето́м, — объяснила она.

— Ах, об этом я не подумал, — отозвался юноша. — Ну а деньги? Надеюсь, тут-то все в порядке? — добавил он с беспокойством.

Пегги достала из сумочки чек, положила его на стол и разгладила рукой. Ирландец, она и молодой англичанин, сидевший по другую руку от Пегги, уважительно поглядели на бумажку.

— Еще бы! Вот это действительно мило с их стороны. Мое драгоценное сокровище. Половина куска, как говорят у них в Америке.

— Пятьсот фунтов куда больше, чем половина американского куска, и иметь их весьма приятно, — согласился молодой ирландец. — Но назвать это сокровищем, извините меня, вряд ли можно. В наши дни — тем более. И все же... без обложения налогами... в этом отношении мы даже впереди Америки. И что вы с ними сделаете?

— Ох, я сама уберусь в Америку и постараюсь устроиться в киноиндустрию — в киношку, как там говорят.

Молодой ирландец неодобрительно покачал головой.

— Вы имеете в виду телевидение? — сказал он. — Фильмы, они *passes**, вульгарны, *vieux-jeux***, старые.

— Не имею я в виду телевидение. Я имею в виду именно фильмы! — твердо сказала Пегги.

— Но послушайте... — воскликнул ирландец и принялся весьма красноречиво защищать свои взгляды.

Пегги слушала его спокойно и внимательно, но когда он кончил, сказала:

— Вы верны своим нанимателям, и все же я имею в виду именно фильмы.

— Но вы хоть кого-нибудь там знаете? — спросил он.

Пегги начала было цитировать длинный перечень своих дядей и кузенов, однако молодой ирландец тут же прервал ее:

— Нет, я говорю о ком-нибудь внутри самой отрасли, в самом Голливуде. Понимаете, хотя пятьсот фунтов и симпатичная сумма, но там вы на нее долго не продержитесь.

Пегги пришлось признать, что, насколько ей известно, никто из ее родственников в кинопромышленности не связан.

— Что ж... — начал ирландец. Но именно в этот момент молодой англичанин, который уже давно приглядывался к Пегги, хоть и молчал, вдруг вклинился в разговор:

— Вы это серьезно — насчет кино? Там, знаете ли, очень суровая жизнь.

— А может быть, я буду лучше подготовлена к легкой жизни, если немножко постарею? — ответила Пегги.

— Весь Голливуд битком набит будущими звездами, которые пока что вынуждены принимать шляпы в гардеробах.

— И кое-кем, кому этого делать не пришлось, — смело парировала Пегги.

Молодой человек погрузился в задумчивость, но тут же вернулся к теме разговора.

— Слушайте, — сказал он, — вы вряд ли хорошо представляете себе, что вас ждет и во сколько это обойдется. А не лучше ли вам попробовать пробиться в английскую кинематографию и уж ее превратить в плацдарм для дальнейшего наступления?

— А это разве легче?

— Возможно. Случайно я знаком с одним режиссером.

* Устарели (фр.).

** Барахло (фр.).

— Ну-ну, — вмешался ирландец, — такой способ ухаживания давно ходит с бородой...

Англичанин игнорировал реплику.

— Его имя, — продолжал он, — Джордж Флойд...

— О да! Я о нем слышала, — сказала Пегги с явно возросшим интересом. — Это он сделал в Италии «Страсть на троих», да?

— Тот самый. Я могу представить вас ему. Конечно, я абсолютно ничего не в силах гарантировать, но из того, что он говорил вчера, я делаю вывод, что, возможно, вам стоило бы с ним познакомиться, если у вас есть желание.

— Ну еще бы! — воскликнула Пегги с восторгом.

— Э... послушай-ка, старина... — начал другой юноша, но англичанин решительно повернулся к нему:

— Не будь идиотом, Майкл! Разве ты не видишь, как складно все получается? Если Джордж Флойд возьмет ее, то это будет значить, что «Попьюлэр Амальгемейтед Телевижн» раскопала новую звезду экрана. И каждый раз, как будет упоминаться ее имя, сразу же после него будут сообщать, что это находка Поп. Ам. Теле. А это, знаешь ли, уже не шутка!.. Во всяком случае, вам стоит пока пойти на риск и поддержать девушку, доставить в Лондон и на недельку поместить в хороший отель. Даже если Джордж ее не возьмет, твоя компания получит неплохую рекламу и таким образом ни пенни не потеряет на этой комбинации. Хотя полагаю, что Джордж возьмет наживку. По тому, что он говорил, можно заключить, что Пегги — как раз то, в чем он сейчас нуждается. И она фотогенична — я ведь смотрел по монитору.

Оба повернулись и долго изучали Пегги, на этот раз со строго профессиональных позиций. Наконец молодой ирландец сказал:

— Знаешь, а ведь у нее действительно кое-что есть! — и в его голосе прозвучала такая убежденность, что Пегги вспыхнула и продолжала краснеть до тех пор, пока не поняла, что тот обращался вовсе не к ней, а к своему коллеге.

Неделю спустя пришло другое и тоже напечатанное на машинке письмо, но только гораздо длиннее первого. После поздравлений по поводу одержанной Пегги победы ее извещали, что предложение, представленное на обсуждение Совета «Попьюлэр Амальгемейтед Телевижн, лимитед»

мистером Робинсом, которого она, без сомнения, не за-
была, было одобрено. Поэтому Компания имеет удоволь-
ствие пригласить ее... и т. д. и т. п... и надеется, что
следующие условия будут сочтены подходящими... машина
заедет за ней в Барранаклох в восемь утра в среду 16-го...

К письму был приложен авиабилет от Дублина до Лон-
дона с прикрепленной к нему записочкой от руки, гла-
сившей: «Пока все идет как по маслу. Растормоши своего
Йетса. Встречу в лондонском аэропорту. Билл Робинс».

Деревушку затопила волна возбуждения, которое слегка
сдерживалось всеобщей неспособностью установить, что
это за штука такая у Пегги — Йетс?*

— Не важно, — сказала Эйлин после долгого раз-
думья, — похоже, это английская манера называть пер-
манент. А им я займусь лично.

В среду, как и сообщалось в письме, прибыла машина, и
Пегги укатила в ней куда элегантнее, чем кто-либо из
более ранних эмигрантов, покидавших Барранаклох.

В вестибюле лондонского аэропорта Пегги ожидал мис-
тер Робинс, махавший ей рукой и пробившийся к ней
сквозь поток пассажиров, чтобы поздороваться.

Пугающе ярко блеснула чья-то фотовспышка, и тут же
Пегги была представлена крупной, весьма добродушно вы-
глядевшей леди в черном костюме и боа из серебристой
чернобурки.

— Миссис Трамп, — объяснил мистер Робинс. — Функ-
ции миссис Трамп — быть вашим гидом, советником, при-
глядывать за вами вообще и отпугивать кобелей.

— Кобелей? — ошеломленно спросила Пегги.

— Кобелей, — подтвердил молодой человек. — Тут они
кишмя кишат.

Теперь дошло и до Пегги.

— О, понимаю! Вы имеете в виду тех американцев,
которые свистят? — спросила она.

— Ну с этого они только начинают. Хотя, должен вас
предупредить, тут они ходят под всеми флагами.

Затем Пегги, мистер Робинс, миссис Трамп и еще один
несчастливого вида человечек с фотокамерой, откликнувшись
на имя Берт, набились в огромную машину и тронулись в
путь.

* Йетс (Йитс) Уильям Батлер (1865—1939) — ирландский поэт и драматург.

— Наша публика здорово клюет на такие штуки, — сказал мистер Робинс. — Примерно через час вам предстоит встреча с прессой. На послезавтра я договорился о свидании с Джорджем Флойдом. Но смотрите, ни единого слова о Флойде парням и девчонкам из прессы! Будьте осторожны и не проболтайтесь. Нельзя, чтобы Флойду показалось, будто мы на него давим. А еще у нас предусмотрено одноминутное интервью в вашей программе завтра вечером.

Однако нам необходимо получить кое-какие сведения о вас, каковые следует вручить прессе. Например, что мы можем сообщить им о вашей семье? Не играла ли она славной роли в истории? Может, в качестве солдат? Моряков? Исследователей?

Пегги подумала.

— Был у меня прапрапрадед. Его отправили в ссылку на какую-то там землю. Может, это сойдет за исследование?

— В общепринятом сейчас смысле — вряд ли. Да и прежде — тоже. Нет ли чего посовременнее?

Пегги снова задумалась.

— Может, сойдут братья моей мамыши? Они здорово насобачились поджигать дома англичан!

— Ну, пожалуй, это не совсем та точка зрения; подумайте еще, — уговаривал мистер Робинс.

— Не знаю... О, конечно! Мой дядюшка Шон! Он так знаменит!

— А что он сделал? Уж не по фотографической ли части? — с надеждой спросил Берт.

— Не думаю. Но в конечном счете он позволил пристрелить себя другому очень знаменитому человеку по имени Аль Капоне, — сказала Пегги.

Отель «Консорт», куда они прибыли, действительно оказался весьма респектабельным заведением, но через фойе они пролетели будто безукоризненно слаженный авиационный клин, дабы избежать встречи с каким-нибудь дошлым журналистом, который мог попытаться захватить их врасплох; а потому они взлетели в лифте наверх, прежде чем Пегги удалось разглядеть фойе как следует.

— Неужто это и есть подъемник? — спросила она с любопытством.

— Пожалуй, хотя, если бы американцы и в самом деле изобрели его, он мог бы теперь именоваться Вертикальным Распределителем Населения. Но мы называем его лифтом, — ответил ей Берт.

Пройдя по коридору, покрытому толстой ковровой дорожкой, они остановились у двери с номером, где миссис Трамп внезапно впервые подала голос.

— Ну а теперь вы оба дуйте себе в гостиную. И постарайтесь не напиваться, — посоветовала она.

— У тебя есть только полчаса, Далси, не более, — напомнил ей мистер Робинс.

Они вошли в великолепную комнату, выдержанную преимущественно в серо-зеленых тонах с золотыми блестками. В ней уже была девушка в скромном черном платье, которая выкладывала на радужное переливчатое пуховое одеяло постели отличный серый костюм, зеленое шелковое платье и ослепительный белый вечерний туалет со шлейфом.

— Ну-ка, чтоб одна нога здесь, другая — там, Онор, — сказала миссис Трамп. — Наливай ванну. А ей лучше надеть зеленое.

Пегги подошла к кровати, взяла зеленое платье и приложила его к груди.

— Чудненькое платьице, миссис Трамп, и как раз на меня. Откуда вы узнали размеры?

— Мистер Робинс сообщил нам, а заодно и цвета, которые тебе идут. Вот мы и рискнули.

— Как это умно с вашей стороны! У вас, должно быть, огромный опыт обращения с такими девчонками, как я.

— Ну, не даром же у меня за плечами двенадцать лет работы с женщинами! — ответила миссис Трамп, с усилием стаскивая свой жакет и готовясь к дальнейшим действиям.

— Наверное, в Женском королевском корпусе?

— Нет, в Холлоуэй*, — ответила миссис Трамп. — А теперь пошли, милочка, у нас слишком мало времени.

— Стой спокойно! — давал указания Берт, продолжая прыгать по ковру на четвереньках и даже ползать на животе.

* Крупнейшая лондонская женская тюрьма.

— Ритуальный танец современных фотографов, — объяснил мистер Робинсон.

— Не надо поворачиваться ко мне всем лицом, — говорил Берт, стоя на коленях, — мне нужен поворот на три четверти. Вот так! — Он поелозил вокруг Пегги еще немного. — А теперь прими позу!

Пегги застыла в неподвижности. Берт устало опустил камеру.

— Слушай, не стесняйся меня. У вас в вашем Барранаклохе, что, никто и никогда камер не видал? — спросил он.

— Именно, — ответила Пегги.

— Ладно. Тогда начнем с общих принципов. Стой там, где стоишь. Заложи руки за спину. Сожми их покрепче. Теперь глянь в камеру. Вот так. А теперь постарайся как можно ближе свести локти и улыбнись. Нет, нет, пошире, покажи всем, сколько у тебя зубов. Тебе кажется, будто выходит что-то вроде ухмылки мертвеца? Не обращай внимания! Издатели журналов по искусству лучше тебя разбираются в таких делах. Ну вот, другое дело! Продолжай сводить локти, теперь глубокий вдох — самый глубокий, на какой способна. А получше не можешь? Ладно, глядится вроде нормально... а, сойдет...

Последовала ослепительная вспышка. Пегги расслабилась.

— Все в порядке?

— Ты не поверишь, — сказал Берт, — но мы можем дать Природе пару-другую очков вперед, это уж точно.

— Сколько шуму из-за какой-то фотки, — сказала Пегги.

Берт поглядел на нее:

— Mavougnpeep*, да ты хоть разок видела настоящую фотографию? — Он вытащил фотожурнал для знатоков и перелистал несколько страниц. — Voila!** — воскликнул он и передал ей журнал.

— О! — воскликнула девушка. — Уж не хочешь ли ты сказать, что и я буду выглядеть таким же образом?!

— Именно, черт побери, — заверил ее Берт.

Пегги не могла оторвать глаз от фото.

* Моя милочка (ирл.).

** Вот, пожалуйста! (фр.)

— Надо думать, что после таких упражнений она сейчас сильно страдает — это ведь называется, кажется, болезненной деформацией?

— Это, — сурово ответил ей Берт, — называется «шик-блеск», и если я еще раз услышу от вас, юная дева, подобную ересь и богохульство, я велю посадить вас на кол.

— Это то, что в Америке называется «палка в заднице»? — спросила Пегги.

Тут вмешался мистер Робинс.

— Пошли, — сказал он, — есть еще одно преступление, заслуживающее палки в задницу, — это заставить прессу ждать тебя. Ну а теперь вспомните, о чем мы говорили в машине. И держитесь подальше от выпивки. Она тут для того, чтобы размягчить их, а отнюдь не нас.

— Что ж, — сказал мистер Робинс, позволив себе расслабиться, — вот и все. Теперь можно и нам выпить: Миссис Трамп? Мисс Мак-Рафферти?

— Чутьочку портвейна с лимоном, пожалуйста, — сказала миссис Трамп.

— Хайбол с хлебной водкой, — сказала Пегги.

Мистер Робинс нахмурился:

— Мисс Мак-Рафферти, ваши познания, видимо, весьма обширны, но они несколько бессистемны. Вам не следует смешивать продукты из разных стран. Я не стану об этом распространяться, а просто порекомендую вам продукцию нашего с вами соплеменника мистера Пимма*.

Когда напитки доставили, Робинс с наслаждением проглотил половину своей тройной порции виски.

— Недурно, Берт? — спросил он.

— Прилично, — согласился фотограф, правда без особого энтузиазма. — В общем не так уж плохо. Вы были весьма милы, тавоугнеп. Вас приняли.

Пегги слегка просветлела.

— Правда? В самом деле? А мне показалось, что большинство... самые главные... даже не заметили меня..

— Не верьте глазам своим, милочка. Они вас заметили. Впрочем, реакция мужчин не так уж важна. Вам следует опасаться своих сестричек, причем особенно тогда, когда

* Пиммз — фирменное название ирландского алкогольного напитка на основе джина с различными добавками.

они с вами любезны. А они этого как раз и не делали. — Берт опорожнил стакан и протянул его, чтоб получить новую порцию. — Забавно наблюдать проделки этих девиц. Существуют типы, которые выпускают когти уже за пятьдесят ярдов от вас; иные морщат нос, не доходя и двадцати; а подавляющее большинство вообще никак не выражает своего отношения, для них вы — всего лишь новое зерно, идущее на старые жернова. Но иногда вдруг появляется кто-то, кто на мгновение отшибает у них напроочь мозги... Потрясно видеть, что даже у такой публики вдруг вспыхивает искра священного огня. *Sic transit triviter gloria mundi!** — Берт вздохнул.

— *In vino morbida***, — лениво отозвался мистер Робинс.

— Ты хочешь сказать *tristitia****, — поправил его Берт.

— Интересно, что означает эта бессмысленная болтовня? — фыркнула Пегги.

— Мгновения быстротечны, моя дорогая, — отозвался Берт. Он сел на пол прямо возле своего стула и поднял камеру. — Но несмотря на их быстрый полет, я все же могу зафиксировать их тень. И вот сейчас я хочу сделать два-три настоящих снимка.

— О Боже, я думала, все это уже позади, — взмолилась Пегги.

— Может, скоро и будет... но только не сейчас... и не совсем... — бормотал Берт, глядя в свой экспонометр.

Что ж, хоть все англичане и немного полоумные, но они все же были к ней добры и милы. Поэтому Пегги отставила свой стакан и поднялась. Она разгладила юбку, прошлась ладонью по волосам и приняла ту самую позу.

— Вот так? — спросила она Берта.

— Нет! — отозвался Берт. — Как угодно, но только не так!..

На следующий день у Пегги было интервью на телевидении, и она надела свое белое парчовое платье. «Наша последняя победительница в конкурсе, которая вскоре будет одерживать победы и на экране»... И все опять были

* Так скоропалительно проходит слава мирская! (*лат.*)

** В вине болезнь (*лат.*).

*** Тоска, грусть (*лат.*).

добры и милы с ней, так что казалось, будто все идет как надо.

Затем, уже на другой день, состоялся разговор с мистером Флордом, который тоже оказался очень симпатичным, хоть сам визит безусловно был чем-то большим, чем обычное интервью. Пегги не ожидала, что ей без всякой подготовки придется ходить по комнате, садиться, вставать и делать то одно, то другое перед кинокамерами, однако мистер Флорд удовлетворенно улыбался, а мистер Робинс, когда они вышли, потрепал ее по плечу и сказал:

— Молодчина! Сейчас мне очень хочется выглядеть так, будто по тринадцатому каналу мне показали царство фей, но боюсь, меня все равно не поймут.

Жестом, великолепно известным в кино, Джордж Флорд запустил пальцы в пышную седеющую шевелюру.

— После этих проб вы просто не вправе не увидеть — в ней что-то есть, — настаивал он. — Она безусловно фотогенична, неплохо двигается, и еще в ней сквозит свежесть. Если она пока что мало знает об актерском мастерстве, так ведь и все прочие имеют об этом весьма отдаленное представление, зато девчонка еще не успела понахвататься дурацких наигрышей и штампов. Она умеет уловить мысль режиссера, во всяком случае, пытается это сделать. А главное — в ней есть обаяние. Нет, перспективная девчонка, и я хотел бы ее использовать.

Солли де Копф вытащил изо рта сигару.

— Согласен, в некоторых отношениях она по-своему хороша, но она не выглядит достаточно современной, а публика ждет именно этого. Да и говорит она как-то чудно, — добавил он.

— Несколько уроков дикции вполне справятся с этим недостатком. Девчонка — не дура, — ответил Джордж.

— Возможно. А что ты думаешь о ней, Аль? — обратился Солли к своему главному подручному.

Аль Форстер произнес, взвешивая каждое слово, будто произносил приговор:

— Смотрится она ничего себе. Рост подходящий, ножки первый сорт. Но, как вы и сказали, шеф, выглядит не современной. Хотя талия подходящая — около двадцати двух дюймов, полагаю. Это важно, остальные-то размер-

ности подогнать куда легче. Я сказал бы, что она может подойти, шеф. Хотя, конечно, до Лолы ей далеко.

— Черт побери, да на фиг ей быть Лолой! — изумился Джордж.

— Поддельные Лолы — главная статья итальянского экспорта!.. Самое времечко выбросить на рынок кое-что новенькое, и она как раз может подойти.

— Новенькое? — с подозрением спросил Солли.

— Новенькое! — твердо повторил Джордж. — Приходит время, когда подобные вещи сами изживают себя. Это ты должен знать, Солли, — вспомни, что случилось с «Освети мое сердце прожектором». Казалось — верняк, этакое эпическое повествование о звезде из ночного клуба. Да только верняка не получилось — это была твоя девятая картина подобного рода. Знаете, сейчас самое время дать итальянской романтике чуток отдохнуть.

— Но ведь Италия себя еще не изжила! Она все еще приносит неплохие денежки! — запротестовал Солли де Копф. — Как раз сейчас Аль разыскивает подходы к штучке под названием «Камни Венеции», которую мы намеряем купить сразу же, едва только раздобудем копию и заставим автора подписать контракт. Ну а пока нам предстоит подобрать актеров для очередного секс-шоу, которое мы, можно сказать, уже заарканили. Понимаешь, у римлян — я говорю о древних римлянах, а не о нынешнем сброде — почему-то возник дефицит в бабах, так что они сварганили планчик — пригласили всю шпану из соседнего городка вроде как на пикник для гомиков, а сами послали отряд солдатни, который окружил жен тех парней и уволок их с собой. Здорово перспективный матерьяльчик, да к тому же еще и исторический. Я это дело проверил: чистая классика и вообще все о'кей. Конечно, придется подобрать новое название. Прямо безобразие, что этим писакам разрешается охранять свои заголовки — ты только представь себе, разве кто-нибудь мог бы пройти мимо фильма, который называется «Изнасилование сабинянок»?

— Что ж, — слегка отступил от своих позиций Джордж, — если тебе удастся поспеть вовремя, то зрелище целой сотни Лолочек, носящихся взад и вперед с воплями ужаса, да еще почти голых, даст нашей молодежи хороший повод для кайфа.

— Никаких сомнений и быть не может, Джордж. Это ведь вещь историческая, вроде как «Десять заповедей», ну и все остальное при ней! Сработает без промаха!

— Возможно, ты на этот раз и прав, Солли, но если ты проваландаешься в Италии дольше, чем следует, то получишь второй «Прожектор». Пришло время искать новый поворот!

Солли де Копф тяжело задумался.

— Что скажешь, Аль?

— Да может, оно и так, шеф. Бывает ведь, что кажется, будто они этот корм станут клевать вечно, а вдруг в один прекрасный день — бац, и все кончилось! — признал правоту противника Аль.

— И мы снова окажемся на мели, — добавил Джордж. — Слушай, Солли, когда-то нам удалось заставить публику всех возрастов и размеров год за годом ходить в киношку по два раза в неделю. А взгляни-ка на нашу промышленность сейчас!

— Ха! Долбаное телевидение! — прорычал Солли с застарелой ненавистью.

— А что мы сделали, чтоб побить телевидение? Черт, да ведь у них самих далеко не все ладно! Но постарались ли мы сохранить свою публику и удержать ее в кино-театрах?

— Конечно, постарались! Разве мы им не дали широкого экрана и супервидения?

— Все, что мы дали, — это несколько технических фокусов и приемчиков для завлечения неискушенной молодежи. Мы сосредоточились на зеленых подростках и умственно недоразвитых, и вот эта публика у нас только и осталась, если исключить аудиторию нескольких по-настоящему значительных фильмов. Мы позволили всей массе зрителей среднего возраста уйти от нас и не сделали ни единой серьезной попытки удержать их при себе.

— И что же? Ты, как всегда, преувеличиваешь, Джордж, но в том, что ты говоришь, смысл все же есть.

— А вот что, Солли. В мире еще существуют люди среднего возраста, фактически их численность даже больше, чем раньше, но на них никто не обращает внимания. Все дерутся между собой за право стричь юных барашков: мы, звукозапись, безголосые певцы с микрофонами, владельцы экспресс-баров, пивнушек с джазом, порножурналистов, я даже не исключаю, что телевидение тоже наворачивает немалый процент дерьма для подростков. А рядом

лежит колоссальный рынок — огромный слой пожилых, для которых практически никто ничего не делает. А ведь это та самая возрастная категория, что принесла нашей промышленности миллионы, штурмуя кинозалы и проливая слезы! Вспомните: «Живи с улыбкой», «Роза Трайли», «Лилия из Килларни», «Дядюшка Долгоног», «Вечером во ржи» и так далее. Этого они жаждут и сейчас, Солли, — комка в горле, слез умиления, чьей-то доброй руки на сердечных струнах. Дай им то, чего они хотят, и они проглотят наживку вместе с крючком. Мы вернем их в кинотеатры, и они будут рыдать, стоя в проходах! И думаю, эта девчонка нам поможет.

— Ты имеешь в виду ремейки*? — произнес Солли задумчиво.

— Нет, — ответил Джордж, — это была бы ошибка, за которую многие уже заплатились. Возрастная группа, на которую мы нацелены, осталась прежней, с теми же эмоциональными факторами, но она вышла уже из другого поколения, так что спусковые механизмы эмоций тут иные, не совсем те, что были у прежних взрослых. Нам еще предстоит вычислить, каковы эти механизмы — иначе мы получим просто сентиментальную белиберду.

— Ха! — снова произнес Солли, отнюдь еще не убежденный. — А ты что думаешь, Аль?

— Что-то в этом есть, шеф, — произнес Аль. Он с интересом поглядел на Джорджа. — Значит, предлагаешь делать фильмы про любовь, но не сексуальные, а романтические? Что ж, такой поворот не исключен.

— Еще бы не исключен! Женщина, способная рыдать на собственной свадьбе, — фигура почти фольклорная. Как я уже говорил, мы не собираемся возбуждать сладкую сердечную боль теми же самыми средствами, которыми пользовались в двадцатых годах, но я чертовски уверен, что если найти нужный поворот, благодаря которому удастся возродить извечную кельтскую ностальгию, удача придет наверняка.

— Гм-м... Вряд ли тебе добиться штурма билетных касс с таким именем, как Маргарет Мак-Рафферти, верно ведь, Аль? — заметил Солли.

— Это уж точно, шеф, — поддержал его Аль. — Ну а как, скажем, насчет Конни О'Мара? — предложил он.

* Ремейк (жаргон) — заново переснятый старый фильм.

— Нет, — решительно возразил Джордж, — это именно то, чего мы должны всячески избегать. Такое имя имеет определенную временную привязку, подобно Пегги О'Нил, Грейси Филд или Китти О'Ши. Слишком простонародно. Имя должно иметь шарм и даже оттенок чего-то сказочного... Но вы себя не утруждайте. Я его уже выбрал.

— И как же? — спросил Аль.

— Дейрдра Шилшон, — торжественно объявил Джордж.

— А ну-ка, еще раз, — попросил де Копф.

Джордж написал имя крупными печатными буквами и передал карточку Солли. Солли де Копф сосредоточенно нахмурил брови.

— Аль, я не понимаю, как из такого сочетания букв, как, например, «seep», получается окончание «шон», — обратился он к своему помощнику, заглядывавшему ему через плечо.

— Ирландцы большие мастера на эти штучки, — объяснил Джордж.

— Да, в этом имени есть класс, — согласился Аль, — но только оно никуда не годится. Безнадега! Ты только посмотри, как ирландцы произносят имя Диана... впрочем, это еще ничего... а имя Мэри, уж если на то пошло! Маленькое смещение акцента, и наша девица превратится в Да-а-йдри Шн-и-лсин.

Де Копф, однако, все еще продолжал изучать карточку.

— А мне нравится, — сказал он. — Отлично смотрится!

— Но, шеф...

— Я знаю, Аль. Остынь. Если клиенты хотят именовать Диану Дайаанн, а эту — Даай-дрии, то какого черта! Они выкладывают денежки и за это имеют право называть артистов как им вздумается, верно? А смотрится отлично!

— Что ж, вам решать, шеф. Однако есть вещи и поважнее имени, — отозвался Аль.

— Она готова отправиться в Маринштейн, — тут же перебил его Джордж.

— Ха! На это все готовы! — заметил де Копф.

— И готова оплатить тамошний курс обучения, — продолжал Джордж.

— Вот это уже лучше, — оживился Солли.

— Но на оплату издержек на проживание у нее денег не хватит.

— Вот это жаль! — сказал Солли де Копф.

— Однако «Поп. Амаль. Теле.» готова оплатить их в качестве своего будущего взноса, — закончил Джордж.

Брови Солли де Копфа поползли вниз и сошлись на переносице.

— А какого дьявола они лезут в это дело? — требовательно спросил он.

— Так ведь они открыли ее на одном из своих конкурсов, — пояснил Джордж.

Солли продолжал хмуриться.

— Стало быть, они собираются прикармливать наших звезд еще до того, как те станут звездами? — взревел он. — Черта с два у них пройдет такой номер! Аль, посмотри, чтоб эта деваха получила контракт — опционный*, разумеется, зависящий от получения ею маринштейнского диплома и нашего конечного одобрения — это чтоб себе особо рук не связывать. Оплатим ей проживание, и позаботься, чтоб это действительно был хороший отель, а не та дыра, которую выбрала бы ей шпана из «Теле.» Запиши девчонку на соответствующий курс и вели ребятам из рекламы, пусть тотчас начинают над ней работать. Да не забудь дать знать в Маринштейн, что мы ожидаем десятипроцентной скидки! Все усек?

— Еще бы, шеф. Сию минуту, шеф, — сказал Аль уже от дверей.

Солли де Копф повернулся к Джорджу.

— Ну, получай свою звезду, — сказал он. — А какой сюжет у тебя для нее подготовлен?

— Его еще предстоит написать, — сознался Джордж. — Но это нетрудно. Самое главное — мне нужна она. Это будет прелестная colleen** с непосредственностью ребенка, с золотым сердцем и так далее и тому подобное на фоне изумрудных полей, пурпурных туманов, ползущих со склонов гор, и голубых дымков, поднимающихся с крыш домишек. Она легкоранима и бесхитростна, она поет грустные песенки, пока доит коров, но в ней присутствует наследственная врожденная мудрость, понимание тайн жизни и смерти, способность дарить нежную любовь овечкам и верить в реальность гномов. У нее будет брат — буйный, беспутный малый, который попадает в неприятную историю, связанную с контрабандой бомб через границу, и она —

* Необязательный, с рядом оговорок, дающий одной из сторон право выбора.

** Девушка (ирл.).

осиротевшая, невинная, измученная, с горестными воплями пойдет молить за него. И когда она увидит этого офицера...

— Какого еще офицера? — осведомился Солли де Копф.

— Того, который арестовывал брата, разумеется!.. И когда она встречается его, старая, как сама жизнь, искра проскакивает меж ними...

— А вот и он, — сказала девушка, сидевшая рядом с Пегги. — Вот это и есть Маринштейн!

Пегги поглядела в иллюминатор. Под чуть наклоненным крылом самолета лежала россыпь белоснежных домиков с розовыми крышами, жмушкаясь к берегу широкой излучины реки. На некотором расстоянии от реки поднимался к небу огромный обрывистый каменный массив, а из него вырастал замок с башнями и башенками, амбразурами и знаменами, развеваемыми ветерком. Это был замок Маринштейн, охраняющий уже более двенадцати столетий свой город и все десять квадратных миль княжеских владений.

— Прямо дух захватывает, верно? Маринштейн, подумать только! — выдала на одном дыхании соседка Пегги.

Самолет коснулся земли, помчался по бетонной полосе и остановился перед зданием аэровокзала. Послышались возгласы, заглушавшие шум сбора вещей, и пассажиры начали выходить наружу. Сойдя с трапа, Пегги замерла и огляделась.

Вид был волшебный, залитый ярким и теплым солнечным светом. На заднем плане высилась каменная скала и замок на ней, доминировавшие над всем остальным ландшафтом. На первом же плане стояло белое, сверкающее, как коралловый песок, ранящее своей белизной глаза здание аэровокзала, чью центральную башню украшала гигантская, но при этом здорово похудевшая и постройневшая версия Венеры Милосской. Перед аэровокзалом на высоком флагштоке колыхался герцогский штандарт, а вдоль ослепительного фасада бежала надпись на двух языках:

BIENVENU A MARINSTEIN — SITE DE BEAUTE

Маринштейн — город красоты — приветствует вас

В багажном зале кишели товарки Пегги по путешествию. Единственными мужчинами, которые изредка попадались в поле зрения, были носильщики в белых куртках. Один из них заметил яркие наклейки на чемоданах Пегги, кинулся к ней и повел к выходу.

— La voiture de ma'mselle Shilsen!* — внушительно возопил он.

Чуть ли не половина присутствовавших при этом зрелище прекратила болтовню и выпучилась на Пегги с выражением благоговейного трепета, зависти или трезвого расчета. Реклама прожужжала все уши о новой находке «Плантагенет Филмз», а фотографии Пегги широко циркулировали повсюду. Сообщались детали контракта Пегги, которые в газетах выглядели куда солиднее, чем в соглашении, подписанном ею с фирмой. Поэтому имя «Дейдрдра Шилшон» уже приобрело широкую известность среди тех, кто внимательно следит за делами такого рода.

Шикарная машина подкатила к тротуару. Носильщик помог Пегги войти в нее, а через мгновение она уже подъезжала к «Гранд Отель Нарцисс», который прилепился к склону горы чуть пониже самого замка. Там ее ввели в изысканно отделанную комнату с балконом, утопающим в цветах, с которого открывался вид на город, на его заречную часть и на широкую равнину, лежавшую за рекой. А еще там была ванная комната цвета розовых лепестков, с большими банками цветных солей, флаконами эссенций, бочоночками пудры, сверкающая хромированной арматурой и с огромными, всегда подогретыми полотенцами. Такое великолепие превосходило все, что Пегги когда-либо могла вообразить себе. Горничная тут же принялась наполнять ванну. Пегги сбросила одежду и вытянулась в ванне, похожей на перламутровую внутреннюю поверхность раковины, ощущая никогда еще не испытанное блаженство...

Звук гонга заставил ее с сожалением покинуть ванну. Войдя в спальню, Пегги надела длинное белое платье, которое она носила во время своего телевизионного интервью, и спустилась вниз к обеду.

Ужасно непривычно сидеть в роскошной столовой, где мужчинами были одни официанты, а все леди проводили время в более или менее явном рассматривании друг дружки!.. Впрочем, все это быстро надоедало. Поэтому, когда официант предложил Пегги выпить кофе на террасе, она охотно последовала его совету.

Солнце уже час как зашло. Лунный серп стоял совсем высоко, и река отражала его блеск. На острове посредине реки возвышался изящный дворец, где скрытые огни освещали снежно-белую статую, стоявшую как бы в нерешии-

* Автомобиль мадемуазель Шильсен! (фр.)

тельности и державшую в руке яблоко. Пегги приняла ее за Еву, но хотя скульптор имел в виду Атланту, ошибка была не так уж велика.

Сам город сиял светлячками огоньков; небольшие неоновые вывески, слишком далекие, чтоб их можно было прочесть, весело подмигивали Пегги. Еще дальше залитая светом Венера на башне аэропорта вставала над городом, как призрак. А за ней — черная громада скалы и освещенные башни замка, будто повисшие в небе. Пегги радостно вздохнула.

— Все это похоже на волшебство... Впрочем, должно быть, так оно и есть, — прошептала она.

Одинокая, заметно более пожилая женщина, сидевшая за соседним столиком, небрежно оглядела Пегги.

— Вы тут, должно быть, недавно? — спросила она.

Пегги призналась, что только что приехала.

— Хотела бы я быть на вашем месте... А еще лучше не видеть всего этого никогда в жизни, — сказала леди. — Я-то здесь в седьмой раз — больше чем достаточно!

— А мне кажется, тут славно, — ответила Пегги, — но если вам здесь не нравится, зачем же вообще сюда возвращаться?

— Потому что сюда приехали мои друзья — для ежегодной «подгонки». Возможно, вы слышали о Джонсах?

— Не знаю я никаких Джонсов, — ответила Пегги. — Это и есть ваши друзья?

— Это люди, с которыми мне приходится жить, — сказала женщина. Она снова поглядела на Пегги. — Вы еще очень молоды, моя милая, поэтому пока они для вас не представляют интереса, но позже вы с ними обязательно познакомитесь где-нибудь в обществе.

Пегги поняла, что ответа от нее не ждут, а потому сменила тему.

— Вы американка? — спросила она. — Должно быть, это прекрасно — быть американкой. У меня там уйма родственников, которых я никогда не видала. Однако я жую как надеюсь, что скоро попаду в Америку.

— Можете забрать ее себе целиком, — ответила леди. — Лично я предпочитаю Париж.

Внезапно освещение изменилось, и, взглянув вверх, Пегги увидела, что замок теперь окутан персиковым сиянием.

— О, как это прекрасно!.. Совсем будто сказочный дворец! — воскликнула она.

— Еще бы! — ответила леди без всякого энтузиазма. — Таков замысел.

— Как все это романтично, — отозвалась Пегги. — Луна... и эта река... и освещение... и удивительный запах всех этих цветов...

— По пятничным вечерам они дают «Шани» номер семь, — объяснила леди. — Завтра же будет ревиганская «Ярость» — немного вульгарно, но, полагаю, в субботние вечера вообще все деградирует, не так ли? Думаю, это связано с возросшим потребительским потенциалом слоев населения с низкими доходами. Воскресенья всегда лучше — дают котинсоновского «Истинноверующего»*, а это как-то очищает. Духи распыляются из бойниц, — пояснила она, — за исключением того времени, когда ветер дует в другую сторону. Тогда распыление идет с башни аэропорта.

«Наша великая профессия (так незабываемо выразилась мадам Летиция Шалин в своей речи на торжественном ужине Международной Ассоциации Практикующих Косметологов), наше высокое Призвание, есть нечто несравненно более значительное, нежели просто отрасль промышленности. Действительно, ее можно назвать Духовной Силой, которая пробуждает в женщинах Веру. Слезно, слезно, еще со времен, предшествовавших первым лучам рассвета нашей истории, возносили свои мольбы несчастные женщины о ниспослании им Красоты... но эти молитвы редко воплощались в реальность... Однако теперь именно нам вручена сила, способная осуществить эти мольбы, — дать покой миллионам наших бедных сестер. И эта возвышенная мысль, мои друзья...»

Доказательством существования новой Веры являются флакончики, горшочки, коробочки и тюбики фирмы «Соратники Красоты Летиции Шалин», украшающие витрины магазинов, туалетные столики и дамские косметички от Сиэтла до Хельсинки и от Лиссабона до Токио; их можно обнаружить даже (хотя только марки, вышедшие из моды, и совсем по другим ценам) в каком-нибудь Омске. Элегантные святилища Шалин, расположенные с точным учетом цен на недвижимость, соблазнительно сверкают в Нью-

* Все три названия — переделка названий знаменитых парфюмерных фирм: «Шанель», «Лориган», «Коти».

Йорке, Лондоне, Рио, Париже, Риме и еще в дюжине крупнейших городов мира; это административные центры Империи, которая бешено ненавидит конкурентов, но уже не находит новых миров для завоевания.

В офисах и салонах этих зданий работа по воплощению Красоты идет в лихорадочном и истощающем нервы темпе, ибо здесь всегда существует возможность, что лично Летиция Шалин (она же Леттис Шукельман, согласно паспортным данным) в любую минуту может свалиться с чистого неба в сопровождении своих палачей и необыкновенно эффективных экспертов.

И все же, несмотря на наличие эффективнейшей системы управления и доведенного до блеска умения выдавливать соки, предел экспансии (если не считать незначительных подвижек, в результате поедания какого-нибудь зазевавшегося мелкого конкурента) был достигнут. Во всяком случае, так казалось до тех пор, пока дочка Летиции — мисс Кэти Шукельман (или Шалин) не вышла замуж за обедневшего европейца и таким образом не превратилась в Ее Светлость Великую Герцогиню Катерину Маринштейнскую.

Кэти не довелось повидать Маринштейн до того, как она вышла замуж за герцога, а когда она его увидела, то испытала чувство, близкое к шоку. У замка был весьма романтический облик, но в смысле комфорта он подходил для жилья не больше, чем квартира, переделанная из нескольких пещер. Да и сам городок пришел в полный упадок, и его жители были заняты почти исключительно попрошайничеством, сном, совокуплением и беспробудным пьянством. На остальной территории герцогства положение было не лучше, за исключением того, что просить милостыню там вообще было не у кого.

Других Великих Герцогинь в аналогичной ситуации просто-напросто стошнило бы и они поспешили бы убраться в какой-нибудь более оборудованный для красивой жизни город. Но Кэти происходила из предприимчивой семейки. Еще сидя на пользующихся всемирной известностью материнских коленях, она впитала в себя не только религию Красоты, но и весьма полезные рабочие принципы Большого Бизнеса, необходимые для той, кому позднее надлежало стать владельницей значительной части капитала «Летиция Шалин» и многочисленных дочерних предприятий.

И когда она, устроившись в амбразуре башни своего замка, глядела на обветшалый Маринштейн, в душе герцогини вдруг зазвучало эхо того предпринимательского идеализма, который когда-то воодушевил ее мать излить благословение Красоты на женщин всего мира. После часового раздумья Кэти нашла точное решение своей проблемы.

— Мамаша, — сказала она, обращаясь к отсутствовавшей родительнице с помощью Мирового Духа, — мамаша, лапочка, хоть ты и не дура, но думаю, и у тебя есть кое-какие незаштопанные прорехи в делах. Пока, во всяком случае.

И она тотчас велела позвать к себе секретаршу, которой тут же начала диктовать письма.

Уже через три месяца место для будущего аэропорта было выровнено и началась укладка бетонной полосы; Великая Герцогиня торжественно заложила камень в фундамент своего первого первоклассного отеля; невиданные здесь машины начали прокладывать дренажные канавы вдоль улиц, а обыватели Маринштейна стали посещать курсы по проблемам гигиены и гражданских обязанностей.

Через пять лет в дополнение к двум первоклассным отелям в городе появились два второклассных и еще три строились, так как Великой Герцогине пришло в голову, что наряду со Всеохватывающей Красотой она может обеспечивать клиентов более узкоспециализированными частными красотоми, а также обучать, как ими пользоваться и развивать их. Таким-то образом тут появилось более полудюжины salles*, cliniques** и ecoles***, как временных, так и постоянных, а маринштейнцы после весьма сурового обучения стали проникаться основами экономической теории, провозглашающей важность охраны тайны источников появления золотых яиц.

Через десять лет это был чистенький, но все еще живописный городок — Университет Красоты с международной репутацией, богатейшей клиентурой и всемирно известным стандартом постановки образования в различных областях Красоты, и с регулярными рейсами, обеспечиваемыми крупнейшими мировыми авиакомпаниями. По всему капиталистическому миру голова Венеры Ботичелли глядела с преискурантов моднейших парикмахерских салонов, с рек-

* Салоны (фр.).

** Клиники (фр.).

*** Школы, училища (фр.).

ламных плакатов элитных агентств путешествий, с глянце-вых обложек дамских журналов, призывая всех, кто нуждается в Красоте, искать ее и находить в самом перво-источнике Красоты — в Маринштейне. К этому времени все прежние злопыхатели, сулившие новому предприятию неизбежный крах, уже давно занимались лишь обдумыванием способов, с помощью которых их продукция попала бы на рынок Маринштейна, добровольно признавая, что его Великая Герцогиня, это, знаете ли, та еще штучка.

Именно поэтому, когда Пегги Мак-Рафферти после завтрака, обладавшего прелестью новизны, но вряд ли соответствующего ирландскому стандарту сытости, вышла из «Гранд Отель Нарцисс», она увидела дочиста отшвабренную брусчатку улицы, белейшие домики со свежевыкрашенными ставнями, цветы, выющиеся по стенам, яркие полосатые навесы над витринами магазинов и солнце, своими лучами золотившее все это. Она уже собиралась подзвать жестом одно из такси, стоявших в очереди, как тут другая девушка, вышедшая вслед за ней из дверей отеля, видимо, собралась сделать то же самое, но поглядела на Пегги и воскликнула:

— О, какое прелестное, какое изумительное место, не правда ли? Пожалуй, лучше пойти пешком, чтоб полюбоваться красотой!

Это было столь приятной встречей в сравнении со вчерашней пресыщенной леди, что сердце Пегги потянулось к девушке, и они вместе отправились бродить по городу.

На южной стороне площади Артемиды (бывшая Хохгеборенпринцадельбертплатц) стояло изящное здание с колоннами и вывеской ENREGISTREMENTS*.

— Думаю, это оно и есть, — сказала спутница Пегги. — Чувствуешь себя так, будто снова идешь на экзамен, правда?

У огромного барьера в холле надменная леди приняла их с несколько разочаровывающей холодностью.

— Общественная сфера? — спросила она. — Сцена? Экран? Модельерное дело? Телевидение? Свободное предпринимательство?

— Экран, — ответила Пегги и другая девица почти одновременно.

Надменная леди сделала знак крошечному пажу.

— Отведите дам к мисс Кардью.

* Регистрация (фр.).

— Я рада, что ты тоже в кино, — сказала новая знакомая Пегги. — Меня зовут Пат... я хочу сказать, Карла Карлита.

— А меня... э-э... Дейрдра Шилшон.

Глаза девушки широко распахнулись.

— Ох, ну бывает же так! Я о тебе читала! Это ведь ты получила настоящий контракт с «Плантагенет Филмз»? В самолете только об этом и говорили. Они там все просто зеленели от зависти. Ну и я тоже, понятное дело. Ох, я думаю, замечательно...

Она замолчала на полуслове, так как мальчик ввел их в какую-то комнату и объявил:

— Две леди желают видеть мисс Кардью.

На первый взгляд в комнате не было ничего, кроме пары кресел, великолепного ковра и буйных цветочных зарослей на большом письменном столе. Оттуда, однако, выглянуло лицо, сказавшее:

— Прошу вас, присядьте.

Пегги так и сделала, и с этой позиции она могла видеть ничем не загруженный угол стола, а также небольшую карточку, объявлявшую: «Цветочно-тональные поэмы Персистенс Фрей, Рю де ла Помпадур, 10 (индивидуальное обучение)». Девушки назвали свои имена, и мисс Кардью стала что-то искать в записной книжке.

— Ах да, — сказала она, — вы обе записаны у нас на программу. Занятия будут проходить индивидуально и в классах. Чтобы выяснить детали, вам следует повидаться с мисс Арбутнот в Гимнастическом зале...

За сим следовал длиннейший список преподавателей и директоров, завершившийся некой мисс Хиггинс, преподавателем дикции.

— Мисс Хиггинс! — вскричала Пегги. — А она, случаем, не ирландка?

— Этого я вам сказать не могу, — призналась мисс Кардью, — но она, точно так же как и все состоящие у нас в штате, является экспертом в своей области — она внучка знаменитого профессора Генри Хиггинса*. Ну а теперь я позволю мисс Арбутнот и постараюсь организовать вам встречу с ней сегодня же.

Пегги и Карла купили несколько марок с очень хорошим изображением головы Венеры Ботичелли, почему-то исполненной в розовато-лиловом тоне, а затем провели около

* Персонаж из комедии Б. Шоу «Пигмалион»

часа, заходя в различные boutiques*, салоны, maisons**, ателье, coïns*** и даже etals****, после чего обрели пристанище на берегу реки в ресторане, называвшемся «Aux Milles Bateaux»***** и находившемся почти в конце Boulevard de la Belle Helene*****, где они решили провести время до назначенного им приема. Говорили они преимущественно о фильмах, и Карла выказала лестный для Пегги интерес ко всем деталям ее контракта.

Мисс Арбутнот из Гимнастического зала оказалась дамой с весьма суровыми чертами лица, под взором которой вы неизбежно начинали чувствовать себя совершенно бесформенными.

— Гм-м.. — сказала она, подумав.

Пегги тут же начала, нервничая:

— Ох, я знаю, мои главные размерности не вполне...

Но мисс Арбутнот ее сейчас же осадила:

— Боюсь, это не тот термин, который мы здесь одобряем. В Маринштейне мы предпочитаем говорить об индексах красоты. Вашу талию я классифицирую как удовлетворительную — 22 дюйма, но вам нужно будет уделить серьезнейшее внимание необходимости достичь соотношения 42-22-38.

— Сорок два! — воскликнула Пегги. — О, мне кажется...

— Здесь речь идет не о чем-то личном вкусе, — отрубил мисс Арбутнот. — Как часто указывает нам Великая Герцогиня, говоря о долге перед Обществом, носить прошлогоднюю форму тела еще хуже, чем водить вышедшую из моды прошлогоднюю модель машины. Тот, кто собирается посвятить себя кино, должен со всем вниманием отнестись к этой проблеме. Согласно современным требованиям киноиндустрии, Красота — это 42-22-38. Все прочее — не Красота.

— Но сорок два!.. — протестовала Пегги.

— О, добьемся. В конце концов, для чего мы здесь существуем, как не для этого!

Пегги, хоть и без большой убежденности, принуждена была с ней согласиться.

* Небольшие модные лавки (фр.).

** Фирменные модные магазины (фр.).

*** Крошечные лавочки, «уголки» (фр.).

**** Мясные лавки, кулинария (фр.).

***** «У тысячи лодок» (фр.).

***** Бульвар Прекрасной Елены (фр.).

— А теперь, — сказала мисс Арбутнот, вручив Пегги расписание ее занятий в Гимнастическом зале, — я думаю, вы хотите повидаться с мисс Карнеги, вашим визажистом и инструктором по имиджу.

Уходя, Пегги увидела приемную, набитую ожидающими своей очереди девушками. Когда Пегги и Карла проходили мимо, они слышали, как некоторые из девушек повторяют новое имя Пегги. Наверно, это должно было польстить ей, но почему-то удовлетворения она не почувствовала; девушки же смотрели на нее во все глаза.

— Жизнерадостность и еще раз жизнерадостность — вот что вам следует повторять про себя всегда, когда вы не заняты... и даже когда заняты.

— Но неужели это действительно моя сущность? Настоящее мое «я»? — спросила Пегги.

Мисс Карнеги высоко подняла брови.

— Ваша сущность? — повторила она, а затем улыбнулась. — О, дорогая, вам предстоит еще многому научиться, не правда ли? Боюсь, вы путаете нас с телевидением. В кино проблема индивидуальности понимается совершенно иначе. Да-да, именно так! Несколько лет назад в моде была Страстность, затем короткое время — Искрометность, потом пришла очередь Искренности... Подождите-ка, дайте вспомнить, что же было после этого... О да — Огонь Жизни под Пеплом Переживаний и (на очень короткий период) Изобретательность. Однако современную зрительскую аудиторию все это уже не интересует, так что было бы просто глупо пытаться... Затем какое-то время удерживались Чары Подавленной Страсти — определенная часть зрителей любила этот имидж, но другую часть он быстро утомил.

Ну а гвоздь нынешнего сезона — Беспечная Жизнерадостность. Так что продолжайте твердить это про себя, пока не придете ко мне в следующий четверг. Жизнерадостность! Жизнерадостность! Попытайтесь также при ходьбе переносить центр тяжести на пальцы ног, это безусловно вам поможет. Итак — жизнерадостность и еще раз жизнерадостность!

За мисс Карнеги последовали визиты к парикмахеру, к специалисту по макияжу, к инструктору по манере поведения, к диетологу и ко многим другим, и наконец-то к

мисс Хиггинс, которую Пегги застала как раз в тот момент, когда та заканчивала инструктаж Карлы.

— Да, — говорила мисс Хиггинс, — у вас отличный слух. Вряд ли вам от меня понадобится большая помощь. Мы легко сможем улучшить произношение звука «р». Что вам больше всего нужно, так это искоренить привычку перекрикивать других в обычном разговоре. Это особенно плохо звучит на магнитофонных записях. Кроме того, настоящая леди, если только она не живет в Кенсингтоне*, никогда не повышает голоса.

Когда Карла ушла, наступила очередь Пегги. Мисс Хиггинс попросила ее прочесть отрывок текста, напечатанного на карточке, и завороченно слушала ее чтение.

— Чудесно! — воскликнула мисс Хиггинс. — Мне придется просить вас сделать несколько записей, прежде чем мы начнем портить ваш акцент. Эти протяжные «и-и»!.. Пожалуйста, повторите за мной: «Би-и Би-и Си-и вели-ит чи-итать моли-итвы».

В течение следующих десяти минут Пегги демонстрировала свое произношение гласных. Когда она кончила, мисс Хиггинс поглядела на нее с той радостью, которую ощущает человек, получивший наконец задание, достойное его таланта.

— Вот это работа, которая пришлась бы по сердцу моему дедушке! — сказала она. — А для вас это означает тяжелый труд, моя дорогая, и, боюсь, куда больший, чем для всех прочих.

— Всех прочих? — переспросила Пегги.

— Так ведь вас на курсе Красавиц Кино будет тридцать шесть, эта профессия отличается высоким уровнем конкурентности, как вам известно.

— Но ведь у меня контракт, мисс Хиггинс!

— Опционный контракт, как я понимаю, — поправила ее мисс Хиггинс, — что должно стать для вас дополнительным стимулом в борьбе. Думаю, вы пока не знакомы с вашими конкурентками, но они о вас знают все. И что же из этого проистекает? Четверо уже попросили, чтоб их речи придали слабый ирландский акцент, и я не сомне-

* Район в южной части центрального Лондона, считается прибежищем обедневшей британской аристократии.

ваюсь, что еще многие захотят того же. Поэтому сами понимаете...

Пегги с негодованием уставилась на мисс Хиггинс.

— Вот как! Так значит, они надеются стирать мой контракт?!

— Во всяком случае, их поведение указывает нам, куда дует ветер, — согласилась мисс Хиггинс. — Но конечно, — добавила она успокаивающе, — их требования совершенно не выполнимы. На нашем курсе, естественно, нельзя учить ничего, кроме чистого англо-американского произношения. И все же это указывает...

— Но если тут изменят мою фигуру, изменят мой рост, дадут мне новые волосы, новое лицо, как все обещают, то что же останется от меня самой? — спросила недоуменно Пегги.

— Существует, знаете ли, долг перед публикой, — ответила мисс Хиггинс, — или, вернее будет сказать, у киношников есть обязанность перед зрителями. Необходимо приспособить себя к массовому вкусу и к тому, как лучше всего работать в границах этого вкуса. Это требуется от каждого настоящего артиста, разве не так?

Пегги без энтузиазма принуждена была согласиться.

— А теперь перестаньте волноваться, моя милая, — посоветовала мисс Хиггинс. — Мы проведем вас через все процедуры, и вы заработаете свой диплом. Вам только и надо что прийти сюда утром в понедельник после занятий гимнастикой, и мы примемся за дело. Вы попадете на экран, все будет в порядке, не сомневайтесь.

Джордж Флойд ввалился в огромный офис мистера Солли де Копфа и рухнул в глубокое кресло.

— Что с тобой случилось? — спросил Солли, поднимая на него глаза.

— Мне необходимо выпить, — ответил Джордж, — и побольше.

Аль с ловкостью фокусника добыл полный стакан и поставил его рядом с Флойдом.

— Что случилось? Я думал, ты поехал ее встречать. Уж не хочешь ли ты сказать, что самолет из Маринштейна потерпел аварию?

— О нет, он прибыл вовремя. Все было готово — прес-са, радио, телевидение, словом, вся бражка на месте.

— Значит, там не оказалось только ее?

— Да нет, и она была. Во всяком случае, мне так кажется.

Солли де Копф поглядел на него с тревогой.

— Джордж, тебе надо взять себя в руки. Ты поехал, чтобы встретить ее, проследить, чтобы ее сняли как следует и все такое, и привезти сюда. Ну, так где же она?

Джордж печально вздохнул:

— Не знаю, Солли. Я так думаю, она испарилась.

— Аль, — едва выговорил Солли, — спроси его, что случилось?!

— Ладно, шеф. Слушай, Джордж, ты сказал, что самолет прибыл. Так в чем же дело?

— А в том, что вышло наружу из этого самолета!

— Ну а что из него вышло?

— Лолы, — с тоской проговорил Джордж, — тридцать шесть сделанных как по заказу Лол. Не было даже признака той ирландской colleen, или Розы Ирландии, среди них. Тридцать шесть Лол, все с дипломами соответствия маринштейновским стандартам, все заявляют, что они Дейдрра Шилшон, все говорят, что у них с нами контракт. Мое сердце разбито навсегда.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, какая из них — она? — спросил Аль.

— Ты лучше сам попытайся... они там все в нашем нижнем холле. Впрочем, если тебе это удастся, то все равно уже поздно. О, голубые горы, изумрудные торфяники, серебристые озера... и милая скромная девочка со смеющимися глазами... Все сгнуло... Все исчезло... Ничего, кроме Лол. — Флойд еще глубже забился в кресло, излучая такую тоску, что даже Солли де Копф был тронут.

Аль, однако, сохранил способность независимого мышления, и его лицо внезапно просветлело.

— Послушайте, шеф!

— Ну? — буркнул Солли.

— Я подумал, шеф, что, может быть, вся эта ирландская чепуховина окажется вовсе не такой уж находкой — дело-то рискованное, да и не в нашем духе. Но у нас в руках все еще есть сценарий, что бьет без промаха, — помните, тот, насчет своры римских кобельков и сабинок?

Солли де Копф какое-то время сидел молча, вцепившись зубами в толстую сигару, затем втянул в легкие дым, и глаза его сверкнули.

— И тридцать шесть Лол ждут в нашем холле! Аль, ты молодчага! Чего же мы ждем? Беги вниз, заставь их всех подписать контракты. Только помни — опционные... И без каких-либо определенных цифр!

— Будет сделано, шеф, — сказал Аль, рванув к двери.

Вот почему так голосят в коттеджике Барранаклоха на берегах Слайв-Грамп по бедной Пегги Мак-Рафферти, по той, что была гибка, словно камыш на болотах, по той, что славилась своим милым доверчивым характером, по той, которой уж никто не увидит здесь снова. О горе!..

На дальней, укрытой с дороги половине дома солнце грело особенно сильно. Сидевшая почти у самого широко открытого французского окна миссис Долдерсон отодвинула свой стул на несколько дюймов, так чтобы ее голова оказалась в тени, а тело могло бы наслаждаться приятным теплом. Затем она откинула голову на подушку и выглянула наружу.

Открывшаяся перед ней картина казалась миссис Долдерсон вечной и неизменной.

На ухоженной лужайке стоял кедр — точно так же, как он стоял всегда. Его плоские, горизонтально вытянутые ветви сейчас стали немного длиннее, чем были в ее детстве, но это почти незаметно; дерево и тогда казалось огромным, таким же оно видится и сейчас.

Живая изгородь за кедром выглядела неизменно аккуратной и хорошо подстриженной. По бокам калитки, выходящей в рощу, как и прежде, сидели две выстриженные из кустарника птицы неизвестной породы — Коки и Олли; удивительно, что они все еще здесь, хотя «перья» на хвосте Олли с возрастом так разрослись, что сучки торчат во все стороны.

Левая клумба, та, что вблизи изгороди, так же горит разноцветьем, как и раньше... Ну, может, цветы чуть поряче; миссис Долдерсон казалось, что расцветка цветов теперь стала более грубоватой и резкой, чем прежде, но цветы все равно восхитительны. Роща за живой изгородью изменилась немножко сильнее — молодой поросли стало больше, многие старые деревья погибли. В просветах древесных крон можно было увидеть кусочки красноватой

крыши там, где в былые дни никакими соседями и не пахло. Но если отвлечься от этого, все выглядело так, будто между прошлым и настоящим не пролегла целая жизнь.

Стояло дремотное послеполуденное время, когда птицы отдыхают, деловито жужжат пчелы, лениво шепчутся листья, а с теннисного корта, что за углом дома, доносится постукивание мяча, да изредка звук голоса, объявляющего счет. Такие солнечные деньки встречались в любом из пятидесяти или шестидесяти прошлых лет.

Миссис Долдерсон улыбнулась этим дням — она их обожала; обожала, когда была девочкой, и еще больше сейчас.

В этом доме она родилась, в нем выросла, из него вышла замуж, потом снова вернулась сюда, когда умер отец; здесь родила двух детей и в нем же состарилась. Спустя несколько лет после второй мировой войны она чуть было не потеряла этот дом. Однако чуть-чуть не считается. Ведь она все еще здесь..

Благодаря Гарольду Умный мальчик и удивительно хороший сын.. Когда стало совершенно ясно, что дальше содержать этот дом ей не по карману и что его неизбежно придется продать, именно Гарольд убедил свою фирму купить его. Их интересует, сказал он, не дом, а земельный участок, впрочем, как и большинство современных покупателей. Сам дом сейчас не представляет никакой ценности, но местоположение участка очень удобное. В качестве одного из условий продажи четыре комнаты в южном крыле дома были превращены в отдельную квартиру, которая пожизненно предоставлялась миссис Долдерсон. Остальная же часть дома стала общежитием для двух десятков молодых людей, работавших в лабораториях и офисах — фирма построила их в северной части поместья, на территории, где раньше располагались конюшни и луг для выгула лошадей. Миссис Долдерсон знала, что когда-нибудь старый дом будет снесен; ей даже приходилось видеть планы новой разбивки территории, но сейчас, во всяком случае, пока она жива, дом и сад в южной и западной стороне поместья останутся нетронутыми. Гарольд заверил ее, что эта земля потребуется фирме только лет через пятнадцать—двадцать, то есть тогда, когда миссис Долдерсон уже вряд ли будет нуждаться в старом крове.

Да и вряд ли она сама будет так уж сильно горевать из-за приближающейся смерти. Рано или поздно человек все равно становится бесполезным, и теперь, когда она

прикована к своему креслу-коляске, понемногу превращается для всех просто в обузу.

А кроме того, у нее недавно появилось ощущение какой-то отчужденности — она стала чужой в мире окружающих ее людей. Ведь в мире все так сильно изменилось, произошли такие перемены, которые сначала казались ей необъяснимыми, а затем — не стоящими того, чтобы искать им объяснения. Не удивительно, размышляла миссис Долдерсон, что старики так привязываются к вещам; они льнут к предметам, связывающим их с миром, который был им понятен...

Гарольд, конечно, милый мальчик, и ради него она из всех сил старается казаться не слишком глупой... Только часто это оказывается ужасно затруднительным... Сегодня за завтраком, например, Гарольд был невероятно возбужден в связи с каким-то экспериментом, который должен был проводиться в тот же день, после полудня. Ему просто требовалось выговориться, хотя он, разумеется, отлично понимал, что практически все, произнесенное им, не доходит до ее сознания. Речь шла опять о каких-то измерениях (столько-то она поняла), и миссис Долдерсон согласно кивала головой, не будучи в силах вникнуть в глубинный смысл слов сына. А в тот последний раз, когда обсуждался сходный вопрос, она имела неосторожность высказаться в том смысле, что в ее юности измерений было только три, и что она никак не может понять, несмотря на весь нынешний прогресс, каким образом их вдруг стало больше. Эти слова дали Гарольду повод прочесть ей целую лекцию касательно математического взгляда на мир, согласно которому можно было допустить существование целой уймы измерений. Даже каждый отдельно взятый момент существования являлся, по их мнению, определенным измерением по отношению к остальному времени. С философской точки зрения, начал объяснять ей Гарольд... но тут она окончательно отключилась и потеряла нить разговора. Миссис Долдерсон чувствовала себя в тупике. В дни ее молодости философия, математика и метафизика были самостоятельными науками, но теперь они вдруг необъяснимо перепутались между собой. Поэтому сегодня она лишь делала вид, что слушает, издавая время от времени тихие возгласы одобрения, пока наконец Гарольд не усмехнулся смущенно и не сказал, что она милочка и бесконечно терпелива. Потом обошел вокруг стола, нежно поцеловал ее в щеку, обнял одной рукой, а она от всего

сердца пожелала ему успеха в сегодняшнем таинственном эксперименте. И тут же в комнату вошла Дженни, чтобы убрать со стола и подкатить ее кресло поближе к окну...

Расслабляющая жара дремотного послеполуденного времени постепенно погружала миссис Долдерсон в полусонное состояние и уносила ее на пятьдесят лет назад в такой же вот летний день, когда она сидела у того же самого окна (разумеется, и не помышляя о кресле-коляске) и ждала Артура... Она ждала его с мучительно замиравшим сердцем... а он... он так никогда и не пришел...

Странно все-таки, как внезапно меняются расклады событий. Если бы Артур в тот день пришел, она, без сомнения, вышла бы за него замуж. И тогда ни Гарольд, ни Синтия не появились бы на свет. Конечно, у нее были бы дети, но только уже не Гарольд и не Синтия... Какая странная, какая неустойчивая вещь наша действительность... Стоит женщине сказать «нет» одному мужчине и «да» другому, и на свет может появиться потенциальный убийца... Какие глупцы эти нынешние — пытаются все заорганизовать, сделать жизнь безопасной... а за спиной-то у них — в прошлом — тянется длинная цепочка женщин, которые говорили «да» или «нет» в зависимости от причуды или настроения.

А странно, что она вдруг вспомнила Артура. Должно быть, прошли целые годы, с тех пор как он в последний раз пришел ей на память...

Она была совершенно уверена, что в тот день он собирался сделать ей предложение. Ведь это было задолго до того, как она впервые услышала имя Колина Долдерсона, она непременно согласилась бы. О да, она безусловно приняла бы предложение Артура.

Никакого объяснения его исчезновения не последовало. Она так никогда и не узнала, почему он не пришел в тот день. Даже не написал ей ничего. Дней через десять, а может, через неделю пришла весьма сухая записка от матери Артура, в которой сообщалось, что Артур заболел и что врачи посоветовали отправить его за границу. А после этого — ничего, вплоть до того дня, когда она наткнулась на его фамилию в газете — года через два примерно.

Разумеется, тогда она очень рассердилась — у каждой девушки есть своя гордость — и в течение какого-то времени ее рана не заживала... Но может ли кто-нибудь поручиться, что это, в конце концов, не было к лучшему? Может, дети Артура не были бы так дороги ей и не были

бы так добры или умны, как Синтия и Гарольд? Такое множество вариантов... со всеми этими генами и прочими штучками, о которых столько болтают в нынешние времена...

Постукивание теннисных мячей прекратилось, видно, игроки ушли — вернулись к своей маловразумительной работе, надо полагать. Пчелы продолжали свое настойчивое целенаправленное гудение среди цветов; с полдесятка бабочек тоже вились там, но вид у них был какой-то дилетантский, абсолютно не рабочий. Листва дальнего дерева поблескивала в струйках жарко нагретого воздуха.

Соппротивление дремоте ослабело. Миссис Долдерсон просто не могла с ней больше бороться. Она откинула голову на подушку, ощущая лишь в подсознании, что откуда-то начал доноситься сходный с гудением звук, только более пронзительный, чем гудение пчел; впрочем, он был недостаточно громок, чтобы стать помехой. Она позволила себе закрыть глаза...

Внезапно, всего в нескольких ярдах от нее, в том месте дорожки, куда не проникал ее взгляд, раздались шаги. Они возникли как-то внезапно, как будто кто-то вдруг вступил на дорожку с травяного газона. Чего быть не могло, так как она непременно увидела бы того, кто шел по траве. Одновременно раздался чей-то баритон, весело напевавший только для себя. Этот голос возник тоже неожиданно — на полуслове, можно сказать: «...делают все люди, это делают все люди...» И вдруг пение оборвалось. Одновременно смолк и шум шагов.

Теперь глаза миссис Долдерсон были открыты, причем открыты очень широко. Ее высохшие пальцы впились в подлокотники кресла. Она помнила этот мотив; более того, она узнала и этот голос. Узнала, несмотря на долгие, долгие годы... Какой глупый сон! Она вспоминала об Артуре всего лишь за несколько минут до того, как прикрыла веки...

Но ведь она ни в малейшей степени не ощущает сонливости! Все вокруг видится ясно и резко и кажется таким естественным, а пальцы отлично ощущают твердость древесины подлокотника.

И тут у нее мелькнула новая мысль. Должно быть, она умерла. Вот почему все так не похоже на обычный сон. Сидя тут на солнышке, она тихо отошла прямо во сне. Доктор предупредил ведь ее, что это может произойти с ней совершенно неожиданно. . Вот и произошло

Миссис Долдерсон почувствовала мгновенное облегчение. Никак не скажешь, что она боялась смерти, но все же ее не оставляло ощущение неизбежности предстоящего испытания. Теперь все осталось позади — и никакого испытания! Просто заснула и все! Неожиданно она почувствовала себя счастливой; нет, скорее весело возбужденной... Хотя странно все-таки, что она по-прежнему как будто привязана к своему креслу.

Раздался скрип гравия под переминающимися ногами. Изумленный голос воскликнул:

— Чушь какая-то! Ничего не пойму! Что за чертовщина тут произошла?

Миссис Долдерсон неподвижно застыла в своем кресле. У нее не осталось сомнений в том, чей это голос.

Снова безмолвие. Ноги топтались на месте, будто их хозяин испытывал некие душевные терзания. Затем опять послышались шаги, но очень медленные, нерешительные. Они вынесли пред очи миссис Долдерсон какого-то молодого человека. О, каким юным, каким молодым он казался! Ее гортань перехватила судорога.

Молодой человек был одет в полосатый клубный блейзер и белоснежные фланелевые брюки. Его шею обвивал шелковый платок, а на голове, слегка сдвинутая на затылок, красовалась соломенная шляпа с яркой цветной лентой. Руки он держал в карманах брюк, а левым локтем прижимал к боку теннисную ракетку.

Она увидела его сначала в профиль — отнюдь не в лучшем ракурсе, так как на лице у него было написано глубочайшее изумление, рот широко открыт, а глаза неподвижно уставились на рошу и видневшиеся за ней розовые крыши домов.

— Артур! — мягко позвала миссис Долдерсон.

Он вздрогнул. Ракетка выпала у него из-под руки и со стуком ударилась о гравий дорожки. Он попытался одновременно сделать три дела — поднять ракетку, снять шляпу и сохранить достойный вид, но эта попытка завершилась полной неудачей. Когда он выпрямился, лицо его пылало и выражало глубочайшее смущение.

Молодой человек взглянул на старую леди в кресле, на ее колени, укрытые пледом и на ее тонкие слабые пальцы, вцепившиеся в подлокотники. Его взгляд проник еще дальше — в глубину комнаты за спиной у сидящей. Смущение юноши усилилось еще больше, и в нем появились нотки явного страха. Глаза снова обратились на пожилую леди.

Она со своей стороны внимательно всматривалась в него. Он же никак не мог вспомнить, что когда-либо встречался с ней и даже не мог представить, кто она такая... И все же в ее глазах он, казалось, читал нечто... нечто, напоминавшее ему о чем-то отдаленно знакомом.

Миссис Долдерсон опустила взгляд на кисть собственной правой руки. Какое-то время она, казалось, изучала ее, как будто это было нечто удивительное, затем снова подняла глаза, как бы ища взгляда пришельца.

— Ты не узнаешь меня, Артур? — спросила она очень тихо.

В ее голосе звучала печаль, которую он принял за разочарование, смешанное с некоторым раздражением. Юноша сделал усилие, стараясь взять себя в руки.

— Я... боюсь, что нет. Видите ли, я... э-э... вы... — Он запнулся и с отчаянием закончил: — Вы, должно быть, тетушка Тельмы... мисс Килдер?

Несколько мгновений она молча смотрела на него. Он никак не мог понять выражения ее лица. И тогда она сказала:

— Нет. Я не тетушка Тельмы.

И снова его взгляд, минуя ее, проник в комнату. На этот раз юноша недоуменно потряс головой.

— Тут все изменилось... Нет, изменилось наполовину, — произнес он как в забытии. — Слушайте, может, я попал не туда, куда нужно?... Нет, дело явно не в этом, — решительно ответил он на свой вопрос. — Что-то... Что-то случилось?

Он уже не просто удивлялся — казалось, он был потрясен до глубины души. Его испуганные глаза снова вернулись к миссис Долдерсон.

— Пожалуйста... Я ничего не понимаю... откуда вы меня знаете?

Его возрастающая нервозность очень беспокоила ее и заставляла соблюдать еще большую осторожность.

— Я узнала вас, Артур. Мы, видите ли, когда-то встречались с вами.

— Вот как? Я не помню... Извините меня, я ужасно сожалею...

— Вы плохо выглядите, Артур. Придвиньте вон тот стул и отдохните немножко.

— Благодарю вас, миссис... э... миссис...

— Долдерсон, — назвалась она.

— Благодарю вас, миссис Долдерсон, — сказал он, хмуря брови в попытке припомнить, кто она такая.

Она смотрела, как молодой человек придвигает стул. Каждое его движение, каждая его черточка были ей знакомы — даже та прядь волос, что падала ему на лоб, когда он наклонялся. Юноша сел и некоторое время молчал, хмуро глядя на лежавший за окном сад.

Миссис Долдерсон тоже не двигалась. Она была поражена ничуть не меньше, чем Артур, хотя и старалась этого не выдать. Очевидно, мысль, будто она умерла, оказалась глупой ошибкой. Она чувствовала себя так же, как всегда, она все еще сидела в своем кресле, все еще страдала от ставшей привычной боли в спине и все еще находила в себе силы сжать пальцами подлокотник кресла и ощутить его неподатливую твердость. И все же это был и не сон — все казалось слишком прочным, слишком крепким, слишком реальным — такими никогда не бывают вещи, снящиеся по ночам... К тому же происходящее как-то уж слишком логично — было бы куда проще, если б возле нее оказался какой-нибудь другой молодой человек, не Артур...

А может, это просто галлюцинация? Фокус ее сознания, перенесшего черты Артура на совершенно непохожее лицо незнакомца?

Она взглянула на юношу. Нет, это предположение не годится — он же отозвался на имя Артур. Значит, без сомнения, это и есть Артур... к тому же он носил блейзер Артура... сейчас, правда, тоже шьют блейзеры такого фасона, но прошло уже много лет с того времени, когда она в последний раз видела юношей в соломенных шляпах...

Так, может, привидение? Но нет, он же вполне материален. Вон и стул затрещал под ним, когда он сел, а его подошвы скрипели, касаясь гравия... Кроме того, кто вообще слышал о привидении в образе абсолютно ничего не понимающего молодого человека, да еще такого, который порезался во время бритья?

Он прервал течение ее мыслей, круто обернувшись:

— Я думал застать тут Тельму, она обещала мне быть тут. Пожалуйста, скажите, где она?

Как он похож на испуганного мальчугана, подумала миссис Долдерсон. Ей хотелось успокоить юношу и ни в коем случае не усугублять его тревогу. Но она не смогла придумать ничего другого, кроме:

— Тельма недалеко.

— Я должен найти ее. Она, наверное, сможет объяснить мне, что тут произошло. — Он сделал попытку встать.

Она положила пальцы на его рукав и тихонько удерила.

— Подождите минутку, скажите, что, по-вашему, тут случилось? Что так сильно вас встревожило?

— Вот это, — сказал молодой человек, широким жестом охватывая все, что окружало их. — Все тут иное... и одновременно то же самое... и все же... я чувствую, будто... будто я слегка спятил.

Она твердо посмотрела ему в глаза и покачала головой:

— Вряд ли. Скажите, в чем вы видите какие-то странности?

— Я пришел сюда поиграть в теннис и... ну, и повидать Тельму... — поправился он. — Все было как раньше, как обычно... Проехал по подъездной дорожке и прислонил велосипед к большой елке там, где начинается тропинка. Только я двинулся по ней, как вдруг, едва я достиг угла дома, как все пошло как-то не так, стало странным...

— Стало странным? — спросила миссис Долдерсон. — Что именно стало странным?

— Ну... почти все. Солнце в небе будто дрогнуло. Деревья вдруг стали выше и вообще другими. Цветы вон на той клумбе приобрели совсем иную окраску. Оказалось, что плющ, который раньше оплетал всю стену, теперь еле достигает половины ее высоты, и, похоже, он принадлежит совсем к другой разновидности. И появились дома, которых не было. Я их никогда раньше не видел — за рощей ведь лежит открытое поле. Даже гравий на дорожке более желтый, чем мне помнится. И эта комната... Это ведь та же комната. Я знаю этот письменный стол и камин... и две картины... Но обои теперь другие. Я никогда их не видел, хотя они явно не новые... Пожалуйста, скажите мне, где Тельма? Я хочу объясниться с ней... Наверно, я все-таки немного не в своем уме...

Миссис Долдерсон крепко сжала его руку.

— Нет, — сказала она рассудительно. — Что бы это ни было, это не то, что вы думаете.

— Тогда что же? — Он резко оборвал фразу и прислушался, слегка наклонив голову. Звук разрастался. — Что это? — спросил юноша с тревогой.

Рука миссис Долдерсон еще крепче сжала его руку.

— Не бойтесь, — сказала она ему как ребенку, — все в порядке, Артур.

Машина прошла над ними на высоте не более тысячи футов, ее двигатели ревели, оставляя за собой воздушную волну, раскатывающую этот грохот во все стороны, пока он наконец не умолк.

Артур увидел самолет и наблюдал, как он исчезает. Его лицо, когда он повернулся к ней, было белым как мел и испуганным. Дрожащим голосом он спросил:

— Что?.. Что это было?

Совсем тихо, будто пытаюсь чуть ли не силой навязать ему спокойствие, миссис Долдерсон произнесла:

— Обыкновенный аэроплан, Артур. Ужасно противные и шумные машины.

Он посмотрел в ту сторону, где исчез самолет, и покачал головой.

— Но я видел аэропланы и слышал их. Они совсем не такие. Их мотор работает, как у мотоцикла, чуть-чуть громче. А это было что-то страшное! Не понимаю... Не понимаю, что со мной случилось... — В его голосе звучала тоска.

Миссис Долдерсон попыталась что-то сказать, но промолчала, ибо вдруг пришла мысль, вернее, у нее возникло воспоминание о Гарольде, говорящем что-то об измерениях, о возможности их свертывать и развертывать в разных направлениях, причем о времени он отзывался так, будто это тоже одно из измерений. И как шок вдруг возникло интуитивное понимание... Нет, понимание — это слишком сильно сказано... скорее — прозрение.

Тело юноши сотрясала крупная дрожь. Он явно находился под стрессом веры в свое окончательное безумие. Ей придется помочь ему остановиться. Сделать это безболезненно не удастся, но надо постараться причинить ему как можно меньше боли.

— Артур! — резко сказала миссис Долдерсон.

Он поднял на нее мутные глаза. Теперь она намеренно говорила с ним резко и деловито.

— В буфете ты найдешь бутылку бренди. Пожалуйста, принеси ее... и два бокала.

Он повиновался, действуя подобно лунатику.

Она на треть наполнила его бокал и налила немного в свой. Юноша заколебался.

— Пей же! — скомандовала миссис Долдерсон. — Ты перенес сильное потрясение. Бренди тебе поможет. Я хочу поговорить с тобой, но вряд ли смогу добиться толку, если ты будешь вести себя как полоумный.

Он выпил, подавился алкоголем и поставил бокал на стол.

— Допей, — твердо сказала она. Он послушно допил до дна. — Ну, получше?

Он молча кивнул.

Теперь миссис Долдерсон знала, что делать, и набрала побольше воздуха в легкие. Полностью изгнав из голоса былую резкость, она спросила:

— Артур, скажи мне, какой сегодня день?

— День? — повторил он удивленно. — ну, как же — сегодня пятница... а число... э-э... двадцать седьмое июня.

— А какой год, Артур? Какой год?

Теперь он повернулся к ней всем телом.

— Знаете, я не настолько ополоумел. Я помню, кто я такой и где нахожусь... Во всяком случае, мне так кажется... Это весь мир сошел с ума, а вовсе не я. Я могу рассказать о себе...

— Все, что я хочу услышать от тебя, Артур, так это то, какой у нас сейчас год. — В голосе миссис Долдерсон снова зазвучали приказные интонации.

— 1913-й, разумеется, — ответил он.

Взор миссис Долдерсон вновь упал на лужайку и цветы. Она слегка кивнула. Тот самый год... И именно пятница. Как странно, что она помнит все эти мелочи... Вполне возможно, что и число было то же самое — двадцать седьмое июня... а вот что пятница 1913-го, так это бесспорно. И он не пришел... Как давно, как давно это было...

Его голос вернул ее к действительности. В нем звучала тревога.

— Но почему... почему вы спрашиваете меня об этом... я хочу сказать, насчет года?

Лоб миссис Долдерсон избороздили морщины, глаза выдавали беспокойство. Ее сердце томилось от жалости. Она снова положила свою иссохшую, почти невесомую ладонь на сильную крепкую руку юноши.

— Мне кажется... мне кажется, я понимаю, — проговорил он дрожащим голосом. — Со мной произошло что-то загадочное, верно? Каким-то образом это больше не 1913 год, вы это хотите сказать? Потому что деревья стали не такие... аэропланы... — Молодой человек замолчал, глядя на нее широко распахнутыми глазами. — Вы обязаны сказать мне... пожалуйста, пожалуйста, скажите, что же со мной случилось? Где я теперь... где этот...

— Бедный мальчик, — пробормотала она.

— О, ради Бога...

«Таймс» с частично решенным кроссвордом валялся на стуле рядом с креслом. Миссис Долдерсон нерешительно подняла газету, сложила ее заголовком наружу и протянула юноше. Его рука дрожала, принимая газету.

— Лондон, понедельник, первое июля, — прочел он вслух и пораженным шепотом добавил: — Тысяча девятьсот шестьдесят третий!

Он уронил газету и с мольбой посмотрел на миссис Долдерсон. Она дважды медленно кивнула. Они долго сидели молча, глядя друг на друга.

Постепенно выражение его лица изменилось. Брови сошлись, как будто он испытывал острую боль. Он нервно огляделся, глаза бегали взад и вперед, будто в поисках выхода из ловушки. Затем они вернулись к миссис Долдерсон. На мгновение юноша крепко зажмурился и снова открыл их, полные боли и страха.

— О нет... нет! Нет! Вы не... вы не можете быть... Вы сказали... вы сказали мне... вы же миссис Долдерсон, верно? Вы же сами сказали так... вы не... вы не можете быть... Тельмой...

Миссис Долдерсон промолчала. Они продолжали смотреть друг на друга. И вдруг лицо его исказилось как у готового заплакать маленького ребенка.

— Боже! О-о-о... — выдавил он и спрятал лицо в ладонях.

Миссис Долдерсон с горечью смотрела на трясущиеся плечи юноши. Ее худая, покрытая голубыми венами левая рука протянулась к его опущенной голове и нежно погладила белокурую шапку волос.

Правая же рука нащупала на столе кнопку звонка. Она нажала на кнопку и долго-долго не отрывала от нее палец.

Шорох движения заставил ее открыть глаза. Венецианские шторы затеняли комнату, пропуская, однако, достаточно света, чтобы она могла узнать Гарольда, стоявшего около постели.

— Я не хотел будить тебя, мама.

— Ты не разбудил меня, Гарольд. Я только дремала, а не спала. Садись рядом, милый, я хочу поговорить с тобой.

— Ты не должна переутомляться. У тебя ведь был небольшой приступ, как ты знаешь.

— Еще бы! Но для меня более утомительно гадать, чем знать наверняка. Я не задержу тебя долго.

— Отлично, ма. — Он пододвинул стул поближе к кровати и сел, взяв в руки ее ладонь. Она смутно различала черты его лица в сумраке комнаты.

— Ведь это все твои проделки, Гарольд, не так ли? Именно твой эксперимент доставил сюда несчастного Артура?

— Это была непредвиденная случайность, мама.

— Расскажи подробнее.

— Мы долго работали. Эксперимент был нашим первым опытом. Теоретически же мы считали это дело вполне осуществимым. Мы доказали, что если... Ох, дорогая, это так трудно выразить обычными словами... Что если мы сможем... ну, свернуть измерение, вроде как бы сложить и наложить его на самого себя, тогда две точки, в нормальных условиях отстоящие друг от друга, смогут совпасть... Боюсь, я говорю не очень понятно...

— Не обращай внимания, милый. Продолжай.

— Так вот, когда мы запустили наш генератор, свертывающий поле, мы попытались совместить две точки, нормально разделенные пятьюдесятью годами. Представь себе лист бумаги с двумя нанесенными на него точками, который сгибается так, чтобы точки совпали.

— Ну, и?..

— Тут много случайного. Мы могли выбрать интервал в десять лет, могли в сто, но почему-то остановились на пятидесяти. И, знаешь, точность получилась просто потрясающая — ошибка составила всего лишь четыре календарных дня на пятьдесят лет. Потрясающе! Теперь нам придется отыскивать источник этой ошибки, но если ты спросишь, готов ли кто-нибудь из нас биться об заклад...

— Да, милый, я уверена, что это просто замечательно. Но все-таки, что же именно произошло?

— Ох, извини. Итак, как я уже говорил, имел место просто несчастный случай. Мы включили эту штуковину только на три или четыре секунды, но бедняга, должно быть, умудрился войти в поле совмещения как раз в этот крошечный промежуток времени. Невероятно! Один шанс на миллион! Мне ужасно жаль, что так получилось, но мы никак не могли предположить...

Голова на подушке слегка отвернулась.

— Нет, разумеется, не могли, — согласилась миссис Долдерсон, — Ну, и что же было потом?

— Да ничего особенного. Мы ни о чем не подозревали, пока Дженни не прибежала на твой звонок и не нашла тебя в обмороке, а этого парня — Артура — в полной истерике. Тогда она послала за мной...

Одна из наших девочек помогла уложить тебя в постель. Приехал доктор Соул и занялся тобой. Затем он накачал транквилизаторами Артура. Бедолага очень нуждался в этом — это ж надо, попасть в такую передрыгу, когда всего-то и ждешь, что сыграешь с любимой девушкой партию в теннис!

Когда он наконец несколько утихомирился, то смог рассказать нам, кто он такой и откуда прибыл. Вот это был номер! Живое доказательство удачи первого же испытания!

Но все, чего он хотел, — это вернуться в свое время, причем как можно скорее. Бедняга был жутко выбит из колеи. Доктор Соул полагал, что его необходимо взять под наблюдение, не то дело может кончиться сумасшествием. Похоже, все к тому шло, и нам даже казалось, что ему вряд ли сильно полегчает, даже если он быстренько попадет к себе.

Но мы не знали, сумеем ли послать его обратно. Передвижение «вперед», грубо говоря, может рассматриваться как резкая акселерация естественной прогрессии, но идея передвижения «назад», если подумать хорошенько, вызывает множество трудно представимых осложнений. Возник весьма продолжительный спор, но доктор Соул его прекратил. Если существует хоть какой-нибудь шанс, сказал он, то этот парень имеет право им воспользоваться, а мы обязаны исправить нанесенный ему вред. Кроме того, если мы не попытаемся это сделать, то нам безусловно придется объяснять властям, как это у нас на руках оказался буйнопомешанный и каким образом он, так сказать, сбился на пятьдесят лет со своего жизненного курса.

Мы попробовали объяснить этому Артуру, что не уверены в том, сработает ли процесс в обратном направлении, и что в любом случае тут имеет место четырехдневная ошибка во времени, так что и в самом лучшем варианте необходимая точность не будет достигнута. Не думаю, что до него дошло. Бедняга был в жутком состоянии; все, чего он хотел, — получить свой шанс, хоть самый ничтожный, и убраться отсюда. На этом он прямо заиклился.

Ну, мы и решили рискнуть — в конце-то концов, если окажется, что ничего не получилось... ну, он все равно об

этом никогда не узнает... а может, и вообще выпадет пустышка.

Генератор был готов и стоял на той же отметке. Мы приставили к нему одного парня, а сами отвели Артура на дорожку — на то место, где она кончается у дверей твоей комнаты, и поставили его там.

«А теперь шагайте! — сказали мы. — Идите точно так же, как шли в тот момент, когда все это с вами случилось» И тут же подали сигнал включить генератор. Учитывая наркотик доктора и прочие обстоятельства, Артур был в полном затмении, но тем не менее сделал все, что было в его силах, чтобы взять себя в руки. Он двинулся вперед как бы в ступоре. И несмотря на это, парень отлично выполнил все наши указания. Чудом удерживаясь от рыданий, он умудрился каким-то противоестественным голосом запеть: «...это делают все люди, это делают все люди...» И вдруг исчез — просто испарился, и все тут!

Гарольд помолчал и с сожалением добавил:

— Оставшиеся доказательства не слишком впечатляющи — теннисная ракетка, почти новая, но в то же время, безусловно, изготовленная десятки лет назад, и соломенная шляпа в том же состоянии.

Миссис Долдерсон все еще молчала. Тогда он сказал:

— Мы сделали все, что могли, мама.

— Конечно, конечно, милый. И вполне успешно. Не ваша вина, что нанесенный ущерб был возмещен не полностью... Нет, мне просто любопытно, что случилось бы, включи вы свою машину несколькими минутами раньше.. или позже. Но я подозреваю, что этого произойти никак не могло... Тебя тут бы не оказалось, если бы подобное было возможно.

Гарольд с недоумением взглянул на нее:

— О чем ты, мама?

— Не обращай внимания, дорогой. Как ты и говорил, это был всего лишь несчастный случай. Так мне представляется, по крайней мере... Хотя такое множество важных событий на самом деле являются случайными, что приходится удивляться, не записаны ли они на самом деле где-то там — далеко-далеко.

Гарольд смотрел на нее, пытаясь понять смысл этой фразы, а потом решился задать вопрос:

— Но что заставляет тебя думать, что мы успешно вернули его назад, мама?

— О, я знаю, что вам это удалось. Во-первых, я отчетливо помню тот день, когда я прочла в газете, что лейтенант Артур Уоринг Бэтли награжден орденом за выдающиеся заслуги. По-моему, это произошло где-то в ноябре 1915 года. А во-вторых, я только что получила письмо от твоей сестры.

— От Синтии? Какое она может иметь отношение к этому делу?

— Она хочет приехать навестить нас. Она намерена снова выйти замуж и хотела бы привезти с собой этого молодого человека... хотя мне кажется, что он не так уж и молод... чтобы показать его нам.

— Все это так, но я не вижу...

— Она думает, что тебе будет интересно с ним познакомиться. Он физик.

— Но...

Миссис Долдерсон даже не заметила, что ее прервали. Она продолжала:

— Синтия говорит, что его зовут Бэтли... и он сын полковника Артура Уоринга Бэтли, кавалера Ордена за выдающиеся заслуги, живущего в Найроби, в Кении.

— Ты хочешь сказать, что он сын?..

— Так мне кажется, милый. Странно, не правда ли? — Миссис Долдерсон немножко подумала и добавила: — Если все эти вещи действительно записаны где-то, они, видимо, записываются в каком-то весьма странном неряшливом беспорядке. Ты согласен со мной, милый?

ПОИСКИ НАУГАД

Звук затормозившей по гравию машины заставил доктора Харшомо взглянуть на часы. Он захлопнул блокнот, положил его в ящик стола и стал прислушиваться, поджидая. Наконец Стефан открыл дверь и произнес:

— Мистер Трэффорд, сэр!

Доктор встал с кресла и внимательно посмотрел на вошедшего молодого человека.

Мистер Колин Трэффорд оказался представительным тридцатилетним мужчиной со слегка вьющимися каштановыми волосами и чисто выбритыми щеками. На нем были хорошо сшитый из дорогого твида костюм и соответствующая обувь. Внешность располагающая, но довольно обычная. Наверное, он похож на каждого второго из тех молодых людей, которых мы встречаем ежедневно. Приглядевшись поближе, доктор заметил следы усталости на его лице, выражение тревоги и напряженного упорства в складке рта.

Они пожали руки друг другу.

— Вы, наверное, долго добирались сюда, — сказал доктор. — Думаю, не возражаете против глотка виски? До обеда еще полчаса.

Молодой человек сел и поблагодарил:

— Вы были очень любезны, пригласив меня сюда, доктор Харшом.

— Я сделал это небескорыстно: по мне, лучше поговорить с человеком, чем заводить переписку. Более того, отказавшись от нудной сельской практики, я стал дотошным, мистер Трэффорд, а уж в тех редких случаях, когда мне удастся столкнуться с настоящей тайной, я не отвя-

жусь, пока мое любопытство не будет удовлетворено до конца, — сказал доктор Харшом и тоже сел.

— С тайной? — повторил молодой человек.

— С тайной, — кивнул доктор.

Молодой человек отпил виски.

— Наводимые мною справки такого свойства, что... они под стать любому юристу, не правда ли?

— Но вы же не юрист, мистер Трэфффорд, — сказал доктор.

— Да, — согласился тот.

— Что же заставило вас наводить эти справки? Нужда или досужее любопытство? В этом-то и заключается тайна — искать человека, в существовании которого вы и сами не уверены и о котором нет никаких данных, даже в «Сомерсет Хаусе».

Молодой человек с интересом разглядывал доктора, который продолжал:

— Откуда мне известно, что вы не уверены в существовании разыскиваемого лица? Да просто подобные поиски предпринимаются только в этом случае. Будь у вас свидетельство о рождении данного человека, вы бы так не поступали. В самом деле, откуда эта непонятная решимость найти того, кто официально не существует? И тут я сказал себе: «Когда этот упрямец обратится ко мне, я попытаюсь разгадать его тайну».

Молодой человек нахмурился:

— Вы хотите сказать, что это пришло вам в голову еще до того, как вы получили мое письмо?

— Мой дорогой, Харшом — не обычная фамилия, она происходит еще от Харвестов, если это вас интересует, — и действительно я никогда не слышал о Харшоме, который бы не имел отношения к этой древней фамилии. Поэтому в той или иной степени все мы, Харшомы, связаны друг с другом, и вторжение молодого неизвестного нам человека, настойчиво перебирающего всех нас и пристающего к каждому со своими расспросами относительно какой-то таинственной мисс Харшом; вполне естественно, возбуждает наш интерес.

Поскольку я сам, как мне кажется, нахожусь в конце вашего списка Харшомов, то я и решил, со своей стороны, заняться некоторыми исследованиями.

— Но почему вы считаете, что находитесь в конце моего списка? — прервал его Колин Трэфффорд.

— Потому что вы, очевидно, придерживаетесь определенного принципа, в данном случае — географического. Вы начали поиски Харшомов в центральном районе Лондона и продолжали расширять их от центра, пока не добрались до Хирфордшира. Теперь в вашем списке осталось только два Харшомы: Питер, который живет на крайнем мысу Корнуолла, и Гарольд — в нескольких милях от Дарема, не так ли?

Колин Трэффорд кивнул с чувством недовольства.

— Верно, — согласился он.

Доктор Харшом улыбнулся.

— Так я и думал. Предположим... — начал он, но молодой человек прервал его опять:

— В своем письме вы пригласили меня сюда, но при этом не ответили на мой вопрос.

— Это верно. Я ответил на него теперь, заявив, что лицо, которое вы разыскиваете, не только не существует, но никогда и не существовало.

— Если вы так уверены в этом, зачем вы вообще позвали меня сюда?

— Затем, чтобы... — Слова доктора прервал звук гонга. — Простите, Филиппс дает нам десять минут на туалет перед обедом. Позвольте мне показать вам вашу комнату, и мы продолжим беседу за столом.

Чуть позже, когда суп был подан, доктор продолжал:

— Вы спрашивали меня, почему я пригласил вас сюда. Полагаю, ответ заключается в следующем. Если вы чувствуете право проявлять любопытство к моей гипотетической родственнице, я имею не меньшее право интересоваться причинами, вызвавшими ваше любопытство. Резонно, не правда ли?

— Едва ли, — ответил мистер Трэффорд, подумав. — Я допускаю, что выяснять мотивы моих поисков было бы оправданным, если бы вы знали, что объект поисков существует. Но поскольку вы уверяете меня, что его нет, то вопрос о мотивах становится чисто академическим.

— Но мой интерес и носит чисто академический характер, дружище, хотя и не лишен практического смысла. Возможно, мы продвинемся несколько вперед, если вы позволите осветить проблему так, как она мне представляется.

Трэффорд кивнул, и доктор продолжал:

— Итак, обрисуем обстановку: около семи или восьми месяцев назад молодой человек, совсем неизвестный нам,

начинает целую серию попыток завязать контакт с моими родственниками. Его намерения, по его словам, заключаются в выяснении всего, что касается Оттилии Харшом. Он полагает, что она родилась в 1928 году или около того. Конечно, она могла принять после замужества другую фамилию. Тон его первых писем был доверительным, что предполагало наличие чувств, которые легко можно понять. Но после того как один за другим Харшомы отказывались опознать среди родственников предмет розыска, тон писем стал менее доверительным, хотя и не менее настойчивым. В одном или двух случаях он встречался, видимо, с молодыми представительницами рода Харшомов, правда, не Оттилиями, тем не менее он пристально их изучал. Может быть, он так же не уверен в ее имени, как и во всем, что касается ее? Вероятно, ни одна из тех дам не отвечала его представлениям об Оттилии Харшом, потому что он продолжает свои поиски. Его решимость вывернуть наизнанку этих Харшомов все растет, и тут он преступает грань разумного. Кто он — сумасшедший, страдающий манией любопытства?

Однако, по крайней мере, до весны 1953 года он, видимо, был абсолютно нормальным молодым человеком. Его полное имя — Колин Вейланд Трэфффорд. Он родился в 1921 году в Солихалле. Сын юриста. Поступил в школу у Чартоу в 1934 году. В 1939-м был призван в армию и в 1945 году демобилизовался в чине капитана. Поступил в Кембриджский университет. Получил в 1949 году диплом физика и в том же году занял ответственный пост в «Электро-физикал индастри компани». Женился на Делле Стивенс в 1950-м. Овдовел в 1951-м. В начале 1953 года во время лабораторных опытов произошел несчастный случай, он пострадал и целых пять недель провел в больнице святого Меррина. Примерно через месяц появляются его первые письма Харшомам относительно Оттилии Харшом.

Колин Трэфффорд заметил:

— Вы очень неплохо осведомлены, доктор Харшом.

Доктор слегка пожал плечами:

— Ваша собственная информация о Харшомах теперь должна быть просто исчерпывающей. Чего же вам обижаться на то, что и нам известно кое-что о вас?

Колин не ответил. Он пристально глядел на скатерть, как бы изучая ее. Доктор заключил:

— Я только что сказал: не мания ли это у него? И ответил бы: да, это стало манией с марта прошлого года.

До того времени никаких расспросов относительно мисс Оттилии Харшом не было. И вот, когда я уяснил себе эти обстоятельства, я почувствовал, что нахожусь в преддверии куда более удивительной тайны, чем можно было предположить ранее.

Доктор сделал паузу.

— Я хотел бы спросить вас, мистер Трэффорд, было ли вам известно имя Оттилии Харшом до прошлого года?

Молодой человек колебался. Затем с трудом произнес:

— Возможно ли и как вам на это ответить? Количество самых разных имен бесчисленно. Одни запоминаются, другие хранятся в подсознании, а некоторые, очевидно, проходят незамеченными. На этот вопрос нельзя ответить определенно.

— Допускаю. Но получается любопытная ситуация: до января Оттилия Харшом была вне вашего сознания, однако начиная с марта без видимых на то причин она овладела всеми вашими помыслами. Поэтому-то я и спрашиваю себя, что могло случиться между январем и мартом?

Как известно, я занимаюсь медициной. И я берусь связать воедино ряд внешних факторов чисто логически.

В конце января вас вместе с другими приглашают присутствовать при демонстрации опытов в одну из лабораторий вашей компании. Мне не объяснили деталей, да и сомневаюсь, что я понял бы их. Но я знаю, что во время демонстрации произошло что-то неладное. Был взрыв или, может быть, подобие спровоцированного излучения пучка электронов. Во всяком случае, в лаборатории произошла авария. Один был убит на месте, другой скончался позднее, несколько человек ранены. Вы пострадали не очень сильно: несколько синяков и порезов — ничего серьезного, но вас сбilo с ног. Это был основательный удар: вы пролежали без сознания двадцать четыре дня... И когда вы наконец пришли в себя, у вас появились признаки значительного психического расстройства — более сильного, чем можно было ожидать от пациента вашего возраста и комплекции. Вам дали успокаивающее. Следующую ночь вы спали беспокойно, вы вновь и вновь звали кого-то по имени Оттилия.

В больнице пытались разыскать Оттилию, но никто из ваших друзей и родственников не знал никакой Оттилии, имеющей к вам отношение. Вы начали поправляться, хотя было ясно: какие-то серьезные изменения произошли в вашем сознании.

Вы отказались дать разъяснения, но уговорили одного из врачей попросить секретаршу поискать имя Оттилии Харшом в справочнике. Когда имя обнаружить не удалось, вы впали в депрессию, однако опять не объяснили ее причины. После выхода из больницы вы пустились на поиски Оттилии Харшом, которые вы продолжаете, несмотря на явную их безнадежность. Итак, какое же заключение можно сделать из этого?

Доктор замолчал, чтобы взглянуть на своего гостя. Левая бровь его вопросительно приподнялась.

— Заключение? — недовольно буркнул Колин. — Что вам известно больше, чем я предполагал. И что вам пришло бы заниматься подобными расспросами, если бы я лечился у вас, но, поскольку я не ваш пациент и не имею ни малейшего желания консультироваться у вас как у профессионала, ваши действия представляются мне вмешательством в чужие дела, что неэтично.

Если молодой человек предполагал, что хозяин будет выбит из седла сказанным, то ему пришлось разочароваться. Доктор все так же заинтересованно разглядывал его.

— Я не убежден еще, что вы можете обойтись без наблюдения врача, — заметил он. — Однако позвольте мне сказать, почему именно я, а не кто-либо другой из Харшомов серьезно занялся всем этим. Может, тогда вы не будете считать мои усилия столь неуместными. Но я заранее предупреждаю во избежание ложных надежд: вы должны понять, что Оттилии Харшом, которую вы ищете, нет и не было.

Тем не менее во всем этом есть одно обстоятельство, которое сильно интригует и удивляет меня и которое я не могу отнести к разряду совпадений. Видите ли, имя «Оттилия Харшом» не совсем безызвестно мне. Нет!.. — он поднял руку. — Повторяю — без ложных надежд! Оттилии Харшом нет, однако была — или скорее были в прошлом две Оттилии Харшом.

Обида и недовольство Колина полностью улетучились. Он сидел, слегка наклонясь вперед, внимательно следя за хозяином.

— Но, — подчеркнул доктор, — это было очень давно. Первой из Оттилий была моя бабушка. Она родилась в 1832 году, вышла замуж за дедушку Харшом в 1861 году и умерла в 1866 году. Второй была моя сестра: она, бедняжка, родилась в 1884-м и умерла в 1890 году.

Он прервал рассказ. Колин молчал. Доктор продолжал:

— Я единственный, кто остался в живых из нашей ветви Харшомов, поэтому неудивительно, что другие забыли о том, что в нашем роду было имя Оттилия. Когда я услышал о ваших поисках, я сказал себе: в этом есть что-то необычное. Оттилия не самое редкое из имен, но потребовалось бы очень много поколений, чтобы появилась еще одна Оттилия Харшом — согласитесь, фамилия Харшом встречается крайне редко. Вероятность такого совпадения имени и фамилии ничтожна, и для выражения этой вероятности потребуются астрономические числа, настолько большие, что я не могу поверить в случай; где-то помимо случая должно быть звено связи, какая-то причина. Итак, я послал приглашение, чтобы выяснить, почему какой-то Трэффорд одержим таким невероятным совпадением имени и фамилии. Не можете ли вы мне разобраться в этом?

Колин смотрел на доктора в упор, но молчал.

— Не хотите? Ну ладно. Так вот, я собрал все доступные данные и пришел к такому заключению: в результате несчастного случая и травмы вы пережили потрясение небывалой силы и необычного свойства. Что потрясение было сильное, явствует из того упорства, с которым вы добиваетесь определенной цели; необычность же его проявилась в том, что вы пришли в себя уже в состоянии умопомешательства, и в том, с каким упрямством вы отказывались вспомнить хоть что-нибудь из того, что с вами было с момента удара до пробуждения.

Почему же в момент пробуждения вы оказались в состоянии умопомешательства? Объяснить это можно воспоминаниями, возникшими в тот самый момент у вас в голове. И если эти воспоминания не более чем отражение снов, то почему вы не хотите о них говорить? Очевидно, потому, что все связанное с именем Оттилии Харшом имеет для вас огромное значение — и в настоящем и в будущем.

Итак, мистер Трэффорд, что вы скажете о моих рассуждениях и выводах? Как врач, я полагаю, что подобные задачи можно решать лишь сообща.

Колин задумался, но, поскольку он все еще медлил с ответом, доктор добавил:

— Вы уже у финиша ваших поисков. Осталось только два неопрошенных Харшомов, и, я уверяю, они не смогут помочь вам. И что тогда?

— Наверное, вы правы, — вяло ответил Колин. — Вам виднее. Но все равно я должен поговорить с ними. Может

быть, хоть что-нибудь... Я не могу пренебречь ни единой возможностью. Я и так почти ни на что не рассчитывал, когда вы пригласили меня. Я знал, что у вас была семья...

— Была, — тихо произнес доктор. — Мой сын Малкольм убит в 1927 году. Он не был женат. Дочь была замужем, но не имела детей. Она погибла в 1941 году во время бомбежки Лондона... Вот и все... — Доктор медленно опустил голову.

— Простите... — сказал Колин. — Вы не разрешите взглянуть на портрет вашей дочери?

— Но ведь она далеко не ровесница той, кого вы ищете!

— Я понимаю, но все-таки...

— Хорошо, я покажу фотографию, когда вернемся в кабинет. А пока что вы не сказали, что вы думаете о ходе моих рассуждений.

— О, они вполне логичны!

— Но вы продолжаете отмалчиваться? Тогда я еще немного порассуждаю. Судя по всему, то, что произошло с вами, не должно было оставить у вас в душе осадок стыда или отвращения. Иначе вы любым способом постарались бы приукрасить это событие. Вы этого явно не делаете. Поэтому скорее всего причиной вашего молчания является страх. Что-то пугает вас, мешает вам говорить о случившемся. К счастью, вы не боитесь моих рассуждений. Вам страшно поделиться своими мыслями с другими, ибо это может привести к каким-то осложнениям. И осложнения эти коснутся в первую очередь вас самого, а не того, другого, человека...

Колин продолжал безучастно рассматривать доктора, затем откинулся на спинку кресла и впервые слабо улыбнулся.

— Ну вот вы и высказались, доктор, не так ли? Извините меня, но ваши рассуждения по-немецки тяжеловесны. На самом деле все гораздо проще и сводится к следующему. Любой человек, утверждающий истинность чувств и восприятий, не соответствующих общепринятым, будет признан не совсем нормальным, верно? А если он не совсем нормальный, разве можно на него вообще полагаться? Вы скажете, можно, но не разумнее ли будет передать ключевые позиции в руки нормального человека? Это лучше и надежней. И вот он уже обойден. Его неудачи замечают. Над ним гущаются тучи. Все это еще несущественно, малозаметно для него, но постоянно омрачает его существование.

Вообще-то, мне кажется, что людей совсем нормальных нет, есть лишь распространенное убеждение, что они

должны быть. В любом организованном обществе существует понятие человека, который необходим данному обществу. Представление о таком человеке и выдается за эталон «нормального человека». Каждый член общества стремится соответствовать данному эталону, и всякий человек, который в частной ли жизни или на службе в значительной мере отстывает от него, грозит испортить себе карьеру. В этом-то и заключается мой страх: я просто боюсь осложнений.

— Пожалуй, верно, — согласился доктор. — Но вы ведь не пытаетесь скрыть своих странных поисков Оттилии Харшом?

— А зачем? Что может быть обычнее положения «мужчина разыскивает девушку»? Я подвел под это такую базу, которая удовлетворяет не только моих любопытных друзей, но и некоторых Харшомов.

— Пожалуй. Только никто из них не знает о «счастливом» совпадении имени «Оттилия» с фамилией «Харшом». Об этом знаю лишь я.

Доктор подождал ответа Колина Трэффорда, но, так и не дождавшись, продолжал:

— Послушайте, дорогой мой. Эта проблема тяжелым бременем лежит у вас на сердце. Нас тут всего двое. У меня с вашей фирмой нет абсолютно никаких контактов. Моя профессия должна убедить вас в том, что все останется между нами, и, если хотите, я дам вам особые гарантии. В результате вы сбросите тяжкое бремя со своей души, а я наконец доберусь до сути...

Колин покачал головой:

— Ничего у вас не получится. Если бы даже я решился излить душу, непонятного для вас стало бы больше. Я это знаю по себе.

— Одна голова хорошо, а две лучше. Давайте попробуем, — сказал доктор и снова поглядел на Колина.

Некоторое время Колин размышлял, потом поднял глаза и уверенно встретил взгляд доктора.

— Ну хорошо. Я пытался разобраться во всем сам. Теперь попытайтесь и вы. Но прежде покажите мне портрет вашей дочери. Когда ей было двадцать пять лет. Есть у вас такой?

Они встали из-за стола и вернулись в кабинет. Доктор жестом предложил Колину сесть, а сам направился в дальний угол комнаты, к шкафу. Достал пачку фотографий, просмотрел их бегло, отобрал три. Несколько секунд вни-

мательно вглядывался в них, затем протянул Колину. Пока Колин изучал фотографии, доктор разливал бренди.

Но вот Колин кончил рассматривать фотографии

— Нет, — сказал он. — Хотя все-таки что-то в них есть... — Он попробовал закрывать рукой на фотографии сначала лоб, потом нос, губы. — Похожи разрез и постановка глаз, но не совсем. Может быть, брови... Прическа другая, это мешает определить точно... — Он еще немного подумал, затем вернул фотографии. — Спасибо, что позволили мне взглянуть на них.

Доктор вытащил из пачки еще одну фотографию и протянул ее Колину.

— Это Малкольм, мой сын.

На ней молодой человек стоял, смеясь, возле машины, окутанный выхлопными газами, и пытался ремнями стянуть капот.

— Он любил эту машину, — сказал доктор. — Но для старой дороги у нее была слишком большая скорость. Машина перелетела через барьер и ударилась в дерево.

Он положил фотографии на место и протянул Колину стакан с бренди.

Некоторое время оба молчали. Потом Колин отпил бренди и закурил сигарету.

— Ну что ж, — произнес он. — Попробую рассказать. Было ли это в действительности или только в моем воображении, неважно. Подробности мы рассмотрим позже, если вы захотите...

— Хорошо, — согласился доктор. — Но прежде скажите: все началось с того несчастного случая или было что-то еще раньше?

— Нет, — ответил Колин, — С него все и началось.

Это был самый обычный день, выделявшийся из череды аналогичных разве что тем самым экспериментом в лаборатории. В чем он заключался, не стоит говорить. Это не мой личный секрет, да и к делу никакого отношения не имеет. Все мы собрались вокруг установки.

Дикин — он дежурил — врубил ток. Что-то загудело, потом взвыло, будто мотор, набирающий обороты. Вой постепенно перешел в визг; секунду или две казалось, что не вынесешь этого звука, достигшего порога слышимости. И вдруг чувство облегчения, потому что он прекратился, и все вроде опять успокоилось. Я смотрел на Дикина, наблюдавшего за поведением приборов, готового в любой момент отключить их, когда в лаборатории ярко полыхнуло

огнем. Я ничего не услышал и не почувствовал; зафиксировал только поразительную белую вспышку... Потом — провал, сплошная чернота... Я слышал, как кричали люди, и женский голос, истеричный женский голос...

Что-то очень тяжелое придавило меня. Я открыл глаза и был ослеплен острой болью. Я постарался освободиться от придавившей меня тяжести и тут обнаружил, что лежу на земле и на меня навалились два или три человека. Мне удалось сбросить с себя двоих и сесть. Вокруг валялись люди; несколько человек уже подымались. В двух футах слева от себя я увидел огромное колесо. Посмотрев вверх, я понял, что это колесо автобуса, автобуса, который возвышался надо мной как красный небоскреб и, более того, стоял наклонно и явно собирался повалиться. Это заставило меня подхватить молодую женщину, лежавшую на моих ногах, быстро вскочить и убраться вместе с нею в безопасное место. Она была без сознания, лицо ее было смертельно бледным.

Я огляделся. Нетрудно было понять, что здесь случилось. Автобус, шедший с большой скоростью, видимо, потерял управление, въехал на переполненный тротуар и в витрину магазина. Переднюю часть его верхнего яруса сплющило стеной здания, и именно оттуда доносился истеричный женский крик. Несколько человек все еще оставались на земле: женщина подавала слабые признаки жизни, стонал мужчина, а двое или трое лежали совсем неподвижно. Три струйки крови медленно текли по асфальту среди кристалликов разбитого стекла. Движение на улице остановилось, и я заметил два полицейских шлема, медленно продвигающихся над собравшейся толпой.

Я пробовал пошевелить руками, ногами. Они действовали безупречно и безболезненно. Но я чувствовал головокружение, и в голове стучало. Я ощупал голову и нашел крошечную ранку на левом виске: падая, я, видимо, ударился обо что-то острое.

Полицейские продирались сквозь толпу к автобусу. Один из них стал расталкивать орущих зевак, второй занялся пострадавшими, оставшимися лежать на дороге. Появился третий и полез на второй ярус автобуса узнать, кто там кричит.

Я осмотрелся. Мы находились на Риджент-стрит, недалеко от Пиккадилли; разбитая витрина принадлежала Остину Риду. Я опять посмотрел на автобус. Он действительно наклонился, но не было опасения, что он упадет: его на-

крепко заклинило в витрине в каком-нибудь ярде от слова «Дженерал», золотыми буквами горевшего на алом боку автобуса.

В этот момент до меня дошло, что если я сейчас же отсюда не уберусь, то буду вовлечен в это дело в качестве свидетеля; не то чтобы я вообще не считал для себя возможным выступать свидетелем, но только при обычных обстоятельствах и если это было кому-нибудь на пользу. А тут я вдруг ясно осознал, что обстоятельства далеко не обычные. Во-первых, единственное, свидетелем чего я был, — это печальные последствия катастрофы, а во-вторых — что я тут делаю?.. Только что я наблюдал демонстрацию опыта в Уотфорде и вдруг оказался на Риджент-стрит... Какого черта?

Потихоньку я смешался с толпой. Петляя среди остановившихся машин, перешел на другую сторону улицы к кафе «Ройал». Кажется, с тех пор как я был у них года два назад, они здорово перестроились, но моей главной задачей было отыскать бар, что я и сделал без особого труда.

— Двойной бренди с содой, — заказал я бармену.

Он налил мне бренди и пододвинул сифон. Я вынул из кармана деньги — оказалась какая-то мелочь, серебро и медь. Полез за чековой книжкой.

— Полкроны, сэр, — как бы предупреждая мой жест, сказал бармен.

Я вылупил на него глаза. Но цену назначил он. Я протянул ему три шиллинга. Он с благодарностью принял их.

Я разбавил бренди содовой и с наслаждением выпил. Это случилось в тот момент, когда я ставил стакан на прилавок: в зеркале за спиной бармена я увидел свое отображение.

Было время, я носил усы — когда я вернулся из армии, например. Но, поступив в Кембридж, я сбрил их. А теперь — вот они, может быть, не такие пышные, но вновь воскресшие. Я потрогал их. Никакого обмана, усы настоящие. Почти тут же я заметил, какой на мне костюм. В таком костюме я ходил несколько лет назад, но мы, служащие «Электро-физикал индастри», не носили ничего подобного.

Все поплыло у меня перед глазами, я поспешил выпить бренди и немного неуверенно полез в карман за сигаретой. Из кармана я вытащил пачку совершенно незнакомых мне сигарет. Слышали вы когда-нибудь о сигаретах «Маринер»? Нет? Не слышал о них и я, но достал одну и трясущейся

рукой закурил. Головокружение не проходило, напротив, оно быстро нарастало.

Я пощупал внутренний карман. Кошелек в нем не было. Хотя он должен был находиться там, если только какой-нибудь паршивец в толпе возле автобуса не прихватил его... Я проверил остальные карманы: вечное перо, связка ключей, две квитанции от «Харродз», чековая книжка — в ней чеки на Найтбриджское отделение Уэстминстерского банка. Так, банк мой, но почему Найтбриджское отделение? Я живу в Хэмпстеде...

Чтобы найти объяснение всему этому, я попытался восстановить в памяти события, начиная с того мгновения, когда я открыл глаза и увидел возвышающийся надо мной автобус. Я вспомнил острое ощущение опасности от нависшего надо мной алого автобуса с золотыми буквами «Дженерал», ярко пылающими на его боку... Да, да, золотыми буквами, а вы должны знать, что слово «Дженерал» исчезло с лондонских автобусов еще в 1933 году, когда оно было заменено словами «Лондон транспорт».

Тут я, признаюсь, испугался немного и стал искать что-нибудь в баре, что помогло бы мне вернуть равновесие. На столике я заметил оставленную кем-то газету. Я пересек бар, чтобы взять газету, и вернулся на свое место к стойке, не взглянув на нее. Только после этого я сделал глубокий вдох и посмотрел на первую страницу. Сначала я испугался: всю страницу занимали реклама и объявления. Но некоторым утешением для меня послужила строчка наверху страницы: «Дейли Мейл, Лондон. Суббота 27 января 1953 года». Ну хотя бы дата была соответствующая: именно на этот день намечалась демонстрация опыта в лаборатории.

Я перевернул страницу и прочитал: «Беспорядок в Дели. Одно из грандиознейших гражданских волнений в Индии за последнее время имело место сегодня в связи с требованием немедленного освобождения из тюрьмы Неру. На целый день город замер».

Мое внимание привлек заголовок соседней колонки: «Отвечая на вопросы оппозиции, премьер-министр Ватлер заверил палату представителей в том, что правительство проводит серьезное рассмотрение...»

Голова кружилась. Я взглянул на верхнюю рамку газеты — та же дата, что и на первом листе: 27 января 1953 года, и тут же, под рамкой, фото с подписью «Сцена из вчерашней постановки театра Лаутон “Ее любовники”, в которой мисс

Аманда Коуворд играет главную роль в последней музыкальной постановке ее отца. "Ее любовники" была подготовлена к постановке за несколько дней до смерти Ноэля Коуворда в августе прошлого года. После представления мистер Айвор Новелло, руководивший постановкой, произнес трогательную речь в честь усопшего».

Я прочел еще раз. Затем для уверенности осмотрелся по сторонам. Мои соседи по бару, обстановка, бармен, бутылки были несомненно реальны.

Я положил газету на стойку и допил остаток бренди. Я хотел повторить заказ, но было бы неловко, если бы бармен вздумал назначить большую, чем раньше, цену — денег осталось в обрез.

Я взглянул на свои часы — и опять что за чертовщина! Это были хорошие золотые часы с ремешком из крокодиловой кожи, стрелки показывали половину первого, но никогда раньше я не видел этих часов. Я снял часы и посмотрел снизу. Там было выгравировано: «К. навеки от О. 10.X.50». Это поразило меня, ведь в 1950 году я женился, хотя и не в октябре, и не знал никого, чье имя начиналось бы с буквы «О». Мою жену звали Деллой. Я механически застегнул часы на руке и вышел из бара.

Виски и эта маленькая передышка подействовали к лучшему. Вернувшись на Риджент-стрит, я чувствовал себя менее растерянным. Боль в голове стихла, и я мог осмотреться вокруг более внимательно.

Кольцо Пиккадилли на первый взгляд было обычным, и тем не менее казалось, будто что-то тут не так. Я догадался, что необычны люди и машины. Много мужчин и женщин были в поношенных костюмах, цветочницы под статуей Эроса были тоже в каких-то лохмотьях. Я посмотрел на прилично одетых дам и удивился. Почти все без исключения носили плоские широкополые шляпы, приколотые булавками к прическам, юбки длинные, почти до лодыжек. Был полдень, но дамы почему-то вырядились в меховые накидки, производившие впечатление вечерних туалетов. Узконосые туфли на тонких каблуках-шпильках с излишними украшениями выглядели на мой вкус уродливо. Крик моды всегда смешон для неподготовленного, к нему приходится исподволь, постепенно.

Я чувствовал бы себя Рипом ван Винклем после пробуждения, если бы не эти вполне современные заголовки в газетах... Автомшины — короткие, высокие, без привычной обтекаемости форм — тоже казались смешными. При-

смотревшись, я понял, что, кроме двух явных «роллс-ройсов», все остальные марки машин мне незнакомы.

Пока я удивленно таращил глаза, одна из дам в плоской шляпе и поношенных мехах встала передо мной и мрачно обратилась ко мне, назвав «дорогушей». Я сбежал от нее на Пиккадилли. Между прочим, я обратил внимание на церковь святого Джеймса. Когда я видел ее в последний раз, она вся была в лесах. Материалы для перестройки и укрепления фундамента были подвезены в сад и огорожены временным забором. Это было две недели назад. Но теперь все исчезло, будто церковь вовсе не пострадала в свое время от бомбежек. Я пересек дорогу, присмотрелся внимательнее и крайне удивился мастерству реставраторов.

Я остановился перед витриной магазина Хатгарда и оглядел выставленные книги. Некоторых авторов я знал: Пристли, Льюис, Бертран Рассел, Т. С. Элиот, но редкие из заглавий их книг были мне знакомы. И вдруг внизу, в центре витрины, я увидел книжонку в суперобложке розовых тонов «Юные дни жизни», роман Колина Трэффорда.

Я уставился на книгу, наверное, с открытым ртом. Признаться, у меня были одно время потуги самолюбия в литературном направлении. Если бы не война, я бы, вероятно, получил образование в области искусства и попробовал бы в нем свои силы. Но случилось так, что мой приятель по полку убедил меня заняться наукой, а потом я поступил на работу в ЭФИ.

Поэтому, увидев свое имя на обложке книги, минуту или две я пытался разобраться в сумбурном потоке своих мыслей и ощущений. Любопытство заставило меня зайти в магазин.

На столе я заметил в стопке полдюжину экземпляров «Юных дней жизни». Я взял верхнюю и раскрыл. На обложке четко стояло имя автора, на обороте титула — перечень семи других его произведений. Затем шло незнакомое мне название издательства. Рядом отмечалось: «Первое издание — январь 1953 года».

Я взглянул на заднюю сторону суперобложки и чуть не уронил книгу: там красовался портрет автора, несомненно мой портрет, и с усами! Пол у меня под ногами дрогнул...

Где-то у себя за плечом я услышал показавшийся мне знакомым голос:

— Рад встрече, Нарцисс! Смотришь, как идет продажа? Ну и как?

— Мартин! — вскрикнул я от неожиданности. Никогда в жизни я так не радовался встрече с приятелем. — Мартин, сколько мы не виделись с тобой?

— Сколько? Да дня три, старик! — услышал я слегка удивленный голос.

Три дня! Я встречался с Мартином, и не раз, в Кембридже. Но это было не меньше двух лет назад. Однако он продолжал:

— Как насчет перекуса, если ты не занят?

И опять — странно: я уже много лет не слышал, чтобы кто-нибудь говорил «перекус». Я постарался убедить себя, что все в порядке вещей.

— Отлично, — согласился я, — но платить тебе, у меня стащили кошелек.

Он шелкнул языком:

— Надеюсь, в нем было не так уж много. А если пойти в клуб? Они примут к оплате чек.

Я положил книгу, которую все еще держал в руках, и мы вышли.

— Забавная штука, — сказал Мартин. — Только что встретил Томми — Томми Вестхауза. Он вроде порхающего мотылька — надеется на своего американского издателя. Ты помнишь его дурацкую вещь «Розы в шипах»? Как Бен-Гур встречает Клеопатру, а им мешает Синяя Борода? Так вот его издатель не лучше...

Он болтал, пересыпая рассказ профессиональными шутками и неизвестными мне именами. И я его, признаться, почти не понимал. Мы прошли так несколько кварталов почти до Пол-Мола. Он спросил:

— Ты так и не сказал мне, как идут «Юные дни жизни». Кое-кто говорит, что книгу переоценили. Видел «Вечлит»? Там тебя поругивают. Самому прочесть книгу не привелось: хлопот куча!

Я предпочел отвечать уклончиво и сказал, что продажа идет, как и ожидали, средне.

Мы пришли в клуб. Это оказался «Сэвидж-клуб». И хоть я не член его, швейцар приветствовал меня по имени, как будто я был их ежедневным посетителем.

Меня мучили сомнения, но все обошлось хорошо, и во время завтрака я старался быть на высоте и придерживаться принципа: вести себя как все, потому что если что-то кажется людям необычным, то они скорее посчитают тебя сумасшедшим, чем помогут тебе.

Боюсь, мне это не всегда удавалось. Я не раз замечал, что Мартин странно поглядывает на меня. Один раз даже спросил меня:

— Как ты себя чувствуешь, старик?

Но самое страшное случилось позднее, когда он потянулся левой рукой за сельдереем. Я увидел золотое кольцо-печатку у него на безымянном пальце, и это поразило меня. Дело в том, что у Мартина на левой руке не было мизинца и безымянного пальца. Он их потерял во время войны в 1945 году где-то в боях у Рейна.

— Боже мой! — невольно воскликнул я.

Он повернулся ко мне:

— Какого черта, старик, что стряслось? Ты побелел как полотно!

— Твоя рука... — пролепетал я.

Он с удивлением посмотрел на руку, потом на меня.

— По-моему, все в порядке. — Глаза его испытующе сузились.

— Но... Но ведь ты потерял два пальца на войне!

У Мартина брови поползли вверх от удивления, затем он нахмурился. В глазах сквозила озабоченность.

— Ты что-то путаешь, старик! Ведь война кончилась еще до моего рождения.

Ну, после этого в моей голове поплыл туман, а когда он прошел, я полулежал в большом кресле. Мартин сидел рядом и наставлял меня такими словами:

— Итак, старик, прими мой совет. Топай-ка ты к врачу сегодня же. Наверное, ты перебрал малость. Как ни смешно — за мозгами тоже нужно присматривать. А теперь мне надо бежать, обещал. Только смотри не откладывай! Дай мне знать, как пойдут дела.

И он ушел.

Я расслабился в кресле. Как ни странно, я чувствовал себя самым собой в большей степени, чем за все время после того, как пришел в сознание на тротуаре Риджент-стрит. Как будто сильнейший удар выбил меня из состояния замешательства, и теперь мозги приходили в порядок... Я был рад, что отделался от Мартина и мог спокойно подумать.

Я осмотрелся вокруг. Я не был членом клуба и плохо представлял расположение и обстановку дома. И все же обстановка казалась мне несколько необычной. Ковры, освещение — все было другим, чем я видел в последний раз.

Народу было немного. Двое беседовали в углу зала, трое дремали, и еще двое читали газеты. Никто не обратил на

меня внимания. Я подошел к столу с газетами и журналами и вернулся в кресло, взяв «Нью Стейшн», датированную 22 января 1953 года. Передовая призывала для прекращения безработицы национализировать средства транспорта в качестве первого шага по передаче в руки народа средств производства. Это вызвало во мне чувства, похожие на ностальгию. Я перевернул страницу и, просматривая статьи, был удивлен скудостью их содержания. Я обрадовался, найдя раздел «Современное обозрение». Среди других вопросов, которых касался обзор, было упоминание о важных физических экспериментальных работах, проводимых в Германии. Опасения обозревателя, разделяемые, видимо, некоторыми видными учеными, сводились к следующему: в настоящее время почти нет сомнений в теоретической возможности ядерного расщепления. Предлагаемые же методы управления этой реакцией слабы и ненадежны. Имеется угроза цепной реакции, которая может вызвать катастрофу космических масштабов. Консорциум, в котором принимают участие знаменитые ученые, писатели и деятели искусства, собирается обратиться в Лигу наций с жалобой на правительство Германии, которое во имя всего человечества должно прекратить свои безрассудные эксперименты...

Так, так!..

Мало-помалу, словно в тумане, кое-что начинало проясняться... Совсем неясными оставались все «как» и «почему», — я еще не имел своей разумной концепции случившегося. Но я уже понимал, что предположительно могло произойти. Даже мне все представлялось противоречивым, может быть, оттого, что я знал: случайный нейтрон при одних условиях захватывается атомом урана, а при других — нет... Это, конечно, противоречит Эйнштейну и его теории относительности, которая, как вы знаете, отрицает возможность абсолютного определения движения и, следовательно, приводит к идее четырехмерной пространственно-временной системы измерений. И поскольку вы не можете определить движение элементов континуума, любой образ или картина движения должна быть по сути своей иррациональной или иллюзорной, а потому и последствия не поддаются строгому определению и могут быть различны.

Однако там, где исходные факторы близки или похожи, то есть состоят из одинаковых элементов, скажем, атомов, находящихся в примерно одинаковых соотношениях, можно ожидать и похожих последствий. Они, конечно, никогда не будут идентичными, в противном случае определение дви-

жения было бы возможно. Но они могут оказаться весьма схожими и, выражаясь языком специальной теории относительности Эйнштейна, «доступными для рассмотрения и могут быть в дальнейшем описаны с помощью системы близких друг к другу определителей».

Иными словами, хотя бы одно из бесконечных обстоятельств, которое мы относим по времени, например, к 1953 году, должно произойти еще где-то в континууме. Оно существует только относительно определенного наблюдателя и появляется в одинаковых опосредствованиях с окружающим для нескольких наблюдателей, занимающих похожий (в комбинации пространства и времени) угол зрения или координаты отсчета. Однако заметим, что, поскольку два наблюдателя не могут быть совсем идентичными, каждый из них должен по-разному воспринимать прошлое, настоящее и будущее. Следовательно, все, что воспринимает наблюдатель, возникает на базе его отношений к континууму и действительно существует только для него одного. Таким образом, я пришел к пониманию того, что произошло, а именно: каким-то образом — я еще не догадывался каким — я был переведен в положение другого наблюдателя, координаты и угол зрения которого были отличными от моих, но не настолько, чтобы окружающее было совсем недоступно моему пониманию. Другими словами, мой двойник жил в мире, реальном для него, так же как я жил в своем мире, пока не случилась эта удивительная рокировка, позволившая мне наблюдать его мир со свойственным ему восприятием прошлого и будущего, вместо тех, к которым привык я.

Поймите, это кажется так просто, когда все обдумаешь, но я, конечно, не мог сначала охватить все в целом и сформулировать происходящее для себя сразу. Однако в своих рассуждениях я близко подошел к пониманию отношений между мной и моим двойником и решил, что, несмотря на всю невероятность происшедшего, мои мозги, по крайней мере, в порядке. Беда в том, что они попали в непривычную обстановку, что они воспринимали то, что не было адресовано им, — как приемник, настроенный на чужую волну. Это было неудобно, плохо, но все же намного лучше, чем испорченный приемник.

Я сидел там довольно долго, пытаюсь сообразить, что мне делать, пока не кончилась пачка сигарет «Маринер». Тогда я поднялся и пошел к телефону.

Сначала я позвонил в «Электро-физикал индастри». Никакого ответа. Я заглянул для верности в телефонный справочник. Номер оказался совсем другим. Я набрал номер, попросил «1-33», но, подумав, назвал свой отдел. «О! Вам нужен 59!» — отозвалась телефонистка и соединила меня. Кто-то ответил, и я сказал: «Позовите мистера Колина Трэффорда!» — «Простите, — донеслось с того конца, — я не могу найти этой фамилии в списках».

Я повесил трубку. Стало очевидно, что я не работаю в институте. Поразмыслив минуту, я позвонил к себе на Уормстер. Бодрый голос ответил тут же: «Уникальные пояса и корсеты». Я опустил трубку.

Я поискал в справочнике себя. Нашел: «Трэффорд, Колин У., 54 Хогарт-Корт, Дачис Гарденс, С.У.7. 67021». Я набрал номер. Телефон на том конце звонил, но никто не снимал трубку.

Я вышел из телефонной будки, соображая, что делать дальше. Странно чувствовать себя иностранцем в своем городе, потерять ориентировку и не иметь даже комнаты в гостинице.

Подумав еще с минуту, я решил, что вернее и логичнее всего поступать так, как поступил бы здешний Колин Трэффорд. Если он не работает в институте, то, по крайней мере, у него есть дом, куда он может направить свои стопы!..

Хогарт-Корт — прекрасный жилой квартал. Упругий ковер и цветочные узоры по потолку и стенам украшали вестибюль моего дома. Швейцара не оказалось, и я прошел прямо в лифт. Дом производил впечатление маловатого для того, чтобы вместить в себя пятьдесят четыре квартиры, и я нажал верхнюю кнопку, предполагая попасть на свой этаж. Выйдя из лифта, я увидел прямо перед собой квартиру № 54. Я вынул связку ключей, выбрал, на мой взгляд, подходящий и угадал.

Сразу же за дверью оказалась маленькая передняя. Ничего особенного: белые с давленным рисунком обои. Коричневый на весь пол ковер, столик с телефоном и вазой, в ней немного цветов. Зеркало в приятной золоченой оправе. Рядом со столиком жесткое кресло. В коридорчик выходило несколько дверей. Я подождал.

— Алло! — позвал я громко и повторил несколько тише: — Алло, есть кто дома?

Никто не ответил. Я закрыл за собой дверь. Что дальше? А, да что там, ведь я был, да и есть, Колин Трэффорд!..

Я снял пальто. Оказалось, что положить его некуда. Заметил стенной шкаф. Там висело несколько вещей — мужских и женских. Повесил пальто туда же.

Я решил посмотреть, что собой представляет квартира. Не буду описывать обстановку, но в целом это была славная квартира и по размерам больше, чем мне сначала показалось. Хорошо и продуманно обставленная, без излишней экстравагантности, но и не бедно, — все в ней свидетельствовало о вкусе хозяев. Правда, отличном от моего. Но что такое вкус? Либо дань времени, либо утонченное отклонение от нормы. Я почувствовал здесь второе. Хотя стиль показался странным и потому не очень привлекательным.

Забавно выглядела кухня. Под краном в нише раковина без отделения для мойки посуды, без обычной сушилки, никакого распылителя на кране. Пакет с мыльным порошком. Нет пластмассовых щеток для мытья посуды или других приспособлений для смешивания напитков.

Электрическая старомодная плита, забавная панель освещения в три квадратных фута, вделанная в стену...

Гостиная просторная, с удобными креслами. В конструкции мебели ни единой тонкой детали в виде прута или рейки. Большая, витиевато украшенная радиола. На панели управления никаких признаков приема частотно-модулированных радиопередач. Освещение, как и в кухне, световыми, плоскими, похожими на стеклянные вафли панелями, установленными на стойках или вделанными в стены. Телевизора нет.

Я обошел всю квартиру. Женская спальня обставлена строго. Двухспальные кровати, ванная в мягких светлых тонах, дополнительная спальня с небольшой двухспальной кроватью. И так далее. Больше всего меня заинтересовала комната в конце коридора. Подобие кабинета. Одна стена сплошь занята полками с книгами. Некоторые книги, особенно старые, я знал, другие видел впервые. Просторное кресло, кресло поменьше, у окна — широкий, покрытый кожей письменный стол. В окно сквозь голые ветви деревьев смотрело огромное пространство облаков и неба. На столе пишущая машинка, прикрытая легким чехлом, передвижная настольная лампа, несколько пачек бумаги, пачка сигарет, металлическая пепельница, пустая и чистая, и фотопортрет в кожаной рамке.

Я внимательно рассмотрел фотографию. Очаровательная женщина. Ей можно было дать двадцать четыре — два-

дцать пять лет. Интеллигентное, совсем незнакомое жизнерадостное лицо, на которое хотелось смотреть и смотреть.

Слева у стола стояла тумбочка, а на ней застекленная этажерка с восемью вертикальными секциями для книг. Книги были в ярких суперобложках и выглядели новыми. Справа стояла та самая, что я видел утром в магазине Хатгарда — «Юные дни жизни».

Остальные также принадлежали перу Колина Трэффорда. Я сел в кресло и некоторое время рассматривал их сквозь стекло. Затем с трепетным любопытством взял и открыл «Юные дни жизни»...

Звук открываемой ключом двери я услышал примерно через полчаса. Я решил, что лучше показаться самому, чем быть неожиданно обнаруженным, и открыл дверь кабинета: в конце коридора у столика я увидел женщину в замшевом плаще; она складывала на столик принесенные свертки. На звук шагов женщина повернула ко мне голову. Это была она, правда, не в том настроении, что на фото. Когда я подошел, она взглянула на меня с удивлением. В выражении ее лица не было и подобия доброго приветствия любящей жены.

— О! Ты дома? Что случилось?

— Случилось? — повторил я, пытаюсь поддержать разговор.

— Ну насколько я понимаю, у тебя в это время назначена одна из столь важных встреч с Дикки, — сказала она с усмешкой.

— О! Ах это... да. Ему пришлось отложить свидание, — растерянно промямлил я в ответ.

Она спокойно осмотрела меня. Я стоял, уставившись на нее, не зная, что делать, сожалея о том, что не подумал заранее о неизбежной встрече. Дурак, не попытался даже узнать имя жены, вместо того чтобы читать «Юные дни жизни». Было ясно, что и сказал я что-то не то и не впопад. Кроме того, ее реакция на мой ответ совсем выбила меня из равновесия. Такого со мной никогда не случалось... Когда тебе тридцать три, попасть в такое безнадежно дурацкое положение нелегко и совсем не приятно.

Так мы стояли, уставившись друг на друга: она неодобрительно-хмуро, я — пытаюсь совладать со своей растерянностью и не в силах вымолвить ни слова.

Она начала медленно расстегивать плащ. Уверенности ей тоже не хватало.

— Если... — начала она.

Но в этот момент зазвонил телефон. Казалось, довольная отсрочкой, она подняла трубку. В тишине я различил женский голос, спрашивающий Колина.

— Да, — сказала она. — Он здесь.

И она протянула мне трубку, с любопытством глядя на меня.

— Хэлло. Колин слушает, — произнес я.

— О, в самом деле, — ответил голос. — Разрешите спросить почему?

— Э-э... я не вполне... — начал я, но она прервала.

— Слушай, Колин. Я уже битый час жду тебя, полагая, что если ты не можешь прийти, то догадаешься хоть позвонить. Теперь выясняется, что ты торчишь дома. Очень мило, дорогой.

— Я... Кто это? Кто говорит? — Это все, что я мог сказать. Я скорее почувствовал, чем увидел, как молодая женщина рядом замерла, наполовину сняв плащ.

— Ради Бога, — в трубке звучало раздражение. — Что за глупая игра? Кто это, как ты думаешь?

— Это я как раз и пытаюсь выяснить! — сказал я.

— О, перестань паясничать, Колин... Это ты потому, что Оттилия рядом? Готова поспорить, что так, а ты идиот. Она первая подняла трубку, так что прекрасно знает, что это я.

— Так, может, мне лучше спросить ее, кто вы? — предложил я.

— О, ты и впрямь туп как олух. Иди и отоспись. — Она, очевидно, бросила трубку, и телефон замолк.

Я, в свою очередь, положил трубку. Молодая женщина смотрела на меня в замешательстве. Она, разумеется, слышала все, что говорилось по телефону, почти так же ясно, как я. Она отвернулась, медленно сняла плащ и не спеша повесила его в шкаф. Когда с этим было покончено, она снова повернулась ко мне.

— Не могу понять, может, ты и в самом деле обалдел? Что все это значит? Что натворила драгоценная Дикки?

— Дикки? — спросил я, желая узнать побольше.

Легкая морщинка между ее бровей стала глубже.

— О Колин, неужели ты думаешь, что я до сего времени не узнаю голос Дикки по телефону?

Это была моя грубейшая ошибка. Действительно, трудно представить себе, что можно не отличить по голосу муж-

чину от женщины. И поскольку мне не хотелось казаться спятившим, я должен был разрядить обстановку.

— Слушай, не пройти ли нам в гостиную? Мне нужно кое-что рассказать тебе! — предложил я.

Я сел в кресло и задумался — с чего начать? Если бы даже мне самому было ясно все, что произошло, — задача была не из легких. Но как доказать ей, что, хоть я и обладаю физической оболочкой Колина Трэффорда и сам являюсь Колином Трэффордом, все же я не тот Колин Трэффорд, который написал книги и женат на ней, что я всего лишь разновидность Колина Трэффорда из другого, альтернативного мира? Необходимо было придумать какой-то подход, чтобы объяснение не привело к немедленному вызову врача-психиатра.

— Итак, что ты скажешь? — снова спросила моя жена.

— Трудно объяснить... — Я сознательно медлил.

— Конечно, трудно! — сказала она без тени одобрения и добавила: — Было бы, наверное, легче, если бы ты не смотрел на меня. Так. И мне было бы лучше.

— Со мною произошли весьма странные превращения, — начал я.

— О дорогой, опять?! — воскликнула она. — Чего ты хочешь — моего сочувствия или еще чего-нибудь?

Я остановился, несколько смешавшись.

— А что, разве с ним это случалось и раньше? — спросил я.

Она холодно взглянула на меня:

— «С ним»? С кем «с ним»? Мне казалось, ты говорил о себе. А я имела в виду на этот раз Дикки, а перед этим — Фрэнсис, а перед ней Люси... А теперь самый странный и удивительный отказ от Дикки... По-твоему, мне нечему удивляться?

Я быстро и много узнавал о своем двойнике. Но что мне до него — он из другого мира. Я сделал попытку продолжить объяснение:

— Нет, ты не понимаешь. Речь идет совсем о другом.

— Конечно, я не понимаю. Разве жены способны понимать? У вас всегда все другое. Ну да ладно, если это для вас так важно... — и она начала подниматься с кресла.

— Не уходи, пожалуйста! — с волнением сказал я.

Она сдерживалась, рассматривая меня. Морщинка появилась снова.

— Нет! Я думаю, мне тебя не понять. Наконец, я не смогу...

Она продолжала вглядываться в меня с тревогой и, как мне показалось, с некоторой неуверенностью.

Когда вы ищете понимания, сочувствия, обращаться к человеку в безличной форме нельзя. Но если вы не знаете, как обратиться — «дорогая», «моя хорошая», просто по имени или ласково, с детским уменьшительным именем — ваше дело совсем дрянь, особенно если вы и раньше не понимали друг друга.

— Оттилия, милая, — начал я и сразу понял, что это была непривычная для нее форма обращения. Ее глаза мгновенно расширились, но я пошел напролом: — Это совсем не то, о чем ты думаешь, ни капельки. Дело в том, что я, ну, в общем, не совсем тот человек...

Она снова приняла свой тон:

— Довольно странно, но мне порой казалось то же самое. И я припоминаю, что ты говорил что-то подобное не раз и раньше. Ну хорошо, позволь продолжить вместо тебя. Итак, ты не тот человек, за кого я вышла замуж, и тебе нужен развод, и ты, наверное, боишься, что муж Дикки подаст в суд и будет скандал. Или... О Господи, как мне надоело все это...

— Нет, нет! — в отчаянии воскликнул я. — Совсем, совсем не то. Наберись, пожалуйста, терпения. Эти вещи объяснить чрезвычайно трудно...

Я помолчал, наблюдая за ней. Оттилия смотрела на меня, и, хотя морщина не разгладилась, глаза выражали скорее усталость, чем недовольство.

— Что же случилось с тобой?.. — напомнила она.

— Это я и хочу рассказать тебе.

Но я сомневался, слушает ли она. Глаза ее вдруг расширились, она отвела взгляд.

— Нет! — словно выдохнула Оттилия. — Нет и нет!

Казалось, она вот-вот заплачет. Она плотно сжала колени свои ладони и прошептала:

— О нет, о, будь милостив, Боже — нет! Только не нужно опять... Да хватит же терзать меня!.. Не надо... не надо!

Она вскочила и, прежде чем я успел подняться с кресла, выбежала из комнаты.

Колин Трэфффорд умолк, закурил новую сигарету и повременил немного, прежде чем продолжать:

— Итак, вы, наверное, уже поняли, что миссис Трэффорд была урожденной Оттилией Харшом. Родилась она в 1928 году, а замуж вышла в 1949-м. Ее отец погиб в авиационной катастрофе в 1938 году. Я не помню, к сожалению, чтобы она называла отца по имени. Если бы я знал, что вернусь в этот мир, я бы расспросил и записал массу событий и имен. Но, увы, я не мог предполагать, что подобное невероятное превращение может случиться дважды...

Я сделал все возможное, и не только для удовлетворения своего любопытства, чтобы установить время, когда произошел раскол миров. Должна была быть, как я понимаю, некоторая исходная точка, когда произошли основные события. Поиск этой точки приблизил бы нас к определению того момента, когда был расщеплен сам элемент времени и время стало течь уже по двум различным каналам.

Может, такое происходит всегда, но мы этого просто не замечаем. Непрерывное раздвоение одного измерения на неопределенное количество каналов приводит к незаметным вариациям обстановки в одних случаях и к заметным — в других. Может быть, такие случайные разветвления в истории и привели к поражению Александра Македонского, разбитого персами, к победе Ганнибала, к тому, что Цезарь не перешел Рубикон. Бесконечное множество случайных расхождений и обратных самопроизвольных соединений потоков времени... Кто знает? Может, и вся Вселенная, которую мы теперь знаем, — это результат комбинации случайных совпадений. А почему бы и нет? Но я не смог достаточно точно определить, когда произошло расщепление времени в моем случае.

Это было, представляется мне, где-то в конце 1926-го, начале 1927 года, не позднее, исходя из сравнения дат различных событий, записи о которых имелись.

Именно в это время что-то произошло или, наоборот, не произошло из того, что должно было произойти. Это привело, помимо всего прочего, к тому, что Гитлер не пришел к власти, что не было второй мировой войны, и это задержало осуществление расщепления ядра.

Для меня, как я уже сказал, все это было тогда не более чем любопытно. Мои непосредственные действия и мысли были заняты главным для меня, вы понимаете — Оттилией.

Вам известно, что я был женат и обожал свою жену. Мы были, как говорится, счастливой парой, и я никогда не сомневался в этом, пока... пока со мною не случилось всего этого.

Я не хочу ничего сказать против Деллы, и, думаю, она была вполне счастлива, но я несказанно благодарен одному — что все это произошло уже не при ее жизни. Она так никогда и не узнала, что была для меня «не той женщиной».

И Оттилия вышла замуж не за того человека... Или лучше сказать — она не встретила предназначенного именно ей человека. Она влюбилась в другого. И вначале, нет сомнения, он тоже любил ее. Но через год она почувствовала не только любовь, но и ненависть к нему. Ее Колин Трэфффорд выглядел совершенно как я — вплоть до шрама на большом пальце левой руки, изуродованной электрическим вентилятором. Это доказывало, что до 1926 — 1927 годов он был собственно мной.

Я понимал, что общими у нас были и некоторые манеры, и голос. Мы отличались запасом слов и произношением, как я заметил, прослушивая его голос на магнитофоне. Существовала разница и в других незначительных деталях — манере причесываться, подстригать усы. Но было ясно, что я — это он и он — это я. Те же родители, та же наследственность, та же биография. И, если я правильно определил время превращения, мы должны были иметь одинаковые воспоминания, по крайней мере, до пятилетнего возраста. Позднее уже прослеживались различия. Окружение или жизненный опыт привели постепенно к заметной разнице.

Мне кажется это объяснение логичным, как по-вашему? Ведь жизнь всегда начинается похоже, и только позднее человек меняется под воздействием среды. Как все происходило с этим, другим, Колином Трэффордом, я не знаю, но мне было немного больно проследить развитие моего второго «я», как будто я разглядывал себя в постепенно и неожиданно искривляющихся зеркалах.

Была какая-то сдержанность и осторожность, ожидание чего-то в глазах и голосе Оттилии, когда она рассказывала мне о нем. Более того: через несколько дней я внимательно прочел книги, написанные Трэффордом. Ранние произведения не вызывали неприязни. Однако последующие нравились все меньше и меньше.

Без сомнения, все растущее внимание к извращениям и описания все большего числа жестокостей свидетельствовали о расчете на сенсацию, а следовательно, на успех книги. Более того, с каждой книгой мое имя на обложках печаталось все более крупным шрифтом.

Я обнаружил и последние рукописи. Я бы мог издать их, но я знал, что не стану этого делать. Уж если бы я решил продолжать литературную карьеру, я написал бы свою книгу. В любом случае мне не приходилось беспокоиться о куске хлеба: все, что касалось войны, могло дать большие доходы. Достижения в области физики, известные мне, обгоняли их знания на целое поколение. Если они и имели радар, то он, видимо, пока что был засекречен военными. Моих знаний хватало, чтобы прослыть гением и обеспечить свое будущее. Стоило захотеть.

Он улыбнулся, встряхнул головой и продолжал:

— Поскольку первый шок прошел и я начал разбираться в происшедшем, причин для особых тревог не было, я наконец встретил Оттилию и потому ни о чем не жалел. Оставалось лишь приспособиться к обстановке. В общем, было полезно настроиться в поведении на предвоенные годы. В деталях трудно было разобраться: тут и неузнанные тобой знакомые, и приятели, которые не узнавали тебя. У всех неизвестное тебе прошлое: кое у кого из них мужья и жены, которых я знал, у некоторых — совсем неожиданные партнеры.

Бывали удивительные случаи. За стойкой бара в отеле Гайд-парка я встретил бармена — кудрявого весельчака, которого я видел в последний раз мертвым с простреленной навывлет головой. Я видел и Деллу, мою жену, выходящей из ресторана под руку с каким-то долговязым типом. Она выглядела веселой, и мне было не по себе, когда она безучастно посмотрела на меня как на постороннего. Мне казалось в тот момент, что оба мы привидения. Но было радостно, что она жива-здорова и пережила свой смертный час 1951 года хотя бы в этом измерении.

Наибольшую неловкость я испытывал, когда встречался с незнакомыми людьми, которых, как потом оказывалось, я должен был знать. Круг знакомых моего двойника был обширен и удивителен. Я уже подумывал, не объявить ли себя психически нездоровым, перетрудившимся — это бы мне помогло при встречах с людьми.

И единственная вещь, которая не пришла тогда мне в голову, — это возможность еще одного сдвига времен, только на этот раз в обратном направлении.

Впрочем, я рад, что тогда не додумался до этого. Иначе были бы испорчены три самые счастливые недели моей жизни.

Я пытался объяснить Оттилии, что произошло со мной, но для нее это ничего не значило, и я оставил свои объяснения. По-моему, она решила про себя, что со мною что-то случилось на почве переутомления и что теперь я опять чувствую себя лучше и снова становлюсь самим собою... каким она знала меня... что-то в этом роде... Впрочем, объяснение не очень занимало ее — важны были последствия...

И я согласен с нею. Как она была права! В жизни нет ничего значительнее, чем любовь двух людей друг к другу. По-моему, ничего. А я любил. Неважно, как я нашел единственную незнакомку, о которой мечтал всю жизнь. Я ее нашел. Я был так счастлив, как раньше и представить себе не мог. Поверьте, обычными словами этого не объяснишь, но на моей «вершине мира» стало все удивительно светло и ярко. Я был полон легкости и уверенности, как будто слегка опьянен. Я мог справиться с чем угодно. Думаю, и она чувствовала то же. Да, я в этом уверен. Она быстро освобождалась от тяжелых воспоминаний прошлых лет. Ее вера в счастливое будущее росла с каждым днем... Если бы я знал! Но разве мог я знать? И что я мог поделать?..

Он снова прервал свой рассказ, глядя в огонь камина. На этот раз он молчал долго. Доктор, чтобы привлечь его внимание, заерзал в кресле и спросил:

— Что же случилось потом?

Колин Трэффорд посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Случилось? — повторил он. — Если бы я знал, я бы, возможно... Но я не знаю... Нечего тут знать... Все это беспричинно, вдруг... Однажды я уснул вечером рядом с Оттилией, а проснулся утром на койке в больнице снова в этом мире... Вот и все... Все это... да, случайно, необъяснимо, все наугад.

Во время длительной паузы доктор Харшом не спеша набил табаком трубку, тщательно раскурил ее, поудобнее уселся в кресле и сказал тоном, не допускающим возражений:

— Жаль, что вы не верите мне. Иначе вы никогда не затеяли бы этих поисков.

Нет, вы полагаете, что существует модель или, по-вашему, две модели, весьма похожие между собой вначале, которые логически и последовательно развиваются в большее число вариантов... и что вы с вашей психикой, называйте ее как вам угодно, были не более чем случайным отклонением.

Однако давайте не будем вдаваться в философию или метафизику того, что вы назвали расщеплением реальности: объяснения могут быть различны.

Допустим, я не только уверен в реальности случившегося и полностью разделяю ваши убеждения, но еще имею собственные суждения о их причине.

Я разделяю ваши убеждения по ряду причин, и среди них не последней является, как я уже говорил, астрономически малая вероятность сочетания имени Оттилия с фамилией Харшом. Разумеется, вы могли случайно увидеть или услышать то и другое, и они подсознательно запечатлелись в вашей памяти. Но это настолько маловероятно, что я отбрасываю такой вариант.

Тогда давайте рассуждать далее. Мне кажется, вы делаете несколько совершенно беспочвенных предположений. Например, вы считаете, что, поскольку Оттилия Харшом существует, как вы говорите, в «том измерении», она должна быть и в нашем, реальном для нас с вами мире. Я так не думаю, исходя из сказанного вами же. Допускаю, что она могла существовать, тем более что имя Оттилия встречалось и в моей родне. Но вероятность того, что ее нет, во много раз больше. Не вы ли рассказывали, что видели знакомых, которые были женаты на других женщинах? А поэтому не вероятнее ли всего то, что условия, породившие ребенка Оттилию в одном мире, не повторились в ином, и другой Оттилии у нас вообще не появилось?

Поверьте, я сочувствую вам. Я понимаю ваши искренние стремления. Но не находитесь ли вы в положении ищущего молодую женщину-идеал, которой, увы, никогда не рождалось? Вы должны понять одно: если бы она существовала сейчас или в прошлом, я бы знал об этом — справочная фирмы «Сомерсет» имела бы ее в списках и тогда ваши собственные поиски не были бы столь безнадежны.

Советую вам, мой мальчик, согласиться с этим, это в ваших интересах. Все против вас, и у вас нет ни одного шанса.

— Только моя внутренняя убежденность, — вставил Колин. — Может, это и против логики, тем не менее это так.

— Вам следует отделаться от этой убежденности. Неужели вы не понимаете, что помимо всего есть законы права и морали? Если она и существует в этом мире, она, вероятно, уже давно замужем.

— Да, но не за тем человеком, — мгновенно парировал Колин.

— И даже это не обязательно. Ваш двойник оказался непохожим на вас. Ее двойник, если он существует, вероятно, также отличается от нее, от той, которую вы знаете. Остается вероятность лишь внешнего сходства. Вы должны согласиться, дружище, что в вашей затее «куда ни кинь — всюду клин» стоит только здраво поразмыслить. — Доктор внимательно посмотрел на Колина и, кивнув головой, произнес: — Где-то в глубине души вы оставили место для надежды на успех. Кончайте с этим.

Колин улыбнулся:

— Как это все по-ньютоновски у вас, доктор! Я не согласен. Случайные величины всегда случайны, а потому шансы все же есть.

— Вы неисправимы, молодой человек, — сказал Харшом. — Если бы существовала хоть малейшая надежда на успех, ваша решимость заслуживала бы самых добрых пожеланий. Но так уж сложились обстоятельства, что я советую обратить вашу настойчивость к другим, более достижимым целям.

Его трубка погасла, и он снова раскурил ее.

— Это, — продолжал Харшом, — мои рекомендации врача-профессионала. А теперь, если у вас есть еще время, мне бы хотелось услышать, что вы думаете. Не пытаюсь утверждать, что мне понятно все с вами случившееся, я признаюсь, что даже размышления о том, что могло бы еще быть, необычайны и увлекательны. Нет ничего естественного в желании удовлетворить свое любопытство, узнать, как ваш собственный двойник выйдет из такого положения и как будут себя вести при этом другие. Например, наш нынешний премьер-министр и его двойник — получили бы они в том, другом, мире работу? Возьмем сэра Уинстона* — или там он уже не сэр Уинстон? Как бы он в другом мире обошелся без второй мировой войны, как бы

* Имеется в виду Уинстон Черчилль.

расцвели его таланты? А что было бы с нашей доброй старушкой — лейбористской партией? Возникают бесчисленные вопросы...

На следующее утро после позднего завтрака доктор Харшом, подавая пальто Колину, проводил гостя словами напутствия:

— Я провел остаток ночи, обдумывая все происшедшее с вами. Какое бы ни было объяснение, вам следует все записать, каждую деталь, которую вы помните. Если хотите, без указания на действительных лиц, но обязательно запишите. Возможно, со временем это уже не будет казаться чудом и подтвердит еще чьи-нибудь опыты или теоретические разработки. Так что запишите все, а уж потом выкиньте из головы. Постарайтесь забыть ваши идиллические предположения. Ее не существует. Существовавшие в этом мире Оттилии Харшом давным-давно скончались. Забудьте ее. Спасибо вам за доверие. Я хоть и любознателен, но умею хранить секреты. Если понадобится, я готов помочь вам...

Он проводил взглядом отъезжающую машину. Колин помахал ему рукой у поворота за угол. Доктор Харшом покачал головой. Он понимал, что мог бы сдержаться при расставании, промолчать, но чувство долга оказалось сильнее. Он нахмурился и направился в дом. Как ни фантастична эта одержимость молодого человека, было почти ясно: рано или поздно он загонит себя вконец.

В течение нескольких последующих недель доктор Харшом не имел известий о Колине, он узнал только, что Колин Трэффорд не последовал его советам и продолжает поиски. Питер Харшом в Корнуолле и Гарольд Харшом в Дареме получили запросы относительно мисс Оттилии Харшом, которой, по их сведениям, не существует.

Прошло еще несколько месяцев. И вдруг — почтовая открытка из Канады. На одной стороне — вид на здание парламента в Оттаве, на обороте — краткое сообщение «Нашел. Поздравляйте. К. Т.».

Доктор Харшом разглядывал открытку и улыбался. Было приятно. Значит, он правильно оценил Колина, этого милого молодого человека. Было бы жаль, если бы он плохо кончил со своими бесполезными поисками. Конечно, труд-

но поверить даже на минуту... Но если нашлась разумная молодая женщина, сумевшая убедить его, что она и есть перевоплощение его любимой, то это хорошо для них обоих. Навязчивая идея развеялась.

Доктор хотел немедленно откликнуться поздравлением, но на открытке не было обратного адреса.

Через несколько недель пришла еще открытка из Венеции с изображением площади святого Марка. Послание было опять лаконичным, но с обратным адресом гостиницы: «Медовый месяц. Можно потом привезти ее к вам?»

Доктор Харшом колебался. Как врач, он готов был отказать. Не следовало напоминать молодому человеку о его прошлом состоянии. С другой стороны, отказ прозвучал бы не только странно, но и бесчеловечно. В конце концов он ответил на открытке с изображением Хирфордского собора: «Приезжайте. Когда?»

Только в конце августа появился Колин. Он приехал на машине, загорелый и бодрый. Выглядел он гораздо лучше, чем в первый свой визит. Доктор Харшом был рад ему, но удивился, что молодой человек в машине один.

— Как я понял из вашей открытки, вы собирались прибыть сюда с невестой, — запротестовал он.

— Да-да, так было, так оно и есть, — заверил Колин. — Она в отеле. Я... я просто хотел сначала кое-что рассказать вам...

— Располагайтесь свободно, — пригласил доктор.

Колин сел на край кресла, локти на колени, кисти рук свесил между колен.

— Главное для меня — это поблагодарить вас, доктор. Правда, я никогда не сумею отблагодарить вас как следует. Если бы вы не пригласили меня тогда, я едва ли нашел бы ее.

Доктор Харшом нахмурился:

— По-моему, все, что я делал, — это слушал и предлагал, как мне казалось, для вашей же пользы то, что было вам неприятно и что вы отвергли.

— И мне тогда так казалось, — согласился Колин. — Казалось, вы захлопнули передо мной все двери и выхода не оставили. И именно тогда я осмотрелся и увидел единственный путь, сулящий надежду.

— Не помню, чтобы я оставил вам какую-либо лазейку, — ответил доктор.

— Конечно, нет, вы правы.. и все-таки выход был. Вы наметили мне самую последнюю и узенькую тропинку, и я пошел по ней. Сейчас вы узнаете, если немного потерпите. Когда я понял, как ничтожно малы мои возможности, я прибегнул к помощи профессионалов.

Они — дельный народ, они отметут все, что не обещает делового успеха. Они мне и не сказали ничего по сути, кроме того, что один из потерянных следов ее родителей ведет в Канаду. Тогда я обратился к профессионалам в Канаде. Это большая страна. Много людей туда переселилось. В ней каждодневно ведутся самые разнообразные поиски. Пошли безнадежные ответы, и стало совсем грустно. Но вот они нащупали путь, а уже на следующей неделе мне сообщили, что очень похожая женщина работает секретарем в одной из юридических контор в Оттаве. Тогда я сообщил в ЭФИ, что мне нужен отпуск за свой счет, а позже, с новыми силами...

— Минутку, — прервал его доктор, — если бы вы спросили меня, то я бы сказал вам, что в Канаде нет никого из семейства Харшомов. Иначе я бы знал, поскольку...

— О, я так и думал. Ее фамилия была не Харшом, она носила фамилию Гейл, — прервал Колин, как бы извиняясь.

— Ах вот как! Надеюсь, и звали ее не Оттилией? — мрачно спросил доктор.

— Нет, ее звали мисс Белиндой, — ответил Колин.

Доктор поморгал, открыл было рот, но решил промолчать.

Колин продолжал:

— И тогда я перелетел через океан, чтобы убедиться. Это был самый сумасшедший перелет из всех, что я помню. Но там все обернулось хорошо. Стоило мне увидеть ее издали. Я не мог ошибиться — это была она. Я мог бы узнать ее и среди десятков тысяч. Даже если бы ее волосы и одежда были совсем другими. — Он намеренно остановился, следя за выражением лица доктора. — Как бы то ни было, — продолжал Колин, — я знал! И было чертовски трудно остановить себя, чтобы не броситься к ней. Но у меня хватило ума воздержаться. Следовало подумать, как ей представиться. Потом нас представили, или что-то в этом духе.

Любопытство вынудило доктора спросить:

— Так, так! Все это легко и забавно, как в кино! А что же ее муж?

— Муж? — мгновенно насторожился Колин.

— Ну да, вы же сказали, что фамилия ее Гейл, — заметил доктор.

— Я, кажется, сказал: «мисс Белинда Гейл». Она была однажды обручена, но никогда не выходила замуж. Уверю вас — в этом есть веление судьбы, как говорят греки.

— Ну а если... — начал доктор Харшом и сразу же помедлил, контролируя свои слова.

— Ничего бы не изменилось, если бы она и была замужем, — заявил с беспардонной уверенностью Колин. — Он бы все равно был не тем человеком для нее.

Доктор не стал возражать, и Колин продолжал свой рассказ:

— Никаких затруднений или сложностей не возникло. Она жила в квартире с матерью. Вполне прилично зарабатывала. Мать ее была одинока, получала пенсию за мужа, канадского военного летчика, погибшего в войну под Берлином. Так что материально их жизнь была хорошо обеспеченной.

Ну вот, как видите, ничего особенного. Ее мать не слишком радостно встретила меня. Но она оказалась благоразумной женщиной и, очевидно, поняла, что мы поладим. Так что и эта часть моего представления прошла проще, чем можно было ожидать.

Колин сделал паузу, и доктор успел заметить:

— Конечно, мне приятно это слышать. Но признаюсь, мне не совсем ясно, почему вы приехали без жены?

Колин посерьезнел:

— Видите ли, по-моему, она думает... Нет, я еще не все рассказал. Это деликатный вопрос...

— Не спешите, я сдаюсь! — дружелюбно сказал доктор.

Колин колебался.

— Ладно. Так будет честнее перед миссис Гейл. Я сам расскажу... Понимаете, я не хотел рассказывать им обо всем происшедшем, то есть о том, почему я отправился в Оттаву. Как-нибудь потом. Вы единственный человек, которому я раскрыл душу. Мне не хотелось, чтобы они думали, что я слегка чокнутый. Все шло как надо, пока я не проговорился.

Это случилось накануне нашей помолвки. Белинды в комнате не было. Она занималась последними приготовлениями.

ниями. Мы были наедине с моей будущей тещей, и я старался всячески успокоить ее разговорами.

И, помнится, вот что я сказал: «Моя работа в институте вполне устраивает меня, весьма перспективна и имеет непосредственное отношение к Канаде, а поэтому смею уверить вас, что, если Оттилии не понравится жизнь в Англии...»

Я сразу остановился, так как миссис Гейл вздрогнула, выпрямилась в кресле и уставилась на меня с отвисшей от изумления челюстью. Затем она неуверенно спросила: «Что вы сказали?»

Я заметил свою ошибку, но слишком поздно. Чтобы исправить, я пояснил: «Я сказал, что если Белинде не понравится...» Она прервала меня: «Вы не сказали "Белинде", вы сказали "Оттилии"». — «Э-э, может быть, оговорился, — заметил я, — но я имел в виду, что если ей не понравится...» — «Но почему вы называли ее Оттилией?»

Она настаивала, и мне некуда было деваться.

«Знаете ли, просто так я называю ее про себя», — признался я.

«Но почему, почему вы называете ее про себя Оттилией?» — добивалась она.

Я вгляделся в нее повнимательнее. Она побледнела, и рука ее дрожала. Она была потрясена и напугана. Я перестал водить ее за нос.

«Я не думал, что так получится», — сказал я.

Она посмотрела на меня испытующе и немного спокойней.

«Но почему — вы должны сказать мне. Что вы знаете о нас?» — «Просто при других обстоятельствах она бы не была Белиндой Гейл. Она была бы Оттилией Харшом».

Миссис Гейл продолжала всматриваться в мое лицо, в мои глаза, долго и пристально, все еще бледная и встревоженная.

«Я не могу понять, — сказала она как бы про себя. — Вам известно о Харшоме... да, вы могли это узнать от кого-то или угадать... Или она вам сказала?»

Я отрицательно покачал головой.

«Неважно, вы могли узнать, — продолжала она, — но имя Оттилия... Никто, кроме меня, не знает истории этого имени... — И она покачала головой. — Я не говорила об этом даже Регги, моему мужу. Когда он спросил меня, не назвать ли ее Белиндой, я согласилась с ним. Он был так

добр ко мне Ему и в голову не приходило, что я хотела назвать ее Оттилией. Я никому и словом не обмолвилась ни раньше, ни потом Так как же вы узнали? »

Я взял ее руку, сжал ее, стараясь успокоить

«Нет причин волноваться Считайте, что это я увидел во сне, просто во сне, ну представилось мне, что ли Просто я, мне кажется, знаю...»

Она качнула головой, не соглашаясь, и после короткой паузы сказала уже спокойно:

«Никто, кроме меня, не знал Это было летом 1927 года. Мы были на реке, в лодке, привязанной под ивой Белый катер скользил мимо нас, мы посмотрели ему вслед и прочитали имя у него на борту Малкольм сказал »

Если Колин и заметил, как неожиданно вздрогнул доктор Харшом, то выдал это только тем, что повторил два последних слова:

«Малкольм сказал: "Оттилия — отличное имя, не так ли? Оно уже есть в нашей семье. У моего отца была сестра Оттилия, она умерла, когда была еще маленькой девочкой Если бы у меня родилась дочь, я хотел бы назвать ее Оттилией..."»

Колин Трэффорд прервал рассказ и посмотрел на доктора. Затем продолжил:

— После этого миссис Гейл долго молчала, потом сказала: «Он так никогда и не узнал этого Бедный Малкольм погиб, прежде чем я поняла, что у нас будет ребенок. Мне так хотелось, помня его, назвать ее Оттилией Он этого хотел... И я бы хотела...»

И она тихо заплакала...

Доктор Харшом оперся на стол локтем одной руки, второй рукой прикрыл глаза. Он оставался некоторое время недвижим.

Наконец он вытащил носовой платок и решительно протер нос:

— Я слышал, что там была девочка, и даже наводил справки, но мне сказали, что она вскоре вышла замуж. Я думал о ней... Но почему она не обратилась ко мне? Я бы позаботился о них.

— Она не знала об этом. Она обожала Регги Гейла. И он ее любил и хотел, чтоб ребенок носил его имя! — заключил Колин.

Он встал и подошел к окну Он простоял так спиной к доктору довольно долго, больше минуты, пока не услышал

движение позади себя. Доктор Харшом поднялся и направился к буфету.

— Мне бы хотелось выпить рюмку. Предлагаю тост за восстановление порядка и гибель случайного.

— Согласен, — сказал Колин. — Остается лишь добавить, что вы были в конце концов правы. Оттилии Харшом не существует, и пора мне представить вам вашу внучку, миссис Колин Трэфффорд.

БОЛЬШОЙ ПРОСТОФИЛЯ

— Знаешь, — с удовлетворенным видом воскликнул Стефен, — если запустить эту ленту таким вот образом, мы услышим мой голос, только шиворот-навыворот.

Дайлис отложила книгу и взглянула на мужа. На столе перед ним стояли магнитофон, усилитель и всякие другие мелочи. Путаница проводов соединяла все это между собой, со штепсельной розеткой, с огромным репродуктором в углу и с наушниками на голове Стефена.

Куски магнитофонной ленты устилали пол.

— Новое достижение науки, — холодно сказала Дайлис. — По-моему, ты собирался всего-навсего подправить запись вчерашней вечеринки и послать Майре. Она ей очень нужна, я уверена, только без всех этих фокусов.

— Да, но эта мысль пришла мне в голову только что!..

— Боже, посмотри, что ты натворил! Словно тут устраивали бал телеграфной аппаратуры. Что хоть это такое?

Стефен поглядел на обрывки и кольца магнитофонной ленты.

— О, здесь записано, как все вдруг принимаются говорить разом, есть куски нудного рассказа, который Чарльз вечно всем навязывает... Есть нескромности... и всякая всячина...

— Судя по записи, нескромностей на этой вечеринке было гораздо больше, чем нам тогда казалось, — отрезала Дайлис. — Прибери-ка тут, пока я приготовлю чай.

— Но почему бы тебе не прослушать пленку? — воскликнул Стефен.

Дайлис остановилась в дверях.

A Long Spoon

— Ну, скажи на милость, с какой стати я должна слушать твой голос да еще шиворот-навыворот? — спросила она и вышла.

Оставшись один, Стефен не стал наводить порядок. Вместо этого он нажал пусковую кнопку и начал с интересом слушать забавную белиберду — запись его собственного голоса, запущенную задом наперед. Потом он выключил магнитофон, снял наушники и переключил звук на репродуктор. Он заметил, что, хотя в интонациях голоса сохранялось что-то европейское, разобрать это в каскаде бессмысленных звуков было нелегко. Ради опыта Стефен вдвое сократил скорость и увеличил громкость. Голос, теперь на октаву ниже, принялся выводить глубокие, раздумчивые, невероятные звуко сочетания. Стефен одобрительно кивнул и откинул голову назад, вслушиваясь в сочное рокотание.

Вдруг раздался шипящий звук, как будто паровоз выпустил струю сжатого пара, и налетела волна теплого воздуха, пахнувшего горячим шлаком.

От неожиданности Стефен подпрыгнул и чуть не перевернул стул. Опомившись, он схватился за магнитофон, поспешно нажимая кнопки, шелкая переключателями. Сразу замолк репродуктор. Стефен с беспокойством обследовал аппаратуру в поисках повреждения, но все было в порядке. Он вздохнул с облегчением, и именно в этот момент каким-то непонятным образом почувствовал, что он уже не один в комнате. Стефен резко повернулся. Челюсть его отвалилась почти на дюйм, и он сел, рассматривая человека, стоявшего в двух шагах от него.

Человек стоял навывтяжку, держа руки по швам. Он был высок — верных шесть футов — и казался еще выше из-за своего головного убора — цилиндра невероятной высоты с узкими полями. На незнакомце были высокий накрахмаленный воротничок с острыми углами, серый шелковый шарф, длинный темный фрак с шелковой окантовкой и лилово-серые брюки, из-под которых высывались блестящие черные туфли. Стефену пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть его лицо. Оно было приятное на вид и смуглое, словно загорело под средиземноморским солнцем. Глаза были большие и темные. Роскошные усы вразлет сливались с хорошо ухоженными бакенбардами. Подбородок и нижняя часть щек были гладко выбриты. Черты его

лица вызвали в памяти смутные воспоминания об ассирийских скульптурах.

Даже в первый момент — момент растерянности — у Стефена возникло впечатление, что при всей нелепости такого наряда в нынешних обстоятельствах в надлежащее время и в надлежащем месте он считался бы вполне солидным и даже элегантным.

Незнакомец заговорил.

— Я пришел, — заявил он довольно торжественно.

— Э-э... да-да... — сказал Стефен. — Я... э-э... я это вижу, но как-то не совсем...

— Вы звали меня. Я пришел, — повторил человек с таким видом, будто его слова должны были все объяснить.

Вместе с замешательством Стефен почувствовал раздражение.

— Но я не произнес ни слова, — возразил он. — Я просто сидел здесь и...

— Не волнуйтесь. Вот увидите, вам не придется раскаиваться, — заверил незнакомец.

— Я не волнуюсь, я просто сбит с толку, — сказал Стефен. — Совершенно не понимаю...

Незнакомец ответил с оттенком нетерпения, без всякого пафоса на сей раз:

— Разве вы не построили железную Пентаграмму? — Оставаясь неподвижным, он сложил три пальца правой руки таким образом, что указательный, затянутый в лилово-серую перчатку палец вытянулся, указуя вниз. — И разве вы не произнесли Слово Власти? — добавил он.

Стефен взглянул туда, куда показывал палец. Пожалуй, подумал он, несколько кусков ленты на полу и образуют геометрическую фигуру, имеющую сходство с пятиугольником. Но железная пентаграмма, сказал этот тип... Ах да, конечно же, ферритовая пленка... Гм-м, ну хорошо, допустим, что-то тут есть. Хотя Слово Власти... Впрочем, голос, говорящий задом наперед, мог набрести на какое угодно слово.

— Мне кажется, — сказал Стефен, — вышла ошибка, совпадение.

— Странное совпадение, — скептически заметил человек.

— Что тут странного? Ведь совпадения иногда случаются, — сказал Стефен.

— Никогда не слышал, чтобы такое случилось. Никогда, — отрезал незнакомец. — Если уж меня или моих друзей вызывают подобным образом, то всегда ради какого-нибудь дела. А уж дело свое мы знаем!..

— Дело? — переспросил Стефен.

— Дело, — подтвердил человек. — Мы с удовольствием удовлетворим любое ваше желание. А у вас есть собственность, которую мы с удовольствием приобщим к нашей коллекции. Для этого нужно всего лишь договориться об условиях. Затем вы подписываете договор — своей кровью, разумеется, — и дело в шляпе.

Именно слово «договор» приоткрыло немного завесу. Стефен вспомнил запашок горячего шлака, наполнивший комнату при появлении незнакомца.

— Ага, начинаю понимать. Ваш визит... Значит, я вызвал духа. Вы не кто иной, как сам Са...

Незнакомец, сдвинув брови, прервал его:

— Меня зовут Бэтруэл. Я один из доверенных представителей моего Господина и располагаю всеми полномочиями для заключения договора. А теперь, если вы будете столь любезны и освободите меня от этого пятиугольника, слишком, признаться, тесного, мы со всеми удобствами обсудим с вами условия договора.

Некоторое время Стефен рассматривал незнакомца, потом отрицательно покачал головой.

— Ха-ха! — произнес он. — Ха-ха-ха!

Глаза гостя расширились. Он выглядел оскорбленным.

— Я попрошу!.. — произнес он.

— Послушайте, — сказал Стефен, — извините меня за досадный случай, который привел вас сюда. Но поймите, здесь вам делать нечего, абсолютно нечего, независимо от того, что вы собираетесь предложить.

Некоторое время Бэтруэл в задумчивости изучал Стефена. Затем он слегка поднял голову, и ноздри его затрепетали.

— Очень странно, — заметил он. — Святостью здесь и не пахнет.

— О, не в этом дело, — заверил посетителя Стефен. — Просто некоторые из ваших делишек хорошо нам известны, и — что весьма существенно — известны и последствия: не было случая, чтобы вступивший с вами в союз рано или поздно не пожалел об этом.

— Да вы только подумайте, что я могу вам предложить!

Стефен отрицательно покачал головой.

— Не старайтесь, право, — сказал он. — Я ведь привык отбиваться от вполне современных назойливых коммивояжеров. Мне приходится иметь с ними дело каждый Божий день.

Бэтруэл посмотрел на Стефена опечаленными глазами.

— Я больше привык иметь дело с назойливыми клиентами, — признался он. — Ну что ж, если вы уверены, что все это простое недоразумение, мне остается только вернуться восвояси и дать объяснения. Признаться, ничего подобного со мной раньше не происходило, хотя по закону вероятностей и должно было произойти... Не повезло! Ну да ладно. До свидания — тьфу, черт, что я говорю, — прощайте, мой друг, я готов.

Бэтруэл замер, как мумия, и закрыл глаза: теперь и лицо его одеревенело.

Но ничего не произошло.

У Бэтруэла отвалилась челюсть.

— Ну произносите же! — воскликнул он раздраженно.

— Что произносить? — спросил Стефен.

— Слово Власти! Освобождение!

— Но я его не знаю! Я понятия не имею о Словах Власти, — возразил Стефен.

Брови Бэтруэла опустились и сошлись у переносицы.

— Вы хотите сказать, что не можете отослать меня обратно?

— Если для этого необходимо Слово Власти, то, ясное дело, не могу, — сказал Стефен.

Ужас тенью лег на лицо Бэтруэла.

— Неслыханно!.. Как же мне быть? Мне совершенно необходимо получить от вас или Слово Освобождения, или подписанный договор.

— Ну что ж, скажите мне это слово, и я его произнесу, — предложил Стефен.

— Да откуда же мне его знать? — рассердился Бэтруэл. — Я никогда его не слышал. До сих пор те, кто вызывал меня, спешили поскорее состряпать дельце и подписать договор... — Он помолчал. — Все было бы гораздо проще, если бы и вы... Нет? Просто ужасно, клянусь вам. Не представляю себе, что тут делать.

В дверь носком туфли постучала Дайлис, давая знать, что несет поднос с чаем. Стефен подошел к двери и открыл ее.

— У нас гость, — предупредил он супругу: ему совсем не хотелось, чтобы она от удивления уронила поднос.

— Как же?. — начала было Дайлис, но когда Стефен открыл дверь пошире, она действительно чуть не выронила поднос. Стефен подхватил его, пока жена таращила глаза, и благополучно поставил на место.

— Дорогая, это мистер Бэтруэл... Моя супруга, — представил он.

Бэтруэл, все еще стоявший навытяжку, явно смутился. Он повернулся к Дайлис, чуть заметно наклонив голову.

— Очарован, мэм, — произнес он. — Надеюсь, вы извините мои манеры. К несчастью, движения мои ограничены. Если бы ваш муж был настолько любезен и разрушил эту пентаграмму...

Дайлис продолжала рассматривать гостя, оценивающим взглядом окидывая его одежду.

— Боюсь... боюсь, что я ничего не понимаю, — жалобно произнесла она.

Стефен постарался наилучшим образом объяснить ей ситуацию.

В конце концов она промолвила:

— Ну, не знаю... Следует подумать, что тут можно сделать, верно? Это не так уж просто — ведь он не какое-нибудь перемещенное лицо. — Дайлис в задумчивости посмотрела на Бэтруэла и добавила: — Стив, поскольку ты уже сказал, что мы не собираемся ничего с ним подписывать, может быть, разрешить ему выйти из этого?.. Ему там неловко.

— Благодарю вас, мэм, мне здесь действительно страшно неудобно, — с чувством произнес Бэтруэл.

Стефен в задумчивости помолчал.

— Ну что ж, раз он все равно здесь и мы все о нем знаем, особого вреда от этого не будет, — согласился он.

Стефен наклонился и отбросил в сторону куски ленты на полу.

Бэтруэл вышел из разорванного пятиугольника. Правой рукой он снял с себя шляпу, левой коснулся шарфа на груди. Затем повернулся к Дайлис, отвесил ей поклон — и сделал это превосходно: отставил носок ботинка, левой рукой будто опираясь на несуществующий эфес шпаги, правой держа шляпу у сердца.

— Ваш покорный слуга, мэм.

Затем повторил это упражнение для Стефена:

— Ваш слуга, сэр.

Стефен ответил на приветствие со всем старанием, сознавая, однако, что до элегантности гостя ему далеко.

Наступила неловкая пауза. Дайлис нарушила ее, предложив:

— Принесу-ка я еще чашечку.

Она вышла, вернулась и повела светскую беседу:

— Вы... э-э... вы давно не бывали в Англии, мистер Бэтруэл?

Бэтруэл, казалось, немного удивился.

— Что вас навело на эту мысль, миссис Трэмон? — спросил он.

— О, я подумала... — смутилась Дайлис.

— Мою жену приводит в недоумение ваш костюм, — объяснил Стефен. — Кроме всего прочего, простите мою нескромность, мне кажется, вы перепутали различные периоды истории. Например, стиль вашего приветствия примерно поколения на два предшествует вашему костюму.

Бэтруэл, по-видимому, был слегка озадачен и внимательно оглядел свой костюм.

— Последний раз, когда я был здесь, я особенно внимательно приглядывался к модам, — разочарованно сказал он.

В разговор снова вмешалась Дайлис:

— Пусть это вас не расстраивает, мистер Бэтруэл. Костюм прекрасный. А какой материал!

— Но не совсем в современном стиле? — проникновенно спросил Бэтруэл.

— Да, пожалуй, — согласилась Дайлис. — Вы, наверное, все слегка отстали от моды там... где вы... живете.

— Возможно, — признался Бэтруэл. — В XVII — XVIII веках у нас было много дел в этой части света, но уже в XIX количество их прискорбно сократилось. Вообще-то всегда бывают вызовы, но ведь дело случая, кого потребуют и в какой район. И так уж получилось, что в течение XIX века мне пришлось побывать здесь всего лишь раз, а в этом веке — и совсем ни разу. Так что можете представить себе, какую радость доставил мне вызов вашего мужа, с какими огромными надеждами на взаимовыгодную сделку я сюда явился...

— Ну-ну! Хватит об этом! — прервал его Стефен.

— О да, конечно, примите мои извинения. Старый боевой конь чует запах битвы, вы же понимаете.

Снова наступила пауза. Дайлис задумчиво смотрела на гостя. Всякому, кто знал ее так же хорошо, как ее муж, сразу стало бы ясно, что в сердце ее идет борьба и что любопытство берет верх.

Наконец она сказала:

— Надеюсь, ваши... э-э... командировки в Англию приносят вам не только разочарования, мистер Бэтруэл?

— О, ни в коей мере, мэм. О визитах в вашу страну у меня сохранились самые теплые воспоминания. Помню вызов одного алхимика — он жил возле Винчестера, — это случилось, по-моему, в середине XVI века. Он хотел получить хорошее имение, титул, добрую, но родовитую жену. Мы выбрали для него прелестное местечко недалеко от Дорчестера — его потомки проживают там до сих пор, насколько мне известно. Потом, в начале XVII века, был еще один довольно молодой человек. На того напала охота обеспечить себя постоянным приличным доходом и, женившись, проникнуть в высшее общество. Мы его удовлетворили, и теперь его кровь течет в жилах весьма известных персон. А несколькими годами позже еще один молодой человек (надо признаться, тупой малый) просто захотел стать знаменитым драматургом и острословом. Это было куда труднее сделать, и все же нам удалось! Не удивлюсь, если его имя помнят до сих пор. Это был...

— Все это очень хорошо, — снова прервал его Стефен. — Для потомков это одно удовольствие. Но каково предкам?

Бэтруэл пожал плечами.

— Сделка есть сделка. Контракт заключается добровольно, — убежденно сказал он. — Хотя я здесь давно не был, — продолжал он, — но от своих сослуживцев знаю, что требования клиентов, хотя и изменились в деталях, по существу остались теми же. По-прежнему ценятся титулы, особенно женами клиентов; положение в обществе, хотя бы и в таком, каким оно стало теперь. Ну и, конечно, приличная загородная вилла в Мейфере, — теперь мы оборудуем ее всеми современными усовершенствованиями. Вместо конюшни можем предложить «бент-роллсли», даже личный самолет... — с мечтательным выражением на лице повествовал Бэтруэл.

Стефен почувствовал, что самое время вмешаться в разговор.

— Подумаешь, «бент-роллсли»! В следующий раз повнимательнее изучите «Справочник потребителя». И я вам буду очень обязан, если вы перестанете искушать мою жену. Не ей придется расплачиваться за это.

— Нет, конечно, — согласился Бэтруэл. — Между прочим, весьма характерно для женщины: она платит за то, что получает, но чем больше она получает, тем меньше платит. У вашей жены жизнь стала бы куда легче: никакой работы, слуги...

— Пожалуйста, перестаньте! — взмолился Стефен. — Поймите, такой подход устарел. Мы поумнели. Ваша система потеряла всякую притягательную силу.

На лице Бэтруэла отразилось сомнение.

— Если судить по нашим отчетам, мир еще далеко не безгрешен, — возразил он.

— Предположим. И все-таки даже самая безнравственная часть его не нуждается в ваших старомодных услугах. Люди предпочитают получить побольше, заплатив поменьше, если уж приходится платить.

— Это не этично, — пробормотал Бэтруэл. — Должны же быть моральные устои!

— Возможно, но тем не менее это так. Кроме того, мы теперь более тесно связаны друг с другом. Ну, например, как, по-вашему, согласовать неожиданное получение мною титула с именованным указателем Дебре? Или внезапное обогащение — с инспекцией Подоходного налога? Или даже появление нового особняка — с Городским Управлением? Нужно уметь смотреть фактам в глаза.

— О, думаю, все это можно уладить, — сказал Бэтруэл.

— Ничего у вас не выйдет. Сейчас существует только один способ разбогатеть — это... Постойте-ка... — Стефен резко оборвал себя и погрузился в размышления.

Бэтруэл обратился к Дайлис:

— Какая жалость, что ваш муж так несправедлив к себе. У него незаурядные способности. Это же просто бросается в глаза! Если он станет обладателем небольшого капитала, какие перспективы перед ним откроются!.. А сколько в этом мире приятного для богатого человека и, конечно, для его жены: всеобщее уважение, авторитет, океанские яхты... Просто жалость берет, что он растрачивает себя по пустякам.

Дайлис взглянула на своего задумавшегося супруга.

— Вы тоже так думаете? Мне всегда казалось, что фирма его недооценивает.

— Все это происки мелких интриганов, конечно, — сочувственно произнес Бэтруэл. — Немало молодых дарований загублено ими. Но при известной независимости и, смею сказать, под руководством разумной и прелестной молодой жены я, право, не вижу причин, почему бы ему...

Но тут Стефен вернулся к действительности.

— Учебник Искушения, глава первая, не так ли? — презрительно фыркнул он. — А теперь не пора ли кончать с этим? Если вы сумеете реально посмотреть на вещи, я готов поговорить с вами о делах.

Бэтруэл просветлел лицом.

— Ага! — воскликнул он. — Я так и знал, стоит вам обдумать хорошенько все выгоды нашего предложения...

Стефен остановил его.

— Пойдите, — сказал он. — Итак, о реальных вещах... Во-первых, вы должны зарубить себе на носу, что я не собираюсь обсуждать с вами никаких условий, так что можете прекратить заигрывание с моей женой. Во-вторых — и это главное, — влипли-то вы, а не я. К примеру, как вы думаете вернуться в... э-э... ну, туда, откуда вы явились, если я не помогу вам?

— Мое предложение: помогая мне, помогите себе, — торжественно заявил Бэтруэл.

— Это всего лишь одна сторона дела, не правда ли? А сейчас слушайте меня. Перед нами три возможных пути. Первый: мы разыскиваем кого-то, кто подскажет нам нужное заклинание. Вы можете сделать это? Нет. И я тоже. Второй путь: я могу попросить священника изгнать вас. Думаю, он был бы рад оказать эту услугу. Ведь впоследствии его могли бы канонизировать за стойкость в борьбе с искушениями...

Бэтруэл содрогнулся.

— Только не это, — запротестовал он. — В XVI веке так обошлись с одним моим другом. Это была мучительная процедура, он до сих пор никак не оправится. Потерял всякую веру в себя.

— Чудесно. В таком случае у нас есть еще третья возможность. Имея в наличии кругленькую сумму денег, я (не связывая себя никакими обязательствами, разумеется) берусь найти человека, который согласится заключить с вами контракт. И тогда, имея на руках скрепленный

подписями договор, вы сможете смело доложить у себя там, что ваша миссия увенчалась успехом. Как вам нравится такой вариант?

— Ничего хорошего в нем не нахожу, — быстро ответил Бэтруэл. — Вы просто хотите получить у нас сразу две концессии за полцены. Наша бухгалтерия никогда не пойдет на это.

Стефен печально покачал головой:

— Не удивительно, что ваша фирма прогорает. За тысячи лет своего существования она, кажется, и шагу не сделала вперед от идеи обыкновенного заклада. И вы уже готовы вложить собственный капитал там, где вам предоставляется возможность взять чужой. Так вы далеко не уйдете. Послушайте мой план: вы ссужаете меня небольшой суммой, получаете свой договор, и единственный капитал, который вам придется выложить, это каких-нибудь несколько шиллингов и то из моего кармана.

— Не понимаю, каким образом это можно сделать, — с сомнением произнес Бэтруэл.

— Можно, уверяю вас. Правда, вам придется задержаться здесь на несколько недель. Будете жить у нас... А теперь скажите, вы умеете играть в футбол?

— В футбол? — растерянно повторил Бэтруэл. — Не думаю... Что это такое?

— Вы должны будете досконально изучить правила и тактику игры. Самое главное в ней — это точность удара по мячу. Если мяч попадает не совсем туда, куда предполагал направить его игрок, мяч потерян, потерян шанс, не исключено, что таким образом проиграна и игра. Понятно?

— Да, пожалуй.

— Тогда вы должны понять и то, что даже легкий толчок локтем — всего на какой-нибудь дюйм — в критический момент может многое изменить. И тогда не будет никакой нужды в неспортивной грубости или телесных повреждениях. Нужных результатов можно достигнуть, не вызывая никаких подозрений. А для этого требуется лишь, чтобы один из ваших чертенят — из тех, которых вы используете для своих шуточек, — своевременно и кого надо чуть-чуть подтолкнул под локоть. Устроить это не так уж трудно для вас.

— Совсем просто, — согласился Бэтруэл. — Но я все-таки не понимаю...

— Ваша беда, старина, что вы безнадежно отстали от времени, — сказал Стефен. — Дайлис, где у нас справочник по спортивным играм?

Через полчаса Бэтруэл уже проявлял осязаемое знание игры и ее возможностей.

— Действительно, — сказал он, — стоит немного подучить технику, и тогда ничего не стоит устроить ничью или даже поражение нужной команде... ничего не стоит.

— Точно! — радостно воскликнул Стефен. — И вот как это делается. Я заполняю купон, выкладываю на него несколько шиллингов, чтобы все было честь-честью. Вы ведете матчи, а я огребаю в тотализаторе приличные суммы — и никаких дурацких вопросов со стороны инспектора по налогам.

— Все это, конечно, хорошо для вас, — заметил Бэтруэл. — Ну а я-то, как я получу свой договор? Если вы, конечно...

— Ага, вот тут мы подходим к следующей стадии, — ответил Стефен. — В уплату за мои выигрыши я берусь найти вам клиента, скажем, в течение шести недель, а? Договорились? Тогда давайте заключим соглашение. Дайлис, дорогая, принеси-ка нам лист бумаги и немного крови... о, какой же я болван, кровь-то у меня есть, своя...

Пять недель спустя Стефен подкатил на своем «бентли» к подъезду отеля «Нортпарк», а минутой позже из подъезда вышел Бэтруэл. Идею о том, чтобы поселить Бэтруэла в своем доме, пришлось отвергнуть после первых же двух дней знакомства с ним.

Жажда искушать была второй, совершенно не поддающейся контролю натурой Бэтруэла. Это оказалось несовместимым с семейным спокойствием, поэтому Бэтруэла перевели в отель, где искушать было куда менее затруднительно и где перед ним открылись широчайшие возможности.

Теперь, выйдя из вращающихся дверей отеля, он предстал человеком, не похожим на того Бэтруэла, каким он впервые явился в гостиной Стефена. Хотя роскошные усы остались, бакенбард уже не было. Фрак уступил место серому сюртуку отличного покроя, потрясающий цилиндр — серой фетровой шляпе, а серый шарф — полосатому галстуку, который решительно ничем не напоминал гвардейский. Получился зажиточный мужчина лет сорока, при-

влекательной наружности и, несомненно, принадлежащий ко второй половине двадцатого века.

— Лезьте в машину, — предложил ему Стефен. — Бланк договора с вами?

Бэтруэл похлопал себя по карману.

— Он у меня всегда с собой. На всякий, знаете ли, случай...

Первый тройной выигрыш Стефена вопреки его надеждам не остался незамеченным. Попробуйте скрыть от людей неожиданное наследство в двести двадцать тысяч фунтов стерлингов! Перед следующей победой Стефен и Дайлис приняли все меры к тому, чтобы выигрыш остался в тайне, — а он составил еще двести тысяч фунтов стерлингов. Когда же пришло время выплатить Стефену по третьему чеку — двести двадцать пять тысяч, — у администрации возникло некоторое сомнение — она не то чтобы отказывалась платить, об этом не могло быть и речи: предсказание на купоне было написано чин-чином — чернилами, по всей форме, — но тем не менее администрация призадумалась и решила послать к Стефену своих представителей. Один из них, серьезный молодой человек в очках, принялся растолковывать Стефену закон вероятности и вывел число с потрясающим количеством нулей, представляющее якобы количество доводов против возможности выиграть подряд три раза тройную сумму.

Стефена это явно заинтересовало. Его система, заявил он, оказалась лучше, чем он предполагал, раз она устояла против невероятности, выраженной таким астрономическим числом.

Молодой человек пожелал ознакомиться с системой Стефена. Стефен отказался говорить о ней, но признал, что не прочь обсудить некоторые ее детали с главой Стадиона мистером Грипшоу.

И вот они едут на беседу с самим Сэмом Грипшоу.

Главное управление Стадиона располагалось возле одной из новых магистралей, немного в глубине, за ровной лужайкой и клумбой с цветущими сальвиями. Швейцар в галунах отдал честь и открыл дверцу машины. Через несколько минут их провели в просторный кабинет, где Сэм Грипшоу стоя приветствовал их. Стефен пожал ему руку и представил своего компаньона.

— Мистер Бэтруэл, мой советник, — пояснил он.

Сэм Грипшоу бросил беглый взгляд на Бэтруэла, затем взгляделся пристальнее. На какой-то момент глава Стадиона будто призадумался. Потом он снова обратился к Стефену:

— Итак, прежде всего должен поздравить вас, молодой человек. Вы величайший победитель за всю историю нашего Стадиона! Говорят, шестьсот пятьдесят пять тысяч фунтов... Кругленькая сумма, весьма кругленькая, в самом деле. Однако, — покачал он головой, — вы же понимаете, так дальше продолжаться не может. Не может продолжаться...

— О, почему бы и нет? — дружески заметил Стефен, когда все сели.

Сэм Грипшоу опять покачал головой:

— Один раз — удача, второй раз — необыкновенная удача, третий уже дурно пахнет, четвертый может пошатнуть все предприятие, пятый будет означать почти банкротство. Никто ведь не поставит и шиллинга против дохлого дела. Это же ясно... Итак, у вас есть своя система?

— У нас есть система, — поправил Стефен. — Мой друг, мистер Бэтруэл...

— Ах да, мистер Бэтруэл, — сказал Сэм Грипшоу, снова внимательно его разглядывая. — Полагаю, вам не очень хочется посвящать меня в вашу систему?

— А как вы думаете? — спросил Стефен.

— Думаю, что нет, — кивнул Сэм Грипшоу. — Но и вы... Не можете же вы до бесконечности продолжать это...

— Только потому, что это разорило бы вас? Разумеется, это нам абсолютно ни к чему. Честно говоря, в том и состоит причина нашего визита к вам. Мистер Бэтруэл собирается вам что-то предложить.

— Послушаем, — сказал глава Стадиона.

Бэтруэл встал.

— Мистер Грипшоу, у вас прекрасное дело. И будет чрезвычайно обидно, если публика вдруг потеряет интерес к вам, обидно и за публику и за вас. Останавливаться на этом нет надобности хотя бы потому, что я знаю, вы воздержались от широкого оповещения публики о третьем выигрыше моего друга мистера Трэмона. Смею сказать, вы поступили мудро, сэр. Это могло бы вызвать некоторое охлаждение, уныние... Однако я могу предложить вам способ, с помощью которого вы навсегда освободитесь от угрозы возникновения подобной ситуации. И это не будет стоить вам ни пенни. Но все-таки... — Здесь им овладел

дух искушения, и он стал похож на художника, который взял в руки свою любимую кисть.

Сэм Грипшоу терпеливо выслушал его вплоть до заключительных слов:

— ...и в уплату за это — за пустую формальность, я бы сказал, — я обязуюсь не помогать больше ни нашему другу, мистеру Стефену Трэмону, ни кому-либо другому в... э-э... предсказаниях. С кризисом, таким образом, будет покончено, и вы сможете продолжать свое дело с той убежденностью, которой, я уверен, ваше дело заслуживает.

Роскошным жестом он достал из кармана бланк договора и положил его на стол.

Сэм Грипшоу взял договор и просмотрел его. К несказанному удивлению Стефена, глава Стадиона согласился, не колеблясь ни минуты.

— Вроде бы все так. Боюсь, мне нечего возразить. Хорошо, подписываю.

Бэтруэл счастливо улыбнулся. Он выступил вперед с маленьким аккуратным перочинным ножиком в руке.

Поставив подпись, Сэм Грипшоу обернул чистым платком свое запястье. Бэтруэл взял договор, отступил на шаг, помахивая бумагой, чтобы высохла подпись. Затем с видимым удовольствием рассмотрел ее, осторожно сложил договор и положил его в карман.

От восторга он снова потерял представление о времени и отвесил свой элегантный поклон в стиле восемнадцатого века.

— Ваш слуга, джентльмены! — и исчез неожиданно, не оставив после себя ничего, кроме слабого запаха серы в воздухе.

Последовавшее за этим молчание прервал Сэм Грипшоу:

— Ну вот, от него мы избавились... он не появится здесь, пока кто-нибудь еще не вызовет его. Итак, вы не в проигрыше, молодой человек, верно? Вы положили в карман более полумиллиона, продав ему мою душу. Вот это я понимаю, деловые способности! Мне бы ваш талант, когда я был молод.

— Вы, однако, не очень-то расстроены, а? — со вздохом облегчения заметил Стефен.

— Да, этот договор меня нисколько не беспокоит, — ответил мистер Грипшоу. — Пусть беспокоится он там. А вам и невдомек, а? Вот уже тысячи лет, как он и ему подобные занимаются этим делом, и до сих пор никакой

системы. А ведь сейчас в любом деле самое главное — это организация, то есть чтобы все нити были в ваших руках и вы бы знали, что к чему и где что. А эти... они просто старомодны. Много воды утечет, прежде чем они постигнут самое главное.

— Да, не особенно искусны, — согласился Стефен. — Но признайтесь — то, чего он добивался, он все-таки получил.

— Ха! Дайте срок. Он еще заглянет в картотеку, если, конечно, они имеют представление о картотеке... Откуда, по-вашему, я взял капитал для своего Стадиона?..

Содержание

Жизель

Жизель, пер. Е. Людникова	7
Недоглядели, пер. М. Бирман	19
Подарок из Брансуика, пер. Е. Людникова	29
Китайская головоломка, пер. М. Левина	43
Эсмеральда, пер. М. Левина	63
Рада с собой познакомиться, пер. М. Левина	75
Уна, пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер	91
Дела сердечные, пер. С. Куриной	116
Я в это не верю!.. пер. М. Бирман	124
Колесо, пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер	143
Будьте естественны, пер. С. Куриной	151
Уснуть и видеть сны, пер. М. Бирман	160
Неиспользованный пропуск, пер. М. Бирман	173
Неотразимый аромат, пер. М. Бирман	179
Арахна, пер. Е. Людникова	188

Ступай к муравью

Ступай к муравью, пер. М. Бирман	201
Странно... пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер	252
Где же ты теперь, о где же ты, Пегги Мак-Рафферти?, пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер	263
Прореха во времени, пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер	297
Поиски наугад, пер. Ю. Кривцова	313
Большой простофиля, пер. Ю. Кривцова	351

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Собрание фантастических произведений в 5 томах

Том пятый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Пикович*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:
И. Леонтьев
Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 17.10.95. Формат 84×108/32.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 19,32. Тираж 15000 экз.
Заказ № 1153. С 135.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Жизель

О великой силе привычки, о созданиях удивительных и разных, о невероятном и обыденном повествуют замечательные рассказы этого сборника

Ступай к муравью...

После того, как выведенный не в меру ретивым ученым вирус истребил мужскую половину человечества, женщины решили обустроить общество более разумно. Но благими намерениями вымощена дорога в ад...

